

ЛАБИРИНТ

Дмитрий Болотин

18+

Дмитрий Болотин

Лабиринт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43713618

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-08994-5

Аннотация

Что бы Вы предприняли, если бы узнали, что Вас и близких Вам людей собираются в ближайшее время убить? Андрею, руководителю среднего звена, на протяжении трёх недель неоднократно предстоит задуматься над этим вопросом, постоянно выбирая между добром и злом. Всякий раз решение необходимо принять максимально быстро, так как с каждым днём количество жертв растёт и убийца подбирается всё ближе. Книга представляет собой понимание автором книг Эриха Фромма, оформленных в виде художественного романа.

Содержание

РАБОЧИЕ ВОПРОСЫ	4
СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО	30
СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ	49
ДАЧА РОДИТЕЛЕЙ	66
ТРИ ДРУГА	98
ЗАВОД В ХИБИНАХ	131
ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ	148
ПРОПАВШИЕ КОЛЛЕГИ	169
ЗАМКНУТОЕ ПРОСТРАНСТВО	188
ПОПЫТКА ПОБЕГА	209
ЗАПИСИ С КАМЕР	225
ИГРА В ПРЯТКИ	257
ПОЛИЦЕЙСКИЙ УЧАСТОК	285
КЛЮЧИ ОТ ШКАФЧИКА	300
СЛУЧАЙНОЕ ЗНАКОМСТВО	327
РЫБАЛКА С ДРУГОМ	356
ПРОГУЛКИ НА ПРИРОДЕ	378
ИСЧЕЗНОВЕНИЕ И НАХОДКА	399
СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ	411
ЛЕСТНИЧНАЯ ПЛОЩАДКА	438
РАЗГОВОР ПО ДУШАМ	460
ЭПИЛОГ	483

Дмитрий Болотин

Лабиринт

РАБОЧИЕ ВОПРОСЫ

Впереди вдаль уходили рельсы железной дороги, по которой стремительно нёсся Сапсан. Никогда раньше не был в кабине поезда и даже не мог себе представить, как машинист им управляет. Скорость в двести тридцать километров в час практически не ощущалась, по крайней мере по сравнению с автомобилем. В этот момент я понял, насколько приятно иметь знакомого машиниста. С Лёшей мы были знакомы уже семь лет: встретились, когда я ещё только-только окончил университет.

– Лёша, а какая максимальная скорость у этого поезда? – спросил я, посмотрев в его сторону и отвлёкшись от созерцания пейзажа спереди.

Лёши в кабине не было, что было странно, ведь я, разумеется, не умел управлять поездом, и оставлять меня одного в кабине было по меньшей мере опрометчиво, хотя дорога была прямая и в кабине было столько электроники, что я бы не удивился, узнав, что поезд едет на автопилоте. Вероятно, так и есть, так что для машиниста нет никакой проблемы в том, чтобы отлучиться в туалет.

Сегодня был приятный солнечный день и мимо пролетали зелёные рощи, огороженные от железной дороги таким же зелёным металлическим забором. Мне нравилась скорость, с которой мы ехали, и особенно впечатляла мысль о том, каков на такой скорости импульс у поезда весом в несколько сотен, а может быть, даже и тысячу тонн. Впрочем, несложно подсчитать, зная я точные данные – убийственная мощь.

Я смотрел на две параллельные плавно текущие металлические рельсы, глядя на которые в отрыве от всего остального, вряд ли возможно было понять то, с какой скоростью мы по ним несёмся. Гладкие. Блестящие. Ровные. Где-то вдалеке гудел встречный поезд; если приглядеться, то он был виден километрах в двух впереди. Заманчиво – одно дело, сидя в пассажирском вагоне, сбоку видеть пару секунд проезжающий поезд, и совсем другое – наблюдать, как он стремительно приближается на тебя спереди.

Сердце на мгновение сжалось, чтобы потом бешено забиться в груди, и ноги налились свинцом. Поначалу я даже не мог пошевелиться, но затем всё-таки понял, что нужно было как можно быстрее выйти из кабины и постараться максимально далеко пробежать вглубь поезда. Лишь две параллельные плавно текущие рельсы: не знаю, где встречные пути, но глаза не вращали – их не было. Может, их ремонтировали или здесь участок реверсивного движения? Сейчас это, впрочем, имело мало значения.

– Лёша! Лёша! Открой чёртовой дверь! Тут поезд! – ло-

мился я из кабины машиниста в закрытую снаружи дверь. – Тут поезд!

Что за бред! Две минуты назад, когда всё было так хорошо, рядом со мной были и квалифицированный машинист, и более или менее привлекательная стюардесса, принёсшая нам по чашке чая. И теперь, когда возникла потенциально аварийная ситуация, я, человек настолько не умеющий управлять поездом, что даже не знающий, где педаль тормоза (педаль ли, может, рычаг или кнопка?), стою посреди запертой небольшой комнатёнки один.

Громкость гудения встречного поезда лавинообразно увеличивалась, и нас отделяло уже метров триста. В этот момент я проникся тщетностью каких-либо действий с моей стороны. Да и Лёша, если даже вдруг впрыгнет в кабину, уже не успеет нас остановить. Ситуация вовсе не была потенциально аварийной – она была фатальной. Наверно, мне не было бы в такой степени страшно, если бы со мной был хоть кто-то, но я был один. Я неоднократно слышал о том, как перед реальной угрозой смерти у людей перед глазами проносится вся жизнь, но я был настолько опустошён, что в голове не было ни единой мысли. Всем телом я ощущал лишь одно – всепоглощающее осознание неотвратимости столкновения и бессмысленность моего нахождения здесь. Ведь если человека сбивает машина, то, по крайней мере, в машине остаётся серьёзная вмятина или, в том случае, если человек падает с крыши, то вмятина остаётся в асфальте, а изувеченные тела

жертв вызывают шок в глазах окружающих, надолго откладываясь в их воспоминаниях – так или иначе после человека остаётся хоть что-то, кроме его тела, говорящее о том, что он был. Но здесь, при лобовом столкновении двух поездов, вряд ли имело большое значение содержимое кабины машиниста – вместо меня здесь могло быть плывущее по воздуху семечко одуванчика.

За мгновение до того, как произошёл удар, я попытался разглядеть силуэт машиниста встречного поезда, но не обнаружил в нём никого. Это безумное, не прекращающееся ни на мгновение гудение было настолько сильно, что я сжался, прикрыв уши ладонями.

Открыв глаза, я поначалу не сразу понял, что лежу в кровати. Протянув руку к звонящему телефону, я думал о том, что за козёл звонит мне с самого утра.

– Алло, Андрей Александрович? – в трубке был приятный женский голос.

– Да, здравствуйте.

– У меня для Вас есть уникальное финансовое предложение.

– Какого рода?

– Вы когда-нибудь слышали о рынке форекс?

– До свидания.

Я повесил трубку и ещё пару мгновений пытался обратно уснуть, однако стоящий перед глазами поезд убедил меня в том, что встать и пойти умываться, забыв об этом жутком

сне уже через пару мгновений, является лучшей альтернативой. На часах было девять сорок три, и я, пожалуй, был даже рад, что эта тупая овца разбудила меня своим бездарным звонком. Давно пора было встать, но я даже не помнил о том, как выключил с утра будильник, который вечером ставил на восемь.

Надо было заскочить сегодня на работу перед отлётом в Нижний Новгород, и в голове я прокручивал минимальный список вещей, которым я мог бы обойтись во время этой двухдневной командировки. С одной стороны, не хотелось брать с собой тяжёлую сумку – да и глупо было с собой брать избыточное количество вещей – но, с другой стороны, было не менее глупо не взять с собой нужные вещи и испытывать неудобства от их отсутствия, несмотря на то, что можно было бы их и взять. Ладно, главное – не забыть ноутбук, а остальное можно будет при необходимости докупить. В последнее время приходится ездить всё чаще. Если ещё года два назад приходилось вести дела при личной встрече в других городах раза два-три в год, то теперь такие путешествия занимают значительную часть времени, и приходится уезжать из города раза два в месяц. В принципе, это довольно-таки увлекательно: есть возможность посмотреть что-то новое и сменить обстановку. Но порой бывает тяжело, особенно при перелётах со значительной сменой часовых поясов, а выглядеть нужно всегда бодрым и жизнерадостным. Не для того я езжу на встречи, чтобы меня запоминали уставшим человеком.

В квартире ещё не до конца выветрился запах ремонта: в эту тридцатисемиметровую студию я переехал всего три месяца назад. При разводе с женой мы условились на том, что я оставляю ей квартиру, а себе заберу машину. Такой расклад при разделе имущества выглядел для неё весьма удовлетворительным, и с моей стороны, в некоторой степени даже благородным, ведь она не знала о том, что в сейфе у меня лежало четыре миллиона рублей, которые мне удалось скопить за год, после того как неминуемость развода стала очевидной. Пришлось, правда, ещё несколько месяцев пожить в арендованных апартаментах прежде, чем удалось собрать сумму, хватившую на покупку квартиры. Мой полуторагодовой паджерик, оставшийся после развода, пришлось продать, чтобы сделать ремонт и поскорее въехать в своё новое жилище. Хотя, если говорить откровенно, я искал любую причину избавиться от этого автомобиля: большие высокие машины нравились бывшей жене, и это было единственной причиной, по которой я купил тот автомобиль. Мне он совершенно был не по душе.

Несмотря на то, что под конец совместной жизни у нас часто были скандалы, сам развод прошёл довольно-таки мирно, благо мы не успели завести детей и процесс удалось реализовать без привлечения суда. Тем не менее, на протяжении месяца после решения о разводе мне пришлось методично стараться успокаивать взрывной темперамент супруги для того, чтобы процесс развода был гладким. Не люблю

конфликты и всячески стараюсь их избегать, по крайней мере, те, что могли бы опорочить мою репутацию и выставить меня в глазах окружающих мелким человеком. Однако в душе я чувствовал, что развод – это моё личное поражение. Я пытался себя убедить в том, что это правильное решение и нам обоим будет друг без друга лучше. И, несмотря на то, что моя жизнь действительно стала более спокойной оттого, что стало одним человеком меньше, который изо дня в день пытался бы меня выводить из себя, – это определённо было поражение. Необходимо было предпринять какие-либо меры тогда, когда ещё можно было что-то исправить, но я этого не сделал. Не сделал не потому, что не мог, а потому что не хотел.

Мы познакомились в общежитии ещё будучи студентами. Я был на четвёртом курсе физфака, а она на втором курсе экономического факультета. Раньше я никак не мог понять, что вынуждает людей после многих лет брака разводиться по причине несходства характеров. Казалось, что если люди изначально сошлись и начинали жить вместе, то и идейно развиваться они должны в одном направлении, так как вместе сталкивались с одними и теми же трудностями и переживали одни и те же события. Почему-то у нас этого не произошло, и после пяти лет совместной жизни мы стали всё больше отдаляться друг от друга, придя, в итоге, к совершенно разным взглядам на жизнь. Когда мы познакомились, я и сам удивился тому, что меня привлёк человек гуманитарного скла-

да ума. Думаю, что между нами всегда были фундаментальные различия в мышлении; жаль, что потребовалось семь лет на то, чтобы они всплыли на поверхность. Тем не менее, вопреки тому, что творилось последние пару лет, первые годы жизни с ней было приятно вспоминать.

Панорамные окна на одной из четырёх стен выходили на оживлённый проспект, на котором ещё не рассосалась утренняя пробка. Пока соберусь, машин уже не будет. По крайней мере, они будут ехать, а не стоять. С последнего, двадцать второго этажа дома открывался великолепный вид на город, и я любил по утрам стоять с кружкой свежесваренного кофе и смотреть на бегущих на работу людей, похожих с этой высоты на муравьёв. Вид сегодня был бы ещё лучше, если бы не этот морозящий дождь и серое небо, которые для Питера были скорее типичны, нежели редки.

Приняв душ и почистив зубы, я залил овсянку молоком и поставил в микроволновку. Зазвонил телефон, который я рефлекторно поднёс к уху.

– Алло, Андрей, привет! Ты сегодня на работе будешь?

– Привет, Алина! Да. Что-то срочное?

– Не срочно, но лучше обсудить сегодня.

– Хорошо, часа через полтора буду. Пока.

– До встречи.

Я включил кофемашину и поставил себе двойной эспрессо, который любил пить с молоком. Я всегда брал наиболее крепкий сорт кофе с максимальной обжаркой. С учётом вы-

ставленного на кофемашине самого мелкого помола получался тройной концентрат, который, кроме меня, мало кто мог пить, по крайней мере, мало кто мог пить его с удовольствием. Правда, не так-то часто теперь ко мне приходят гости. Гости бывали раньше, ещё на прошлой квартире, когда их приглашала жена.

Опять зазвонил телефон. Они там что, стоворились, что ли?

– Алло.

– Андрей Александрович, а Вы сегодня планируете быть на работе? Пару бумажек подписать нужно. Можно, конечно, и не сегодня, но лучше сегодня, Вы ведь уедете до четверга. В принципе, мы с Вами можем и в городе где-нибудь пересечься, если Вы здесь сегодня появляться не планируете! – Маша типичным для неё образом излишне много говорила и изливала на меня абсолютно весь поток мыслей, происходящих у неё в голове. Тем не менее, она была очень ответственным и пунктуальным человеком, и я ни разу не пожалел о том, что нанял её своим секретарём.

– Я приеду приблизительно через полтора часа.

– Хорошо, спасибо. Оставлю у Вас на столе.

– Хорошо, до встречи.

Пока я разговаривал, уже и кофе сварился, и каша приготовилась. Я быстро поел и подошёл к окну с чашкой. Не то чтобы я был фанатичным любителем кофе – дома и чай был. Утренняя чашка кофе была для меня скорее ритуалом,

чем каким-то реально необходимым делом. Хотя, пожалуй, именно ритуальность этого действия делала его даже более важным, чем прочие дела, которые я мог бы делать по утрам. Это было ознаменованием начала нового дня.

За окном женщина, стоя на тротуаре, помахивающими жестами рук помогала водителю седана припарковаться задним ходом перпендикулярно прохожей зоне в узком проёме между машинами. Мужчина медленно сдавал назад, поглядывая в открытое окно на женщину, и всё больше наезжал кормой автомобиля на тротуар. Остановился он лишь тогда, когда задние колёса упёрлись в бордюр, а задняя часть автомобиля заняла более половины прохода для пешеходов. Циничность этого действия меня всегда поражала. Как и предполагалось, уже через минуту паре молодых мамочек с колясками пришлось обходить эту машину по газону.

Обжигающая горечь густой чёрной жижи окончательно меня взбодрила, и я начал собирать сумку в поездку. Упаковав ноутбук и минимальный комплект вещей, а также убедившись, что не забыл паспорт, я обулся и вышел из квартиры. Через минуту я уже стоял недалеко от входа в подъезд и затягивался сигаретой. Это было прекрасно: ни одну сигарету за день я не выкуривал с тем удовольствием, с которым выкуривал первую сигарету с утра. Мне нравилось курить, хотя последние лет пятнадцать я с переменным успехом пытался бросить. Единственное, что омрачало для меня эту привычку, были мысли о том, что у меня может развиться

рак. Особенно горячи эти мысли были вечером перед сном, когда я один лежал в кровати. Успокаивал меня лишь тот факт, что мои ближайшие родственники курили всю жизнь и вполне успешно разменяли седьмой десяток, а более старшее поколение умерли от сердечной недостаточности, а не от рака. Хоть это и не гарантировало того, что со мной всё будет в порядке, по крайней мере, можно было ожидать, что у меня нет генетической предрасположенности в онкологии.

Докурив, я зашёл обратно в подъезд и спустился на подземную парковку. Дойдя до своего парковочного места, я сел в чёрную SQ5, взятую на год в лизинг, и выехал на работу. Через год выкуплю её, если не надоест. Успешно преодолев первые пару километров в плотном потоке машин, я выехал на КАД и теперь мог в своё удовольствие нестись в крайней левой полосе сто семьдесят километров в час. Раздражали только попутные машины, которые зачем-то вылезали в мой ряд на существенно меньшей скорости. Многие, конечно, заблаговременно перестраивались, давая мне дорогу, но некоторых, особенно тупых баранов, приходилось объезжать. Я никогда не моргал дальним светом таким машинам, так как считал это проявлением неуважения и поступком, недостойным меня – как-никак, это я нарушал правила, а не они – поэтому ограничивался парой тихих матюгов во время объезда справа. Я неоднократно задавал себе вопрос о том, зачем я так быстро еду, если никуда не тороплюсь. Ведь если ехать в общем потоке машин, то и стресса никакого не бу-

дет, да и думать во время движения можно будет о чём-то своём, не отвлекаясь на дорожную обстановку. Я даже пытался раньше ехать медленно, как все, но дольше нескольких минут не мог сохранять на магистрали такую скорость – раздражало. Я раздражал сам себя и в итоге нервничал из-за этого ещё больше, чем при объезде всяких еле тащащихся по дороге баранов. Думаю, что такая манера езды служила мне эмоциональной разрядкой, а может, я просто привык всё в жизни делать максимально быстро. Может показаться парадоксальным, но ко всем остальным правилам дорожного движения, за исключением скоростного режима, я относился с большим уважением и, насколько я помню, ни разу в жизни не получал штрафа за что-либо иное, кроме как за превышение скорости.

В этом автомобиле я не получал такое удовольствие от езды, как на своих предыдущих машинах. Слишком тихо и плавно шла. Когда я ехал на своей первой машине, пятилетней иномарке на девяносто лошадиных сил, купленной через полгода после окончания университета, я всем нутром мог прочувствовать то, как быстро еду. Можно было даже не сильно переживать по поводу того, что превышу скорость более, чем на шестьдесят километров в час, так как быстрее она просто не ехала, и я просто утапливал педаль газа в пол. Жаль, что двигатель сгорел через семь месяцев после покупки, и пришлось её продать.

На работе кипела жизнь. В моём отделе было двадцать

три человека: я – руководитель, Маша – секретарь, Алина – возглавляющая лабораторию физических испытаний разрабатываемого нами топлива, с семью лаборантами в штате, и Паша – возглавляющий химическую лабораторию с двенадцатью лаборантами. В целом, Алина и Паша, безусловно, были отличными знатоками своего дела, но не сильно превосходили по своим профессиональным качествам наших рядовых лаборантов. Однако у них была одна очень важная особенность – я им доверял. Моё доверие к ним заключалось не только в уверенности, что они могут эффективно справиться с непредвиденными ситуациями в моё отсутствие, но и на межличностном уровне: я не ждал от них подвохов и недомолвок, так как даже в тех редких случаях, если они допускали ошибки, они не пытались, поджав хвост, переложить ответственность за них на других, и что самое главное, проявляли инициативу в нашей работе. Алину я повысил из лаборантов в заведующую лабораторией два года назад, через день после того, как возглавил отдел, и таким переходом освободил соответствующую должность, которую сам до этого занимал, а Пашу привлёк год назад извне, познакомившись с ним в одной из командировок, вроде той, в которую улетаю сегодня.

Залетая в свой кабинет, я поздоровался с Машей и кратко сообщил о том, чтобы она незамедлительно пригласила ко мне Бориса – лаборанта-химика, и назначила встречу с Пашей через двадцать минут. Я брал время с запасом, так как

ориентировочно рассчитывал потратить на первый разговор максимум минут десять. За мгновение до того, как Борис постучал в дверь, я освежил в памяти его отчество в кадровых документах.

– Борис Викторович, заходите, присаживайтесь! – пригласил его я, показывая жестом руки на стул, стоящий у моего стола.

– Здравствуйте, Андрей Александрович, Вы хотели меня видеть?

– Да! – я на пару секунд замолчал и подождал, пока он удобнее устроится на стуле. – Как Вы помните, Вас несколько раз ловили на том, что Вы приходили на работу в весьма помятом состоянии, – в голове проскочила мысль, что с таким перегаром, как он, я даже на пары по понедельникам не позволял себе приходиться, когда был студентом, – и затем, когда у нас на носу была сдача одного из продуктов, Вы взяли отгул на неделю, обещая, что по возвращению наверстаете все дела.

– Да, всё так. Мне жаль, что так получилось до моего отгула, и я, как Вы помните, дал Вам слово, что это не повторится. А отгул взял по причине плохого самочувствия. Понимаете, на данный момент я в процессе развода с женой, и у меня сейчас немного тяжёлое время. Думаю, что это и подкосило моё здоровье на прошлой неделе – схватил грипп какой-то. Но я действительно всё наверстаю. Если нужно принести больничную справку, то завтра она будет у Вас.

Борис в свои сорок два года сидел и оправдывался передо мной как маленький мальчик, причём врал он весьма неумело. Его ложь была бы для меня очевидной даже в том случае, если бы я не знал реальных фактов: ведь этот идиот был настолько тупой, что выложил в социальную сеть фотографии о том, как он отдыхал всю неделю на Кипре и развлекался с какой-то шлюхой (или, быть может, женой). Он что, думал, что я за ним не слежу?! Хотя, нужно отдать ему должное – необходимо было постараться за пять дней на Кипре не загореть, чтобы не скомпрометировать себя. Да ещё и этот развод приплёл, рассчитывая на моё снисхождение и солидарность. Он-то откуда знает, что я развёлся?! Интересно, действительно ли он разводится? Интересен не сам факт, а то, сумею ли я понять, говорит он правду или нагло мне лжёт.

– Борис Викторович, боюсь, что мы вынуждены расторгнуть с Вами трудовые отношения. Мы, как Вы знаете, многократно шли Вам на уступки, и мне очень жаль, что у Вас сложилась такая тяжёлая ситуация. Я понимаю, что, вероятно, развод с женой может быть психологически тяжёлым моментом в жизни, подрывающим, в том числе, и иммунитет, но Вы и нас поймите, у нас очень жёсткие сроки сдачи продуктов, и мы не можем рисковать исполнением обязательств из-за непредвиденных ситуаций. К тому же, так или иначе, Вы работаете в химической лаборатории, являющейся потенциально вредным местом, и это также может способствовать тому, что Вы неважно себя чувствуете. Мне кажется, что с

моей стороны будет правильным посоветовать Вам сменить место работы на то, где Вы могли бы чувствовать себя более свободным без привязки к жёстким временным условиям.

– Вы хотите меня уволить? – Борис выглядел одновременно удивлённым и подавленным, и мне даже на мгновение показалось, что у него на глазах навернулись слёзы. Меня всегда поражало недоумение на лицах увольняемых мной людей. Такое ощущение, что они считали себя такими великолепными работниками, что факт их увольнения был для них не только не очевиден, но и вовсе абсурден.

– Да, но я не хочу оставить Вас ни с чем. Я разговаривал вчера со своим приятелем, занимающимся так же, как и мы, топливным бизнесом, но немного с другим уклоном, и он сказал, что готов рассмотреть Вашу кандидатуру на вакансию сотрудника своей компании. Вот, возьмите его номер, скажите, что от меня! – я протянул ему визитку с номером телефона своего знакомого, отвечающего за работу сети бензозаправок в нашем регионе, с которым мы договорились отправлять друг другу увольняемых сотрудников для прохождения собеседования, которое, разумеется, хоть и никогда не заканчивалось принятием на работу, позволяло избежать проблем с фрустрированным увольнением людьми. Так они уходили мирно, понимая, что о них позаботились и направили в другое место, а к тому моменту, как их не брали на рекомендованное место работы – а мы специально растягивали это недели на две – они уже успевали смириться с тем,

что на первом месте работы их никто не ждёт.

– Ну что ж, и на том спасибо! – Борис угрюмо и недоверчиво разглядывал серебристую визитку с номером. Он, как и прочие сотрудники моего отдела, не стал вступать со мной в открытую дискуссию, однако это ещё не означало того, что он что-либо не замыслил против меня.

– Знаете, Борис Викторович, позвоните по этому номеру прямо сейчас. Я действительно переживаю за Вас! – я протянул ему свой телефон, хотя, естественно, понимал, что он позвонит по своему. – Если возникнут какие-либо проблемы, то просто передайте трубку мне, и я всё улажу!

Он достал свой телефон и набрал номер. Когда с другой стороны взяли трубку, Борис услышал приятный, но деловой женский голос секретаря, которая выслушала его и уверила, что сотрудникам, которых рекомендует им Андрей Александрович, у них всегда рады, и они с особым отношением подходят к рассмотрению их резюме. Собеседование назначили на завтра в середине дня. Через две минуты он уже вполне жизнеспособный шёл в отдел кадров, которым я успел позвонить и сказать, чтобы они сегодня же отдали ему документы и что я не намерен видеть его здесь ещё две недели. Всё прошло даже лучше, чем я ожидал.

Пока я ждал Пашу, успел подписать документы, которые оставила у меня на столе Маша, и передал их ей. Паша пришёл ровно через двадцать минут. Ради забавы, каждый раз, когда я прошу его ко мне зайти, я засекаю время на секун-

домере своих часов. Видимо, он – тоже, так как приходит с погрешностью не более пятнадцати секунд.

– Привет, Андрей! Ты хотел меня видеть?

– Привет! Я только что уволил Бориса.

– Эм, ясно, но мог бы поставить меня в известность заранее, а не *post factum*. К тому же, это мог бы сделать и я, – Паша даже несколько замялся от того, что я сделал за него эту грязную работу.

– Я не хотел тебя дёргать посторонними проблемами: как-никак ты сейчас весь в работе над завершением проекта, вот и решил, что сам с ним поговорю, – объяснил я, хотя на самом деле причина была в том, что Паша был в силу темперамента и возраста, а ему было двадцать семь лет, слишком бойким. Вкупе с тем, что Борис был типичным мужиком среднего возраста с начинающейся сединой и заканчивающейся надеждой на более светлое будущее, в лучшем случае это могло бы кончиться скандалом или самоубийством Бориса, а в худшем – судом по защите прав трудящихся.

– Кстати о проекте, – встрепенулся Паша, – Борис в нём участвовал. Я понимаю, что проку от него было меньше, чем от остальных, но всё-таки, когда мы обсуждали то, что проект будет завершён к первому октября, я исходил из того, что он будет у нас работать.

– Когда ты сможешь закончить, с учётом того, что Бориса с нами больше нет?

– Ну... – Паша посмотрел на календарь, висящий на сте-

не и показывающий четырнадцатое сентября, – к пятому октября, думаю, управимся.

– К пятому, так к пятому. Если управитесь к первому, выплачу тебе половину месячной зарплаты Бориса за то, что вы сделаете за него работу. При желании сможешь раскидать эту сумму по ответственным за исполнение лаборантам.

– Хорошо, разберёмся.

– Только числу к двадцать пятому дай мне знать, когда вы в итоге планируете управиться.

– Хорошо! – сказал Паша и ушёл работать.

У меня не было сомнений в том, что всё будет сделано к первому числу. И дело было даже не в том, что я пообещал Паше денежное вознаграждение. Я плачу ему столько, что половина зарплаты Бориса для него не более, чем пшик. Я позвал его на эту должность, потому что он в своё время показался мне ответственным человеком, дорожившим своими словами, и я ни разу не усомнился в правильности своего выбора. Его оговорку про пятое октября я воспринимал лишь как сообщение о том, что ему и его людям из-за моего решения придётся в ближайшие две с половиной недели работать больше и чтобы я это знал. Уверен, что из той суммы, что я ему обещал, он себе не возьмёт ни рубля, а распределит её по двум-трём лаборантам, участвующим в проекте.

Я позвал Машу и сообщил ей о том, что нам нужен новый человек в химическую лабораторию: чтобы она согласовала это с отделом кадров и заблаговременно сообщила Паше

о дате собеседования. Поначалу я принимал непосредственное участие в найме лаборантов, но теперь у меня на это совершенно не было времени. Как правило, на такие должности идут молодые люди, недавно окончившие научно-технические ВУЗы (как и я в своё время), а их так много, что найти более или менее адекватного кандидата не составляет труда. Сорокадвухлетний Борис, как и ещё несколько человек в коллективе, был, скорее, исключением из этого правила. К тому же, в этом плане, нет времени года лучше для того, чтобы уволить сотрудника, чем сентябрь. Большая часть выпускников, имеющих посредственные способности, уже устроились на первое попавшееся место работы, а более амбициозные как раз ещё не нашли работу своей мечты и уже начинали впадать в отчаяние, которые мы могли развеять, предложив им чуть более высокую, чем в среднем по рынку, зарплату, которая в любом случае для людей без опыта работы была не очень большой.

Я позвонил Алине и предложил ей пообедать в ресторане недалеко от работы. Она сказала, что будет готова в полвторого, а это значит, что у меня было ещё полчаса свободного времени. Гудок машины за окном напомнил мне про сегодняшний сон, что зародило во мне поток размышлений о нём. Интересно, почему в роли машиниста выступил Лёша? Из всего моего нынешнего окружения он был человеком, которого я знал дольше всех, и я считал его своим другом – одним из двух моих друзей. Поэтому, в целом, я был

не удивлён тем, что он фигурировал в моём сне. Но почему он, а не Саша? Обычно, если кто-то меня и втягивал в различного рода авантюры, то это, несомненно, был именно Саша, а не Лёша, который вёл довольно размеренный образ жизни, проводя большую часть времени со своей женой и маленькой дочкой. Несмотря на то, что я будучи студентом читал «Толкование снов» Фрейда и несколько смежных книг по психологии, я был далёк от того, чтобы реально понимать суть многих моих снов. Единственное, что я запомнил, что в первую очередь нужно смотреть на эмоциональный фон сна, а не на его сюжет. С этой точки зрения, в этом сне не было ничего выдающегося: я действительно чувствовал себя весьма одиноким человеком. И всё же странно, что я его запомнил. Через пару минут я сумел провести аналогию формы Сапсана и его скорости с самолётом, на котором мне сегодня предстояло лететь, но дальше продвинуться не получилось. Наверно, некоторые бы посчитали катастрофу во сне предзнаменованием падения самолёта, но я, как человек с красным дипломом физфака, был далёк от подобных суеверий.

Алина зашла ко мне в положенное время, и мы вышли пообедать. В нашем здании была столовая, и в ней мы тоже часто ели – причём, зачастую большей частью нашего отдела – и вели непринуждённые и весёлые беседы. Иногда сотрудники рассказывали увлекательные и нетривиальные истории из своей жизни, и я всегда радовался тому, что имею дело с такими людьми, как они, а не с серым офисным планкто-

ном. Я и сам мог многое рассказать о своей жизни. Историй, поражающих своей абсурдностью, со мной случалось немало. Конечно, детали я всегда гиперболизировал для большего смеха, но по основному содержанию историй никогда не врал. В остальных случаях мы просто вели светские беседы о текущих ситуациях в мире, городе или, на худой конец, работе. Тем не менее, сегодня я хотел поговорить с ней наедине. Алина была привлекательной девушкой, хоть и была совсем не в моём вкусе. То есть, безусловно, внешние данные у неё были отменные, но она была типичной бизнес-леди, целиком отдавшей карьеру и немного своему парню. Меня привлекают более женственные особы, о которых можно было бы заботиться и которых я, хотя бы потенциально, мог представить нянчащими моих ещё не рождённых детей. Алина была совершенно не такой – боевая девица.

Мы сели за столиком около окна и сходу заказали по бизнес-ланчу. Дождь закончился, и изредка даже проглядывало солнце, освещая светло-жёлтые фасады зданий, тянущиеся вдоль канала, что определённо поднимало настроение. Минут пять мы говорили о жизни, и затем она перешла к делу.

– Знаешь, в текущем проекте у нас имеются значительные расхождения с ожидаемой динамической вязкостью при добавлении стандартного количества ARX-11, – задумчиво глядя в окно на прохожих людей, сказала она, – чуть больше, чем на две сигма от матожидания в сторону высоких значений.

– Ну, в целом, не страшно, в заданный диапазон попадаем, хотя, конечно, лучше стремиться уложиться в одну.

– Я про то же. У меня есть пара предложений, которые могли бы исправить ситуацию. Их я и хотела с тобой обсудить до отъезда. Если всё согласуем, то сможем начать уже сегодня, не дожидаясь твоего возвращения.

– Отлично, давай. Какие идеи? – я с интересом прикинул поближе к ней, облокотившись на стол.

– Два варианта: либо добавляем больше ARX-11, по моим расчётам процентов на десять больше, либо можем разбавить более лёгкой фракцией. В первом случае возрастут издержки, во втором уйдёт не менее месяца на изменение спецификации.

– Спецификацию менять себе дороже. Может, это временное отклонение, которое не повторится в следующих партиях. Что ж мы теперь каждый раз менять её будем? Насколько увеличится себестоимость и насколько снизится маржа при сохранении текущих цен?

– Прибыль снизится процентов на пять.

– Серьёзно... – задумался я, так как с учётом объёмов продаж это была немалая сумма. – А качество реагента проверяли? Может, с ним что-то не то? А исходное топливо спецификации соответствует?

– С ARX-11 всё в порядке. Независимыми методами всё проверили. Топливо по всем физическим показателям тоже проверили, всё строго по нормам, как всегда.

– Если всерьёз относиться к тому, что ты говоришь, получается мистическая ситуация: всё, как обычно, а отклонения каким-то образом наблюдаем. Паша результаты элементного анализа и хроматографии предоставлял?

– Я не запрашивала, думала с тобой сначала обсудить.

– В принципе, – я на мгновение задумался, – если в исходнике небольшой избыток тиолов, то это потенциально может приводить к частичной деградации реагента. Я другого объяснения пока не вижу. Проверьте элементный анализ. Если по сере будут превышены сертификационные значения, то пусть отдел закупок совместно с юристами связываются с поставщиком и разбираются. Если нет, то увеличивайте долю ARX-11 без изменения цены. Если тенденция сохранится, то будем увеличивать цену. Если нет, то и плевать на эти единичные издержки. Впрочем, в любом случае увеличивайте долю ARX: товар надлежащего качества от нас ждут в срок, и даже если с исходным топливом проблемы, то все эти разборки решатся небыстро. Если будем ждать, то в срок не успеем.

– Хорошо, всё сделаем! – замолчав на пару секунд, она продолжила: – Я слышала, ты уволил того мужика из химической лаборатории. Я рада: на последнем корпоративе он перебрал и делал мне недвусмысленные намёки.

– Я думаю, что с твоими данными тебе не привыкать к вниманию мужчин, неужели тебя это задело?

– Одно дело – принимать знаки внимания от мужчин, а

другое – от не реализовавшегося в жизни пузатого неудачника – большая разница.

– Я рад, что я тебя порадовал!

Иногда, когда мы смотрели друг другу в глаза, мне казалось, что между нами что-то есть. Временами, как сейчас, она смотрела на меня не так, как все. Такой взгляд вряд ли можно было спутать с обычным. Думала ли она о том, что между нами может что-то быть или нет? Или это просто ловкий трюк для того, чтобы расположить к себе мужчину, в чьём одобрении она была заинтересована? Я не знаю, но в любом случае мне это нравилось. Всегда приятно внимание красивой женщины, пусть даже и той, с которой нет никакого будущего даже в мыслях.

Мы посидели ещё минут пятнадцать и пошли на работу. За время нашего отсутствия на моём столе появился десяток рутинных документов, которые Маша любезно оставила для меня. Минут двадцать я потратил на бессмысленное чтение этой макулатуры и затем ещё около часа обсуждал мелкие аспекты текущих дел, которые сотрудники посчитали нужным обсудить со мной лишь постольку, поскольку я был на работе. Не будь я здесь – справились бы и без меня. Тем не менее, важно было уделить каждому из них внимание. Ничто не может быть ценнее для сотрудника, чем потраченное на него время руководителя. В отношениях между людьми время, в отличие от денег, абсолютно – это золотой стандарт, по которому можно оценить всё остальное.

В четыре часа дня я со всеми попрощался, вышел с работы и наконец закурил. Как же хотелось подымить после обеда, но Алина не курит, и при ней я не курил. Посадка в самолёт заканчивалась в восемнадцать пятьдесят, а это значит, что можно было не торопиться.

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

В Пулково я был ровно в шесть. Зарегистрировался на рейс и выпил кофе в бизнес-лонже: кофе был традиционно паршивый, но лёгкий перекус перед вылетом сделать стоило. Самолёт вылетел без задержки, и у меня было более полутора часов для того, чтобы, переведя телефон в авиарежим, просто отдохнуть. Всякий раз, когда я летел на самолёте, мне это напоминало тот полёт из Новосибирска в Санкт-Петербург, который я совершил более двенадцати лет назад, и который нёс меня из моего прошлого в моё настоящее.

Отца я не знал – он бросил мою мать, когда она была беременна мной и воспитывала Игоря, моего на тот момент семилетнего брата. Впрочем, в моих первых воспоминаниях уже был отчим, от которого мать родила мою младшую сестру – Веру. Всё моё детство прошло в постоянных сравнениях с братом. Я был не так хорош, как он. Не такой смелый, не такой весёлый, не такой воспитанный. В глазах матери Игорь был богатырём, а я каким-то жалким придатком, который достался ей от моего отца, хотя она старалась не подавать виду, что это было так. Если, когда я был маленький, она, вероятно вынужденно, проявляла формальную заботу обо мне, то годам к десяти уже в явном виде пыталась мной манипулировать и отдавала распоряжения, как какому-то рабу. Пожалуй, больше всего её во мне раздражало именно то, что

я не шёл ей на уступки и не подчинялся её приказам. Особенно это раздражало её на фоне моего старшего брата, который был во всём с ней согласен и вообще был идеальным мальчиком и отличником. Годам к двенадцати я полностью эмоционально отдалился как от неё, так и от брата. Отчим не вмешивался в наш интриганский треугольник и, хоть он ни разу не проявлял ко мне какого-либо грубого или неуважительного отношения, всегда был довольно-таки холоден ко мне. Единственным человеком, с которым я действительно ощущал родственную связь, была Вера. Разница в возрасте у нас была два года и стала практически незаметной к моим четырнадцати и её двенадцати годам. К тому же, в силу каких-то обстоятельств, она училась лишь на один класс младше меня, а не на два. В отличие от меня, она не была изгоем в семье и пользовалась расположением как своего отца, так и матери. Это сильно ограничивало наше с ней общение, так как менять внимание родителей на моё она никогда не стремилась.

Однако во всём этом был и положительный момент: я всё время был предоставлен самому себе. В возрасте от семи до одиннадцати лет у нас была своя дворовая компания из четырёх мальчишек, с которой мы проводили большую часть дня после школы. Помимо меня в этой команде трое были из откровенно неблагополучных семей, поэтому мы все могли шляться по улицам допоздна и там, где хотим – никому не было дела. У нас был штаб на местной свалке, который мы

собрали из мусора. И там у нас даже была своя мастерская, на которой мы делали фигурки из свинца: разбивали отработанные аккумуляторы, плавил их внутренности на костре в жестяной банке из-под растворимого кофе и отливали в формы. Прекрасно помню тот день, когда мы решили оптимизировать процесс и, чтобы не ждать медленного остывания жидкого свинца в формах, решили поливать его водой из канавы. При первой же попытке вода, при попадании на форму, резко вскипела от всё ещё расплавленного свинца, и его куски попали на лицо одному из мальчиков, кажется, его звали Вова. Глаза не пострадали, но то, как он орал, когда мы отковыривали припёкшийся металл с его щёк, я запомню навсегда. Шрамы остались, но небольшие – выглядел он с ними скорее мужественно, чем пугающе. К одиннадцати годам результаты семейных обстановок у них и у меня принесли разные плоды, и они пошли своим путём, а я своим. Больше мы не общались, и я остался совсем один.

Прекрасно помню тот день, когда, возвращаясь в двенадцать лет домой из школы, я слушал плеер и никак не мог понять, с какой целью проезжающая электричка так пронзительно и не переставая гудит, мешая мне разобрать мелодию, ведь, подъезжая к станции, они по традиции ограничивались формальным коротким звуковым сигналом. Понял я суть такого продолжительного гудения лишь тогда, когда кто-то, схватив меня сзади за рюкзак, резким движением одёрнул меня за мгновение до того, как поезд пронёсся в пяти сан-

тиметрах от моего носа. Много позже, лишь четыре месяца назад, я узнал от своего психотерапевта, к которому после развода я ходил скорее от скуки, чем от наличия каких-то беспокоящих меня проблем, что это была подсознательная попытка самоубийства, которая несомненно бы удалась, если бы не вмешалась бабушка, торгующая семечками рядом с переездом. Когда эта ситуация произошла, я просто взял и пошёл дальше, слушая начавшуюся песню, даже не поблагодарив бабулю. Об этой истории в семье никто так и не узнал.

В семнадцать лет я кое-как умудрился успешно пройти вступительные экзамены в один из ВУЗов Питера – мне было не важно, куда поступать, главное, подальше от дома – и в конце августа я половину из всех своих накопленных денег потратил на билет до Санкт-Петербурга. Никому не сказав, я просто собрал свои вещи и уехал из дома. Лететь нужно было четыре часа, а так как разница с Новосибирском в часовых поясах тоже составляла четыре часа, то фактически я должен был прибыть в Питер примерно в то же время, что и вылетел из моего города. В тот момент я наблюдал в иллюминатор за движением солнца на небе – оно было неподвижно, и я ясно представлял у себя в голове, что самолёт парит в воздухе на месте, компенсируя работой двигателей сопротивление воздуха, а земной шар медленно вращается под нами. Не я улетал из того ада, в котором жил, а сам земной шар уносил всё моё прошлое за тысячи километров от меня.

Через три дня мне позвонила мать с резонным вопросом

о том, где я и какого чёрта не появляюсь дома. Я сказал ей, что теперь учусь в Питере, уже заселился в общежитие, и что в ближайшие пять лет, а в идеале больше никогда, возвращаться домой не собираюсь, и получил огромное моральное удовлетворение от тех пяти секунд её молчания, когда она не могла произнести ни слова от удивления. Я не помню, о чём шёл разговор дальше, но с тех пор она лишь пару раз поздравляла меня по телефону с днём рождения, а потом и вовсе перестала звонить.

Я поддерживал связь с Верой, когда она была школьницей. Затем она поступила учиться в Москву на факультет, связанный с нефтепереработкой, и у нас была традиция встречаться раз в месяц. Поочерёдно она приезжала ко мне на выходные в Питер, и я к ней в Москву. В первое время она пыталась заводить разговор о семье, но быстро поняла, что мне это не интересно и больше об этом никогда не заговаривала. Несмотря на то, что я с ней периодически созваниваюсь, последний раз я её видел шесть лет назад на её выпускном. После этого она уехала во Владивосток работать по специальности. Приятно было думать о скорой встрече с ней: в ноябре у неё будет свадьба, на которую она меня пригласила.

Во время первого года учёбы я подрабатывал репетитором и в лучшем случае успевал на половину из тех пар, которые у меня были, так как параллельно ещё работал в лаборатории для того, чтобы сделать курсовую работу. Но затем ру-

ководитель, у которого я делал курсовую, ушёл на пенсию, и по его рекомендации с начала второго курса я попал в группу Фёдора Борисовича. Изначально я не знал, кто это, но именно встреча с ним стала одним из краеугольных камней моей жизни. Это был семидесятиоднолетний академик РАН, лишь по первому взгляду на которого уже можно было понять, что у него тяжёлый характер. Первый год всё было относительно хорошо: кажется, он даже не знал, что я работаю в его научной группе, так как все непосредственные вопросы я обсуждал с его аспирантом. Приходилось работать много: обычно я приходил к восьми утра и уходил в десять часов вечера. В среднем, я проводил по семьдесят часов в неделю в лаборатории и ограничивался посещением лишь наиболее важных предметов. Это не мешало мне за три дня до каждого экзамена самостоятельно разбираться с полугодовой или годовой программой курса и сдавать всё на пятёрки. Вследствие значительных успехов в учёбе и наличия уже на тот момент некоторых научных достижений я мог не переживать по поводу подработки. В сумме по всем стипендиям у меня получалось около тридцати семи тысяч рублей в месяц, что для студента, живущего в общежитии и необременённого платой за аренду квартиры и жилищно-коммунальные услуги, да ещё и по тем временам, было очень хорошей суммой. Я с уверенностью мог сказать, что жил я лучше многих своих однокурсников, по крайней мере, так казалось со стороны.

С третьего курса Фёдор Борисович начал работать со

мною без посредников, что было уникальным случаем. Обычно он брал под своё крыло аспирантов, но никак не студентов. Узнав его получше, я понял, что он не просто имел тяжёлый характер, он был деспотом. Более авторитарных и бескомпромиссных людей, чем он, я никогда не встречал, даже после того, как закончил ВУЗ. Он придирался к мельчайшим оплошностям моей работы и мог запросто на моих глазах разорвать в клочья работу, которую я кропотливо писал несколько недель, со словами, что всё нужно переделать. Но, несмотря на это, он уделял мне немало времени: около двух часов в неделю он лично объяснял мне все нюансы работы и заранее предупреждал об ошибках, которые лучше было не допускать. Я думал, что со временем он станет ко мне лояльнее, но чем больше он меня учил, тем жёстче ко мне становился. Я помню наш разговор в конце третьего курса, когда я пришёл к нему с очередным отчётом о работе.

– Андрей, Вы что меня не слушали, когда я Вам объяснял, что именно нужно было сделать? Здесь только две трети из тех опытов, что должны были быть выполнены. А из тех двух третей, что Вы мне принесли, половину вообще понять невозможно, так как не указаны референсные данные. Где они? – Фёдор Борисович сидел напротив меня, как всегда, гладко выбритый, как всегда, в костюме с галстуком, и, как всегда, нахмутив брови.

Я чувствовал, что он несправедлив ко мне. Я так старался: такой объём работы невозможно было успеть сделать в

отведённый срок. А данные я забыл указать лишь постольку, поскольку писал отчёт ночами, так как с утра до вечера работал руками на приборах.

– Я помню, что нужно было сделать, и я бы сделал, будь у меня ещё пара дней. Я не успеваю делать так много! Я же ещё и студент, и мне нужно на пары ходить! – про них я уже давно забыл; если бы я ещё и на пары ходил, то вообще бы ничего не успел, но в качестве аргумента в мою пользу это годилось. – И вообще, я видел отчёты других сотрудников, и они гораздо хуже моих, а они аспиранты! И я знаю о том, что Вы приняли их отчёты! – выпалил я и в этот момент понял, что ещё немного, и я просто пошлю его к чертям собачьим и найду себе адекватного руководителя для дипломной работы.

Он встал со стула, подошёл к двери кабинета и сказал: – Пойдёмте!

Я встал и пошёл за ним. Мы шли медленно по кафедре и смотрели через стеклянные двери на то, как работают остальные сотрудники.

– Чьи отчёты Вы видели? Её видели? – он кивнул головой в сторону аспирантки третьего курса. Я молчал. – И как так вышло, что Вы видели её отчёт? Не думаю, что Вам нужно было что-то из её отчёта, чего бы Вы и сами не знали.

– Я уже полгода правлю отчёты некоторых аспирантов. Я не буду говорить, чьи именно. Они сами меня просят посмотреть прежде, чем нести Вам! – с раздражением заметил

я.

– Посмотрите на всех них! Посмотрите на этих девиц, посмотрите на Владимира! – он продолжал указывать на сотрудников, мимо лабораторий которых мы проходили. – Вы считаете, что я должен относиться к Вам так же, как к ним? Вы сравниваете себя с ними, исходя из того, что люди равноправны и заслуживают одинакового к ним отношения?

Я хотел ответить, что ему следовало бы быть ко мне даже более лояльным, чем к ним, так как работал я точно не хуже, но был ещё студентом, но он не дал мне вставить ни слова, перебив меня, как только я раскрыл рот.

– Не путайте равноправие с равенством. Люди имеют равные права, но они никогда не были и не будут равны! – он смотрел сквозь стекло в двери лаборатории на то, как там, как в аквариуме, трудились четыре человека. – Мир делится на тех, кто делает мир таким, какой он есть, и на всех остальных, вынужденных жить в тех рамках, которые устанавливают другие. Серая масса, делающая то, что им говорят делать. Думающие то, что вынуждают их думать. Вы действительно хотите, чтобы я был более лоялен к Вам, или Вы хотите быть тем, кто может оставить след в этом мире? – теперь он смотрел не в окно лаборатории, а мне в глаза. – Вы хотите быть тем, кто хочет и пытается чего-то добиться в этой жизни, или Вы хотите быть тем, кто *добивается* того, что считает нужным?

Его слова заставили меня задуматься о том, что родился он

на полвека раньше, Адольф Гитлер был бы его лучшим другом. И тем не менее он предоставил мне выбор с совершенно очевидным для нас обоим решением.

– Конечно, я хочу быть тем, кто меняет мир к лучшему! – ответил я, и мы молча проследовали к его кабинету.

– Даю Вам два дня на то, чтобы доделать отчёт, – он открыл дверь и перед тем, как зайти к себе, оглянулся и сказал. – И, да, впредь больше не жалуйтесь на то, что Вам не хватает времени. Нехватка времени – не признак того, что у Вас много дел, а признак того, что Вы не способны правильно его планировать. А это – Ваша личная проблема, которая, во-первых, меня не касается, а во-вторых, лишь усугубляет впечатление о Вас, а не оправдывает.

Я больше не жаловался. Работать дольше семидесяти пяти часов в неделю я не мог, однако, со временем действительно стал успевать больше. После того разговора Фёдор Борисович стал проводить со мной больше времени, чем раньше, но стал ещё жёстче. Вопреки этому, поводов нервничать я доставлял ему с каждым месяцем всё меньше. В результате, как-то раз, в конце четвёртого курса, после того, как он десять минут молча читал мою работу, он посмотрел на меня и сказал «неплохо». Когда он это сказал, то по коже пробежали мурашки, так как я думал, что этот момент никогда не настанет, и для меня это было знаменательным днём.

Когда я получил диплом, он лично рекомендовал меня руководителю той компании, в которой я работаю и по сей

день. Год я работал лаборантом в физической лаборатории, но затем мне стало настолько скучно, что я начал искать другую работу и предупредил об этом возглавляющего физическую лабораторию. Он сказал мне подождать два месяца, так как он собирался уходить на аналогичную должность в иностранную компанию, и его место могло освободиться. Не сказал бы, что это легко мне далось, но в двадцать четыре года я возглавил лабораторию и пробыл в этой должности три года, после чего я возглавил весь отдел: два года назад – в двадцать семь лет.

Оглядываясь назад, я всегда думал о том, насколько случайная череда событий меня привела к тому, что я был там, где я есть, и был тем, кем я являюсь. Если бы я родился в нормальной семье, то вряд ли бы уехал из Новосибирска. Если бы мой руководитель на первом курсе не ушёл на пенсию и не привёл бы меня к Фёдору Борисовичу, то я бы точно не был тем человеком, которым я стал. Кем бы я был, сложись всё иначе? Риторический вопрос, на который я никогда не получу ответ. Да и хотел ли я его знать? Бессмысленные размышления: всё есть так, как есть, и иначе уже никак не будет.

В тот день, когда мы говорили с Фёдором Борисовичем посреди кафедры, я сказал ему, что хочу изменить мир к лучшему. Я был амбициозен и думал о том, что я действительно внесу себя в историю. И когда я начал работать лаборантом, я представлял, как мне вручают премию за разработку беспрецедентно экологичного и энергоёмкого топ-

лива, которое позволит улучшить экологическую обстановку на планете и сделает путешествия людей по всему миру более дешёвыми. Я действительно собственноручно улучшил показатели тех образцов, с которыми работал. Да и сейчас мы делаем всё для того, чтобы улучшить показатели, только, конечно, не в тех масштабах, которые я представлял себе будучи студентом. Но вектор моей деятельности на протяжении этих лет медленно и совершенно незаметно менял своё направление, и теперь я по большей части занимаюсь налаживанием сотрудничества и поиском новых источников поставок сырья, поиском компаний для сбыта и продвижением нашего товара, что определённо делалось в ущерб другим не менее хорошим продуктам. Более того, в глубине души я понимал, что наш подход устаревает, и более перспективными являются водородная и электрическая энергетика. Как так получилось, что я десять лет назад принял решение менять мир к лучшему, а в итоге лечу сейчас на встречу для того, чтобы специально завязать приятное знакомство с человеком, который сам ещё не знает о том, что через четыре месяца наша компания предложит ему наладить поставки топлива? Выбрал бы я этот путь десять лет назад, зная, к чему он приведёт? Захотел бы я будучи студентом первого курса идти к тому, чтобы главной целью моей работы было зарабатывание денег для себя и своих сотрудников? Не для того, чтобы помогать бездомным или больным, не для того, чтобы финансировать социальные проекты, а просто так, чтобы

увеличивать банковские счета всех заинтересованных в моей деятельности лиц?

Вряд ли.

Но этот адский раскрученный маховик было не остановить. Конечно, раз я когда-то, хоть и сам того до конца не понимая, принял решение во всём этом участвовать, то мог бы также и принять решение отойти от дел. Но смысла я в этом не видел никакого. Я лишь оператор этой машины, и если ей буду управлять не я, то это просто будет кто-нибудь другой – уж лучше это буду я.

Едва шасси самолёта коснулись земли и он начал снижать скорость, я перевёл телефон в рабочее состояние, и уже через мгновение у меня отобразились семь пропущенных звонков и одно сообщение. Стандартная ситуация, за исключением того, что два пропущенных звонка были от сестры. От неё же и было сообщение: «Позвони!». Девять часов вечера. Что-то случилось: у неё во Владивостоке четыре утра, и мы в это время никогда с ней не разговаривали. Немедленно перезвонив ей, я понял, что мои опасения были небеспричинными.

– Алло, Андрей! Андрей, это просто кошмар! – всхлипывала в трубку сестра. – Это... это просто кошмар!

– Верусь, что случилось? – я начал прокручивать в голове все возможные варианты.

– Что же делать?! Как это могло случиться?! – в истерике, сморкаясь в трубку, редела Вера.

– Да что случилось-то?

– Игорь звонил: час назад мама с папой разбились.

Я на мгновение замолчал, пытаюсь разобраться, правильно ли я её понял: – Как разбились? Совсем?

– Они мертвы, Андрей!

По коже пробежали мурашки. Никогда не думал, что меня это будет как-то волновать, с учётом того, что с матерью я уже лет десять не общался, а её отец вообще мне не был родственником. Но я определённо был потрясён. Я не сожалел о том, что двух этих людей больше нет, но сама эта новость меня шокировала своей внезапностью и серьёзностью. Бедная сестра!

– Как ты? Ты где? – продолжил я.

– Я... я дома. Вылечу... к ним ближайшим рейсом. В десять утра.

– Как это вышло? Они же оба вроде нормально всегда водили.

– Я... я не знаю. Игорь... толком ничего не сказал... да я и не спрашивала, – Вера заикалась от постоянных всхлипов.

– Муж рядом? Он полетит с тобой? Пусть даст тебе какое-нибудь успокоительное.

– Рядом. Он хотел... я сказала, не нужно. Он ещё не муж.

– Бери его с собой! Он же родной тебе человек. Кто, как ни он, тебя сможет поддержать? Летите вместе! Если денег на билет второй нет, то не вопрос, я сейчас переведу.

– Есть деньги, – Вера всхлипывала в трубку секунд пять,

высморкалась и продолжила. – Хорошо, попрошу его поехать.

– Хорошо. Я постараюсь быть у вас завтра ближе к ночи.

– Ты тоже? Тоже приедешь? Я... если честно... если честно, я не думала, что ты решишь приехать.

– Верусь, честно тебе скажу, я, наверно, не столь сильно огорчён этой ситуацией, как ты, но я бы очень хотел быть рядом с тобой в такой момент. Я понимаю, насколько это всё ужасно для тебя. Увидимся завтра в Новосибирске! Пока! Держись!

– До встречи, Андрюш! – попрощалась сестра и, всхлипывая, повесила трубку.

Пока я разговаривал, даже не заметил, как на автомате уже вышел из самолёта и шёл по трапу в здание аэропорта. Ужасная ситуация. Бедная Вера! Ужасно! Ну хоть жених с ней рядом.

Такси ехало нерасторопно, и в окно машины я смотрел на монотонно проносящиеся мимо нас светящиеся оранжевые фонари, движущиеся в такт бесконечно прокручивающемуся в моей голове телефонному разговору с сестрой. Её состояние меня очень огорчало; расстраивался ли я когда-нибудь столь сильно из-за чего-либо? Любил ли я кого-нибудь так сильно, как она любила своих родителей? Чья смерть могла бы меня расстроить настолько, что я был бы так убит горем? Верина? Да, пожалуй, я бы очень расстроился. Никого нет мне ближе, чем она. Надеюсь, что она проживёт долгую и

счастливую жизнь.

Ну он и ублюдок! Чёртов братец же ведь мне так и не позвонил! А он мне родной брат! Сволочь, позвонил сводной сестре, а родному брату не позвонил. Уж мог бы и сообщение написать. Посмотрел бы я ему в глаза. Ох, он же будет на похоронах, и, выходит, увижу я его уже буквально через сутки-двое. Совсем об этом не подумал.

Интересно, какой он сейчас? Когда я уезжал от них, он был двадцатипятилетним парнем, закончившим со средними успехами местный институт, месяц назад женившимся на дочери маминой подруги и взявшим в ипотеку однокомнатную квартиру в пригороде. Двенадцать лет прошло, и ему сейчас должно быть тридцать семь: наверное, у него уже и собственная семья есть, и дети. Давно я о нём не вспоминал, но даже когда думал о нём, то представлял себе того двадцатипятилетнего мальчика. Именно таким он остался в моей памяти, и я совсем забыл о том, как быстро идёт время.

Мы подъехали к отелю, и я рассчитался с таксистом. Зарегистрировавшись в отеле и закинув сумку в свой номер, я спустился к выходу и пошёл в сторону небольшого ресторанчика, находившегося примерно в километре от отеля. Надеюсь, что он не закрылся с тех пор, как я был здесь последний раз: в начале февраля, кажется. И нужно поторопиться – насколько я помню, заказы они заканчивают принимать в одиннадцать часов, и у меня оставалось в запасе чуть менее часа.

Я зашёл в ресторан и сел рядом с окном на небольшой диван, заказав себе сочный жирный поджаристый стейк из лосося с сельдереевым пюре, чайник чая и какой-то йогуртовый десерт. Город спал: за окном было пасмурно и оттого темно, асфальт локально подсвечивался фонарями, с другой стороны улицы проходила пара о чём-то болтающих ребят, и было слышно тихий шум ветра, колеблющего листья берёзовых насаждений вдоль дороги, которые непрерывно шелестели и двигались в такт тоненьким веточкам, отходящим от основных ветвей, упирающихся в ствол. Как же здесь, в этом месте, тепло и хорошо! Интерьер, выполненный по большей части из тёмного дерева, и приглушённая подсветка создавали у меня ощущение, что я сижу, укутавшись в плед в кресле напротив горящего камина, внутри которого быстро сменяли друг друга небольшие языки пламени, а время от времени потрескивающие поленья медленно меняли свою окраску от ярко-красной до чёрной и наоборот. Время замерло. Так странно: здесь, в тысяче километров от Питера, я чувствовал себя как дома, в абсолютной безопасности и тепле. Мои мысли плавно перетекли к тому, что я сижу напротив камина, маленький, у мамы на коленях, она убаюкивает меня и читает книгу. За окном проливной дождь, а у неё на руках так уютно; дома тишина, и лишь её тихий голос, почти шёпот, доносится до моих ушей. Жаль, что эти фантазии никогда не были явью: камина у нас в квартире, разумеется, никогда не было, да и такой мамы у меня не было тоже – но

представлять себе это было очень приятно. Как, наверно, повезло тем людям, для которых это является воспоминанием, а не выдумкой.

Уходить не хотелось, но в полдвенадцатого я пошёл в сторону отеля и написал, наконец, Владимиру Семёновичу о том, что я успешно добрался и завтра буду у него в офисе в десять утра – совсем забыл отписаться ему со всей этой суматохой. Подходя к отелю, я вдруг осознал, что обещал Верре приехать завтра ночью. Из головы вылетело, что в среду у меня назначен обед, ради которого я, в том числе, приехал сюда. «Уже известно, когда похороны?» – написал я сестре, заходя в номер. Ответ пришёл минут через пять: «В четверг в 12. Потом поминки.». «Хорошие новости!» – подумал я: «Не получается приехать завтра. Буду в среду к вечеру. Ок?». «Ок», – написала сестра, и я с облегчением открыл ноутбук, чтобы забронировать билет на самолёт на вторую половину дня в среду.

В первом часу я лёг в постель. За окном шумел ветер, и под его звуки я минут через десять задремал. Мягкие тёплые руки обнимали меня, пока я смотрел на горящие языки пламени в камине, а тени от предметов играли на стенах в такт огню горящих поленьев. Прижавшись к груди, я слушал биевание сердца родного человека и всем телом ощущал тепло и защищённость от любых проблем, которые могли произойти. Подняв голову и посмотрев в лицо тому, у кого я сидел на коленях, я увидел спокойный и полный любви взгляд: сверху

на меня смотрел я сам.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

– Большое спасибо, что подвезли до аэропорта, Владимир Семёнович! – я поблагодарил моего давнего знакомого. – Я рад, что выдалась возможность повидаться с Вами! Надеюсь, что в будущем будем видеться чаще, чем раз в полгода.

– Мне тоже очень приятно, что Вы приехали, Андрей! Простите, что не смог Вас встретить в понедельник! – ответил Владимир Семёнович. – Мне кажется, что Вы понравились Дмитрию: после вчерашнего ужина он весьма лестно отзывался о Вас, когда Вы нас покинули. Хотя мне показалось, что он не очень впечатлился нашим походом в филармонию.

– Ну, филармония – это на любителя. Не все могут оценить. Я и сам на подобных мероприятиях чувствую себя немного не в своей тарелке. Хотя я рад, что мой приезд попал на это выступление. Надолго запомню.

– Почему ты летишь в Новосибирск? Мне казалось, что ты собирался вернуться в Питер на этой неделе? Опять непредвиденные обстоятельства?

– И не говорите, с моей работой сложно планировать что-то в краткосрочной перспективе. Вечно теребят. Впрочем, домой я планирую прилететь уже в пятницу, – ответил я, хотя искренне надеялся, что у меня будет возможность улететь уже в четверг вечером. Надолго я в Новосибирске задерживаться не имел ни малейшего желания.

– До свидания, Андрей! – седоволосый пятидесятилетний мужчина сказал мне это с некоторой грустью, хоть и с улыбкой на лице.

– Прощайте! Ещё раз спасибо!

Мы пожали друг другу руки, и я отправился на посадку. Как же приятно видеться с такими людьми, как Владимир Семёнович! Интеллигентный и образованный – всегда узнаю что-то новое и интересное, общаясь с ним. Хотя, пригласив меня вчера в филармонию на органнй концерт, он перебрал, так как оценить всё мастерство выступающего я вряд ли мог. Наверное, выступающий играл хорошо, но я временами ловил себя на мысли о том, что не понимал, как я вообще там оказался. Думаю, что Дмитрий думал так же, только скрыть это у него не очень хорошо получалось.

Дмитрий, тот, ради знакомства с которым я сюда ехал, оказался на удивление простым человеком, без заскоков. Редко удаётся в моей работе познакомиться с такими. Думаю, что мы с ним наладим отличное сотрудничество. Надо будет не забыть написать ему в ближайшие дни письмо и поблагодарить за хорошо проведённое время. Не то чтобы я провёл его с ним великолепно, но написать нужно, если я хочу, чтобы он меня запомнил на фоне остальных людей.

Зарегистрировавшись на рейс и заказав себе кофе, я позвонил сестре. – Верусь, привет! Вы где остановились? Я буду в Новосибирске часа через четыре и из аэропорта готов ехать сразу к вам.

– Привет! Мы остановились в гостинице, недалеко от квартиры родителей. Пришлю точный адрес по смс, – сестра говорила на удивление спокойным тоном. Не сравнить с тем, что было позавчера!

– Хорошо. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Олег дал мне успокоительное, вроде работает.

– Я позвоню, как прилечу и заселюсь в отель. Предлагаю где-нибудь поужинать.

– Да, давай. Целую.

– До встречи.

Я положил трубку и вдруг осознал, что только сегодня узнал, как зовут её жениха, хотя они уже два года жили вместе. Хорошо быть вместе с любимым человеком, на которого можно рассчитывать. Рад, что у Веры есть тот, кто может прикрыть тылы. Жаль только, что у меня никого нет. Конечно, и Лёша, и Саша, и многие другие мои знакомые – тот же Владимир Семёнович – надёжные и приятные в общении люди, которые не оставят в трудный момент, но это не то. Я был по-настоящему близок лишь со своей женой, но она уже в прошлом. Ближе к разводу она неоднократно мне говорила, что я использую людей, и у меня никогда не было и не будет друзей. Разумеется, она пыталась меня уколоть, говоря такое во время очередной ссоры. Говорила это, пытаясь напугать тем, что после развода я останусь совсем один. Думаю, что ей бы действительно удалось меня этим напугать,

если бы не одно «но», заключающееся в том, что даже если бы я и остался один, то одиночества я не боялся.

Однако после развода я начал всерьёз задумываться над тем, что она сказала. Что если она действительно права? Если отбросить всю ненависть, с которой она мне это говорила, и её мотивы меня запугать, то в сухом остатке её слов остаётся то, что у меня нет близких людей. Мне нравилось общаться с друзьями и коллегами, и я всегда был искренне рад совместным встречам, но если задуматься, то я никогда не проявлял сам инициативу повидаться и никогда не ловил себя на мысли о том, что, в принципе, имею желание увидеться с моими знакомыми или узнать, как у них дела. Со временем я всё чаще задумываюсь над тем, что, быть может, я так хорошо научился играть роль общительного и жизнерадостного человека, что смог убедить в этом не только окружающих, но и себя? Может, бывшая жена видела то, чего я сам не видел? Может, моё удовлетворение и радость от общения с друзьями и коллегами – это всего лишь маска, которая настолько прочно приросла ко мне, что я забыл, каково моё истинное лицо? Если это так, то это, пожалуй, и стало причиной развода. Наверное, ей сложно было верить человеку, который обманывает не только других, но даже себя. Будь это правдой, то я бы на её месте тоже подал на развод.

Тем временем по ту сторону иллюминатора уже начали виднеться первые звёзды. Давненько я не видел звёздного неба с земли – вечно облака с редкими проявлениями солнца

днём. В самолёте прекрасно то, что ему безразлично то, что творится под ним: морозящий дождь, мокрый снег, слякоть – не важно: на высоте десять километров над уровнем моря всегда минус пятьдесят и абсолютно ясно. Мне нравится такая стабильность.

Завтра тяжёлый день: похороны и поминки меня не сильно волновали, но необходимость встречи с братом, раздосадованной сестрой и множеством старых знакомых матери и отчима наводила на меня некоторую тоску. Лишь бы меня не попросили сказать прощальное слово, так как в любом случае ситуация возникнет неловкая: либо я скажу, что мне плевать на то, скончались мои родственники или нет, потому что они были паршивыми родителями, либо откажусь произносить речь под предлогом того, что ничего хорошего я сказать о них не могу, а о покойниках плохого не говорят. Даже не знаю, какой вариант выбрать, хотя итог будет один – шок, а затем презрение ко мне как к неблагодарному сыну. Ну, по крайней мере, на поминки я идти не обязан, достаточно будет лишь час-два провести на кладбище и по возможности помалкивать. Надо будет завтра с утра зайти и купить костюм. Командировка была неформальной и официальных вещей я с собой не брал – на похороны в такой одежде не пойдёшь.

К девяти часам вечера я уже заселился в отель, успел принять душ и собраться. Хорошо хоть вчера додумался застирать вручную нижнее бельё и носки, иначе чистых вещей уже

вообще бы не осталось – в это время я уже планировал быть дома и отдыхать. Я позвонил Вере и договорился встретиться в ресторане в паре километров от моего отеля и недалеко от её.

Я вышел из отеля и закурил. После того как я прошёл примерно полкилометра, у меня зазвонил телефон, и, взяв трубку, я услышал голос Саши.

– Здорово, Андрей! Ты давно бывал на Хибинах? – как всегда, бестактно выпалил Саша. Люблю его непосредственность.

– Привет! Был там студентом последний раз, когда катался на сноуборде. А у тебя есть предложение туда съездить? Мне кажется, сезон ещё не начался, но думаю, что ради тебя они насыпят искусственный снег, – с сарказмом ответил я.

– Да не. У меня там деловая встреча, часть завода в собственность планирую прикупить, а мои северные коллеги предлагают перед этим собраться и на пару дней в поход сходиться в горы. Ты же вроде любишь горы, вот и вспомнил о тебе. Поедешь со мной? И на кой чёрт им меня в поход тащить...

– Не знаю, сколько твоим коллегам лет, но полагаю, что от сорока и выше, и их любимый артист – Высоцкий. Помнишь, там песня у него есть про то, что если хочешь проверить человека на паршивость, то нужно его в горы взять. Вот они, видимо, и берут: проверять тебя будут! – я засмеялся.

– Что за люди! Нормально-то нельзя что ли было сказать?!

Теперь действительно всё складывается в общую картину, а то их предложение ввело меня в некоторый ступор. Тогда позвоню им сейчас и соглашусь. Так ты составишь мне компанию?

– А когда вы едете?

– Они хотят выехать из Кировска утром в субботу и вернуться через пару дней. В понедельник вечером, полагаю. Если ты согласен, то можем встретиться в пятницу в Мурманске и оттуда выехать к ним. Прямой рейс до Апатитов из Питера есть завтра, но я в Томске дела решаю и на него не попадаю.

– Ты в Томске?! Как тесен мир, а я в Новосибе сейчас!

– Круто! Давай тогда я в пятницу подъеду в Толмачёво, и вместе вылетим в Мурманск?

– Блин, как-то это всё совсем не входило в мои планы. Но, конечно, я не оставлю тебя наедине с извращенцами, которые решают вопрос по продаже завода исключительно на вершине гор. С их стороны сколько человек поедет?

– Хватит издеваться! По количеству точно не знаю: поедут собственник и директор, но сказали, что, возможно, нескольких инженеров или геологов с собой возьмут. То есть, думаю, максимум человек пять поедет.

– Может, Лёху с собой прихватим? Думаю, он захочет развеяться немного, а то сидит безвылазно в своих ресторанах.

– Конечно, зови! Я с ним разговаривал месяц назад, голос у него был немного скучающий.

– Отлично! Я позвоню ему.

– А ты что делаешь в Новосибирске? Мне казалось, тебя туда днём с огнём не затащишь. Настолько важная встреча, что ради неё даже туда прилетел?

Всегда умиляло то, как он коверкает поговорки. – Я тут с сестрой встречаюсь. Как раз минут через пятнадцать увижу её. Шесть лет не виделись.

– О! Ну это дело хорошее! Она же на Камчатке где-то живёт, ты говорил. Почему в Новосибирске решили встретиться, а не у неё или тебя?

– Мать с отчимом разбились в понедельник. Завтра похороны, и я приехал её поддержать.

– Ох... – после продолжительного молчания Саша продолжил. – Прости, ты уверен, что хочешь ехать со мной? Мне жаль! Если бы знал, то не стал бы тебе звонить со всякой ерундой.

– Саш, прекрати! Хотя бы ты не разговаривай со мной так, как будто я убит горем и ты хочешь мне помочь. Я в полном порядке, и единственная причина, по которой я сюда приехал – это увидеться с сестрой. Я с радостью полечу с тобой на Хибины!

– Хочешь, я приеду к тебе не в пятницу утром, а в четверг вечером? Думаю, что тебе там одному не очень весело.

– Идея хорошая, но чёрт знает что там завтра будет твориться, и я понятия не имею, во сколько освобожусь. Лучше приезжай в пятницу с утра. Встретимся в аэропорту, – я

собирался попрощаться, так как уже подходил к ресторану, но вдруг вспомнил характерную беспечность Саши. – И, да, Саш, ты знаешь, что в сентябре на Хибинах уже довольно холодно? Возьми зимние вещи! В осенней куртке замёрзнешь.

– Хм, да? Спасибо, прикуплю из одежды здесь что-нибудь. А сколько там?

– Не знаю, посмотри в интернете. Я тоже себе что-нибудь прикуплю.

Мы посмеялись и закончили разговор. Незамедлительно позвонив Лёше и получив от него утвердительный ответ, я написал Саше о том, что Лёша тоже едет, и нас будет трое.

Девять двадцать восемь – через две минуты мы договорились встретиться за столиком ресторана. Вера с Олегом должны быть уже там. Протянув руку к двери, я почувствовал характерную вибрацию в кармане и, так и не войдя внутрь, взял трубку.

– Андрей Александрович, здравствуйте! Вы уже вернулись? Я хотела узнать, будете ли Вы завтра. И хорошо бы, если Вам удобно, сейчас согласовать время для двух встреч! – звонкий голос Маши был для меня сейчас звуком, как будто доносящимся из совершенно иного мира.

– Маша, добрый вечер! – задумавшись, я понял, что у них сейчас ещё день, а не вечер, но плевать. – У меня изменились планы, и я раньше вторника на работе не появлюсь. Все срочные дела направляйте мне по почте, а встречи назначьте на вторую половину следующей недели. Хорошо?

– Хорошо, всё сделаю! Вам при необходимости можно звонить?

– Не стоит. И Алине с Пашей передайте тоже, чтобы без острой необходимости до вторника меня не беспокоили. Звоните только если возникнут исключительные обстоятельства.

– Поняла. Всё передам. До свидания!

– До свидания, Маш.

Я снова протянул руку к ручке двери и вошёл в ресторан. Оглядев зал, я увидел в дальнем конце помещения сестру, сидящую за столиком в углу и тихо разговаривающую с мужчиной лет тридцати. Полагаю, что это Олег. Вера увидела меня и расцвела. Подойдя к ним, я крепко обнял сестру, после чего она представила меня Олегу, и мы пожали с ним друг другу руки. Очень необычно было видеть Веру вживую, а не через экран ноутбука или смартфона. Как будто та Вера, с которой я разговаривал по телефону, и Вера, с которой я сидел сейчас за столом, были разные люди.

Безумно хотелось есть, и я предложил сразу сделать заказ. За полчаса ожидания еды мы обсудили то, как складывалась жизнь у всех участников разговора за последние пять лет. Оказалось, что Олегу был тридцать один год, и они познакомились, когда вместе с Верой работали в одном отделе. Они планировали завести детей незамедлительно после свадьбы, к которой уже почти всё было готово.

– Мы решили, что, возможно, немного перенесём свадьбу

в силу нынешних обстоятельств, – сказал Олег, посмотрев на Веру. – Может, на март или апрель.

– Поверить не могу, что родителей не будет на свадьбе! – на глазах у Веры навернулись слёзы, и Олег её обнял и прижал к себе.

– Но они же знали, что ты скоро выходишь замуж, и знали, что у тебя замечательный жених. Думаю, что сам этот факт их очень радовал. Олег, твои родители будут? Они знакомы с Верой?

– Да, мы ездим к ним раз в год летом на дачу. Они даже хотели приехать сюда на завтрашнее мероприятие, – Олег явно не хотел произносить слово «похороны». Но я сказал, что в этом нет нужды. Наши с Верой родители не были знакомы друг с другом. Знали друг о друге лишь то, что мы с Верой рассказывали, и видели фотографии.

– Понятно. Как Вы добрались? Узнали какие-то подробности произошедшего?

– Мы... я говорила с Игорем. Мама с папой возвращались с дня рождения тёти Эли. Было уже темно, и посреди трассы они столкнулись с фурой. Столкнулись – не совсем верное слово, скорее, попали под неё. Водитель жив и почти невредим. Следователи сказали, что виноват отец – выехал на встречную полосу на повороте с ограниченной видимостью. Да и по фотографиям места происшествия всё видно: столкновение действительно было на полосе, по которой ехал грузовик. Возможно, папа потерял управление, я не

знаю. Машина восстановлению не подлежит, а родители... врачи сказали, что они скончались мгновенно и без мучений, но их тела мне в морге так и не показали, – Вера не плакала, просто смотрела в одну точку посреди стола. – Игорь их видел, но сказал, что мне не стоит смотреть.

Интересно, что ей дал Олег, если она говорит обо всё этом в таком хоть и подавленном, но вполне адекватном состоянии? Надо будет у него попросить парочку таких таблеток на всякий случай.

– А Игорь как себя чувствует? – спросил я, скорее, из праздного любопытства, чем от реального желания узнать, как у него дела. Более того, наверно, я даже надеялся на то, что он убит горем.

– Игорь сильно расстроен. Ему тяжело, ведь, по сути, он один всё организовывал. Мы почти не принимали участие в организации похорон и поминок, хотя по возможности пытались помочь ему, когда приехали.

– Знаешь, а ведь он мне так и не позвонил и не сообщил о случившемся. Только ты мне сказала.

– Странно. Я понимаю, что отношения у вас складывались не самым лучшим образом, но мне казалось, что всё не настолько плохо, чтобы он тебе не сообщил о случившемся.

– Может, ты сказала ему, что сама позвонишь Андрею, и поэтому он не звонил? – предложил свою идею Олег.

– Да я смутно помню, что мы тогда говорили друг другу. Наверно, так и сказала, поэтому он и не связался с тобой,

Андрей. Завтра увидите.

– Завтра всё начинается в двенадцать ровно? – уточнил я.

– Да, но мы приедем раньше: к одиннадцати, наверное.

– Хорошо. Я заранее приезжать не буду, ладно?

– Конечно. Я всё понимаю. Спасибо, что приехал! Я очень рада, что ты здесь!

– И я очень рад! И наконец с Олегом познакомились.

Мы просидели в ресторане до полуночи и, обоюдно решив, что завтра тяжёлый день и всем нужно выспаться, разошлись. По пути в отель я вспомнил то, как меня маленьким мама с отчимом брали на похороны знакомых. Зачем они это делали? О чём они думали, когда говорили маленькому ребёнку идти посмотреть на то, как хоронят чей-то труп? Когда у меня будут дети, я ни за что не позволю им присутствовать на таких мероприятиях до тех пор, пока они не повзрослеют и не смогут сами сделать осознанный выбор – идти или не идти. Прикинув в голове количество похорон, на которых я присутствовал до семнадцати лет, мне удалось вспомнить семь. Причём, каждый раз это происходило либо осенью во время морозящего дождя посреди размокшей кладбищенской земли, превратившейся в чавкающую под ногами слякоть, либо зимой в тридцатиградусный мороз, от которого не спасала ни одна зимняя одежда, так как приходилось в течение часа стоять на одном месте и почти не двигаться. Почему никто не мог умереть летом, чтобы его хоронили в ясный солнечный летний день?! Примечательно, что с тех

пор как я двенадцать лет назад уехал в Питер, я ни разу не был на похоронах.

Проснулся я в восемь утра от звонящего будильника и ещё пару минут лежал в кровати, пытаюсь отогнать мысли о пришившемся сне – тоскливое и унылое послевкусие от той картины, как я стою посреди поля в сумерках, весь измазанный в грязи и промокший под дождём.

Позавтракав и собравшись, я отправился на такси в магазин за костюмом и зимней спортивной одеждой. Странное сочетание вещей, если не знать мои дальнейшие планы на неделю. С костюмом проблем не возникло, но при попытке найти нужную для поездки на Хибины одежду возникли трудности, так как был ещё не сезон. Удалось всё найти и купить лишь к одиннадцати часам утра. Я попросил таксиста подождать, пока я зайду в отель, чтобы закинуть в номер купленные вещи и переодеться. Моей просьбе он явно был не очень рад, так как, видимо, прокатавшись со мной по всему городу в течение более двух часов, он рассчитывал на то, что я с ним рассчитаюсь и отпущу. Когда я вышел в чёрном костюме и попросил его двигаться в сторону кладбища, по пути заехав в цветочный магазин, он посмотрел на меня с некоторым недоумением.

На кладбище мы были в одиннадцать пятьдесят три, а это значит, что я опаздывал, ведь надо было ещё дойти до места похорон. Я рассчитался с таксистом и начал искать нужное место, взяв с собой двадцать красных гвоздик. Весьма при-

вычным для меня было в такой ситуации затянутое облаками небо, хотя дождя не предвиделось. У центральной часовой меня ждал Олег – его попросила меня встретить сестра, когда я ей сказал, что подъехал, но не знаю, куда идти. Он сопроводил меня к группе людей, столпившейся возле одной огромной ямы, рядом с которой по разные стороны стояли два закрытых гроба. Многих среди присутствующих я знал, но некоторых видел впервые. По крайней мере, мне так казалось, хотя смотрели они на меня так, как будто мы были знакомы. Рассматривая всех этих людей, я невольно вспоминал те моменты, когда я с ними виделся будучи ребёнком. Вон и тётя Эля, с дня рождения которой мать с отчимом возвращались прежде, чем попасть в аварию. Она слегка кивнула мне в знак приветствия, и я кивнул ей в ответ.

Остановился мой взгляд на человеке, стоявшем с другой стороны ямы – типичный алкаш с пивным животом, мешками под глазами и морщинистым лицом, окаймлённым соляными волосами и пятидневной щетиной. Взглянув на него, я даже не сразу понял, что это был Игорь. Он смотрел на меня и, встретившись со мной взглядом, отвёл глаза. Не понравилось мне то, как он на меня смотрел: холодный и презрительный взгляд. Меня это немного смутило. Я, конечно, не ожидал того, что он кинется ко мне с объятьями, крича «Как я рад тебя видеть, мой дорогой брат!», но полагал, что мы хоть поздороваемся и пожмём руки.

– А что с Игорем? – я тихо спросил Олега, так как сестра

плакала рядом с гробом матери, и я не стал её трогать.

– В каком смысле?

– Выглядит он не очень. Понимаю, что сейчас он убит горем, но у меня такое чувство, что он уже давно и крепко выпивает.

– А что ты о нём знаешь? Вы с Верой о нём никогда не говорили?

– Нет, мне это было не очень интересно. Последнее, что я о нём слышал – это то, что он женился и купил квартиру. Это было двенадцать лет назад, когда я отсюда уехал.

– Ну, за такой срок многое произошло. Семь лет назад его бросила жена и забрала с собой детей. У него два сына, с которыми он не видится, так как они с матерью уехали в Казань. Я не сильно осведомлён в этой ситуации, но вроде его бывшая жена вышла замуж, и они прекрасно там живут без него. С тех пор он и пьёт. Четыре года назад по инициативе твоей матери и Веры он проходил реабилитацию в наркологической клинике, так как подсел на наркотики. С тех пор он их не принимает, но пьёт ещё больше. После развода он жил с родителями. Да и сейчас он живёт в их квартире.

– Кошмар! Я ожидал увидеть, что угодно, но только не это. Последний раз, когда я его видел, я и подумать не мог, что он превратится в такое... такого человека.

– Да, неприятно. Вера переживала за него, но я её образумил и убедил в том, что он взрослый парень, который сам решает, как ему жить, и его выбор не должен служить огор-

чением для неё. Вроде сейчас она к нему относится сравнительно терпимо. С тобой она общается значительно чаще, чем с ним. Мне кажется, что в последнее время она и вовсе звонила ему лишь ради приличия, а не от большого желания с ним поговорить.

Священник закончил мямлить свою унылую монотонную похоронную песню, и гробы стали опускать в погребальную яму. Мы с Олегом обняли Веру, которая стала реветь ещё сильнее при виде того, как гробы начали засыпать землёй.

– Ты поедешь на поминки? – спросил меня Олег.

– Вряд ли. Думаю, что мне там нечего делать. А где они будут и во сколько?

– В квартире родителей, мы помогали с утра Игорю прибираться в квартире, и Вера готовила еду вчера весь день.

– А сколько придёт людей?

– Полагаю, что большая часть из тех, кто пришёл на похороны, человек двадцать пять. По крайней мере, мы рассчитывали на такое количество. Начало в три, хотя многие, как я думаю, уже сейчас напрямую поедут туда вместе со мной и Верой, там ещё нужно разложить всё.

– Хорошо, я подумаю. В любом случае мне нужно ещё заехать в отель.

– Хорошо. Думаю, что Вера будет рада увидеть тебя там! Да и я тоже буду рад!

– Ближе к делу позвоню и сообщу.

– Ладно, до встречи.

ДАЧА РОДИТЕЛЕЙ

Я стоял и смотрел на то, как рабочие закапывают лопатами могилу. Некоторые знакомые подходили ко мне, обнимали и говорили, что рады меня видеть, и спрашивали, где я пропадаю. На что я вежливо здоровался и кратко отвечал, что не мог часто приезжать в родной город. Все медленно расходилось и садились в свои машины, стоящие на парковке перед кладбищем. Моё внимание привлёк, в том числе, и Игорь, который сел в бежевую ржавую «Волгу», рёв которой из-за неисправного глушителя в момент включения двигателя был слышен даже мне, стоявшему в пятистах метрах от парковки. Он уехал, оставляя за собой шлейф синего дыма. Интересно, сколько литров моторного масла потребляет его машина на сотню километров?

Менее, чем через десять минут рабочие закончили закапывать общую могилу матери и отчима и разошлись. Лихие ребята, я бы такую яму не менее часа закапывал – вот что значит профессионализм! Надгробный камень представлял собой тёмный прямоугольник с закруглёнными углами, на котором были выгравированы фотографии матери и отчима с датами жизни. Я подошёл поближе, положил на могилу цветы и пошёл в сторону парковки. Думаю, что я остался смотреть на то, как закапывают гробы, в то время как все остальные ушли, для того, чтобы окончательно убедиться в

том, что этих людей больше нет, и даже если это всё шутка и они захотят вылезти из своих гробов, то теперь им это не удастся, так как над ними более тонны влажной земли.

Решив не вызывать такси, я пошёл вдоль обочины узкой разбитой дороги, ведущей сквозь деревья от кладбища к асфальтированному шоссе. Идти на поминки или нет? Всё-таки я приехал поддержать Веру, и надо бы идти, раз уж я здесь. Но, с другой стороны, приходиться в квартиру матери, из которой я сбежал при первой же возможности, да ещё и видиться с братом совсем не хотелось. Решу по пути в отель. Пожалуй, потому я и не вызвал такси, чтобы было время подумать, как поступить.

Деревья монотонно шелестели на ветру, и начал накрапывать мелкий дождь. Я прикурил сигарету в тот момент, когда в моем сознании вдруг всплыл приближающийся рёв мотора, обернулся и увидел бежевую «Волгу» брата, несущуюся прямо на меня. В последний момент я отпрыгнул в сторону леса, но удар лобового стекла по правой ноге резко раскрутил меня в воздухе, и, прежде чем коснуться земли, я совершил по меньшей мере два полных оборота вокруг своего пупка. Когда я упал, то увидел, как резко затормозила машина, и на дорогу с характерным звуком консервной банки упало правое боковое зеркало машины. Земля на обочине была мягкой, что очень контрастировало с твёрдым стеклом машины, о которое пришёлся удар. Жирная пропитая туша брата выскочила из машины, открыла багажник, и прежде,

чем я что-то успел понять, он уже закрыл надо мной сверху крышку, предварительно вытащив у меня из кармана телефон. Я погрузился в полную тьму. Мотор взревел, и мы поехали. Внутри багажника бензином пахло так, что мне казалось, что меня сейчас стошнит, а на кочках сильно трясло. Но в целом, в багажнике машины оказалось не так уж и тесно, как я себе представлял, смотря по телевизору боевики.

Куда он меня везёт? Зачем? Что было бы, если бы я не отпрыгнул в сторону? Он что, собирается меня убить? Что мне делать? Я попытался открыть багажник, но безуспешно: в этом ржавом корыте внутренний замок для выхода из багажника предусмотрен не был. Да и подручных средств никаких не было: кроме меня в багажнике не было ничего – только крошки засохшей еды и песка. В полной тьме я нажал на кнопку секундомера на часах. Мне показалось, что мы ехали вечность. Когда мотор заглох, я услышал, как водитель открыл свою скрипучую дверь и вышел из машины. Через мгновение стали слышны, как мне показалось, закрывающиеся ставни ворот.

Тишина и абсолютная темнота. Почему ничего не происходит? Почему он меня не отпирает? Где он? Через минуту багажник открылся, брат незамедлительно взял меня за шиворот обеими руками и кинул на пол гаража, в котором мы находились. Прошла секунда, и я ощутил несколько ударов ногой под дых, от которых спёрло дыхание. Я попытался откашляться, как вдруг посмотрел наверх: на меня, пря-

мо промеж глаз, смотрел ствол охотничьего ружья, которое держал брат, стоя надо мной.

– Ты что, мелкий засранец, думал, что после всего того, что ты сделал, можешь просто так взять, явиться на похороны и затем спокойно уйти?! – Игорь смотрел на меня широко раскрытыми полными безумной ярости глазами и тряс ружьём.

Я молчал и смотрел на него, инстинктивно медленно отползая к стене, как будто пытаюсь увеличением расстояния уменьшить тот ущерб, который был бы мне нанесён выстрелом из ружья.

– Ты что, думал, что я закрою глаза на всё то дерьмо, которое ты устроил? – по мере того, как я отползал, Игорь подходил всё ближе ко мне.

Я почувствовал, что упёрся плечами в стену, такую же грязную, как и пол, по которому я полз. Везде была пыль и были разбросаны ржавые инструменты вперемешку с грязными клеёнками, пакетами и пивными бутылками. Сквозь щели в воротах гаража проникал дневной свет, в лучах которого сверкали пылинки, поднятые мной в воздух в тот момент, когда я упал на пол.

– Это ты виноват! – брат толкнул меня в лоб стволом ружья. – Это из-за тебя они умерли! Как ты мог так разбить сердце матери?! Ты знаешь, как она переживала, когда ты уехал?! Это из-за тебя у неё развился диабет! Ты. Должен. Страдать!

Я думал, что если он сейчас и не выстрелит, то я в любом случае помру в этом гараже: сердце так сильно и быстро билось, что от такой тахикардии у меня сейчас будет инфаркт. Что же мне делать? Что ему ответить? Он был совершенно безумен. В багажнике машины, если подумать, было не так уж и плохо. Уж лучше бы я по-прежнему сидел там.

– Если бы ты был нормальным любящим родителей сыном, то у нас всё было бы хорошо! Но ты, мразь, всё испортил! – Игорь глубоко вздохнул, прикрыв на мгновение глаза, будто бы пытаясь успокоиться.

Что же ему ответить? Да и ждёт ли он ответа от меня? Мне кажется, что любое слово, которое я ему сейчас скажу, будет расценено как повод к нажатию на курок ружья. Я молчал и бегло осмотрелся по сторонам, прежде чем вновь уставиться на брата: на полу рядом с моей ногой лежала крестовая отвёртка, вокруг разбросаны ржавые гвозди, а слева, в сантиметрах двадцати от моей руки, лежал небольшой пыльный молоток. По количеству скопившейся на нём пыли он лежал на этом месте уже как минимум год.

Молоток.

Резким движением я подался влево, увернувшись из-под ствола ружья, прислонённого к моему лбу, и схватил молоток, которым незамедлительно ударил Игоря по пальцам левой руки, придерживающим ствол ружья. Он взвыл, выпустив из левой руки ружьё, но по-прежнему держа его правой с пальцем на курке. Ещё мгновение, и я вскочил на ноги, пе-

реложив молоток в правую руку, и с размаху ударил его тупым концом по лицу: я попал в челюсть. Ружьё выпало из руки брата, а он и его выбитые зубы с тонкими струйками тёмной крови упали рядом с багажником машины. Он что-то начал стонать, но едва он успел произнести ещё хоть один звук, я прыгнул на него и с отмашки ударил его молотком в нос, после чего продолжил без остановки бить его по голове. Каждый удар сопровождался треском костей, напоминающим приглушённый звук ломающейся в руках сухой ветки, с характерной отдачей в кисть руки.

Сложно сказать, сколько это продолжалось, может, секунд пять, а может, и пару минут, но остановился я тогда, когда передо мной вместо головы брата было кровавое месиво: нижняя часть представляла собой смесь кожи, крови, костей и мяса, чем-то напоминающую спагетти болоньезе, а верхняя часть смахивала на игрушку из детства, в которую я когда-то играл – резиновый шарик с тальком внутри, из которого можно было лепить простые фигурки, – причём слеплено это нечто было так же неумело, как у меня в шесть лет. Из того места, где раньше был его левый глаз, вытекала розовая слизь – наверно, содержимое глаза.

Я сидел на теле Игоря и смотрел на то, что я сделал. Правая ладонь онемела, сердце продолжало бешено колотиться, и руки дрожали. Живот ныл то ли от тех нескольких пинков, которые мне нанёс брат, то ли от того чувства тошноты, которое вызвала представшая перед моими глазами картина.

Через мгновение я почувствовал, как всё внутри меня сжалось, и струя рвоты вырвалась из моего рта на голову брата, оставляя кислое и вязущее глотку послевкусие. От этого зрелища, к которому теперь добавился запах рвоты, меня стошнило ещё дважды, после чего я бросил молоток, перекатился на пол, откашливая куски непереваренной пищи, и просто лёг рядом с телом брата, пытаясь взять себя в руки. Возможно, я пролежал бы так ещё долго, если бы боковым зрением не увидел, как Игорь сделал резкий рывок в мою сторону. От неожиданности я отскочил метра на два и с глухим стуком ударился спиной в ворота гаража. Как же так, он же мёртв?! Он не мог остаться в живых после такого! Боже, а что если жив, надо срочно вызвать скорую, может, ему ещё можно помочь?!

Всё тело брата дёргалось в судорогах: ноги и руки быстро и резко тряслись, пальцы рук выпрямились и, дрожа, совершали медленные движения вперёд-назад, а голова, трясясь, приподнялась на мгновение над полом, разбрызгивая вокруг мою рвоту и его кровь. Длилось это секунд пять, после чего он застыл в совершенно неестественной позе: его тело лежало на полу, но было видно, как все его мышцы были напряжены. Не так я себе представлял смерть человека, но Игорь определённо был мёртв.

Я сидел на полу, облокотившись спиной на ворота гаража, и смотрел на лежащее передо мной тело. Что же теперь делать? Как же мне поступить? Надо взять себя в руки. Если

вызову полицию, то при виде его изуродованного тела они вряд ли поверят тому, что это была самооборона: в лучшем случае дадут превышение пределов самообороны, и присяду на два года, а в худшем – признают виновным в преднамеренном убийстве и дадут значительно дольше. В тюрьму совсем не хочется. Если убегу, то точно меня найдут, тут же везде мои отпечатки пальцев. Ну ладно, на молотке сотру и в багажнике тоже, но, может, я что-то пропущу? Да и, откровенно говоря, не совсем понимаю, как нужно их стирать. В фильмах легонько протирают платочком и улики не оставляют, но это же фильмы, может, их не так просто стереть, и, даже всё протерев, я не избавлюсь от отпечатков? Да и какие, к чёрту, отпечатки: всё заблёвано моей рвотой, они меня по ДНК найдут. Уж всю свою ДНК я точно не подчищу здесь – совершенно ужасная ситуация!

Который час? Тринадцать десять и двадцать две с половиной минуты с тех пор, как я засёк секундомер в багажнике машины. Я не верил своим глазам – всего двадцать пять минут назад я ещё шёл вдоль обочины дороги, думая над тем, идти на поминки или нет. Ну что ж, теперь можно и сходить, брата на них точно не будет, а плохие воспоминания при виде маминой квартиры я как-нибудь переживу.

Я вернулся к размышлениям о том, как поступить, и медленно встал с пола. В этот момент я вдруг осознал, насколько сильно у меня болело правое бедро, по которому пришёлся удар машины. Терпимо вроде: стоять и идти могу, зна-

чит, кость не сломана и суставы не повреждены. На остальное плевать – само заживёт. Найти бы только болеутоляющее какое-нибудь. Посмотрев на всё вокруг внутри гаража и в узкую щель между створками ворот, я понял, что он привёз меня на дачу родителей, на которой я бывал в детстве. На улице никого не было, но если я выйду, то кто-нибудь из соседних домов может увидеть меня из окна. Как же мне выкрутиться из этой ситуации?

Тринадцать двенадцать. Прошло уже две минуты, а я до сих пор ничего не сделал. Время играет против меня. Нужно думать. Думать. Думать! Как же мне уйти отсюда так, чтобы никто даже не подумал меня подозревать в произошедшем? Алиби у меня нет, да и как оно может быть, если я по факту здесь? Может, закинуть тело в багажник вместе с молотком, почистить здесь всё и уехать на машине в какие-нибудь дебри, после чего закопать тело, а машину пригнать обратно? Нет тела – нет убийства, да? Да! Это то, что надо!

Я подошёл к брату, открыл багажник и с ужасом понял, что труп так окоченел, что мне его не согнуть до нужных размеров. Да и весил он, судя по всему, более ста килограмм – тяжело. Тяжело и безрезультатно. Даже в салон будет не запихнуть в той позе, в которой он застыл. Может, нарубить его на кусочки? Наверняка здесь есть топор. Я начал быстро ходить по гаражу, переворачивая всё, что попадалось под руку, в поисках топора, прежде чем остановился и ужаснулся от того, что я делаю: перебираю здесь всё, ища то, чем на-

рубить на кусочки тело брата – да я же везде оставляю свои отпечатки пальцев! Всё в такой пыли, что будет совершенно очевидно то, что здесь кто-то что-то искал, так как у всего, чего я касался, оставалась потёртость, на которой была смазана пыль.

Ну вот и всё. Как теперь быть? Нужно не суетиться: пока я сделал лишь хуже. Надо успокоиться и ещё раз хорошенько всё обдумать и, главное, ничего не трогать. Тринадцать шестнадцать. Это же дача, топор, наверное, не в гараже, а в сарайчике с дровами во дворе. Постой-ка, да это же наша дача! Тут нет никаких дров и топора, потому что здесь нет печи! Мать готовила на газовой плите, к которой был подключён баллон с пропаном.

Вот и ответ. План был хорош и в случае успеха позволил бы стереть все улики. Я прошёл из гаража внутрь дома – они соединялись дверью изнутри, поэтому на улицу выходить не требовалось – и тихо прошёл на кухню. Присев, чтобы меня нельзя было увидеть через окно, я потряс баллон и чуть не прослезился от счастья: баллон был почти полон. Заглянув под раковину, я опустошил мусорное ведро, вывалив из него всё на пол. Убедился в том, что баллон закрыт, и снял с него резиновый шланг, соединяющий его с плитой. Пригнувшись, тихо прошёл со шлангом и жестяным ведром обратно в гараж и подошёл к бензобаку. Лишь бы длины шланга хватило. Открыл крышку бензобака и начал засовывать в него шланг до тех пор, пока он не упёрся в дно. Длины шлан-

га было достаточно для того, чтобы его второй конец достал до пола, и я подставил под него ведро. Хорошенько затянувшись свободным концом шланга, мне удалось прогнать бензин по резиновой трубке, и он начал свободно литься из бензобака. Слава физике!

Двадцатилитровое ведро наполнилось до краёв, и бензин начал перетекать за края, но это длилось недолго. Судя по всему, пролилось впустую литра два. Хотя, почему же впустую: без дела не пропадёт и то, что пролилось. Оставив ведро, наполненное до краёв бензином, рядом с машиной, я взял тело Игоря за ноги и начал медленно тащить на кухню. Боже, какой же он тяжёлый!

Это длилось десять минут. Едва заметная полоска крови и рвоты простиралась из гаража до дивана на кухне, на котором теперь лежал брат. Я положил баллон с пропаном ему на живот и пошёл в гараж за ведром, но прежде, чем принести ведро на кухню, я облил весь хлам по краям гаража бензином, израсходовав около трети ведра. Тонкой струёй бензина вылил дорожку от гаража до кухни, и в итоге у меня осталось ещё целых полведра на то, чтобы облить всё вокруг, включая своего брата, лежащего на диване с баллоном, как Винни Пух с банкой мёда.

Тринадцать двадцать девять. Запах бензина разъедал глаза и слизистые оболочки носоглотки. Я облил наиболее горючие деревянные места, и накладок быть не должно, дом ведь деревянный. Посмотрев на брата и лежащий на нём

баллон, я начал сомневаться в том, что моя идея сработает: а вдруг баллон от взрыва просто улетит вверх, не повредив внутри дома ничего? Это же, наверно, как с петардой: если взорвётся в открытой ладони, то ущерб будет минимальный, но если в зажатой – оторвёт пальцы. Если тело брата просто обгорит, то это, безусловно, сотрёт любые отпечатки пальцев и рвоту с моей ДНК, но следователи не смогут пройти мимо разmozжённного черепа и точно заведут дело об убийстве. Мне это не нужно, не так ли?

Я снял баллон с Игоря и запихнул его между диваном и спиной брата. Нет, так ещё хуже, тело брата выбросит взрывом наверх, и он точно останется невредим и, может, даже не сильно обгорит. Очень плохо! Скинув тело Игоря на пол, я положил на него баллон с пропаном, перевернул на них диван, на который затем затащил плиту. Так точно ни тело, ни баллон при взрыве не выбросит наружу, а это значит, что мой злополучный братик не только обуглится, но его ещё и на куски разорвёт так, что вряд ли кому-то будет ясно то, что череп был раздроблен до взрыва. Супер! Как я рад, что я догадался до этой идеи! Осталось лишь понять, куда бежать так, чтобы быть незамеченным. Времени у меня будет не более минуты, чтобы скрыться в лесу, так как по моим представлениям пожар должен был начаться почти мгновенно. Я открыл окно, выходящее на задний двор участка, где за забором в пятидесяти метрах от дачного участка начинался густой лес, обмотал лицо кухонным полотенцем, чтобы меня

не узнали те, кто мог бы меня заметить, и, затаив дыхание, поджёг спичку, взятую в коробке, лежащем на подоконнике рядом с плитой. Поехали...

Через пару мгновений я уже пытался отдышаться от бега, лёжа в первых же попавшихся кустах в лесу. Дом горел сильнее, чем я ожидал, и пламя распространилось быстрее, чем я предполагал. Когда я впервые посмотрел назад, добежав до леса, весь первый этаж, включая гараж, горел рыжим пламенем, выпуская из окон столбы чёрного дыма, и начинал загораться второй этаж. Через несколько минут второй этаж уже всюду горел, и пламя вырывалось прямо через крышу. Как же жарко – я чувствовал тепло от пламени даже здесь, в кустах. Надо отбежать дальше. Да и зачем вообще смотреть и ждать? Взорвётся баллон или нет – я туда уже точно не вернусь. Отбежав ещё на сто метров, я обернулся и сквозь листву увидел, как какая-то пожилая женщина что-то кричит, стоя недалеко от охваченного пламенем дома. Взрыв произошёл спустя мгновение, разнося во все стороны куски постройки, хотя мои опасения по поводу того, что баллон или тело вынесет взрывом из дома, были, вероятно, напрасны. Стены и крыша, конечно, пострадали, но взрыв был не такой сильный, как я предполагал, и каркас дома после взрыва остался цел. Впрочем, уже через пару секунд весь дом обвалился и теперь представлял собой огромную кучу полыхающих брусьев, пламя от которых уходило метров на десять или пятнадцать вверх. Я побежал сквозь лес подальше от по-

жара. Насколько я помню, если бежать прямо, то через пару километров можно будет добежать до шоссе, где можно будет сесть на автобус или вызвать такси.

Твою ж мать, вызвать такси не получится, ведь брат у меня забрал телефон! Вряд ли он унёс его из дома: наверно, он остался у него в кармане или в машине. Если это так, то можно не волноваться, так как всё сгорит, не оставив и следа, но если он положил его где-нибудь во дворе, то меня могут найти. Хотя можно будет сказать, что я обронил его, когда бежал из такси на похороны, с намёком на то, что мой брат на обратном пути его нашёл и забрал себе. Да, пожалуй, в таком случае именно так и скажу, хотя почти уверен, что сейчас от моего телефона уже ничего не осталось.

Бежать не получалось – болела нога, но удавалось идти быстрым, хоть и прихрамывающим шагом. Думаю, что нужно пойти на поминки – это будет неплохим алиби. Если я буду со всеми тогда, когда станет известно о кончине брата, то вряд ли кому-то будет дело до того, что в момент его смерти я был неизвестно где. Олегу и Вере я сказал, что поеду в отель, так что должно всё сложиться хорошо. К началу третьего я увидел мелькавшее между деревьями шоссе, подходя к которому, я оглядел себя: мокрые и грязные ботинки, пыльные штаны и пиджак и кухонное полотенце в руке. В ближайших к дороге кустах я протёр полотенцем лицо и затем ботинки, снял грязный пиджак и отряхнул брюки. Хорошо, что костюм чёрный, и на нём почти не видно грязи,

белая сорочка осталась почти незапачканной, так как поверх неё был пиджак, который взял на себя всю грязь. Запихнув полотенце в рукав пиджака и свернув его так, чтобы не было видно грязи, я дошёл до ближайшей остановки. В кармане пиджака лежали триста рублей и ключи от номера, так что осталось лишь сесть на первый попавшийся автобус – отсюда они все едут в сторону центра – и добраться до отеля.

Оставалось десять минут до начала поминок, когда я вошёл в свой номер. Опаздывать было нельзя: от кладбища до отеля и от отеля до квартиры матери было пятнадцать-двадцать минут езды на машине. Будет странным то, что я опоздаю, но что-нибудь придумаю. Я позвонил из номера на стойку информации и попросил вызвать такси на ближайшее время. Положил всю одежду, что была на мне: брюки, пиджак с полотенцем в рукаве, сорочку, галстук, трусы, носки и ботинки в пакет и плотно завязал. От всего пахло бензином и потом. Посмотрев в зеркало, я с ужасом обнаружил, что всё правое бедро представляло собой огромную иссиня-красную гематому. Как я вообще ходить могу? Ладно, главное, что могу.

Быстро приняв душ и тщательно помыв каждый квадратный сантиметр своего тела, я оделся в обычную одежду. Кое-как запихнул пакет с вещами в сумку, взял банковскую карту и пошёл к ожидающему меня такси.

Я попросил остановить меня в квартале от квартиры матери, рассчитался с таксистом и вышел из машины. Выкинув

пакет с вещами в дворовый мусорный бак, я дошёл до аптеки и купил болеутоляющее и воду. Закинувшись двумя таблетками сразу, выдвинулся в сторону квартиры матери и к моменту звонка в домофон уже начал чувствовать, как стихает боль в ноге.

Пятнадцать тридцать четыре: не сильно-то я и опоздал. Прошло менее трёх часов с того момента, как я положил цветы на могилу матери и отчима, но по моему субъективному восприятию прошла целая вечность. Теперь главное успокоиться, не суетиться и думать о том, что говорю.

– Андрей, привет! Спасибо, что всё-таки пришёл! – Вера открыла мне дверь и впустила в квартиру. – Я не могла до тебя дозвониться.

– Привет! Да, я вздремнул часок в отеле, а когда проснулся, обнаружил, что телефон разряжен. Зарядить так и не успел, потому что проспал и сразу побежал сюда, – ответил я, снимая обувь и проходя в гостиную.

– Мы ещё не начали, так как Игорь куда-то запропастился. Дозвониться до него не можем. Ты его не видел?

– Последний раз я его видел, когда он уезжал на машине с кладбища. Может, начнём без него? Как-никак двое из трёх детей здесь. Или думаешь он обидится, когда придёт и увидит, что без него начали?

– Думаю, что обидится, но он сам виноват. Куда можно было пропасть за два часа до поминок? Не удивлюсь, если он сейчас сидит и бухает в каком-нибудь кабаке. Давай на-

чинать!

Я сел рядом с Верой и Олегом и на протяжении часа ел, изображая скорбяще-смиранный вид и отвечая на вопросы о том, почему я так редко приезжал к родителям. Редко: да я вообще ни разу не приезжал. Тосты с последним словом о родителях сказали Олег и Вера, и близился мой черёд. Как же не хотелось ничего говорить: я и сами тосты говорить не умею, и о матери с отчимом сказать ничего хорошего не могу. Прошло десять минут после речи Веры, и я начал ловить на себе взгляды присутствующих, ожидающих речи. Пора – не отверчусь!

Я взял стопку, встал и выждал несколько секунд до тех пор, пока все не замолчат и не посмотрят на меня, в это мгновенье прикидывая свою будущую речь: – Дорогие друзья, думаю, что мне сложно будет найти слова для того, чтобы выразить то сожаление, которое я испытываю от такого печального события, ту горечь от того, что я не смог быть рядом с родителями в последнее время. Я много мог бы сказать о том, что я чувствую от этой утраты, но, пожалуй, больше всего я хотел бы поблагодарить родителей за то, что именно благодаря им я вырос самостоятельным человеком, способным справляться с трудностями, встречающимися в жизни. Сложно представить то, кем бы я был, если бы не их подход к моему воспитанию. За маму с отчимом! – я поднял стопку и сделал вид, что пью. Все последовали за мной и выпили. Дурацкий тост, но это единственное из того, что мне удалось

из себя выдавить, говоря о них.

Через пару минут раздался пронзительный звонок в дверь.

– А вот и Игорь! – сказал я в тот момент, как по всему моему телу пробежала дрожь, и от выброса адреналина ноги налились свинцом.

– Наконец-то! – ответила Вера и пошла открывать дверь. Я последовал за ней.

Мои опасения подтвердились, и за дверью стояли двое участковых.

– Здравствуйте! – участковые представились, на автомате пробубнив свои звания и фамилии. – Вы хозяйка квартиры?

– Здравствуйте! Я дочь хозяйки – Вера Анатольевна. Хотя часть этой квартиры моя, так что формально я тоже собственница. Что случилось?

– Два часа назад произошёл пожар в садоводстве к юго-западу отсюда. По документам пожар произошёл на участке, принадлежавшем Вашим родителям. Сгорел дом. Пожар локализован, но необходимо проехать на место происшествия и затем в участок для того, чтобы дать показания. Сейчас на месте происшествия работают сотрудники МЧС.

Через пять минут мы втроём уже сидели на заднем сиденье полицейской машины, оставив гостей дома, – такси решили не брать, а полицейские не возражали нас подвезти. Подъезжая к садоводству, перед нами предстал огромный столб серого дыма, простирающийся в небе на несколь-

ко сотен метров. Я пытался не выдавать страха, но сердце бешено колотилось в груди. В голове представлялась сцена, при которой мы выходим из машины, а перед нами лежит почти не обгоревший труп Игоря с раздробленным черепом и моим телефоном в кармане. И в тот момент, как следователи начинают задавать компрометирующие вопросы, начинает звонить мой телефон. Полицейские его достают, и Вера в недоумении восклицает «Андрей, так это же твой телефон!». Если всё будет так, то бежать будет бессмысленно, а моя история про то, как я потерял на кладбище телефон, будет очевидной для всех ложью. Я сидел в машине с кондиционером, но по спине и вискам медленно стекали капли холодного пота. Всё должно быть хорошо – пытался я успокоить себя – всё должно быть хорошо: я же своими глазами видел взрыв и то, как обвалился дом. Но вдруг я ошибаюсь? Что если уже сегодня ночью я буду находиться за решёткой и выйду на волю лет так через десять? Ещё сто метров езды, и решится моя судьба.

Когда мы вышли из машины, так пахло гарью, что было трудно дышать. На месте дачи было пепелище: груда обугленных ещё дотлевающих кусков дома и обгоревший кузов машины, заваленный кусками полопавшейся черепицы. Вокруг стояли четыре пожарные машины, и работали не менее десяти пожарных.

Мы молча стояли и смотрели на происходящее, пока к полицейскому не подошёл второй офицер и тихо не сообщил:

– Капитан, звонили из больницы. Бабуля скончалась.

– Вот как. Ясно, спасибо. Остальные пострадавшие как?

– Всё в порядке. Лёгкий шок, серьёзных травм нет. Некоторых уже отправили по домам.

Капитан ещё минуту стоял, молча смотря на происходящее, после чего я спросил у Олега, не это ли машина Игоря стоит на участке.

– Да, его, – ответил он и посмотрел сначала на меня, а затем на Веру.

– О господи, Игорь! – взревела сестра. – Вы не видели моего брата? Это его машина под обломками гаража! Вы пытались ему дозвониться?

– Спокойно, спокойно, любовь моя! – Олег обнял мою сестру, которая пыталась прорваться к дотлевающему дому.

Капитан махом руки подозвал к нам медбрата, который уже через минуту вколол Вере успокоительное.

– Так это машина Вашего брата? – спросил меня капитан.

– Вроде его.

– Его, его. Точно совершенно! – подхватил Олег. – Мы не можем ему дозвониться уже больше часа.

– Понятно. Будем искать. Думаю, что поговорим в машине, в участок ехать пока смысла нет.

Мы с Олегом проследовали за офицером полиции к его машине, где в течение полчаса отвечали на его общие вопросы о том, когда мы видели Игоря, кто мы такие, какое отношение имеем к даче, были ли у Игоря недоброжелатели,

и что мы делали после того, как последний раз пересекались с братом. Олег подтвердил то, что я поехал после кладбища в отель и затем прибыл на поминки, а я рассказал то, что в отеле вздремнул. Затем к беседе подключилась и Вера, рассказывая сонным голосом о том, что Игорь всё в жизни проспал и был алкоголиком, с которым было даже стыдно появляться на людях.

Пока мы говорили, к машине подошёл сотрудник МЧС и попросил проследовать офицера за ним. Мы с Олегом и сотрудником амбулатории пошли вместе с ними, а Вера осталась в машине, растекаясь в полудрёме на переднем сиденье. Подойдя к забору изнутри участка, пожарный указал на предмет, лежащий на траве. Я приготовился к худшему, ожидая, что это может быть мой телефон. Посреди сгоревшего газона, среди дымящихся кусков дома, лежал обугленный кусок руки, представляющий собой, скорее, не руку, как таковую, а кости с припёкшейся к ним чёрной массой. По мере того, как мы к ней подходили, душный запах сгоревшего дома сменился на едкий запах обугленной плоти, сильно схожий с запахом жжёных волос.

Слава богу, это не телефон! Знатно всё-таки бомбануло, раз полруки на пятнадцать метров отбросило! Не зря диваном и плитой накрыл. В этот момент я понял, что вроде меня пронесло, и всё получилось так, как я планировал.

– Ваш брат носил на себе какие-либо металлические украшения? – обратился ко мне сотрудник амбулатории. – Коль-

ца или цепочку? Серьги?

– Я видел его сегодня впервые за двенадцать лет с расстояния метров десять. Я не знаю.

– Кажется, он носил обручальное кольцо на левой руке – так и не снял его после развода. Вроде вчера, когда мы были у него и готовились к поминкам, оно было на нём, но я не уверен, – ответил медбрату Олег.

Капитан посмотрел на траву: – Рука правая, надо бы левую найти. Раз одна есть, значит, и вторая где-то лежит.

Рациональность доводов полицейского меня даже несколько забавляла. Думаю, что с капитаном я бы нашёл общий язык.

К восьми часам вечера мы с Олегом ещё были на месте пожара. Веру он отвёз спать в отель ещё два часа назад. Пожарные машины уехали, и сотрудники МЧС тоже все разошлись после того, как удалось обнаружить ещё пару кусков тела Игоря, включая левую руку, на которой действительно было кольцо, и полностью потушить обломки дома. К десяти часам вечера ни у кого не было сомнений в том, что пожар произошёл по вине брата. Предполагалось, что он, будучи пьяным, не досмотрел за огнём на плите, вследствие чего произошло возгорание с последующим взрывом баллона, и гибель. Так было удобно считать абсолютно всем заинтересованным лицам, и если не всплывёт каких-либо новых фактов – а они вряд ли появятся – то я надеялся, что дело закроют уже через неделю. Соседи видели, как Игорь на своей

машине заехал в гараж, но никого больше не видели: в машине он ехал один, что с уверенностью подтвердил сосед, мимо которого он проезжал, а то, как кто-либо, кроме брата, заходил в дом или выходил из него, никто не видел.

Мы распрощались с капитаном полиции и сели с Олегом в заказанное такси.

– Ну и денёк! – со вздохом сказал Олег.

– Интересно, как там гости? Совсем про них забыл. Они же в квартире остались.

Когда я отвозил Веру в отель, на её телефон позвонил один из присутствующих с вопросом о том, что случилось и когда мы вернёмся. Я объяснил вкратце ситуацию и попросил продолжать застолье столько, сколько потребуется, и извинился за то, что мы не можем приехать.

– Думаю, что они уже разошлись по домам, – ответил Олег и после недолгого молчания продолжил: – Знаешь, а ведь ты теперь единственный родственник Веры. Хорошо, что ты здесь!

– Да уж! Ей, наверно, ужасно тяжело, – ответил я. – Ты посмотри на её состояние через пару недель: мне кажется, что в силу последних событий не стоит откладывать свадьбу. Ведь после того, как Вы поженитесь, у неё снова станет много родственников: ты и вся твоя родня. Я думаю, что вам следует отправиться к твоим родителям, раз вы хорошо общаетесь, и провести некоторое время у них. Думаю, что сейчас важно дать ей понять, что у неё, вопреки случившемуся,

осталось много близких и любящих её людей.

– Пожалуй, ты прав. Наверно, так и поступим.

– Я, к сожалению, вынужден завтра днём улететь отсюда, но я всегда буду на связи. Мой номер у тебя есть. И, да, раз ни родителей, ни Игоря больше нет, то получается, что мы с Верой остаёмся единственными наследниками квартиры и участка – мне ничего не нужно. Подготовьте бумаги и распродайте всё или оставьте себе. В любом случае я ни на что не претендую – ни дачу, ни квартиру я никогда не считал своими. Когда приеду в Питер, узнаю у своего юриста, что от меня требуется: наверное, нотариально заверенный отказ от вступления в наследство или дарственная на имя Веры. Узнаю, в общем, и всё сделаю.

– Хорошо, я передам Вере. Спасибо! Думаю, что это всё не к спеху. В ближайшее время она вряд ли этим всем готова будет заниматься.

Мы подъехали в отелю, в котором жили Олег с Верой, и я сказал, что хотел бы попрощаться с сестрой, так как завтра, вероятно, не успею повидаться с ними. Таксиста я попросил подождать минут пятнадцать. Мы тихо зашли в номер и увидели мирно спящую на кровати Веру. Я сел рядом с ней и погладил её по тёплой щеке.

– До свидания, Верусь! Скоро ещё увидимся! – тихо прошептал я и, поцеловав её в лоб, встал и направился к выходу, задержавшись на мгновение.

– Олег, Вера говорила, что ты ей какие-то антидепрессан-

ты даёшь. Можешь мне пару таблеток дать? – спросил я.

– Конечно, сейчас. Только ей их по рецепту продали: врач выписал, так что соблюдай инструкцию! – сказал Олег и тихо приоткрыл ящик стола, доставая упаковку. – Тебе сколько?

– А как их пить?

– По одной не более двух в день и не более семи дней подряд, – Олег тихонько достал инструкцию из упаковки и протянул мне.

– Инструкция не нужна, я понял. Дай две и стакан воды, если можно.

Проглотив одну таблетку антидепрессанта и ещё одну болеутоляющего, я поблагодарил Олега и попрощался с ним, но, открыв дверь, я остановился на пороге: – Слушай, Игорю же ведь какие-то похороны надо будет организовывать. Вы этим займётесь?

– Я всё устрою, когда нам в морге отдадут то, что от него осталось.

– Я тебе переведу пятьдесят тысяч. Не знаю, почём нынче обходятся похороны, но уверен, что недёшево. Тем более, двое похорон подряд. Если нужно будет ещё, то скажи, и я ещё переведу. Правда, раньше, чем в следующую пятницу, у меня вряд ли будут деньги. Какая-то чередка совершенно непредвиденных расходов навалилась, и нужно зарплаты дожидаться.

– Не переживай, мы разберёмся! Не нужно денег.

– Я всё-таки переведу. Я же тоже родственник погибших,

неправильно, если только вы с Верой всё оплачивать будете! – промолчав пару секунд, я добавил: – Но на похороны Игоря меня не ждите, хорошо?

– Конечно, нет проблем!

– До встречи на свадьбе, Олег! Мне очень приятно было с тобой познакомиться! Не знаю, что бы мы с Верой здесь без тебя делали, если бы ты не поехал.

– Пока. Я тоже рад был наконец познакомиться! Спасибо за всё!

Погрузившись на заднее сиденье такси, я попросил водителя отвезти меня в мой отель. Когда мы доехали, я рассчитался и сел на скамье перед входом в гостиницу, облокотился назад и полулёжа закурил. Струйка синего дыма, извиваясь, поднималась наверх, к тёмному звёздному небу, замедлялась и растворялась где-то далеко вверху. Как же давно я не видел звёздного неба: оно прекрасно! Смотря на эти сотни звёзд, ярких и блеклых, хаотично рассыпанных на чёрном полотне сверху, я представлял, как всё-таки бессмысленно большинство происходящих в мире вещей. Термоядерные реакции, произошедшие десятки и сотни лет назад в недрах огромных огненных шаров, находящихся в миллиардах километров от меня, породили фотоны, которые успешно пересекли колоссальное расстояние лишь для того, чтобы поглотиться сетчаткой моих глаз. Насколько же это всё бессмысленно! Изменилось бы что-то во Вселенной от того, что нашей планеты просто бы не существовало? Все наши цели, страхи и со-

мнения, отвага, любовь и преданность – абсолютное ничто в масштабах даже нашей галактики. Рождение человека, его фактическое существование в течение менее века и последующая смерть, в масштабах Вселенной, существующей более тринадцати с половиной миллиардов лет, очень напоминает квантовые флуктуации вакуума, которые мы проходили на четвёртом курсе, за одним лишь исключением: виртуальные частицы всегда рождаются со своей парой – античастицей, а человек рождается и умирает один. И это очень печально.

Живот проурчал от голода, и я поднялся для того, чтобы дойти до ресторана, который находился при отеле. Переведя взгляд со звёздного неба на вход здания, мне показалось, что ярко светящаяся вывеска с его названием, ещё вчера вечером казавшаяся мне режущей глаза своим холодным белым светом, излучала тепло, и её желтоватый оттенок был скорее мягким. По краям она расплывалась, как будто я смотрел на неё через слегка запотевший объектив телефона. При входе в ресторан меня встретила администратор зала.

– Простите, уже полдвенадцатого, тридцать минут назад мы перестали принимать заказы на еду, но Вы можете заказать что-либо из бара.

– Я понимаю, но, вы знаете, я просто до безумия хочу есть. Наверняка у Вас есть хоть что-то, что я бы мог заказать, не напрягая при этом собирающегося домой повара. Вы могли бы уточнить, может ли он на скорую руку мне приготовить что-нибудь? Я готов съесть даже просто какой-нибудь бутер-

брод с чаем.

– Минутку! – администратор вежливо улыбнулась и пошла на кухню. В тот момент, когда она отворачивалась и начинала двигаться к повару, я заметил, как её вежливая улыбка переросла в раздражённую гримасу. Бедная девочка, наверно, весь день на ногах. Я бы тоже не обрадовался такому позднему посетителю. Через пару минут она подошла ко мне с меню и указала на пару простых салатов и вторых блюд. Я заказал греческий салат и пасту с морепродуктами, так как они показались мне наиболее простыми, а я не хотел никого сильно утруждать.

Сев за столик, я стал рассматривать висящую на стене передо мной декоративную карту мира, которая представляла собой выпаянные на огромной доске контуры материков и наибольших островов, типа Новой Зеландии, Мадагаскара и Великобритании. Справа от Северной Америки располагалась Гренландия. Хотел бы я там когда-нибудь побывать. В голове всплыл научно-популярный фильм про Фритьофа Нансена, который мы смотрели с женой в общежитии, когда были студентами. Великий он был человек! Интересно, как было пересекать на лыжах такой огромный остров? Наверное, ему было тяжело, но это не сравнить с его путешествием к северному полюсу и тем, как ему удалось выжить посреди заснеженных льдов, бросив свою команду, сидящую хоть и в замурованном льдами, но всё-таки тёплом и уютном корабле, где было полно еды, в попытках найти для них по-

мощь. Что он чувствовал, убивая и поедая прежде преданных ему собак, которые были в его упряжке, в собственно-ручно собранной иглу? И ведь он выжил, а когда вернулся из Заполярья, вёл активную социально-политическую деятельность, помогая беженцам из разорённых войной стран. Я помню, что он был моим героем после просмотра этого фильма: будучи студентом я хотел быть таким же отважным и добродетельным, как он. Правда, давно я не вспоминал о нём и о том, что он успел за свою жизнь сделать. Кажется, он был разведён и остаток жизни жил со второй женой. Если это действительно так, то, может, быть разведённым не такое уж и плохое клеймо на биографии человека, раз даже Нансен был дважды женат?

В мыслях я перенёсся на середину бескрайней заснеженной белой пустыни, где не было видно ничего, кроме снега, вплоть до горизонта. Снежинки медленно падали мне на ладони и таяли, оставляя после себя небольшие капельки воды. У каждой снежинки был свой неповторимый узор, но все до единой почему-то были шестиугольными. Прозрачные сростки кристаллов, угловатые и переливающиеся белым светом в лучах полной луны, оставляющей позади меня тёмную тень...

– Молодой человек! Ваш заказ у Вас на столе! – официантка стояла рядом, а передо мной на столе располагались тарелки с заказанной едой и чай.

– А? Да, спасибо! Рассчитайте меня сразу, пожалуйста! По

безналу оплачу, – ответил я и полез в карман за телефоном, чтобы рассчитаться, но вспомнил, что его у меня нет. Достал карту. Кажется, официантка была рада тому, что я незамедлительно оплачу заказ и больше не буду её беспокоить.

– Вот ведь меня накрывает! – подумал я, пытаюсь отвлечься от одолевающих меня мыслей про Гренландию и сконцентрироваться на еде. – Действительно отличные таблетки у Веры!

Я быстро поел и даже успел покинуть ресторан до полуночи. Дойдя до номера, я разделся, помылся и, улёгшись на кровать, позвонил на стойку регистрации с просьбой разбудить меня в девять утра. Получив одобрение, я положил голову на подушку, закрыл глаза и провалился в сон.

– Это ты их убил! Ты их убил, маленький ублюдок! – яростно кричал на меня брат, стоя в трёх метрах от меня посреди огромного простирающегося чуть ли не до горизонта заледеневшего озера.

Тонкий лёд трещал под моими ногами, издавая глухой пронизывающий всё тело хруст. Берег был далеко и, упавши я под лёд, вряд ли бы смог выбраться.

– Ты убил нашу мать! Из-за тебя отец ушёл из семьи! А теперь ты убил ещё и меня?! Ты! Должен! Страдать! – Игорь смотрел на меня широко раскрытыми глазами, вокруг которых откуда-то из волос стекала бордовая кровь. Он часто тяжело и глубоко дышал, медленно направляя на меня охотничье ружьё.

– Ты! Должен! Страдать! – его палец медленно стал нажимать на курок наставленного на меня ствола ружья.

Лёд трещал всё сильнее – глухой утробный треск. И выстрел. В моей груди в области сердца сквозь продырявленную одежду выступила кровь, но я ничего не почувствовал. Ни боли, ни отдачи – ничего. Он попытался выстрелить ещё раз и ещё, безудержно нажимая на курок, но ружьё больше не стреляло.

Я начал медленно идти навстречу брату. Какой же он был жалкий и беспомощный без патронов! Треск: скрежет десятитонных льдин друг о друга издавался вокруг.

– Ты – жалкая пародия человека! – с гневом ответил ему я. – Ты всегда был пресмыкающимся червём, не имеющим собственного мнения. Если бы ты не бухал и сам отвёз мать домой после праздника, то, может, она осталась бы жива. Ты бы с большей вероятностью смог довести её посреди ночи до дома живой, чем уставший шестидесятилетний старик! Это ты её убил! Ты настолько жалок, что даже не смог её защитить!

Брат стоял на месте и смотрел на меня. Его правый глаз вытекал из глазницы, но в его изуродованном лице отчётливо читался страх. Жирные масляные пятна в области живота на его футболке медленно растекались и краснели, превращаясь в кровавые раны.

– Ты жил как свинья и сдох как свинья, ублюдок! – продолжал я. – Я не убивал мать с отчимом, но я убил тебя. Те-

бя, сука! И будь у меня возможность сделать это снова, я бы опять это сделал! – я замахнулся на него сверху молотком, который оказался в моей правой руке, и начал вбивать брата в лёд, как гвоздь в доску. Я бил его и бил до тех пор, пока он не ушёл под лёд и я не увидел на поверхности воды образовавшейся лунки своё отражение: я смеялся до слёз, смеялся от того, что сделал, смеялся от того, что вокруг меня теперь лишь чистый белый снег и синий лёд и больше нет запаха машинного масла, бензина и крови. Я был один, и мне было хорошо. Под моими ногами был толстый слой прочного льда – он больше не трещал – и лишь мой звонкий смех раздавался эхом от скал, окружающих теперь это круглое небольшое замёрзшее горное озеро.

Я проснулся, вздрогнув от собственного крика. Приподнявшись с кровати, я с трудом разглядел время, которое показывали настенные часы в номере: четыре тридцать семь. Встав на ноги и не включая свет, я наощупь нашёл в кармане штанов вторую таблетку антидепрессанта, проглотил её, запив водой, и снова уснул.

ТРИ ДРУГА

Проснувшись от звонка телефона в девять утра, я поднялся, помылся и, в то время как чистил зубы, понял, что со мной не может связаться ни Саша, ни Лёша, с первым из которых я должен был встретиться уже сегодня во время обеда. Сплюнув пасту, я пошёл к ноутбуку и написал Саше на мейл, что у меня проблемы с телефоном и я позвоню ему в ближайшие пару часов. Надеюсь, что у него синхронизирована почта с телефоном, и он сразу заметит моё письмо – нехорошо получилось.

Торговый центр с нужным мне магазином, продающим технику того бренда телефона, который я искал, открывался в десять, и я после завтрака, не торопясь, собрал сумку, заказал такси и сдал ключи на стойке регистрации. Хороший был отель. Если ещё раз придётся сюда ехать, то снова в нём остановлюсь. Выходя из отеля, я осознал, что почти не хромал: боль в ноге меньше не стала, но я к ней уже привык. Подъехав к уже открывшемуся торговому центру, я сразу купил смартфон и ещё через двадцать минут у меня на руках была восстановленная сим-карта. Пока я смотрел на то, как молодой парень активирует мой телефон и восстанавливает через облако всю необходимую мне информацию, я бегло подсчитал то, сколько денег улетело за последние четы-

ре дня. Вместе со всеми билетами, ресторанами, костюмом, зимней одеждой, телефоном и материальной помощью Вере с Олегом получилось более двухсот сорока тысяч рублей – пора бы начать экономить, а то до следующей пятницы не дотяну. Когда я только окончил ВУЗ и получал свои заслуженные семьдесят пять тысяч в месяц, мне хватало не только на жизнь, но даже удавалось откладывать тысяч по пятнадцать в месяц на сберегательный счёт. Парадоксально, но теперь, получая в среднем чуть более половины миллиона рублей в месяц, я думал о том, как же мне протянуть неделю до зарплаты – абсурдная и нелепая ситуация.

Тем временем сотрудник магазина протянул мне мой гаджет. Как же хорошо снова иметь рабочий телефон! Я снова чувствовал себя частью цивилизации. Одиннадцать пропущенных от Саша и три от Лёши. Я поблагодарил сотрудника и сразу набрал Сашу:

– Привет! Прости, что был недоступен. Ты где?

– Андрей! Ты где? С тобой всё нормально? Дозвониться до тебя не могу со вчерашнего вечера! Я уже начал немного переживать.

– Всё хорошо. Просто забегался вчера и на ходу где-то телефон потерял. Только сейчас новый купил. Всё нормально. Расскажу, как всё прошло, при встрече. Ты во сколько в Толмачёво планируешь быть?

– Выезжать буду через час, в аэропорту буду часа через два, дороги вроде пустые.

– Хорошо, давай тогда в час встретимся там.

– Договорились. Лёше позвони, он тоже переживает.

– Хорошо, сейчас ему перезвоню.

Положив трубку, я написал Лёше, что со мной всё в порядке и я жду скорейшей встречи с ним. Звонить не стал, так как настроения для очередного разговора о том, что вчера случилось и почему я не отвечал, не было. Открыв онлайн-банк, я с ужасом обнаружил, что у меня в сумме по двум моим счетам оставалось чуть более тридцати тысяч рублей. Да уж, ну и жопа! Занимать ни у кого не хотелось, поэтому я нашёл ближайший ломбард и продал свои механические Бом эт Мерсье. Сто двадцать тысяч наличными составляли в лучшем случае половину от их реальной стоимости, но на данный момент мне было на это плевать – главное, что теперь у меня снова были деньги. Отдавая свои часы, я на миг почувствовал себя наркоманом, который в осознании того, что у него нет очередной дозы, продавал свои вещи, лишь бы получить новую порцию удовольствия. Интересно, сколько же я должен получать, чтобы быть полностью удовлетворённым и ни в чём себе не отказывать? Кажется, что такого предела не было. Когда я только окончил ВУЗ, то полагал, что люди, получающие четверть миллиона рублей в месяц – богачи, относящиеся к совершенно иному слою людей. Казалось, что это некая высшая раса, живущая полноценной и абсолютно счастливой жизнью, причём их счастье было гораздо больше того, которое мог испытать я, получая

менее ста тысяч рублей. Оглядываясь назад, теперь я понимал, насколько сильно я ошибался: получая в два раза больше той суммы, которую считал гранью богатства, я был гораздо менее счастлив, чем раньше. Верно говорят, что деньги не приносят счастья, однако убедиться в этом я смог лишь тогда, когда проверил это на собственном опыте. Интересно, изменилась бы моя судьба, если бы я понимал это раньше?

В полпервого я уже сидел в бизнес-лонже аэропорта, пил кофе и отвечал на ноутбуке на наиболее важные письма, пришедшие за вчерашний день, как друг позвонила Вера.

– Алло, Андрей, привет! Ты где?

– Привет, Верусь! Я уже в аэропорту, прости, что пришлось уехать. Как ты себя чувствуешь? Выспалась? Во сколько встала?

– Да только что проснулась. Проспала более семнадцати часов. Олег сказал, что ты вчера заходил. Прости, что не проснулась. Мне жаль, что мы так и не попрощались.

– Не переживай, в любом случае скоро увидимся. Ты себя хорошо чувствуешь?

– Да, всё в порядке. Гораздо лучше, чем вчера. Олег даёт мне таблетки – они помогают.

– Хорошо. Я в ближайшие пару дней возможно буду недоступен, но на следующей неделе можем поболтать по видеосвязи.

– Договорились, я позвоню. Целую!

– Пока.

Её звонок пробудил во мне ужасные воспоминания о вчерашнем дне, о котором я не вспоминал с самого утра. Как же так всё получилось? Я же убил собственного брата! Я убийца. Но ведь это была самооборона: мне пришлось сопротивляться, иначе он бы убил меня! Он пытался переехать меня машиной, а когда ему это не удалось, он решил меня застрелить! В голове снова вспыхнул звук ревущего мотора, тошнотворный запах горящего масла и ствол ружья, приставленный ко лбу, безумные глаза Игоря и хруст костей его черепа. По коже пробежали мурашки, и подкатило чувство тошноты.

Я всегда думал, что смерть человека – это событие, которое меняет всё, но после его смерти ничего не изменилось. Когда он умирал, люди, сидящие в его квартире, накрывали на стол и затем ели приготовленные Верой салаты и вторые блюда, выпивали и обсуждали свои дела. После того, как он скончался, они продолжили жить своей жизнью и, возможно, лишь иногда теперь задумываются над тем, что его нет, сидя на своих работах и исполняя свои служебные обязанности, приходя домой и смотря телевизор. О чём, интересно, в этот момент думал Игорь? О чём он думал утром вчерашнего дня? Какие он планы строил на будущее? На сегодня? Мог ли он представить с утра, что через несколько часов он будет мёртв и что ни одному из его планов на будущее не суждено сбыться? Мне казалось, что если человек умирает, то вся временная шкала мира делится на то, что было до его смер-

ти, и на то, что после. Но когда он умер у меня на глазах, я не ощутил ничего подобного. Я даже не знаю, в какой момент его не стало. Умер ли он после того, как я вторым ударом молотка загнал его нос в область мозжечка, или лишь после тех судорог, которые охватили его в конце? Его смерть была настолько незначительна, настолько обыденна для всего происходящего в тот момент, что остановка его сердца была равносильна остановке поршней двигателя внутреннего сгорания в момент нажатия кнопки «стоп». Неужели так будет и тогда, когда умру я? Что если бы вчера Игорь меня пристрелил? Если люди в этот момент ехали бы за рулём, то они продолжили бы ехать туда, куда планируют. Если бы они в этот момент жевали кусок мяса за обедом, то продолжили бы его жевать, затем проглотили, запили водой, чаем или вином, вытерли салфеткой рот и пошли по своим делам. На работе в первое время Паша с Алиной прекрасно справлялись бы без меня, а затем, думаю, в течение двух недель на моё место поставили кого-либо другого, и всё продолжилось так, как будто меня никогда и не было. Насколько ничтожна жизнь отдельного человека, что её исчезновение ничего в этом мире не меняет? Неужели действительно ничего не изменится? Сегодня меня могло бы уже не быть и что я бы после себя оставил? Кажется, ничего стоящего. Мне даже сложно представить то, какие бы хорошие слова обо мне сказали те, кто собрался бы на моих похоронах, если отбросить формальное выражение сожаления и оставить только искренние мысли?

То, что я хорошо работал? То, что я оставил своей бывшей жене квартиру? Да и пришла бы она на похороны?

Я огляделся по сторонам и вдруг осознал, что мужчина в костюме, сидящий за соседним столиком и читающий новости на планшете, так бы их и читал, будь то место, на котором я сижу, сейчас пустым. Официантка всё так же наливала бы шампанское тем двум девушкам, которые сидят в десяти метрах от меня, а самолёты взлетали бы и садились по расписанию. Саша наверняка всё так же собирался бы улететь в ближайшее время на самолёте в Мурманск, чтобы оттуда поехать на обсуждение сделки. Если после моей смерти ничего не изменится, то равносильно ли это тому, что меня уже нет? А может, меня ещё и не было?

– Здорово, Андрей! – воскликнул с улыбкой Саша, зайдя в зал и раскидывая руки для того, чтобы обнять меня.

– Привет! – я встал, чтобы поприветствовать его. – Как же я рад тебя видеть!

Саша сжал меня так, что хрустнули позвонки между лопатками. Со стороны он напоминал огромного медведя: ростом метр восемьдесят пять и весом раза в два больше меня. Он не был качком и не страдал ожирением, он просто в целом был большой. Вид у него был такой, что многие люди его побаивались, но на самом деле он был добрым и жизнерадостным человеком – по крайней мере, я видел его таким. Выглядел Саша весьма анахронично и всем своим обликом напоминал бандита из девяностых. Я был слишком

мал тогда – или слишком удачлив – для того, чтобы их ни разу не видеть, но по рассказам старшего поколения представлял их именно так. Я знал объяснение его облику и его манерам в общении с малознакомыми людьми, хотя вряд ли он сам в полной мере осознавал то, почему он такой. Думаю, что именно поэтому мы, вопреки нашим различиям, находим с ним общий язык. Он рассказывал мне это в один из тех разов, когда мы с ним подвыпившие сидели в бане.

Не знаю, чем именно занимался его отец, но в девяносто восьмом году, когда Саше было шестнадцать лет, его отца с матерью и двумя телохранителями почти в упор расстреляли в машине, когда те стояли на светофоре. К счастью, Саша был тогда в школе, из которой после произошедшего его в экстренном порядке забрал один из сотрудников отца. Мне кажется, что Саша так и не смирился со смертью родителей, и он так любил своего отца, что с тех пор пытался сделать его частью себя – пытался стать им. Не думаю, что его отец выглядел бы сейчас так, как выглядит Саша, но именно таким Саша его запомнил. И именно таким он выглядит для многих из тех, кто его знает... для тех, кто его плохо знает.

Думаю, что потеря близких и, как следствие, вынужденная независимость и самостоятельность к окончанию школы определила то, что нас с ним связывает. Несмотря на то, что наши судьбы очень сильно различались, и во многих вещах мы не всегда могли найти общую точку зрения, мы всегда старались понять друг друга, так как на каком-то базовом

вом, фундаментальном уровне наши взгляды на происходящее совпадали.

– Как добрался? На маршрутке? – с ухмылкой спросил я.

– Ага, только мест свободных не было, стоять пришлось всю дорогу! – рассмеялся Саша. – Я в Томске почти неделю был, взял в аренду мерседес и тут в аэропорту сдал его. Переплевался весь. Ты прикинь, у них только седаны были: хрен залезешь, сидишь в сиденье как будто в гамаке лежишь, и так низко, что вообще нихера не видно, что на дороге творится. Уж лучше бы Патриота арендовал, но коллеги бы меня точно не поняли.

– Да уж, беда. На мерседесе пришлось ездить – врагу не пожелаешь.

– Ой, да хватит тебе! Как у тебя всё вчера прошло? – улыбка у Саши пропала, и он был немного озабочен.

– Хм, знаешь, прошло все немного хуже, чем ожидалось, – ответил я и рассказал ему о том, что после похорон матери и отчима мой брат поехал на дачу и там сгорел, после чего остаток дня мы провели, общаясь с полицейскими и разгребая завалы сгоревшего дома.

Саша молчал и смотрел на меня, вытаращив глаза:

– Ну и жуть! Но ты же с ним вроде не общался, да? Может, он покончил жизнь самоубийством? Вдруг он не смог пережить утрату родителей и сам устроил пожар? Слишком уж маловероятно, что такие события независимо произошли друг за другом.

– Может, так и есть. Полицейские к концу дня пришли к выводу о том, что он напился – а он, как сказала Вера, в последние несколько лет много пил – и недосмотрел за огнём на плите.

– Возможно, но в любом случае история кошмарная! – Саша на мгновение задумался и продолжил: – Знаешь, я на вечер баньку заказал – попаримся, развеемся. Если хочешь, то и девочек найдём. Хочешь?

– Банька – это хорошо, но девочек не надо! – сказал я, задумавшись о том, зачем он меня всегда тащит в баню. Там же так жарко, неужели от этого действительно можно получать удовольствие? Я расслабляюсь после бани скорее от мысли о том, что наконец-то мы из неё вышли. – Да и какие девочки?! Ты же женат!

– Так я тебе, а сам только смотреть буду.

– Саша, ты больной извращенец! Мне теперь будет не по себе от мысли о том, что ты не против посмотреть на то, как я занимаюсь сексом с проституткой.

– А что такого-то? То есть порно смотреть по телевизору можно, а вживую нельзя?

– Я не знаю, что тебе на это ответить, но девочек точно не нужно! И если ты в будущем решишь предложить мне устроить для тебя живое порно с моим участием, то можешь заранее знать, что мой ответ – нет!

– Ну ладно. Сегодня втроём будем: Лёша прилетит в Мурманск через час после нас.

– Да, я знаю. Он мне уже сказал. А что у тебя там за дела? Что за завод?

– Завод по добыче минеральной руды почти обанкротился, продают часть собственности по дешёвке. Я с юристами и экономистами своими всё обсудил, и мы решили вложиться. Сошлись на контрольном пакете, так что большинство решений по развитию предприятия в случае покупки буду принимать я, но полностью продать отказались. Должно всё окупиться через год, в худшем случае – через два. Опыт у меня есть, так что раз два завода на Урале тяну, то и с третьим проблем не будет. К тому же, с учётом нынешней ориентации правительства на освоение Арктики и северных территорий, можно будет неплохо заработать на налогах. Может, ещё и субсидии какие-нибудь удастся получить... – Саша мечтательно смотрел в потолок холла.

Я в очередной раз задумался над тем, какой у Саши доход. Я получал немало, но он – если и не на порядок больше, то уж точно в несколько раз больше меня.

Самолёт немного задержали, и, судя по всему, нам придётся бежать в Домодедово на рейс до Мурманска, так как времени на пересадку у нас всего пятьдесят минут. В кресле бизнес-класса было комфортно, хотя, как мне показалось, Саше даже в нём было тесновато. Думаю, что если бы он летал эконом-классом, то сидящие рядом с ним люди прокляли бы тот день, в который летели с ним. Под нами была лёгкая дымка, сквозь которую лишь немного было видно очер-

тания города. Как же хорошо улетать отсюда после всего того, что произошло! Не хотел бы я всё-таки сюда возвращаться.

– Саш, как ты считаешь, я хороший человек? – спросил я во время обеда в самолёте, макая камамбер в абрикосовый джем.

– Конечно, хороший, как и я! – ответил он. – А ещё мы с тобой очень умные и скромные... Да, пожалуй, скромность – наше главное с тобой качество.

– Да я серьёзно. Ты никогда не задумывался над тем, каково предназначение твоей жизни?

– С тобой точно всё в порядке? Если тебе нужно обсудить то, что вчера произошло, то я тебя, конечно, выслушаю, но, может, тебе стоит обратиться к психотерапевту? Без шуток. Сам я считаю это полной фигнёй, но жена ходит и говорит, что ей нравится. Хотя, что она там с ним обсуждает, я понять никак не могу: живёт в шоколаде, я ей, по-моему, всё дал, что требуется для счастливой жизни, а она всё равно нашла что перетирать с ним. Ещё и меня пыталась к нему затащить. Хочешь телефон у неё спрошу?

Интересно, как бы я обсудил с психотерапевтом то, что после того, как я размозжил голову брата и взорвал его труп на мелкие кусочки, я впал в депрессию на фоне того, что не могу понять смысл своей жизни? Забавный был бы разговор. Интересно, какая у него была бы реакция от услышанного? Обязан бы он был сообщить об этом в полицию? Кажется,

что убийство или намерение убить кого-то не попадает под врачебную тайну. А может, написать художественный роман, в нём вскользь упомянуть об этом инциденте и дать ему почитать?

– Да есть у меня психотерапевт, хожу иногда. Быть может, обсужу с ним это, когда буду посвободнее. И тем не менее, задумывался ли ты когда-нибудь об этом? Я задумывался раньше, но, видимо, слишком поверхностно. А вчера, смотря на всё происходящее, понял, что не знаю, что я оставлю после себя. У тебя хоть дети есть, по крайней мере, ты свою биологическую функцию выполнил, хотя я не об этом. Ты же знаешь, я атеист и не верю в то, что у каждого из более чем семи миллиардов ныне живущих людей есть предназначение, данное свыше. Но всё же, не хотелось бы думать о том, что мы живём лишь для того, чтобы родить детей и умереть.

– Вот тебя понесло! – Саша задумался, разглядывая в руках пустую кружку из-под кофе. – Я думал над этим, но какого-то фундаментального ответа не нашёл. В конце концов, я производю реальный продукт – сталь. Она же много для чего используется и помогает человечеству создавать блага цивилизации, типа зданий, мостов и много чего другого. А теперь, быть может, ещё и фосфор будем добывать, тоже вещь полезная, на удобрения пойти может. Наверное, это и есть мой смысл жизни – быть звеном при преобразовании природных ресурсов в полезные для человечества вещи. Ты же ведь тоже производишь нужную человечеству вещь – топли-

во. А ведь без него сложно вообще представить какой-либо промышленный процесс. Тоже важная вещь.

– Это, конечно, так. Но... – доводы Саши были убедительны, но я чувствовал, что они для меня неудовлетворительны. – Но ведь есть много других людей, производящих сталь и топливо. Если бы мы этим не занимались, то это делал бы кто-то другой. Я имею в виду то, что если бы нас с тобой не было, то вряд ли бы что-то изменилось. Ты же ведь, по факту, ни один из заводов не строил с нуля. Конечно, ты многое сделал для того, чтобы их поставить на ноги, но ведь они уже были. Если бы не ты за них взялся, то их купил бы кто-нибудь другой. Я прекрасно помню, как ты участвовал два года назад в тендере. Желающих немало было.

– Знаешь, думаю, что действительно мало что изменилось бы, не будь нас, но суть в том, что мы есть, и это свершившийся факт. Так же, как и есть все остальные люди. Вопрос не в том, кто есть, а кого нет, а в том, как каждый из нас пользуется тем, что он – есть. По крайней мере, мы с тобой люди, а прикинь, если мы бы родились медузами. Вот плавали бы с тобой в океане и дёргали щупальцами. Вот тут реально тупик существования... Не хотел бы я быть медузой!

– И что на твой взгляд является правильным использованием своего существования, а что – нет?

– Ох, Андрей, может, выпьем? Я как-то не готов был к таким серьёзным разговорам. Хотя нет, мне же за руль ещё, до Апатитов машину уже зарезервировал. Вечером в бане бух-

нём. Я не знаю, где граница правильного существования и неправильного, но очевидно, что она есть. Ведь совершенно очевидно то, что есть люди, живущие правильно, а есть те, что неправильно. Вот мы живём правильно, приносим пользу людям, а какой-нибудь пропитый вонючий бомж, подбирающийся на помойке, совершенно точно живёт неправильно: если бы его не было, то всем, кто живёт рядом с ним, было бы лучше.

– То есть, смысл жизни человека – быть полезным другим людям?

– Почему бы и нет. Да, пожалуй, это так. Не думаю, что это единственный правильный вариант, но то, что он правильный, я не сомневаюсь.

– Но что если ты полезен лишь тем людям, которые не полезны другим? Является ли твоя жизнь благодетельной, если ты помогаешь тем, от существования которых окружающим наносится вред? Например, если бы ты помогал только насильникам и убийцам? По сути, ты потворствуешь тем, кто наносит ущерб человечеству. Выходит, что в таком случае ты тоже опосредованно вреден людям.

– Безумная ситуация какая-то! Зачем мне помогать насильникам и убийцам?

– Да, я утрирую. Представь, вот производишь ты сталь, продал её, и пустили её на производство ножей, которыми маньяки режут своих жертв. Не продай ты сталь – и жертв бы было меньше. Или, например, начнёшь ты производить

фосфор, хотя подозреваю, всё же, что оксид фосфора, а его половина из покупателей использует для того, чтобы ослепить беззащитных детей, а вторая половина превысит нормы удобрения почвы и потравит урожай тех, кто купит их овощи. Не будь у них оксида фосфора, всем было бы лучше.

– Понимаю, о чём ты. Но мне кажется, что в таком случае нужно разграничивать ответственность. Ведь я сделал доброе дело – произвёл некоторое материальное благо, а то, что его используют в дурных целях – это ответственность уже других людей. Можно ли, например, обвинять матерей Гитлера и Сталина за то, что они их родили? Виноваты ли они? Не думаю. Всё-таки, они сделали доброе дело, родили детей, выполнили своё женское предназначение, а то, что их дети причастны к смерти десятков миллионов людей – это уже не их вина.

– Но ведь они воспитывали их так, что они выросли тиранами.

– Не думаю, что только они к этому причастны. Тогда и мир не был настолько антропоцентричен, как сейчас, мне кажется. Окружение и общая идеология того времени сыграли большую роль. Но даже если они выросли такими из-за их воспитания, не думаю, что их матери целенаправленно растили их тиранами, истребившими в последствии заметную часть населения планеты. Вот если бы они это целенаправленно делали, то да, они были бы виноваты.

– А если бы они убили только тех людей, которые были

бы вредны для общества?

– Тогда, полагаю, они были бы героями. Сотрудники спецназа ведь убивают террористов и, в общем-то, молодцы – защищают добропорядочных людей. Или, например, в Америке применяют смертную казнь к особо жестоким убийцам – тоже правильно поступают.

– Выходит, если кто-то убивает добропорядочного человека, то это плохой поступок, а если убивают человека, приносящего вред обществу – то хороший?

– Да, полагаю, что так.

– А если убить нейтрального человека? Человека, от которого обществу нет ни пользы, ни вреда, то это в таком случае, на твой взгляд, нейтральный поступок?

– Хороший вопрос, но я не могу понять, как человек может быть абсолютно нейтрален для общества. Мне кажется, что это какая-то невозможная ситуация.

– Ну, например, количество добрых поступков человека примерно равно количеству или качеству его злых дел. Что тогда? Должна же быть золотая середина. Более того, полагаю, что большинство ныне живущих людей относится именно к такому типу людей – нейтральные, заменяемые, бессмысленно существующие.

– Ну, Андрей, может, оно и так, но всё же я бы считал это неправильным поступком. Убийство само по себе, как таковое, нехорошо. Да и зачем убивать человека, который настолько нейтрален, что не даёт повода для того, чтобы его

прикончить?

– Не знаю... но ведь на планете и так слишком много людей. Получается, что если не станет одного нейтрального человека, то в целом мир станет лучше?

– Если придерживаться настолько абстрактной точки зрения, то, наверно, это так, хотя это всё равно было бы аморальным поступком. Ведь если мы говорим об отдельном человеке, то он не абстрактен, у него есть свои мысли, желания, стремления. И пусть даже он совершенно, как ты говоришь, нейтрален для общества, он всё же априорно заслуживает жить, раз уж он родился.

– Согласен.

Остаток полёта до Москвы мы пролетели в полном молчании. Наверное, Саша так же, как и я, обдумывал наш разговор. Я думал над тем, было ли убийство напавшего на меня брата правильным поступком или нет. Если бы я не убил его, то он мог бы убить меня. Если так, то чья жизнь ценнее? Моя или его? Полагаю, что всё же моя. К тому же, это же ведь он заварил всю эту кашу: я, может, в глубине души и желал ему зла, но уж точно не думал о том, чтобы убить его, а он думал. Всё-таки, это было правильным решением проблемы. А если бы я его не убил, а только покалечил? Наверное, это было бы даже хуже. Пришлось бы его содержать либо мне, либо Вере, либо налогоплательщикам, а он бы ещё и мучился, если бы не стал овощем. Да, пожалуй, я всё сделал правильно. Тем не менее, я никак не могу понять, почему он не выстрелил?

У него было много времени, чтобы сделать это. Будь я на его месте, я бы выстрелил сразу и даже не стал бы устраивать всю эту демагогию о том, какой я был паршивый сын и брат. Или он был настолько уверен в своём превосходстве в данной ситуации, что полагал, что у него есть столько времени, сколько ему заблагорассудится? А может, он вовсе не хотел меня убивать, а просто пытался запугать? Или хотел, но духу не хватило? Очередной вопрос, на который я никогда не узнаю ответ.

Самолёт приземлился, и мы с Сашей приготовились побежать на стыковочный рейс. Как же мало времени! Осталось всего двадцать минут. При выходе из самолёта нас встретил сотрудник аэропорта:

– Андрей Александрович, Александр Сергеевич, пройдёмте за мной! – вежливым и спокойным тоном произнёс он.

– В чём дело? Мы на самолёт опаздываем! – с раздражением оборвал его Саша.

– Именно для этого я здесь. Посадка почти завершена, поэтому я сопровожу вас напрямую к самолёту.

– Спасибо! – ответил я, и мы проследовали за молодым человеком.

Через пять минут мы уже сидели в наших креслах и ждали взлёта. Лёша написал мне сообщение о том, что он уже зарегистрировался на рейс и ждёт посадку в Питере. Всё складывается наилучшим образом, и через три с половиной часа мы уже все встретимся в Мурманске.

Не успели мы взлететь, как я закрыл глаза и уснул. Толстый слой синего льда под ногами был настолько прозрачен, что было видно, как под ним плавают серебристые мелкие рыбки. Я медленно шёл, смотря себе под ноги, и разглядывал струящиеся под ногами снежинки, которые задувало на лёд с заснеженного берега, как вдруг увидел плавающего подо льдом Игоря: заметив меня, он начал бить по льду, чтобы вылезти и схватить меня, но всё было тщетно: такой толстый лёд ему не разбить. Глухой звук ударов по льду остался позади меня, и вскоре я увидел плавающих подо льдом Гитлера и Сталина – они не шевелились и, кажется, были мертвы, а может, просто спали. Подняв взгляд, чтобы посмотреть вперёд, я увидел стоящую на берегу пожилую женщину, одетую в чистый выглаженный бирюзовый халат с розовыми цветками, который резко контрастировал с её обожжённой и язвенной кожей рук и лица. Она стояла в домашних красных тапочках прямо у края берега. Было не по себе от её пристального неморгающего взгляда на меня и совершенно жутко от её внешнего вида. Увидев её, я попятился назад, но она меня не преследовала, а лишь молча стояла и смотрела мне в глаза.

– Андрей! – открыв глаза и увидев лицо Саши в пяти сантиметрах от моего носа, я резко отпрянул – я уснул у него на плече. – Приземлились. Давай просыпайся!

– Ага, – ответил я, пытаюсь понять, где я, и отрешаясь от поганого ощущения от приснившегося сна. – Сколько я

спал?

– Да всю дорогу. Уснул, как сел в кресло. Лёша будет через пятьдесят минут. Можем пока взять вещи и переодеться. Тут прохладно, всего два градуса.

– Да, пойдём.

– Машину уже подогнали. Надо пойти документы оформить. Минут тридцать займёт. Как раз, пока всё сделаем, уже Лёша прилетит, и погоним заселяться в гостиницу и в баньку. Выспался?

– Да вроде того. Дурной сон приснился.

– Ну надо думать, после того, что вчера произошло!

А про бабку-то я и забыл. Ведь я видел из кустов в лесу, как она стояла рядом с домом и звала на помощь. Вероятно, именно о ней капитану полиции и сообщил его коллега, когда мы приехали. Среди всего того, что вчера было, я совсем не задумался над смыслом его слов. Умерла, значит.

– Андрей, что встал? И где твоя сумка? – окликнул меня Саша, уйдя уже метров на десять вперёд.

– Блин, в самолёте оставил! – надо взять себя в руки. – Ты иди машину оформляй, а я сейчас подойду!

Зачем бабка вышла тогда к дому? Неужели она думала, что сможет его потушить? Там же такой жар стоял, как она вообще могла находиться в такой близости от полыхающего дома? Напрасно. Напрасно она там стояла. Но сама виновата: её к дому никто не тащил, да и уверен, что она должна была знать, что в доме баллон с газом. Любопытной Варваре на

даче взрывом нос оторвало.

Спустя двадцать минут Саша ждал меня на парковке рядом с прогревающейся машиной.

– Ты что Лэнд Крузер арендовал?!

– Ага. Вообще абсурд какой-то: в Мурманске нормальные машины есть, а в Томске нет. Хотя тут нормально прокатимся. Он у них один единственный, но нам повезло – свободен был.

Сидя в машине, я отогревался от пронизывающего холодного ветра. Если здесь так дует, то что же в горах творится? Надеюсь, что будет тепло. Впрочем, опыт приготовления шашлыков в буран в Кировске у меня уже был десять лет назад. Прекрасно помню тот день, ведь это был мой девятнадцатый день рождения, выпавший на нашу поездку с друзьями на горнолыжный курорт в Хибинах. Стояла ночь, и заснеженные зимние улицы продувались насквозь ветром не менее десяти метров в секунду. Мы зашли за дом и, разложив одноразовый мангал и закинув в него угли, пытались разжечь их с помощью смеси для розжига. Каково же было наше удивление, что как только жидкость попадала на угли, а может, даже ещё и в воздухе, она затвердевала и не хотела разжигаться. В итоге, наша совершенно рядовая вылазка превратилась в огненное шоу: я давил на бутылку, а второй человек держал зажигалку у самого её горла, чтобы поджечь смесь в тот момент, когда она только выплёскивалась фонтаном из бутылки и ещё не успевала замёрзнуть. Со второй

попытки нам под дружный пьяный смех удалось получить адский огненный фонтан, вырывающийся из бутылки, которым мы облили и угли, и мангал, и ещё всё вокруг. Наверное, мы выглядели несколько странно для людей, которые смотрели на нас из окон соседнего дома, но оно того стоило – шашлык мы приготовили, хотя ни пальцев рук, ни пальцев ног никто из нас троих не чувствовал, когда мы вернулись в квартиру.

Дождавшись прилёта Лёши, в шесть часов вечера мы втроём двинулись по шоссе до Апатитов. После моей ауди эта машина была похожа на ленивого мамонта, но шла очень плавно, что было кстати, так как дорога оставляла желать лучшего. Лёша, сидя посередине заднего сиденья, каждые пять секунд протирал свои запотевающие очки, которые успели замёрзнуть, пока он шёл от аэропорта к машине, и всё не мог нарадоваться тому, что мы наконец втроём собрались, да ещё и не в Питере, а на севере.

– Зябко здесь, однако! Хорошо хоть жена упаковала меня по полной. Я сначала хотел отказаться от зимнего термобелья, но теперь рад, что она настояла на том, чтобы я его взял. Как здесь вообще люди живут, если тут уже в сентябре холод такой? – возмущался Лёша, отогрев, наконец, свои очки.

– Да чёрт его знает. Ко всему привыкаешь. По крайней мере, здесь, наверно, солнце люди видят больше месяца в году, – заметил Саша.

– Уж лучше мороз и ясное небо, чем относительное тепло

и моросящий дождь! – ответил я, глядя на первые появляющиеся в смеркающемся небе звёзды.

– На вкус и цвет товарища нет! – продолжил Лёша. – Мне кажется, что везде есть свои плюсы и минусы. По-моему, для человека большим талантом является способность радоваться плюсам и не обращать внимание на минусы, которые его окружают. И в Питере хорошо, и здесь. Нужно лишь посмотреть под правильным углом. А сколько нам ехать?

– Около ста пятидесяти километров, – ответил Саша. – За час долетим.

– Мне кажется, что человек, радующийся только положительным моментам, происходящим в жизни, и не расстраивающийся из-за неудач – это несуществующая абстракция, – продолжил тему я. – Или же он просто не сталкивался с реальными проблемами, которые могли бы его задеть.

– Возможно, и так, но всё-таки это действительно важно. Большинство людей сталкиваются с одними и теми же сложностями, хоть и завуалированными в разные оболочки, но порой встретишь какого-то ноющего неудачника, и аж тошно становится. Противно просто даже рядом с ним находиться. И наоборот, буквально пару недель назад виделся с коллегой, у которого были серьёзные проблемы на работе, но он был полон сил и решимости их устранить. И знаете что, решил же ведь!

– Но то, что он их решил, ещё не значит, что он не расстраивался. Не так ли?

– Он выглядел вполне бодрым и не подавал каких-либо признаков огорчения.

– И это ещё не значит, что он не расстраивался. Я тоже выгляжу для всех бодрым и весёлым! – ответил я. – По крайней мере, для деловых партнёров и тех, с кем я общаюсь по работе. Мне кажется, что дело не в том, что какие-то люди расстраиваются из-за проблем, а какие-то нет, а в том, что кто-то слишком глуп, чтобы показывать свою слабость на людях – и да, я убеждён, что это слабость, – а другие отдают себе отчёт в том, что не стоит показывать другим свои слабые места.

Саша подключился к диалогу: – Мне кажется, что ситуация взаимосвязанная, и то, о чём вы оба говорите, верно. Все люди, безусловно, расстраиваются из-за неудач, если они, конечно, в здравом уме. Просто сильным людям, уверенным в том, что они справятся с проблемами, проще не впадать в отчаяние и проще выглядеть, как ты говоришь, Лёша, бодрыми. А слабые люди впадают в отчаяние из-за своего бессилия и безнадёжности сложившейся ситуации и не могут это скрыть. Или не хотят из-за того, что им становится всё равно на общественное мнение, вследствие возникающей депрессии.

Лёша с интересом наклонился с заднего сиденья поближе к нам:

– Но неужели вы оба действительно считаете, что во время сложного жизненного периода нужно притворяться, делая на

людях вид, что у вас всё хорошо?!

– Да! – хором ответили мы с Сашей.

– А как иначе? – спросил я. – Ты предлагаешь ходить с унылой гримасой и говорить о том, что у тебя всё плохо?

– Необязательно с унылой гримасой и необязательно жаловаться, но зачем намеренно делать вид, что всё хорошо? Это же ложь! Разве не лучше бы было быть искренним в выражении своих чувств? И разве не лучше обсудить проблемы с кем-либо, вместо того, чтобы пытаться решить их в одиночку?

Промолчав мгновение и вспоминая все те события, что происходили ещё полгода назад, я ответил:

– Знаешь, мой жизненный опыт показывает, что далеко не все, кому ты сегодня доверяешь и делишься своими проблемами, завтра будут так же близки тебе. В лучшем случае, они могут просто потерять интерес, а в худшем станут врагами – и это самое страшное. Вряд ли кто-то может сделать тебе больно, если не знает, как к тебе подступиться, но тот, кто знает твои больные места и желает мести – тот и нанесёт самый сильный удар. Если уж и не можешь сам решить проблемы, то, пожалуй, лучший выход – психотерапевт. Я, конечно, не считаю, что разговор с ним лучше, чем откровенный разговор с близким человеком, но по крайней мере такой диалог гораздо более надёжный, так как заведомо конфиденциальный.

– Ага, – подхватил Саша. – Как секс в презервативе. Ощу-

щения не очень, зато надёжно!

– Ну, парни, не знаю, – задумчиво сказал Лёша. – Мне сложно представить, чтобы я что-то скрывал от жены и не мог с ней о чём-то поговорить. И уж тем более мне сложно представить, чтобы она строила когда-либо коварные планы против меня, рассчитывая надавить на те слабые места, о которых известно только ей.

– Дай бог, чтобы так оно всегда и было, Лёш. Я действительно не хочу, чтобы у тебя когда-нибудь произошло то, о чём я говорю. До развода с женой я тоже так думал, но ошибся. Как оказалось, то, какой человек тогда, когда у него всё хорошо, и то, каков человек тогда, когда злится на тебя – это настолько разные вещи, что одно совершенно не следует из другого. Проблема не в том, что ты открываешь душу человеку, которому доверяешь – это как раз-таки нормально – а в том, что человек может отстраниться от тебя, но при этом не забыть то, что ему о тебе известно. Предсказать это порой бывает сложно. Если уж и открыл кому-то душу, то работай над тем, чтобы сохранить с этим человеком хорошие отношения. Это действительно неплохая мотивация для работы над взаимоотношениями, ведь в противном случае этот человек станет для тебя худшим врагом.

– Ну а как же мы встроём? Я с вами многими мыслями делюсь.

– Да, и я тоже. И уверен, что и Саша. Но мы же работаем над нашими отношениями, так или иначе. Вот, едем сей-

час все вместе и общаемся. Я к тому, что если и открываешь кому-то душу, то с этим человеком становишься связан уже надолго, потому что в противном случае можно ждать проблем.

– Мне сложно представить ситуацию, при которой я бы стал так сильно желать кому-либо из вас зла, что использовал бы что-то, что о вас знаю, против вас! – ответил Лёша.

– Я тоже, – сказал Саша. – Но это именно потому, что у нас всё хорошо и потому, что мы все достойные люди, дорожащие своей честью. Но не все придерживаются таких моральных принципов. Кто-то, может, и придерживается, но не сможет действовать в их рамках в состоянии гнева. Всякие люди бывают.

– Да уж, Саш, – усмехнулся я. – Помню ту историю с профсоюзом на одном из твоих заводов... Действительно бывают ситуации, в которых люди не следуют моральным принципам.

– Ну... – Саша задумался. – Вы с Лёшей знаете об этой ситуации лишь поверхностно. Я тогда поступил правильно и ни на минуту не пожалел о том, что сделал.

– Даже интересно послушать целую историю! – восторженно воскликнул Лёша. – Я слышал, что ты до полусмерти избил своего сотрудника у себя в кабинете за то, что он решил организовать на заводе профсоюз.

– В общих чертах всё так и было. И если вырвать это из контекста тех событий, которые к этому привели, то звучит

действительно дико, – с некоторой грустью сказал Саша и продолжил: – Знаете, я же ведь по возможности всегда стараюсь помогать своим сотрудникам. И это относится не только к административному персоналу, но и к рядовым рабочим на заводах. Даже в большей степени именно к рабочим. И кормят их нормально, я специально аутсорсинговую кулинарную компанию для этого нанял, и страховки медицинские у всех есть. Год назад у сотрудника, который на заводе более пятнадцати лет проработал, жена умерла, так я почти полностью похороны из своего кармана оплатил ему. Конечно, я сам с ним лично не был знаком, да и заводом владею гораздо меньше тех пятнадцати лет, что он на нём работал, но все говорили, что он толковый сотрудник. А теперь представьте, заходит ко мне с наглой мордой мужик, которого я прежде в глаза даже не видел, и заявляет мне в безальтернативной форме, что он организует профсоюз, который позволит сотрудникам противостоять моим эксплуататорским – да именно так он и сказал – эксплуататорским выходкам. Не подошёл заранее, ничего не обсудил и разговаривал со мной так, будто я ему ещё и должен что-то. Да ещё и проработал, как оказалось, на заводе всего четыре месяца. Можно же ведь по-человечески было всё обсудить... Он так меня взбесил, что через пару минут уже лежал со сломанным носом и парой сломанных рёбер у меня в кабинете на ковре и стонал от боли. Мудила поганый, ещё и ковёр своей кровью запачкал – выбросить пришлось. Не сказал бы я, что

он был при смерти, надо было ему по сильнее всыпать, но я же разумный человек и решил не продолжать. Разумеется, вечером я уже сидел в СИЗО. Ко мне приходила его жена и намекала на то, что если я заплачу им компенсацию в один миллион рублей, то они не будут подавать жалобу в суд. Конечно, я бы мог заплатить им, к тому же эта такая мелочёвка, что я мог бы им в тот же вечер эту сумму отдать, но принципиально этого не сделал. В итоге, отсидел пятнадцать суток и продолжил спокойно работать с чистой совестью. Перед судом, конечно, думал над тем, что, может, стоит дать взятку им, но решил, что это ниже моего достоинства. Платить человеку за его наглость – это просто безумие!

– И что стало с работником когда ты вышел на работу? – спросил я.

– О! Это самое интересное. Там же недалеко от завода воинская часть есть, помните? В которой начальником является генерал, хорошо знавший моего отца и который мне помогал в трудное время после того как... ну вы поняли. Я с ним поговорил в перерыве в суде, и пока я был на отсидке, оказалось, что корыто, которое этот горе-сотрудник называл своей машиной, в одну из ночей переехал танк. Приколитесь, а? Танк! Все об этом знали, но никто ничего никому не сделал. Всё-таки и меня там многие знают, и с военными связываться тоже никто не хотел.

В итоге, сотрудник уволился по собственному желанию на следующий день после того, как лишился машины – стра-

ховки у него, кстати, на машину не было. И больше о нём не было слышно. Не знаю, пытался ли он устроиться куда-то ещё, но когда я вышел, то сделал пару звонков и попросил знакомых крупных предпринимателей не брать его на работу. Впрочем, это было излишним, так как город небольшой и все знали о произошедшем: даже если бы я не позвонил, то никто его бы не взял к себе. Мало кто знает истинную историю, но зато со стороны всё выглядело так, что даже на втором моём заводе об этом узнали, и никто впредь не заикался о том, чтобы организовать профсоюз.

– Блин, ну ты даёшь! – ответил Лёша. – С танком действительно забавно получилось.

– Я догадывался, что там не всё так просто, как говорят. Думаю, что ты действительно поступил правильно. Будь я на твоём месте и в твоей комплектации, то тоже поступил бы так, хотя не уверен, что смог бы вовремя остановиться. Как тебе это удалось? – спросил я.

– Ну я же адекватный человек, в конце концов. Да и не хотел я его калечить, просто разозлился от такой наглости. Да и другим пример хороший подал, что со мной в такой манере, как он, дела не следует обсуждать. По правде говоря, я думал потом о том, что я скажу сотрудникам, если они захотят организовать профсоюз, разумеется, цивилизованно обсудив это со мной, и пришёл к мысли о том, что это действительно их право, и мне следует нормально к этому относиться. Но ко мне никто с таким предложением с тех пор не

подходил.

– Да уж, удивительно! – усмехнулся Лёша.

За разговором время пролетело незаметно, и уже вскоре мы были в отеле на одной из центральных улиц Кировска. Именно здесь мы завтра должны были встретиться с будущими партнёрами Саши. Было темно, и полукруглую площадь ярко-оранжевым светом освещали фонари. Вокруг высоко в небо уходили тёмные неосвещённые массивы гор, на фоне которых весь город и люди в нём казались маленькими и совершенно незначительными насекомыми. Смотря из окна своего номера в ожидании выхода в баню, предварительно выключив свет, я рассматривал часть ясного тёмного звёздного неба, проглядывающего между крышей отеля и горами. Не помню, когда я видел такое красивое небо. Хотя городская засветка, вероятно, не позволяла в полной мере рассмотреть его, оно определённо было прекрасно.

– Андрей, пора! – Саша постучал в дверь, и это означало, что адские мучения в душевной бане нас уже ждут.

На протяжении двух часов, истекая потом, я пытался убедить себя в том, что находиться в бане полезно и я таким образом закаляю себя, но получалось тщетно. Всё то время, что я был там, я считал минуты до выхода оттуда. И как вообще Саша с Лёшей могут получать от этого удовольствие?! Единственный аспект нахождения в бане, который мне доставлял удовольствие – это запах, который появлялся после того, как Саша поливал угли в печи пивом. Удивительно, как

такой тошнотворный напиток с этим отвратительным запахом в жидком виде мог так вкусно пахнуть при кипении? Когда же я последний раз пил пиво? Кажется, в десятом классе. Ужасные воспоминания: почти каждый раз, когда мы с друзьями пили пиво – я так напивался, что меня тошнило. Неудивительно, что с тех пор у меня выработался условный рефлекс, при котором у меня возникают рвотные позывы от его запаха. Даже думать о нём тошно!

К одиннадцати часам вечера мы уже были в своих номерах и договорились встретиться завтра в девять утра на завтраке. Отъехать в горы мы должны были в десять, так что времени было предостаточно. Вот оно счастье – уснуть раньше двенадцати часов ночи и проснуться в полдевятого. Как же хорошо! После бани тело, видимо, ещё сохраняло тепло, и я лежал, раскинув руки и ноги, на огромной двуспальной кровати голый, без одеяла. Все мышцы в руках и ногах были приятно расслаблены, я лежал в темноте и медленно погружался в сон. За окном виднелась огромная чёрная гора, резким контуром переходившая сверху в тёмно-синее звёздное небо, которое напоминало шёлковую ткань, усыпленную сотнями сверкающих бриллиантов, медленно переливающихся в лучах солнца.

Какой же долгий день...

ЗАВОД В ХИБИНАХ

Услышав звонок, я рефлекторно открыл глаза и протянул руку для того, чтобы выключить будильник. Восемь тридцать утра – пора вставать. Какой сегодня день недели? Уже сбился со счёту со всеми разъездами. Пролежав на кровати ещё десять минут и радуясь тому, что мне, наконец, не снились дурные сны, я вскочил, помылся и уже через пятнадцать минут был в ресторане гостиницы, где всех проживающих ждал шведский стол. В зале пахло свежееиспечёнными булочками, и их наличие сильно скрашивало скудный по остальным меркам рацион: сосиски, колбаса, ветчина и прочая соевая дрянь, лишь отдалённо напоминающая некий суррогат мясных продуктов. Взяв себе яичницу с булочками, овощной салат и две чашки кофе, я подсел к Лёше и Саше, которые хоть и пришли чуть позже меня, были менее критичны к еде и уже успели сесть за стол, навалив в свои тарелки всего подряд, что попало им под руку.

– Ну что, через час выдвигаемся? – начал Саша. – Я уже созвонился с Владиславом Викторовичем – он с коллегами заедет за нами в десять. Они всё возьмут с собой, и от нас требуется лишь одеться по погоде.

– Супер! Они сказали, куда поедем? Каков вообще план на ближайшие дни? – промямлил Лёша, пытаясь разжевать резиновый кусок зажаренного бекона.

– Да не особо. Поедем, посмотрим завод, экскурсию нам там проведут, а затем в горы с палатками. Вернёмся в понедельник утром или, если с погодой не повезёт, завтра вечером. Решим по ходу дела. Вообще, погоду хорошую обещают.

– Я не тороплюсь, можно и позже вернуться. Жена сказала, что могу хоть на неделю уехать, так как давно уже не вырывался с работы. С этим новым рестораном, который открыли два месяца назад, столько дел было – ужас. Вроде сейчас поспокойнее и почти в безубыточный режим вошли, что не может не радовать. Туда, куда мы поедем, телефон ловит? А то могут с работы звонить.

– Хрен его знает. Мне кажется, что сейчас везде телефон ловит. Не думаю, что в наше время с этим могут быть где-то проблемы.

– Когда я десять лет назад катался здесь, то проблемы со связью небольшие были, но, во-первых, с тех пор много времени прошло и это могли поправить, а во-вторых, так или иначе, я находил место, с которого удавалось позвонить, так что не переживай, – ответил я.

Закончив завтрак, я вышел на улицу, чтобы покурить. Город был в тени гор, окружающих его со всех сторон, скалистые вершины которых освещались утренним солнцем в жёлтый цвет. Таким я этот город ещё ни разу не видел, так как всякий раз, когда я приезжал сюда, кругом был снег. В моей памяти до этого момента он оставался сказочным ме-

стом, покрытым метровым слоем снега и обледеневшими деревьями. В конце января и феврале день длился здесь недолго, и когда я вспоминал Кировск, то всегда вспоминал его ночью: блеск снега в лучах фонарей и его хруст под ногами, пустынные улицы и тёплый свет в окнах домов. Удивительно, но под покровом снега этот город был ночью светлее, чем сейчас днём, с этой блеклой бледно-зелёной травой с жёлтыми вкраплениями и холодными тёмными горами. Нужно будет побывать здесь этой зимой – наверное, я быстро вспомню, как стоять на доске – в противном случае, приятные воспоминания об этом городе будут испорчены нынешним впечатлением об этом холодном и пессимистичном месте. На траве рядом со входом в отель была холодная роса, и изо рта шёл пар, я стоял один, и в обозримом ландшафте не было ни души. Когда я в прошлый раз видел эти пустынные улицы, я чувствовал некое единение с тем тёплым светом в окнах домов и людьми, которые мелькали в них, общаясь друг с другом и делая свои повседневные семейные дела, но сейчас эта пустота на улицах вызывала у меня чувство абсолютно-го одиночества. Как же странно то, что одно и то же событие может приводить к абсолютно противоположным мыслям в зависимости от, на первый взгляд, незначительных и едва уловимых деталей. Докурив, я вошёл в отель и устремился в свой номер, чтобы одеться в зимнюю одежду, так как на улице было зябко, после чего прошёл обратно ко входу в отель, где нас уже встречала делегация из четырёх че-

ловек, стоящих рядом с серебристым Патриотом, на крыше которого разместились огромная куча походных вещей.

– О-о-о! Владислав Викторович! Добрый день, рад Вас видеть! – с радостью прогремел Саша полноватому мужчине с залысиной на голове и начинающими сесть волосами, когда мы втроём вышли из отеля.

– Александр Сергеевич, здравствуйте! Я тоже рад Вас видеть! Познакомьтесь, пожалуйста, это Сергей Александрович! – он указал на высокого худощавого мужчину лет пятидесяти. – Исполнительный директор предприятия. А это Пётр Николаевич – главный инженер и Валерия Романовна – главный геолог.

В ответ Саша представил всем четверым нас с Лёшей. Я был приятно удивлён тем, что главный инженер и главный геолог были сравнительно молоды. Валерия Романовна – голубоглазая брюнетка была, кажется, даже моложе меня, а Пётру Николаевичу было около тридцати пяти лет, а может, и меньше, а возраста ему добавляли лёгкая щетина и несколько морщин на лбу.

– Прошу меня простить за то, что поедем на этой машине, но туда, куда мы едем, на другой вряд ли удастся проехать, по крайней мере, оставив бамперы и корпус невредимыми! – продолжил Владислав Викторович. – Нас семеро, так что все поместимся.

– Мы можем поехать на нашей, если хотите. Думаю, что проедем! – Саша указал на арендованный Ленд Крузер.

– Нет-нет. Жалко машину! Там часть пути вовсе по бездорожью придётся ехать, так как по колее от Уралов в принципе не проехать. Я настоятельно рекомендую ехать на корпоративной. Если Вы считаете, что будет тесно, то уже минут через двадцать подгоним вторую машину, с этим нет никаких трудностей.

– Ну что Вы, Владислав Викторович, о чём речь? Конечно, поедем все на одной. Я просто не хотел Вас стеснять! – ответил Саша. – Вместе веселее!

– Отлично! Тогда выдвигаемся! – закончил разговор хозяин завода, и мы уселись в машину. Саша и Владислав Викторович, как самые широкие, уселись спереди, мы с Лёшей и Сергеем Александровичем втроем на втором ряду, и Валерия Романовна с Петром Николаевичем – на третьем. Никогда раньше не ездил на этой машине: пожалуй, действительно внедорожная машина – места полно и убить её в дороге не жалко.

Ехали мы около двух часов, причём, как нас и предупреждали, последние сорок минут мы ехали по абсолютно бездорожью со скоростью километров пятнадцать в час, объезжая по блеклой траве повсеместно раскиданные булыжники и отвесные скалистые стены. Впервые в жизни я ехал под таким крутым уклоном в горы и с них. Иногда мне даже казалось, что машина настолько сильно кренилась, что просто перевернётся, и мы все скатимся к подножью горы. Вряд ли бы мы погибли, но всё равно было не по себе. Причём, ду-

маю, что не только мне, так как Лёша с Сашей тоже сидели, притихнув, да и с третьего ряда не было слышно ни звука.

– А Вы часто по этому маршруту ездите на завод? – спросил я. – Это просто удивительно, я никогда раньше по таким экстремальным маршрутам не ездил на машине.

– Вообще, редко, – ответил сидящий рядом со мной Сергей Александрович. На завод обычно на Уралах все доезжают, но Вы сами видели колею от них: сели бы днищем метров через пятьдесят, если бы поехали по их пути, свернув от основной дороги. Это действительно увлекательный маршрут, я и сам второй раз в жизни так еду.

– Да всё нормально, коллеги! Я уже ездил здесь, и проблем быть не должно, – добавил сидящий за рулём Владислав Викторович. – Зато будет, что вспомнить!

Ехали мы медленно, но машину так качало, что меня слегка начало мутить. Удивительно, с тех пор как лет в четырнадцать меня перестало укачивать в транспорте, я уж и не думал о том, что мне ещё когда-нибудь станет плохо в машине. Пару раз было плохо в самолёте при сильной турбулентности, но чтобы в машине – ни разу. Было неудобно попросить у кого-нибудь пакетик, но заблевать салон машины было бы ещё более неудобно. Ладно, если что, то попрошу остановить.

– Тут главное – ход не сбавлять: под таким уклоном сложно будет тронуться с места! – продолжил водитель. – Уже немного осталось, сейчас этот перевал переедем, спустимся

и будем на месте.

Слюноотделение увеличилось, и я начал чувствовать, как в животе начинают медленно сжиматься мышцы. Уж не знаю, что в таком случае сжимается: пресс, диафрагма или желудок, но ещё немного, и все увидят, что я ел на завтрак. Лишь бы доехать... как же трясёт машину. Надо потерпеть: если бы ещё долго ехать нужно было, то не стал бы, но раз почти на месте... Машина сбавила ход и, выехав на плато, остановилась.

– Ну вот мы и приехали. Выгружаемся! – Владислав Викторович заглушил двигатель, и мы медленно начали выходить из машины.

С жадностью вдыхая холодный свежий воздух и ощущая твёрдую почву под ногами, я начал чувствовать, что тошнота стала проходить.

– Андрей, ты что такой зелёный? Всё хорошо? – тихо спросил Лёша, положив мне руку на плечо.

– Да всё нормально, укачало немного.

– На, водички попей! – он протянул мне бутылку с минеральной водой. – Мне и самому немного нехорошо стало, но, судя по всему, не так сильно, как тебе.

– Спасибо! – я взял бутылку и сделал пару небольших глотков. – Я пойду немного пройдуся, ладно?

Неторопливым шагом я пошёл в сторону от всех и мельком услышал, что Лёша сказал, что меня слегка укачало и я скоро подойду. По мере отдаления голоса становились всё

тише и, отойдя метров на сто, я, наконец, огляделся по сторонам. Мы находились на небольшой равнине метров двести на двести, кругом окружённой горами, уходящими метров на сто пятьдесят в высоту. Между двух скалистых отвесных стен к полянке, если её можно было так назвать, подходила дорога, которая больше напоминала земляное месиво, что резко контрастировало со сравнительно ровными скатами окружавших нас гор. Посреди поляны находилась территория завода: слева от ворот находилось двухэтажное здание, а за ним было отдельно стоящее трёхэтажное, справа стоял ангар и небольшой домик. Вся территория была окружена высоким сеточным забором с колючей проволокой наверху. Завод явно простаивал без работы, и нашу делегацию при въезде на его территорию встретили лишь два охранника и буйно лающий белый пёс. Со стороны было видно, как все здороваются с охранниками и пытаются отстраниться от пса, который норовил поочерёдно запрыгнуть на всех вошедших, радуясь новым людям. Сергей Александрович указал охранникам на меня, видимо, говоря им, что я скоро подойду и чтобы они меня пропустили, и затем вся делегация, вместе с одним из охранников, зашла внутрь помещения. Пёс замолк, второй охранник вошёл в будку КПП, и вся территория погрузилась для меня в абсолютную тишину. Простояв минут десять, слушая звук холодного ветра и допив бутылку воды, я пошёл назад к воротам – нехорошо было так долго отлучаться от всех остальных. И почему других не укачало так,

как меня?

– Здравствуйте! Вы могли бы пропустить? – сказал я охраннику, который, увидев, что я подхожу к воротам, вышел из будки и уже начал открывать проход.

– Конечно. Здравствуйте! Я Виктор Петрович, – сказал мне мужчина крепкого телосложения, по лицу которого было видно, что он злоупотребляет алкоголем: об этом говорили небольшие мешки под глазами, трёхдневная щетина и сальные волосы.

– Я Андрей Александрович. Приятно познакомиться! Куда пошли остальные? – ответил я, протянув ему руку, которую он пожал с некоторым промедлением, видимо, не ожидая от меня такого жеста.

– Пройдите туда, думаю, они недалеко ушли! – охранник указал на главный вход самого большого трёхэтажного здания.

– Спасибо!

Я открыл тяжёлую металлическую дверь красной кирпичной постройки и вошёл в цех, в котором мирно простаивали огромные промышленные машины, выполненные из грубо обработанных металлических частей, скреплённых, наверное, полукилограммовыми болтами. В нос сразу ударил запах пыли. Основной холл уходил вверх на три этажа, однако было заметно, что на втором и третьем этажах имелись тянущиеся по всему периметру здания антресоли, за которыми находились двери в многочисленные комнаты. Судя по все-

му, в этом здании не только занимались производством, как таковым, но и производили некоторую бумажную работу и расчёты. Иначе зачем здесь нужны дополнительные помещения? Внутри было довольно-таки темно, и свет падал лишь от ламп аварийного освещения, так как окон на первом этаже не было, а на втором и третьем этажах многочисленные окна, которые я видел с улицы, находились за дверями кабинетов. В дальнем углу цеха Сергей Александрович что-то с воодушевлением рассказывал всем остальным, размашисто размахивая руками и периодически указывая на простаивающие конвейеры.

– ...и если удастся поставить новые более производительные установки, сократив при этом тридцать процентов рабочего персонала, удастся почти удвоить доход предприятия, что окупится менее, чем за три года, – закончил он.

– Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой. Вы сможете прислать мне все сметы, чтобы я их передал своим экономистам? Будет здорово, если это всё действительно так! – ответил Саша. – А сколько уже простаивает завод?

– Полтора месяца. Сначала закрыли производство и затем отключили центральное электроснабжение, так как в нём отпала нужда, а платить впустую по сто пятьдесят тысяч рублей в месяц было совсем нерентабельно. Сейчас работает дизельный электрогенератор, который позволяет поддерживать положительную температуру в помещениях и обеспечивает электричеством сигнализацию на всей территории и ад-

министративное здание, в котором оба охранника, постоянно пребывающих здесь, могут удовлетворять свои бытовые нужды.

– Они здесь живут что ли? – спросил Лёша.

– По сути, да, – ответил Виталий Сергеевич – один из охранников, встретивший нас и прошедший в КПП вместе со всеми. – Работаем вахтовым методом. Дорога сложная, и постоянно ездить сюда не очень удобно. Всего нас четверо, работаем попарно: две недели через две недели. У нас перемена через восемь дней, в следующий понедельник.

– Не скучно здесь две недели безвылазно быть? Да и есть ли нужда в охране? Разве сюда кто-то может дойти? К тому же, колючая проволока вокруг повешена, и вряд ли кто-либо заберётся внутрь! – Лёша посмотрел в небольшое окно на забор, окружающий территорию завода.

– Да нет, так вполне нормально работать. Вообще, в среднем раз в смену, а иногда и чаще, сигнализация срабатывает. Туристов, ходящих по горам, здесь немало, и многие, видя простаивающий завод, решают посмотреть, что внутри. Вот и приходится нам объяснять, что это частная территория, вход на которую посторонним запрещён. Если бы нас не было, то от завода мало что осталось бы. Вряд ли сюда целенаправленно идут люди с целью мародёрства, но кто знает, на что способен человек, зная, что в округе никого нет и он может безнаказанно вытворять здесь, что захочет? – ответил охранник.

– Справедливо! – подытожил Саша.

– Впрочем, каких-либо бунтарей мы здесь не встречали.

Вполне нормальные люди попадают. Многие и вовсе проходят мимо по верху склона, увидев Матвея.

– Матвея? – спросил я.

– Пёс наш. Вообще, он добрый, но, увидев кого-либо, приближающегося с горы, начинает так неистово лаять, что желающих подойти ближе остаётся мало.

– Теперь понятно. Вид у него действительно устрашающий.

– Ага, залижет до смерти! – рассмеялся Владислав Викторович. – Он ещё щенок, всего пять месяцев отроду, мне его друг подарил, и я его сюда решил пристроить: территория большая и воздух свежий – пусть резвится. Давайте я покажу вам всё остальное!

Я шёл последним, смотря на то, как все выходят из тёмного цеха на улицу, яркий свет с которой, исходящий из открытой двери в здание, слепил глаза, и представил то, что стало бы с заводом за полтора месяца, если бы здесь действительно на постоянной основе не было бы двух охранников и пса. В голове всплывали фрагменты заброшенных зданий, которые я видел, живя в Новосибирске и затем в Санкт-Петербурге: с выбитыми стёклами и стенами, изрисованными в граффити. Разницы между такими зданиями и в том и другом городе не было никакой, что, на мой взгляд, свидетельствовало о том, что такие порывы к разрушению по боль-

шей части обусловлены не социальной средой, а внутренними инстинктами человека. Если в отсутствии внешних сдерживающих источников, вроде полиции или оценки других людей, проявляется внутренняя природа человека, то стал бы любой человек заниматься разрушением обнаруженного им объекта? То, как в заброшенном здании выбивают окна или живут бомжи или цыгане, засоряя всё вокруг себя, я с лёгкостью мог представить. Однако не укладывалось в голове то, чтобы кто-то облагородил такое здание, вырвав сорняки вокруг него и сделав косметический ремонт, осознавая, что за это его не ждёт никакого вознаграждения и похвалы. Разрушение и созидание требует определённых затрат времени и сил, но почему же разрушение в таком случае мне кажется естественным, а созидание чем-то из рамок вон выходящим? Виталий Сергеевич ясно сказал, что охрана здесь нужна для того, чтобы завод не разграбили, и, пожалуй, такой ответ был вполне очевиден для всех присутствующих. Но возможно ли представить ситуацию, при которой на завод помещают охрану для того, чтобы случайные прохожие не подлатали в соседнем здании ржавую двускатную крышу или не посадили вокруг забора цветы? Мне кажется, что разрушение является более выраженной потребностью человека, нежели созидание. Может, вопрос даже не в том, что человек делает – разрушает или создаёт, а во врождённом стремлении в преобразования мира, направленном на том, чтобы оставить что-то после себя – чтобы его существование имело

хоть какой-то смысл? Чтобы убедить самого себя и остальных в том, что я, человек, есть. Кажется, что создание и разрушение – лишь две формы одного действия – превращения одного объекта в другой. Только первый направлен на систематизацию и упорядочивание природы, а второй – наоборот. Просто разрушать проще, чем создавать, поэтому большинство выбирает наиболее простой путь в своих устремлениях подтвердить значимость своего существования.

Послушав рассказ Владислава Викторовича о производственном здании, мы затем около часа ходили по смежным строениям. В ангаре, представляющем собой огромную металлическую коробку с двумя большими воротами, стояли два Урала, на которых возили руду во время работы завода, а сейчас на одном из них возили туда-сюда охранников, еду и топливо для генератора раз в две недели. В другом отдельно стоящем небольшом здании с выходящими из него трубами находился генератор и цистерна для дизеля, объёмом около трёх кубометров. Двухэтажное здание, находящееся ближе всего к въезду на территорию, представляло собой административный корпус, в котором находились раздевалки, душ, столовая и медпункт. Территория завода занимала более половины размера низины, на которой он находился, и она располагалась вдоль дороги, ведущей от шахты до основного шоссе: как оказалось, с другой стороны от въезда на территорию завода, если проехать дальше, метрах в ста пятидесяти отсюда сразу за перевалом находилась шахта, в

которой, собственно, и добывали руду, которую затем обрабатывали в цеху.

– А мы посмотрим шахту? – с энтузиазмом спросил Лёша у Владислава Викторовича?

– Ну, если очень хотите, то давайте пройдемся до неё. Хотя смотреть там особо нечего – самая обычная шахта!

– Я бы тоже с удовольствием посмотрел, никогда не был в шахтах! – отозвался я, уже представляя себе, как мы в касках с фонариками будем идти по тёмным коридорам, выкопанным внутри горы, и наши шаги будут эхом отражаться от неровных каменистых стен.

– Хорошо, давайте дойдём до неё, раз хотите. Всё там покажу и даже внутрь сможем пройти. Только не глубоко, а то вентиляции и освещения там сейчас нет! – Владислав Викторович уже собрался выходить с территории завода в сторону шахты, но охранник его остановил:

– Боюсь, что войти в неё не получится, Владислав Викторович! Мы её ещё в прошлую смену заколотили досками, чтобы туда не лезли туристы. Был прецедент, но так как люди извинились и спокойно ушли, то мы не стали Вам сообщать об этом.

– Забили, значит – ну и правильно. Ещё ногу там кто-нибудь сломает, а нам потом претензии предъявлять будут! Пройдемся до шахты или нет? В принципе, когда мы поедем отсюда до места, где палатки разобьём, то мельком увидим её. Но как хотите.

– Раз заколочена и увидим её, когда поедем, то, наверное, можно и не идти, – сказал я, чувствуя глубокое разочарование, так как уже настроился побывать в шахте, и со мной согласились Лёша и Саша.

– Отлично! Тогда, если по территории предприятия вопросов не осталось, можем ехать и разбивать лагерь. С места, на которое я вас веду, открывается потрясающий вид на всю округу. Это буквально в двух километрах отсюда, минут за пятнадцать доедем. Если хотите прогуляться по горам, то можете пешком идти, а я на машине все вещи подвезу, но пусть вас не обманывает такое короткое расстояние – идти будете здесь, думаю, час – это не по полю гулять. В гору быстро подняться не получится, а тут их аж две между нами и тем местом, на которое мы едем! – Владислав Викторович замолчал в ожидании нашего решения о том, кто идёт пешком, а кто едет.

– Знаете, я люблю гулять по горам. Наверно, оттого, что в Питере их нет. Если Вы не против, я бы прошёлся. Да и в машине мне с такой тряской нехорошо! – сказал я в надежде на то, что к этому все отнесутся с пониманием. – Только как я вас найду? Куда идти?

– Я пойду с Вами! – сказала Валерия Романовна. – В силу профессии тоже люблю по горам ходить, да и покажу заодно по возможности Вам всё. Владислав Викторович, правильно ли я поняла, что Вы будете через один перевал к северо-западу отсюда?

– Да. Мы будем ждать вас там и начнём разбивать лагерь: палатки поставим пока да костёр разожжём. А там уже и вы подойдёте.

Когда все пошли в сторону машины, Саша с ухмылкой прошептал мне на ухо:

– Я бы прошёлся с тобой, но не буду портить тебе момент: классная девица, не упускай свой шанс! Ещё и по горам любит ходить – будете как два психопата бродить вдвоём, – подмигнув мне и рассмеявшись, он пошёл догонять остальных, а я пошёл за всеми к воротам, ведущим с территории завода.

Вся компания начала медленно загружаться в гудящий внедорожник, который, как мне показалось, слегка накренился и со скрипом подвески просел тогда, когда в него забрался Саша.

ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ

– Ну что, пойдём? – спросила геолог, когда все, кроме нас и охранников, сели в машину.

Владислав Викторович был немного оптимистичен, когда сказал, что идти час. Сам он вряд ли когда-то ходил до того места пешком. Думаю, что дольше идти будем, если у Вас нет опыта хождения по горам.

– Опыта у меня, конечно, немного, но думаю, что Вы меня недооцениваете. Я могу идти довольно-таки быстро! – её слова меня слегка задели.

– Посмотрим, насколько быстро! – Валерия Романовна улыбнулась, и мы начали подниматься в серую каменистую гору, из которой местами виднелась уже увядающая и засохшая трава.

– Скажите, а как так получилось, что Вы являетесь главным геологом на заводе? Вы выглядите очень молодо.

– Спасибо! – немного покраснев, сказала девушка. – Мне две недели назад исполнилось тридцать, но опыт работы у меня большой и его более чем достаточно для такого сравнительно небольшого предприятия. – Вы, стоит сказать, тоже выглядите молодо. Кем Вы работаете у Александра Сергеевича?

– Я? Я на него не работаю! – рассмеялся я. – Мы друзья. Он позвонил мне пару дней назад и спросил, не хочу ли я

побывать на Хибинах. Я согласился и поехал с ним. Лёша, кстати, тоже на него не работает. Мы втроём друзья, а не коллеги.

– Вот как! Неожиданно. А Вы часто друг друга на деловые встречи приглашаете?

– Никогда не приглашаем, но ведь это не совсем деловая встреча. Ему было бы скучно здесь одному, наверное! – Немного промолчав, я добавил: – Простите, может, мы будем общаться на «ты»? Или хотя бы без отчества? Слишком уж официально, мы же не на работе! Я, по крайней мере.

– Конечно. У нас на «Вы» только к Владиславу Викторовичу и Сергею Александровичу обращаются, а с Петром, Виталиком и Витей мы на «ты» общаемся.

– Последние два – это охранники?

– Да. А вы втроём из Питера, или ты откуда-то из другого города?

– Да, оттуда. Вообще родился я в Новосибирске, но в Питере учился и затем там же и остался.

– Правда? Я тоже там училась на геофаке СПбГУ, но, в отличие от тебя, вернулась обратно домой. Ну, почти: я родилась и жила до семнадцати лет в Мурманске. Вернулась, чтобы быть поближе к родным. Да и должность здесь хорошую предложили. Владислав Викторович учился с моим отцом вместе, так что с радостью взял меня на работу. Хотя тут, конечно, не чем гордиться: я была бы рада получить эту должность не по знакомству, а самостоятельно. Успокаивает

меня лишь мысль о том, что Владислав Викторович не стал бы меня держать на этой должности, если бы я не справлялась. Взять-то он меня взял на эту работу, но некомпетентность бы терпеть точно не стал.

– Выходит, что мы с тобой в одно и то же время в Питер приехали.

– А ты когда поступал?

– В две тысячи восьмом.

– А я в две тысячи седьмом. Тебе двадцать девять, или ты в четвёртом классе учился?

– Да, двадцать девять. С половиной. Тебе нравится здесь работать? Ты тоже работаешь две недели через две недели? Мне кажется, что график не очень привлекательный. Да и климат не очень: до сих пор не могу привыкнуть к этому пронизывающему ветру.

Лера рассмеялась: – На заводе и шахте я обычно бываю раз в неделю и приезжаю сюда на автобусе, остальное время в офисе в Апатитах сижу, а данные получаю от моих подчинённых. Геологического образования у них нет, но с работой справляются. Ну, по крайней мере, они делают то, что я прошу делать, и делают это хорошо.

– На автобусе? Как ты сюда едешь на автобусе? – я попытался представить себе то, как длинный автобус с низкой посадкой медленно едет по земляному месиву, раскатанному Уралами.

– А, ты не видел, наверно. Это Уралы с пассажирской ка-

биной вместо кузова. У нас в особо снежные зимы иногда и по городу такие ездят, а на завод каждый день смены привозят. Сейчас покажу! – Лера достала телефон и через несколько секунд нашла соответствующую фотографию с автобусом на базе Урала. – Это наш корпоративный. В ангаре его нет, потому что он в городе сейчас стоит. На таком сюда не проблема проехать.

– Ого! Я и не знал, что такие бывают. Выглядит впечатляюще. А у тебя телефон здесь ловит?

– Нет, здесь нигде не ловит. Ни на заводе, ни вокруг, причём без разницы, какой оператор. Завод поддерживал связь с городом по выделенной линии, когда электричество подводилось, но оно сейчас отключено. Во время работы между собой по рациям дальнего действия общаемся. Их на заводе несколько лежит, и Владислав Викторович с собой одну носит на всякий случай, чтобы с охраной связь держать. В офисе в городе тоже есть, но ловит плохо даже в хорошую погоду – далековато всё-таки. А если погода плохая, то связаться с городом точно не получится. Хотя это излишне: сейчас на заводе ничего не происходит, так как производство остановлено, а когда запустят вновь, то будет электричество и нормальная связь заработает.

– А нам, может, тоже нужно было рацию с собой взять?

– Зачем? Я тут всё вдоль и поперёк знаю. Идти недалеко: вон, впереди перевал, до него дойдём и уже видеть всех будем. Хотя идти с той горы до нужного места больше полови-

ны пути. В общем, уже через минут пятнадцать-двадцать все нас будут видеть, а мы – их. В радиии нужды нет.

– Да я просто спросил – не переживаю. А как ты решила быть геологом?

– Сложно сказать. Отец меня часто брал в походы, и мне очень нравилось. Думаю, что меня привлекла возможность работать на природе, хотя последние года я больше провожу в офисе. А ты кто? Я имею в виду то, что если ты не работаешь на Александра Сергеевича, то кем ты работаешь?

– Я занимаюсь улучшением показателей топлива для двигателей внутреннего сгорания. Руководжу отделом в научно-производственном предприятии. Меня туда, по сути, тоже по благу взяли, правда, рекомендовал меня туда не отец, а научный руководитель, у которого я работал в лаборатории, пока студентом был. Разумеется, изначально я был рядовым сотрудником и лишь впоследствии стал руководить отделом.

– Тоже довольно-таки рано для руководящей должности.

– Да, но я многим пожертвовал ради этого. Не то чтобы я жалел об этом, но и гордиться нечем. Работал с утра до вечера и полностью отдавал себя работе. В итоге мне уже скоро тридцать, а ни жены нет, ни детей. Полгода назад развёлся, но детьми обзавестись так и не успели.

– Ну, каждому своё. Для мужчины, наверное, не так уж и ужасно к тридцати не иметь детей, вот для женщины – другое дело. Хотя я не сильно переживаю по этому поводу.

– У тебя нет детей?

– Ещё нет. Работа геолога связана с активной работой в не самых благоприятных условиях. Я не так давно стала в офисе работать, когда хорошие исполнители полевых работ появились. Вот сейчас бы с радостью детей завела. Могла бы удалённо дома работать. Понимаю, конечно, что ребёнок много времени бы отнимал, но теперь, по крайней мере, потенциальная возможность есть продолжать работу, в отличие от того, что было раньше.

– Когда планируешь заводить ребёнка?

– Для начала мужа нужно завести, а уж потом и ребёнка! – рассмеялась Лера. – В Апатитах не сильно интеллигентный контингент, а связываться с приезжающими сюда мужчинами, работающими вахтовым методом, себе дороже, так как у многих жёны есть там, откуда они приезжают. Есть у меня подруга в Мурманске, которая три года жила с таким мужчиной, и всё у них было хорошо, за исключением того, что она не знала о том, что у него жена и двое детей в Москве живут. Неприятная была история. Сильно переживала, когда узнала, и поставила ему ультиматум – либо она, либо его жена. Разумеется, он выбрал свою семью в Москве, и они разошлись.

– Да уж, нехорошая ситуация! Но я никак поверить не могу, что можно скрыть наличие жены и детей в другом городе. Она что, его паспорт посмотреть не могла? Там же есть данные о семейном положении и, кажется, детях? Ну, или разговор подслушать могла с женой, сообщения прочитать,

которые она ему присылала. В общем, была тысяча возможностей узнать правду.

– Любовь ослепляет.

– Это точно.

Пока разговаривали, мы, наконец, вышли из тени горы, по которой поднимались всё это время, и в глаза ударил яркий свет солнца – мы стояли на вершине перевала, откуда открывался отличный вид на окрестности. Вдалеке, сверху соседней горы, были видны мелкие силуэты нашей группы, вероятно, ставящих палатки и разжигающих костёр. Судя по всему, они разбивали лагерь с обратной стороны горы, так как палаток видно не было, а о наличии костра можно было судить лишь по лёгкой дымке, выходящей из-за вершины горы. Осталось лишь спуститься с той вершины, на которой мы сейчас находились, и подняться на следующую. Идти действительно было не так легко, как могло показаться на первый взгляд, и у меня даже появилась отдышка, которую я тщательно пытался скрыть от Леры, чувствующей себя при ходьбе по горам так же легко, как во время неспешной прогулки в парке.

– Там действительно красиво! – Лера указала на место, где теперь стояла машина и находились остальные члены нашей группы.

– А зачем так далеко было лагерь разбивать? Разве здесь нельзя было? По-моему здесь тоже замечательный вид.

– Вид там такой же, но есть одно исключение: на том ме-

сте прямо на вершине горы есть небольшой овраг, в котором скапливается дождевая вода, образуя небольшое круглое озерцо с прозрачной водой. Ничего особенного, конечно, но здесь это редкость, поэтому то место и нравится Владиславу Викторовичу.

– А глубина какая? Я, к сожалению, плавки забыл.

– Очень смешно, Андрей, там вода ледяная. Это же не какой-нибудь гейзер в Исландии. Купаться никто не планирует. А глубина метра полтора всего, может, два – вряд ли глубже. Просто место красивое!

– Знаешь, я не удивлюсь, если Саша, выпив вечером чего-нибудь покрепче, всё же решит там искупнуться. Он у нас вечно приключений ищет. А ты была в Исландии?

– Да, дважды ездила, один раз в качестве туриста, а другой – по работе. Для геолога там место замечательное. Это же вулканический остров, много чего посмотреть можно. Даже на Камчатке не видела всего того, что там можно посмотреть.

– Ты и на Камчатке была? Классная у тебя работа, столько мест видела! Я тоже часто по работе езжу, но в основном по крупным городам России, и кроме исторической центральной части городов, по сути, ничего не вижу.

– Сейчас я редко по работе куда-либо езжу. Точнее совсем никуда не выбираюсь. Если и езжу, то ради праздного любопытства, когда удаётся взять отпуск. Если тебе интересно, то могу сообщить, когда в следующий раз решу поехать в какое-нибудь экзотическое для человека, живущего в мегапо-

лисе, место.

– Знаешь, Лера, я действительно буду рад, если ты пригласишь меня поехать с тобой в подобное место. В Исландии очень хочу побывать, да и на Камчатке не был ни разу. Я вообще мало, где был, а если и был, то на пляжных курортах, от которых меня воротит. Никак понять не могу, что может привлекать человека в лежании на пляже под палящим солнцем.

– А зачем ездил, если не нравится?

– Жена любила такой отдых, вот и ездил с ней. Не думаю, что это было причиной для развода, но, наверно, и это сыграло свою роль. Ты правда готова поехать со мной на какой-нибудь вулкан? – мы остановились, и я задержал свой взгляд на её голубых глазах. Саша был прав – она действительно прекрасна. Не то чтобы она была похожа на супермодель: конечно, она была в отличной форме, насколько об этом можно было судить по той тёплой одежде, которая была на ней одета, но в целом имела вполне обычную внешность, но её взгляд и тот азарт, с которым она рассказывала про свою работу, меня очень привлекали.

– Если ты согласен, то почему бы и нет? – Лера пожала плечами.

– Но мы же знакомы несколько часов? Ты часто предлагаешь другим людям поехать с тобой в какую-нибудь экспедицию?

– Не часто, но мне показалось, что тебе это действительно

интересно. И, по правде говоря, из тех, кого я звала с собой, ты единственный человек, который выразил интерес к этому, не будучи геологом.

– Договорились! Обменяемся при удобном моменте но-
мерами и почтой.

– Отлично!

Остаток пути, представляющий собой плавный спуск и затем довольно-таки крутой подъём на вершину соседней горы, мы проговорили за обсуждением своего детства и подросткового возраста. Лера рассказала мне о том, как она любит своих родителей и младшего брата, а я, напротив, о том, какие у меня были отношения с родственниками и о том, что, к сожалению, хоть и небольшому, из живых осталась лишь сестра, с которой у меня тёплые отношения. Конечно, о том, что я был позавчера на их похоронах я ничего не сказал, так как она наверняка всё представила бы через призму своих взаимоотношений с роднёй и стала бы меня утешать, а если бы я дал ей понять, насколько мне плевать на их смерть, то она бы решила что я чёрствый сухарь и в любом случае диалог был бы испорчен – ни к чему ей это знать. Интересно, что бы она предприняла сейчас, стоя наедине со мной посреди практически безлюдных гор, если бы я ей сказал, что два дня назад убил своего брата? Убежала? Вряд ли, но наверняка почувствовала бы себя очень некомфортно рядом со мной.

Мы пришли к уже полностью разгруженному автомоби-

лю чуть более, чем через пятьдесят минут. Я остановился и постарался отдышаться от подъёма, ощущая, как по спине под кофтой и курткой медленно стекают капли пота, которые, дойдя до низа спины, впитывались резинкой от трусов – было немного щекотно.

– Ну что, я же говорил, что уложимся в час! – сказал я Лере, переводя дыхание.

– Я вижу, ты очень старался. Молодец! – улыбнулась она и спокойно прошла к остальным членам группы.

Неужели ей вообще не тяжело было идти? С виду хрупкая такая. Может, потому и не устала, потому что лёгкая? Кажется, что её сарказм заставил меня покраснеть – щёки налились теплом. Давненько я не чувствовал себя неловко из-за того, что занимался тем, в чём был некомпетентен. В последнее время во всём, чем я занимался, я имел большой опыт и чувствовал себя за такими занятиями в своей тарелке. Но сейчас, когда Лера легко и быстрым шагом преодолела этот путь, смотря на то, как я устал, мои ощущения были сродни тем, которые я испытывал, когда в детстве пришёл на футбольную площадку, где играли более взрослые ребята и которые с неохотой взяли меня в команду исключительно из-за своего воспитания, нежели от того, что действительно хотели, чтобы я путался у них под ногами.

Ладно, пора присоединиться к группе и поддерживать беседу. С этой мыслью я вдруг понял, насколько легко и непринуждённо я вёл диалог с Лерой. В отличие от тех многих лю-

дей, с которыми мне приходилось встречаться в последнее время, мне действительно было интересно то, о чём она рассказывала, и мне даже показалось, что ей понравилось то, что ей рассказывал про себя я. Хорошо встречать таких людей: мне показалась она простой в общении, и не нужно было подбирать слова, которые могли бы её заинтересовать в поддержании разговора. Надеюсь, что когда мы отсюда вернёмся, наши пути с ней не разойдутся.

В мыслях я перенёсся на каменистое плато где-то в Исландии, из которого вырывается струя кипящей воды, на которую мы смотрим вместе с ней, держась за руки, и затем представил то, как мы стоим над жерлом дымящегося вулкана. Не знаю, откуда я взял эти ассоциации, возможно, из тех фотографий, что видел в интернете, но они определённо грели мне душу. Интересно, может ли у нас с ней что-то получиться?

– Андрей, мы ждали вас минут через тридцать – вы быстро! – сказал Лёша. – Мы только палатки успели поставить и сейчас обед готовить начнём. Сейчас бутерброды с чаем поедим, чтобы голод немного перебить. Ты с чем будешь? Да, и, кстати, смотри, какое тут озеро!

Озеро действительно было красивое, хотя озером это сложно было назвать. Скорее, очень большая почти идеально круглая лужа диаметром метров пятнадцать, с прозрачной водой, сквозь которую можно было с лёгкостью рассмотреть камни, лежащие на дне. Выглядело необычно, Лера бы-

ла права.

– А с чем бутерброды?

– Да всякие: с бужениной, с солёным лососем, с сыром...

– Давай с рыбой парочку. Есть действительно уже охота! – я взял у него два завернутых в фольгу бутерброда. – А салфетки антисептические есть? – после моего вопроса возникло неловкое молчание, и я уже пожалел, что спросил это.

– Тут не центр Питера, Андрей, микробы в такую погоду все дохнут, да и откуда им взяться! Возьми в той чёрной сумке полотенце и ополосни руки в озере, если ты так переживаешь! – сказала Лера. – Если совсем не могу, то можешь протереть руки водкой – я тебе полью.

– Почему ты считаешь, что я всё время переживаю? Я за последние десять лет, наверное, второй или третий раз в поход пошёл. И то, до этого просто за город ездили, а не так далеко. Помою в озере.

Неужели я произвёл на неё впечатление неженки?

– А кто в какой палатке будет жить? – спросил Саша.

– Нас семеро на три трёхместных палатки, так что в любой комбинации можем разместиться. Без разницы! – ответил Пётр.

Мы встретились взглядами с Лерой. Неужели она тоже подумала о том, чтобы быть со мной в одной палатке? Сердце заколотилось быстрее от промелькнувшей мысли о том, что мы были бы быть с ней в палатке вдвоём. Разумеется, я не предполагал того, что между нами могло бы что-то быть, но

обстановка была бы весьма интимная. Если предложить такой вариант, то это будет настолько странно и нелепо, что лучше держать язык за зубами – пусть другие решат.

– Думаю, что Валерия, как единственная девушка, будет ночевать отдельно, мы с Сергеем Александровичем и Петром вместе, и вы втроём вместе, – предложил Владислав Викторович, обращаясь ко мне, Лёше и Саше.

– Логично! – ответил Саша.

– Вообще, мне непринципиально ночевать одной в палатке. Вы с Сергеем Александровичем можете быть в палатке вдвоём, а мы с Петром будем в другой, – сказала Лера, породив во мне вполне отчётливое чувство ревности.

– Можно и так, – согласился Пётр. – Вдвоём просторней, чем втроём.

– Вот и решили. Тогда вещи и спальные мешки можно уже загрузить в палатки, – предложил Владислав Викторович. – Лера, ты можешь пока салат начать резать? Мы с Александром Сергеевичем суп будем готовить. Сегодня будет куриный, а завтра уху на обед сварим. Серёжа, а ты разлей пока немного водки, прохладно здесь, согреемся немного!

Я помог разместить вещи по палаткам и установить стол со стульями, после чего присоединился к Лере, помогая ей резать овощи. Все, с кем мы встретились здесь, настолько лихо готовили в полевых условиях, что я продолжал чувствовать себя немного неловко от своей некомпетентности. Готовил я вполне сносно, но на костре ни разу ничего не гото-

вил. Ну что ж – хороший опыт, может, в жизни пригодится.

Пока мы с Лерой обсуждали места, в которых успели побывать до нашей встречи, Саша с Владиславом Викторовичем и Сергеем Александровичем, сидя рядом с костром и накидывая нарезанные овощи и мясо в котёл, обсуждали рабочие вопросы по возобновлению работы завода. Думаю, что в иной ситуации я бы с удовольствием послушал то, о чём они говорят – для общего развития – но сейчас всё моё внимание было сосредоточено на девушке, сидящей передо мной и нарезающей помидоры. Какие же у неё красивые руки!

После обеда мы обошли соседние горы, которые мало чем отличались от той, на которой мы разбили лагерь, и порядком устали, а придя к палаткам, уже в лёгких сумерках, приготовили на углях шашлык из свинины и лосося. Хоть я и нечасто ем мясо, но от пары кусочков свиного шашлыка отказаться не смог. После заката место, на котором мы были, заметно преобразилось: вокруг не было ни единого фонаря, и перед нами открывались тёмные, почти чёрные массивы гор под ещё светлым небом. Лишь где-то вдалеке можно было увидеть в двух местах лёгкую засветку, которая была обусловлена освещением, как сказала Лера, в Кировске с юго-запада и посёлка Ревда с востока. Прекрасный и немного устрашающий вид крошечной тьмы вокруг, резко контрастировавшей со светлым, ещё не звёздным небом, напоминал мне бескрайний тёмный океан, посреди которого мы находились, в котором вершины гор казались кромками огром-

ных волн, вот-вот накроющих нас, уволокивая на дно бездонной холодной тьмы. Думаю, что мои чувства сейчас были похожи на те, которые испытывали моряки на тонущем посреди океана корабле.

К одиннадцати часам вечера изрядно пьяные Саша, Владислав Викторович и Сергей Николаевич пошли спать в одну палатку, но их разговоры и смех были слышны ещё на протяжении по крайней мере минут сорока, а ближе к двенадцати и мы вчетвером разошлись по палаткам, оставив догорать костёр, который отлично справлялся со своей функцией и согревал всех вокруг.

Лёша уснул минуты через две после того, как лёг в спальный мешок, но я никак не мог улечься удобно и крутился, как мне показалось, целую вечность. В голове был клубок переплетающихся мыслей о том, что произошло за последние три дня: похороны родителей, нападение родного брата, его убийство, взрыв, при котором скончалась ни в чём не виновная бабуля, разговоры с полицейскими, переживающая Вера и очаровательная весёлая Лера. Вот бы можно было просто вырезать из памяти всё это дерьмо и оставить лишь воспоминания о сегодняшнем дне и Лере! Впрочем, нужно лишь подождать: время лечит. Думаю, что через пару лет я буду вспоминать это более спокойно, а сейчас нужно просто жить дальше. Интересно, чем занимаются в своей палатке Лера с Петром? Болтают или уже спят? Открыв глаза, я понял, что пока я пытался уснуть, палатка давно погрузилась во тьму,

и это означало, что костёр окончательно потух. Раз уж мне никак не улечься, то пойду покурю и попью чаю, наверное, он ещё не до конца остыл.

Тихонько расстегнув вход в палатку, чтобы не разбудить Лёшу, я вышел на улицу и ещё больше взбодрился от ледяного воздуха снаружи. Кажется, что температура опустилась даже ниже нуля, и изо рта шёл пар. Почти полная луна, сияющая на безоблачном звёздном небе, освещала всё вокруг, отбрасывая тени от предметов. Поверить не могу, что она может так ярко светить, аж смотреть на неё больно, не прищуриваясь. Когда я огляделся по сторонам, у меня ёкнуло сердце: в двадцати метрах от меня на вершине горы на фоне усыпанного звёздами неба сидела Лера.

Подойдя к ней, я хотел поздороваться, но она меня опередила: – Привет, Андрей! Тоже не спится? Я слышала, как ты открывал палатку.

– Привет. Да, уснуть не могу, а ты почему не спишь?

– Тоже уснуть не могла и решила полюбоваться ночным пейзажем. Смотри, как красиво! – Лера кивнула в сторону неба, посмотрев на которое, я потерял дар речи.

– Это же северное сияние... – прошептал я.

Зелёные почти неподвижные полосы висели в небе и уходили за горизонт. Медленно, едва заметно, они извивались подобно змее, как будто пытались куда-то уползти. И как я мог его не заметить сразу после того, как вышел из палатки? Никогда раньше не видел такой красоты. Я сел на полипро-

пиленовую подстилку, на которой расположилась Лера, и мы молча смотрели в небо.

– Ты раньше не видел полярное сияние?

– Нет, а ты?

– Сотни раз, наверное, видела, но оно не перестаёт меня удивлять. Красивое природное явление, но это сравнительно блёклое, бывают гораздо ярче. Особенно здорово смотрится тогда, когда луны нет. Сейчас на её фоне не очень выразительно смотрится.

– По-моему, это прекрасно! Ты знаешь, я никогда не видел такого красивого ночного неба. Подожди-ка, а это что Млечный путь? – я указал на бледную полосу, простирающуюся сквозь всё небо.

– Ну да. Его ты тоже что ли никогда не видел?! – с удивлением спросила Лера.

– Нет. Никогда. В большом городе такая засветка, что даже в ясную зимнюю ночь его не бывает видно, а на природу я, если и выбирался, то летом, в белые ночи, в которые разве что наиболее яркие звёзды увидеть на небе удаётся. Боже, да это же просто удивительно! – пребывая в абсолютном восхищении от увиденного, я принёс ещё одну подстилку и лёг на спину, смотря на звёздное небо, украшенное Млечным путём, северным сиянием и яркой луной.

Лера легла со мной, и мы молча смотрели на то, как изредка небо рассекали яркими полосами метеоры, один из которых оказался настолько большим, что как комета оставил

после себя яркий оранжевый хвост, растворившийся в небе лишь после того, как сгорел сам метеор.

– Ты загадал желание? – Лера повернула ко мне голову.

– Что?

– Желание. Такая яркая звезда упала, что можно и загадать бы было.

– А ты загадала?

– Конечно.

– И что ты загадала?

– Не скажу, не сбудется же ведь!

Сердце забилось так, что норовило выпрыгнуть из груди – я наклонился к Лере и поцеловал её в уголок губ. На мгновение отстранившись, я ещё раз поцеловал её в губы, мягкие и тёплые, но она отстранила меня своей рукой.

– Андрей, не надо, – спокойно попросила она.

– Разве не это было твоим желанием? Я думал, что это. Прости, если смутил тебя! – я чувствовал себя крайне неловко и совершенно раздосадованным. Ну неужели это было ошибкой? Я никогда так раньше не делал, но мне кажется, что этот момент полностью располагал к поцелую. Лишь бы это ничего не испортило – я не хотел бы, чтобы наше общение закончилось, ещё даже почти не начавшись. Но она же так смотрела на меня в течение дня и сейчас, когда спрашивала про желание, смотря на меня с расстояния менее полуметра, лёжа рядом. Неужели я ошибся, и она ко мне совершенно ничего не чувствует?

– Ты меня не смутил, но всё же было бы странным, если бы я пожелала, чтобы меня поцеловал человек, с которым я знакома менее суток, тебе не кажется? – улыбнулась она.

– Да, пожалуй, – ответил я, разглядывая её милое лицо. Ну, раз улыбается, то, наверное, всё хорошо. Хотя она почти всегда улыбается.

– Наверно, пора спать, – Лера, кажется, начала приподниматься, чтобы пойти в палатку.

– Знаешь, я в детстве увлекался астрономией. Хочешь расскажу тебе что-либо из того, что помню? – Спросил я, так как не хотел, чтобы наш вечер оборвался именно так.

– Конечно, мне было бы интересно!

– Вон, видишь три яркие звезды, если от них посмотреть чуть ниже, то боковым зрением можно увидеть туманность. Нашла?

– Да, а что это?

– Галактика Андромеды. Ближайшая к нам. На самом деле её видимый на небе диаметр составляет примерно шесть диаметров Луны, просто она слишком блёклая, чтобы мы видели глазом её всю и можем разглядеть лишь наиболее яркий центр. А вон та яркая звезда и не звезда вовсе, а Юпитер...

Я рассказывал ей всё, что помнил про звёздное небо, и она с интересом меня слушала, изредка задавая вопросы, на которые я с радостью отвечал. Наш диалог настолько резко контрастировал с тем, который состоялся у меня лет пять назад с бывшей женой, совершенно холодно и безынтересно

отреагировавшей на то, что я однажды пытался рассказать ей о звёздном небе, что я даже удивился. По правде говоря, я давно решил, что всё это слишком скучная для женщин чушь, чтобы о ней говорить, но оказалось, что это не так, и для Леры это всё было также невероятно, как для меня увидеть северное сияние.

– Подумать только, я и не знала, что на небе столько всего можно увидеть без телескопа. Мне казалось, что галактики, планеты и прочие объекты возможно наблюдать лишь с орбитальных объектов, типа Хаббла. Теперь буду вспоминать тебя, когда буду смотреть ночью на небо!

Пролежав до двух часов ночи и так продрогнув, что даже чай из чайника, который мы поставили прямо на дотлевающие угли, не мог нас согреть, мы разошлись по своим палаткам. Засыпал я, вспоминая то, как я её поцеловал и чувство соприкосновения наших губ. Интересно, думала ли она об этом? Кажется, я ей понравился...

ПРОПАВШИЕ КОЛЛЕГИ

– Андрей, подъём! – Лёша стоял внаклонку у выхода из палатки. – Пора вставать, все уже проснулись.

– Ага, сейчас встану. Доброе утро! – посмотрев на телефон, ответил я: начало десятого.

Я вышел из палатки и был ошеломлён тем, как преобразилось то место, на котором мы находились, да и вообще, всё вокруг. Шёл небольшой снег, и всё кругом было белым. Лёгкие редкие снежинки падали на землю, но, видимо, снег шёл уже не первый час, поэтому под ногами лежало сантиметра два рыхлого снега. Возникло такое ощущение, будто пока я спал, весь лагерь перенёсся в совершенно иное место, на вершину какой-то высокой горы, в которой была вечная мерзлота и снег не сходил круглый год. Все стояли вокруг разгорающегося костра и что-то обсуждали.

– Обалдеть! Снег кругом, вот уж чего не ожидал увидеть в середине сентября, так это его! – сказал я, подойдя ко всем. – Доброе утро! А где машина?

– Это мы сейчас и обсуждаем, – ответила Лера.

– Владиславу Викторовичу около четырёх часов ночи Виталик сообщил по рации, что что-то произошло на заводе, и он сказал, что съездит туда и посмотрит, в чём дело, – сказал Сергей Александрович. – Я так понял, что-то с генератором случилось. Он уже давно должен был вернуться.

– Связаться с ним мы не можем, так как связь не ловит, а единственную рацию, судя по всему, он забрал с собой, – поправляя брѐвна, сказал Пётр.

– Да, наверное, решил доспать там на посту охраны, я бы тоже не стал посреди ночи возвращаться обратно, когда можно в уютной тёплой будке поспать. Думаю, что проснётся и приедет! – решил Саша.

– Мне тоже кажется, что волноваться не стоит, хотя, на него это не похоже. Если бы он решил там остаться, то не стал бы этого делать, осознавая, что забрал с собой рацию и не сможет нас об этом предупредить, – размышлял Сергей Александрович. – Просто не похоже на него.

– Давайте, может, пошлѐм кого-нибудь на завод и узнаем что там да как? – предложил я. – Я могу сходить, дорогу знаю, и идти не так уж и далеко. К тому же, в одну сторону – обратно на машине же ведь приедем.

– Для начала позавтракаем и ещё подождѐм. Думаю, что Владислав Викторович отоспится и объявится. Уже достаточно поздно, так что в любом случае скоро проснётся, – предложил Пётр.

Единогласно решив поесть и подождать, мы сварили на всех овсяную кашу, накрошили туда фруктов и уселись вокруг костра. На улице стоял лёгкий мороз, но от костра исходил такой жар, что вокруг него на несколько метров снег растаял, и было тепло. Лера сидела напротив меня, и я пытался словить её взгляд сквозь танцующие над костром за-

вихрения воздуха, но она на меня не смотрела. По крайней мере, не смотрела на меня как-то так, как не смотрела бы на других. Неужели я всё испортил тем поцелуем? Ну надо думать, зачем я это сделал? Никогда раньше не позволял себе целовать девушку в день знакомства... ну, если отбросить те пьянки в общаге на младших курсах, но это другое. Вот дурак, насмотрелся всяких романтических фильмов и поцеловал, думая, что она ответит взаимностью. Да какая нормальная девушка будет целовать почти незнакомого мужчину, которого встретила полдня назад? Дурак я! Надо будет подойти к ней и поговорить о чём-то, чтобы понять, не настроена ли она больше со мной не общаться. Сразу будет понятно, каковы её намерения относительно меня по тому, как она будет со мной говорить.

После завтрака все разошлись праздно прогуливаться неподалёку, и я подсел к Лере, сидящей у костра и пьющей чай. Как мне показалось, она специально не ушла в надежде на то, что я к ней подойду, хотя я уже ни в чём не был уверен.

– Привет! Выспалась? Во сколько мы вчера разошлись?

– Привет! На природе я привыкла не засекать то, сколько я сплю: иногда в экспедициях мы и двое суток можем не спать, когда работы много. Кажется, около двух ночи пошли спать, но, может, и позже. Знаешь, мне очень понравился вчерашний вечер! – Лера слегка подвинулась ко мне так, чтобы наши плечи соприкасались. По крайней мере, соприкасались материалы наших курток.

Боже! Боже мой, как всё хорошо! Ей понравился вчерашний вечер. Неужели один, ну ладно – два неловких поцелуя и её замечание по поводу того, что ей это понравилось, могли сделать меня настолько счастливым? Я никогда не был так счастлив! По крайней мере, последние лет пять ничто меня так не радовало, как то, что она сказала. Я смотрел на её глаза, нос, губы, тёмные волосы, вылезавшие из-под шапки, и румяные щёки, на которые упало несколько мелких снежинок, тотчас растаяв. Может, поцеловать её ещё раз? Нет, не сейчас, это уж точно.

Кажется, поняв, о чём я думаю, она отвернулась и стала смотреть на костёр. Поболтала чай в чашке, держа её обеими руками, чтобы согреть пальцы, и сделала глоток.

– Вчерашний вечер был великолепен! Я рад, что мы встретились! – сказал я и остановился. – Я имею в виду то, что ты была на улице, когда я вышел из палатки. Впрочем, конечно, я рад, что мы вообще встретились! – щёки опять покраснели.

Что я несу? Запинаюсь как пятнадцатилетний мальчишка. Нужно собраться. Подумать только, мы встретились сутки назад, но она целиком завладела моим вниманием. Я даже не хочу ни о чём и ни о ком думать, кроме неё, и кажется, что мы знакомы уже так давно, что я могу ей безусловно доверять. Может, это и есть любовь с первого взгляда? Нет, нельзя это любовью назвать, наверное, правильнее назвать влюблённостью, лимеренцией. О чём же она думает? Испытывает ли она ко мне хотя бы долю того, что чувствую по от-

ношению к ней я? Может, она просто играет со мной? Вроде не похожа она на такую коварную лису, но кто знает.

– Слушайте, коллеги, я думаю, что лучше всё-таки сходить кому-нибудь до завода. Уже пол-одиннадцатого, – сказал подошедший к нам Сергей Александрович.

– Хорошо, мы можем сходить. Мы с Лерой уже ходили здесь и ходим ещё раз! – я посмотрел на Леру: – Если ты, конечно, не против?

– Да, давайте мы с Андреем ходим. Через часа полтора уже вернёмся.

– Хорошо. Только давайте там не задерживайтесь. Не хватало ещё, чтобы и вы там застряли!

– Да мы быстро. Только, если Владислав Викторович придет, пока мы будем идти, то отправьте его, пожалуйста, назад за нами, чтобы возвращаться пешком не пришлось. Хорошо?

– Разумеется. Надо было вторую рацию с собой брать вчера, вообще проблемы бы не было! – Сергей Александрович развернулся и пошёл к Петру.

Путь до завода оказался сложнее того, что привёл нас сюда. Казалось бы, всего-то снег идёт и слегка припорошило землю, но идти было всё-таки заметно труднее. Хотя, может, так показалось оттого, что шли против ветра. Через сорок пять минут мы уже спускались с горы к заводу, на котором издавна всё выглядело вполне нормально. Матвей бегал по территории, но охраны видно не было. Наверно, сидели в

своей будке: полагаю, что в такую погоду не очень охота гулять на улице.

– Я так и знала! – внезапно воскликнула Лера.

– Что такое? Вроде всё нормально, – я начал озираться по сторонам.

– Машины нет. Наверняка Владислав Викторович отъехал к лагерю, пока мы шли сюда!

– Ну ничего, если так, то с Витей и Виталиком чай попьем и подождём его. Постой-ка! – перед глазами открылся вид на подъезд к шахте, который прежде скрывался почти отвесной скалистой стеной. Внизу лежала перевернутая на крышу и изрядно побитая машина Владислава Викторовича, присыпанная снегом. Мы устремились вниз бегом настолько быстро, насколько это было возможно, чтобы не переломать себе ноги.

– Владислав Викторович! Боже мой! – кричала Лера. – Он, наверно, в темноте не справился с управлением и скатился вниз. Он же ещё пьяный был!

– Не переживай, даже если так, то грохот катящейся с горы машины точно должен был быть слышен охране, которая его ждала. Наверняка там никого нет, и ему оказали помощь на заводе. Да и визуально же видно машину с поста охраны. Странно только, что они до нас не добежали и не рассказали о произошедшем. Да и посмотри на машину – помятая, конечно, но, судя по всему, он достаточно аккуратно скатился по склону рядом со скалой, а не сорвался с обрыва. В про-

тивном случае машина бы превратилось в кучу металлолома, а по внешнему виду царапины и вмятины носят достаточно поверхностный характер. Точно скатился – значит, всё не так плохо.

Подбегая к машине, мы были ошеломлены тем, что внутри салона за окровавленным стеклом двери лежал человек.

– Да вон он лежит! – кричала Лера. – Андрей, где же охрана? Почему они ему не помогли?

– Сейчас достанем. До завода, с учётом того, что нужно обходить забор, метров сто, дотащим и поможем ему. Вон, посмотри, шевелится вроде, значит, живой! – с некоторым облегчением сказал я.

– Ребята... – прохрипел голос изнутри. – Помо... помогите!

– Да это же не Владислав Викторович! – остановившись на мгновение, тихо сказала Лера. – Это Виталик!

– Сейчас поможем, не шевелись! – сказал я Виталику, нагибаясь к земле, чтобы его поближе рассмотреть.

Зрелище было не таким плохим, как могло оказаться. Виталик лежал на крыше перевёрнутого внедорожника: нос разбит, всё лицо в крови и огромная шишка на лбу, но ноги и руки выглядели нормально, вывихов и переломов, по крайней мере, серьёзных, которые были видны сразу, не было. Выдавлив остатки стекла из боковой двери рукой, предварительно надев на неё шапку, чтобы не порезаться, я начал медленно тянуть Виталика наружу за куртку в районе плече-

вого пояса, а Лера придерживала ему голову.

– А-а-а! Полегче, больно! – застонал охранник.

– Где болит? – озадаченно спросила Лера.

– Везде... везде болит. Полегче!

Мы аккуратно вытянули Виталика наружу и подложили ему под голову мою шапку.

– Ты один? – мой вопрос был риторический, так как я и так видел, что в салоне автомобиля больше никого нет. – Где Владислав Викторович и Витя? Как ты оказался в машине?

– Там. Там, на заводе. Помогите мне! Холодно. Дышать тяжело. Голова раскаляется! – прохрипел Виталик, которому действительно было тяжело дышать – это было понятно по глубоким вдохам, которые ему от боли давались тяжело.

– Сейчас отнесём тебя в корпоративный медпункт. Там много всего. Перевяжем, обработаем раны и дадим обезболивающее. Не переживай, мы здесь, и теперь всё будет хорошо. Ты можешь шевелить руками и ногами? – я попытался теперь уже чуть более внимательно осмотреть его конечности.

Охранник с трудом пошевелил пальцами рук и немного, но вполне заметно, сумел согнуть ноги в бедренном суставе и коленях, а руки – в плечах и локтях.

– Уф! – вздохнул я. – Кажется, ничего критичного. Позвоночник не сломан. Руки и ноги больно двигать? Я имею в виду не общую боль, а резкую, в каких-либо конкретных местах?

– Нет.

– Значит, переломов конечностей нет. Попробуй согнуть ноги в коленях! – попросил я Виталика, и когда он это сделал, то я с радостью заметил: – Отлично, кажется, тазовые кости не сломаны. Значит, всё вполне неплохо.

– Может, рёбра? – спросила Лера. – Почему ему дышать тяжело?

– Может, и рёбра, но раздевать его здесь и проверять я бы не стал. Давай дотащим его аккуратно до медпункта и там разденем и всё осмотрим! – ответил я Лере. – Виталик, мы тебя сейчас потихоньку дотащим до территории завода и поможем. Придётся потерпеть!

– Нет! – воскликнул Виталик. – Нет! Нельзя туда! Не нужно туда! – за чем последовал приступ сухого кашля.

– Да что такое? Там медикаменты, мы же не можем тебя здесь оставить!

– Отвезите сразу в город. Затащите обратно в машину и отвезите. Нельзя на завод!

– Что за бред! – с недоумением добавила Лера. – Виталик, ты машину видел? На ней уже никуда не уедешь.

– Нет, переверните и поехали, может, она на ходу, – с трудом удалось понять, что он сказал на фоне хрипа и кашля.

– Слушай, а может, он прав. Давай проверим! – сказал я Лере. – С виду всё не так плохо, я говорил. Может, сможем перевернуть? Дел-то на три минуты, ничего с Виталиком не произойдёт, раз до нашего прихода дотерпел.

Мы с Лерой навалились на машину сбоку, но она не под-

далась даже на сантиметр. Даже на пару градусов наклонить не удалось.

– Стой, давай снизу за отверстия для окон ухватимся и потянем. Ты тяни за переднюю дверь, а я за заднюю. Ну не может такого быть, чтобы не смогли перевернуть. Центр тяжести сейчас у неё наверху – нужно лишь немного приподнять, а дальше она сама на бок завалится, – предложил я.

– Это всё не имеет смысла, если машина не на ходу. Давай для начала завести попробуем! – ответила Лера.

– Действительно. Сейчас попробую! – согласился я и пролез в салон автомобиля. Ключи были в замке зажигания. Провернув их, машина издала характерное скрежетание, но двигатель заводиться не хотел. – Ну, не так и плохо, стартер работает. Не уверен, что этот звук издаёт стартер, но наличие звука при повороте ключа – хороший знак. Когда я спалил двигатель своей первой машины, то вообще никакого звука не было.

– Подожди, там же механическая коробка. На какой передаче стоит?

– А я почём знаю? Как это вообще посмотреть в таком положении? – я попытался изогнуться так, чтобы рассмотреть угол наклона рычага коробки переключения передач в перевернутой машине. – Последний раз я сидел на водительском сиденье машины с механикой, когда на права сдавал: не могу понять, на какой передаче.

– Дай я! – с лёгким раздражением сказала Лера и залезла в

салон машины вместо меня. – На второй передаче стоит. Надо на нейтралку переключить. Сейчас, – Лера стала переворачиваться внутри машины и, после того, как заняла стойку на лопатках, напоминающую «свечку», выжала педаль сцепления и дёрнула за рычаг. – Всё готово! Теперь заводим! – машина загудела – мотор исправно работал.

– Ура! Лера, ты супер! – прокричал я. – Давай теперь перевернём!

Лера вылезла из салона автомобиля, и мы начали его переворачивать. Моя идея тянуть машину с одного бока вверх работала лучше, чем тот способ, который мы предприняли изначально, предполагающий толкание вбок. Машина приподнималась сантиметров на десять, но не переворачивалась. Так было до тех пор, пока через несколько минут мотор не заглох.

Что? Да как же так? Работал ведь! – возмутилась Лера.

Попытки завести двигатель вновь не привели к успеху, и мы решили, что лучше потом спокойно перевернуть её всей толпой, когда позовём тех, кто остался в лагере. Вспомнив по Виталика, до сих пор лежащего на земле, но явно утомившегося, мы медленно начали тянуть его по земле к зданию, в котором располагался медпункт. Благо оно было первым от входа на территорию, и там же располагались столовая и раздевалки.

– Там же закрыто всё! Как мы туда попадём? – спросил я Леру.

– Ключи на КПП. Возьмём при входе.

– А ворота как откроем? Судя по всему, там никого нет. Витя и Владислав Викторович давно бы уже пришли нам на помощь.

– А открывать их и не потребуется – они открыты. Вон, смотри! Нараспашку.

– Не нравится мне всё это! – ответил я. – Что же там такое случилось, что Виталик так не хотел туда идти?

– Сама не знаю, но Матвей бегаёт.

– А почему он не убежал, если ворота открыты?

– Выдрессирован так: ему нельзя за территорию завода забегать. Если он нападёт на кого-нибудь постороннего на территории завода – если он вообще способен на кого-то напасть – то он будет не виноват, так как охранял частную территорию, но если нападёт за его границами, то могут быть серьёзные разбирательства. Кажется, что это единственное правило, которое он усвоил.

Вдвоём с Лерой мы подтащили Виталика ко входу в здание с медпунктом, держа его за плечи и волоча его ноги по земле, после чего Лера зашла в будку охранников за ключами. Мы отпёрли дверь и вошли в светлый и чистый коридор, слева от которого уходил закуток с лестницей на второй этаж, впереди располагались несколько закрытых дверей, а справа виднелась большая комната столовой. Лера открыла одну из закрытых дверей перед нами, и мы аккуратно затащили Виталика в медпункт, войдя в который в нос ударил

запах спирта и йода. Пока охранник в полусознательном состоянии лежал на полу, мы расстегнули его куртку и молнию на штанах, после чего медленно стянули с него грязную и окровавленную верхнюю одежду и обувь. Я взял Виталика за подмышки, а Лера за пятки, и, досчитав до трёх, мы резко подтянули его вверх и затащили на одну из двух коек, на которых было застелено белоснежно-белое постельное бельё.

– Света нет. Здание ещё хранит тепло, но всё же прохладно. Давай быстро посмотрим, что с ним, и под одеяло положим! – тихо сказала Лера. Виталик тяжело дышал и, кажется, уже задремал.

– Где же остальные? Я не видел следов на территории. Снег не сильно идёт, и если бы здесь кто-то ходил последние несколько часов, то следы бы остались. Только от Матвея следы видел.

– Сама не знаю. Странно как-то. И как Виталик оказался один в машине? Почему он говорил, что здесь опасно? Вроде нормально всё. Тихо и всё целое.

– Не знаю. Ты умеешь оказывать первую помощь? – я смотрел на спящего Виталика, не понимая, с чего вообще принято начинать осмотр пострадавшего.

– Не особо. Не более чем пластырь на царапины наклеивать и раны антисептиком обрабатывать, – Лера так же, как и я, пребывала в некотором замешательстве. – Думаю, что для начала нужно его полностью раздеть.

Виталик лежал в свитере и термоштанах на койке, бельё

которой мы уже слегка измазали кровью и грязью, когда клали его на неё. Мы аккуратно стянули с него оставшуюся одежду, оставив на нём лишь трусы, которые мы обоюднo решили не снимать. Смочив пару свёртков марли в спирте, найдя их в шкафу, стоявшем рядом с окном, мы протёрли охранника от запёкшейся на нём крови, в которой были измазаны ладони и всё его лицо, включая волосы.

– Гематом много, но царапин нет. Да и в области грудной клетки вроде всё в порядке. Не знаю, как должны выглядеть сломанные рёбра, но, по-моему, с ними всё нормально! – рассуждал я, ощупывая ему верхнюю часть туловища. – Синяки на плечах, локтях, коленях, но не более. И этот шишак на голове. Но я не вижу ничего критичного. Кажется, он в рубашке родился и легко отделался при такой аварии. Почему же он так тяжело дышит?

– Ладно, давай на всякий случай остужающую грелку ему на шишку положим. Дрожит весь, пора его под одеяло положить.

Во всём здании, включая медпункт, из-за отсутствия электричества было весьма прохладно, поэтому на всякий случай мы накрыли спящего Виталика двумя одеялами, подоткнув ими его так, чтобы он точно не замёрз. Кажется, что оклемаётся быстро: ни одна из его гематом не выглядела хуже, чем та, что была у меня на бедре после того, как меня сбил Игорь, но я же ведь даже ходить мог – боль была вполне терпимая.

– Уже почти час дня. Что бы здесь ни произошло, нужно

сообщить об этом остальным, – сказал я Лера. – Я даже не знаю, как поступить. Виталика одного оставлять здесь нельзя – мало ли что. Кто-то должен остаться с ним, но оставлять тебя здесь одну я тоже не хочу. С другой стороны, отправлять тебя ко всем в одиночку опасно. Вдруг что-то случится?

– Давай я схожу, мне кажется, что я быстрее добегу до них.

– Нет. Не знаю, что здесь случилось, но ничего хорошего точно не произошло. Я схожу, а ты оставайся с Виталиком. Только запишись изнутри и никому не открывай, даже если это будет Владислав Викторович или Витя. Хорошо? Мы вернёмся часа через два.

– Возьми рацию! На посту охраны их четыре штуки ещё лежит, я видела. Интересно, почему Виталик с собой рацию не взял? Да и остальные, где бы они ни были, тоже рации не взяли с собой. У нас их всего пять, но одна в офисе находится.

– Если все рации на месте, то Владислав Викторович оставил её на КПП, когда приехал. Он же её с собой брал.

– Верно! – согласилась Лера.

– Так, ладно. Пойдём вместе до КПП, проверим рации, и затем ты при мне запишись изнутри здания, а я побегу звать остальных.

– Хорошо, пойдём! – ответила Лера, и мы вышли в коридор.

– Слушай, вот ещё что: Витя с Виталиком же ведь охранники. А оружие у них есть какое-нибудь?

– Нет, ни нарезного, ни гладкоствольного оружия нет, только дубинки резиновые. Да и зачем оно им? Они здесь для того, чтобы туристов гнать, а не отбиваться от террористов каких-то. Хотя постой, у Вити, кажется, травматический пистолет был. Он год назад мне хвастался, что лицензию получил, и показывал его. Но с тех пор я ни разу этот пистолет не видела. Да и показывал он мне его в городе, может, дома и оставил. В любом случае, если он и есть здесь, то, скорее всего, на КПП. Сейчас посмотрим.

Я приоткрыл дверь здания и ещё раз осмотрелся по сторонам: всё тихо, снег почти перестал идти, Матвей, сидя посреди улицы, чесал лапой за ухом, и единственным издающимся звуком был завывающий ветер. Мы тихонько прошли в будку охранников и огляделись по сторонам. Рации были, но пистолет найти не удалось даже после того, как мы всё перерыли. Мы взяли по рации, Лера показала, как ими пользоваться, и после того, как мы убедились, что они работают, я сопроводил Леру обратно к зданию. Убедившись, что Лера заперлась изнутри, я побежал к лагерю, чтобы сообщить всем о случившемся и сопроводить их обратно к заводу.

– Лера, у тебя всё хорошо? – я прислонил рацию ко рту и нажал на кнопку приёма вызова, когда поднялся до верха первой горы, и переводил дыхание. Через минуту я потеряю территорию завода из вида.

– Да, всё в порядке. Виталик спит. Всё тихо. У тебя как?

– Всё в порядке. Если услышишь хоть какой-то звук или

почувствуешь, что что-то идёт не так, то сразу свяжись со мной. Хорошо?

– Конечно, Андрей. Не переживай!

– До связи.

Закончив разговор, я упёрся руками в колени, пытаюсь отдышаться после подъёма. Смотря назад на территорию завода, находящегося в тени гор, окружающих его, и безлюдную территорию, присыпанную белым снегом, по которому ходил Матвей, мне стало немного не по себе. Будь я туристом, проходящим мимо, я бы поскорей отсюда ушёл: мрачная картина. С другой стороны вдалеке виднелся лагерь. Точнее, виден был лишь дым от костра и кто-то стоящий на горе и, судя по всему, высматривающий меня. Я помахал руками и побежал дальше навстречу им.

Через двадцать минут я, не сделав больше ни одной остановки, добежал до лагеря, где меня встретили все оставшиеся, повалился на землю и пытался отдышаться. Голова кружилась, и казалось, что от такой нагрузки меня сейчас стошнит.

– Кошмар какой-то, бегать по горам – это так тяжело! – жадно глотая воздух, выпалил я. – Владислав Викторович или Витя не появлялись?

– Нет. А их там нет? Почему ты так долго и где Лера?

– Нет. Собирайтесь! Собирайте всё и нужно идти к заводу. У нас проблемы! – ответил я.

Рассказав врасторопку собирающим палатки и походные

принадлежности людям о том, что мы видели с Лерой, я, наконец, отдышался и помог собираться остальным. Сначала я думал отправить кого-нибудь к заводу сразу, чтобы помочь Лере, но она регулярно выходила на связь и говорила, что у неё всё хорошо. Через двадцать минут мы, нагрузившись рюкзаками и сумками, выдвинулись в сторону завода. Вещей было больше, чем казалось изначально, но впятером мы вполне могли их донести. К тому же, Саша был за двоих и нёс больше всех. С тяжёлыми сумками идти быстро не получалось и при подъёме в гору приходилось несколько раз делать перерыв, чтобы передохнуть. В итоге, даже торопясь изо всех сил, лишь через полтора часа мы подошли к территории завода. Лера, увидев нас в окно, вышла и пошла нам навстречу вместе с прыгающим и лающим Матвеем.

– Как же я рада, что вы наконец здесь! Признаюсь честно, было немного жутко сидеть здесь одной, – сказала мне Лера.

– Ты же сказала, что всё хорошо?

– Ну, никого не было вокруг, я сидела со спящим Виталиком и смотрела в окно. Всё же было нормально... просто немного страшно.

– Как он? – спросил я, кивнув в сторону окна, за которым находился медпункт.

– Дышит. Причём, вроде ему стало немного лучше. Дыхание стало чуть более нормальным по темпу и глубине.

– Так, давайте зайдём внутрь и разложим вещи! – сказал я всем. – И попробуем поговорить с Виталиком.

Мы зашли внутрь здания, сложили вещи в столовой, и, пока Пётр с Лёшей осматривались по сторонам, ища возможность включить освещение в здании, мы с Сергеем Александровичем, Сашей и Лерой отправились к Виталику, которого удалось разбудить, потрепав его за плечо.

ЗАМКНУТОЕ ПРОСТРАНСТВО

– А? Где мы? Мы в больнице? – прерывисто и нервно спросил Виталик.

– Всё хорошо, мы здесь. Мы в медпункте завода. Ты в порядке? Как себя чувствуешь?

– Владислав Викторович мёртв? Вы нашли его?

– По правде говоря, мы думали, что ты нам скажешь, где он. И почему он должен быть мёртв? Что здесь произошло? – спросил я.

– Мёртв, наверное, потому что умирал у меня на руках. Там, у генератора. Вы его видели? Он ещё там?

– Боже, сейчас проверим! – сказал Сергей Александрович, резко дёрнувшись в сторону двери.

– Нет! Нет, нельзя! Не подходите к зданию! – заорал Виталик, скорчившись от боли, которой скрутило всё его тело при попытке приподняться с кровати. – Не ходите туда!

– Почему? – спросил Сергей Александрович, остановившись.

– Не знаю, что там такое, но он умер через минуту после того, как туда вошёл.

– Так, Виталик, ты не переживай! – я положил ему руку на плечо, стараясь уложить обратно на койку. – Мы сейчас с Сергеем Александровичем выйдем и издалека посмотрим, что там. Обещаю, что подходить не будем. Ты сказал, что

Владислав Викторович рядом со зданием? Или он внутри?

– Рядом, метрах в трёх от входа. Я вытащил его, когда он упал в дверях, пытаюсь выйти оттуда.

– Понял. Сейчас посмотрим, – сказал я, и мы втроём с Сашей и Сергеем Александровичем вышли на улицу. Подойдя ближе к зданию с генератором, мы действительно обнаружили на земле перед прикрытой дверью засыпанное снегом тело Владислава Викторовича, лежащее на спине с раскинутыми в стороны руками и ногами.

– Вот почему мы сразу его не увидели – снегом присыпало. Давайте поближе посмотрим! – Саша с энтузиазмом направился в сторону трупа.

– Виталик сказал не подходить к зданию! – я придержал Сашу рукой. – Не нужно подходить к телу для того, чтобы понять, что он мёртв. Если и сразу не умер, то уже от холода окочурился. Посмотрите, даже снег на нём не тает – выходит, что остыл уже. Давайте лучше поговорим с Виталиком, что же здесь случилось, и затем разберёмся, как поступить. Думаю, что вообще не стоит трогать тело, чтобы полицейские потом могли всё объективно зафиксировать.

Вернувшись в палату Виталика, вокруг которого сидели Лера, Лёша и Пётр, мы с прискорбием констатировали, что Владислав Викторович действительно мёртв и его тело лежит на земле рядом со зданием генератора. Повисло давящее на уши молчание, прерываемое тяжёлым дыханием Виталика.

– А теперь расскажи, пожалуйста, что здесь произошло! – после минутной паузы обратился я к Виталику, который начал свой неспешный рассказ:

– Сегодня ночью была смена Вити, и я спал. Он разбудил меня, сказав, что генератор заглох и свет отключился. После того, как он пошёл посмотреть, в чём дело, я сообщил по радиации Владиславу Викторовичу о том, что случилось, и задремал, так как не придал произошедшему особого значения. Генератор у прошлой смены тоже вставал, но они его перезапускали, и он работал без проблем. Да и Владиславу Викторовичу я сообщил об этом лишь постольку, поскольку он приказал говорить ему обо всех внештатных ситуациях, которые происходят на заводе.

Проснулся я, когда услышал шум подъезжающей машины и лай Матвея. Это был начальник, и я пошёл открыть ему ворота, чтобы он смог заехать. Впустив его, я осознал, что Вити до сих пор нет, и, описав ситуацию Владиславу Викторовичу, мы пошли с ним к генератору, чтобы помочь Вите, который, очевидно, был ещё там и пытался возобновить подачу электричества.

Я чуть отстал от начальника, так как прикрывал за въехавшей машиной ворота, и когда подходил к зданию, заметил, как Владислав Викторович, держась за горло, упал в дверях, пытаясь выползти из здания. Увидев это, я сразу подбежал к двери и оттащил его. Выглядел он ужасно: выпучив глаза, он, весь покраснев, с пульсирующими венами на висках

и шее, жадно вдыхал воздух. Я не знал, как ему помочь, но через несколько мгновений он обмяк, потеряв сознание. По должностной инструкции я начал делать ему искусственное дыхание и затем, когда почувствовал, что его сердце не бьётся, начал делать сердечно-лёгочную реанимацию. Через пару мгновений после начала я почувствовал, что тоже поплыл. Поняв, что сам сейчас могу потерять сознание, я побежал к машине и поехал к вам в лагерь, чтобы попросить о помощи, но по мере движения мне становилось только хуже. Голова болела и кружилась, в висках стучало, и, едва не доехав половину подъёма в гору, я, судя по всему, потерял сознание. Очнулся я незадолго до того, как услышал вас с Лерой. Может, и вовсе проснулся от вашего голоса. Ну а затем вы знаете, что было.

Единственное... когда я выезжал с территории, то во время поворота в сторону шахты свет фонарей машины на мгновение упал на дорогу, ведущую к заводу, и осветил два силуэта людей, стоящих на ней. У меня тогда аж мурашки по телу пробежали... Я не стал останавливаться. Чёрт знает кто это. У меня не было ни желания, ни возможности поговорить с ними.

– А как они выглядели? – спросила Лера.

– Я... я не помню. Видел их лишь мгновение. Стояли, держась за руки, и не двигались. Я их раньше не видел, но их невозмутимый равнодушный взгляд и блеск в глазах... ох, выглядели они совсем не дружелюбно. Я вдавил педаль га-

за в пол, по большей части для того, чтобы скорее уехать от них, нежели быстрее попасть к вам.

– А когда ты был у здания с генератором, ты запах какой-нибудь чувствовал? Было ли что-то необычное? Генератор гудел? Витя был внутри? – спросил я.

– Ничего необычного: чувствовал лёгкий запах дизельного топлива, который был там и раньше, здание визуально тоже было в порядке, хотя, темно же было, в лучах фонарика сложно было хорошо всё рассмотреть. Звука генератора я не помню, но, в любом случае, если бы он работал, то был бы свет и фонари на территории горели, а света не было. Витю я не видел, но и в здание я не заходил. Может, он до сих пор там.

– По описанию похоже на отравление угарным газом, – умозаключил я. – Если генератор был неисправен, то перед поломкой он мог создать высокую концентрацию угарного газа в помещении.

– Это невозможно! – сказал Пётр. – Система вывода отработавших газов находится снаружи здания. Там же труба пятиметровая наверх уходит – через неё и выводится всё. Я этот генератор вдоль и поперёк знаю.

– Если была нарушена герметичность выхлопной системы, то отработавшие газы могли поступать напрямую внутрь здания. И если был неисправен датчик кислорода и его подавалось меньше положенного, то топливо могло не догорать до углекислого газа, – ответил я. – Так или иначе, угарный

газ потенциально мог скопиться в здании, а иных причин, дающих такие последствия, которые мы с вами наблюдаем, я предположить не могу.

– Но это же не настолько опасно. Разве нет? – спросил Лёша. – Я слышал, что при отравлении угарным газом голова начинает болеть, и не более того.

– Это если концентрация низкая. И вот тебе типичный пример, – я указал на Виталика. – Немного вдохнул, пока вытаскивал упавшего в дверях Владислава Викторовича, и голова болит, а затем сознание потерял. Но если концентрация высокая, то одного-двух вдохов достаточно для мгновенной смерти.

– И что нам делать? – спросил Сергей Александрович. – Если Витя пошёл чинить генератор и его с тех пор никто не видел, то, судя по всему, он лежит мёртвый внутри.

– Надо ехать в город, отвезти Виталика в больницу и вызвать полицию со скорой помощью, чтобы они всё зафиксировали. Если это действительно был угарный газ, то жизни Виталика сейчас ничего не угрожает. С каждым последующим часом ему будет становиться только лучше, но в больнице могут ускорить процесс восстановления. Да и ушибы его посмотреть квалифицированным людям нужно. А Вите так же, как и Владиславу Викторовичу, мы уже не можем помочь.

– Ладно, давайте тогда выезжать! – сказал Сергей Александрович.

– Слушайте, я, может, немного не в тему скажу, но жрать так хочется, что сил нет! Может, пообедаем? – робко спросил Саша. – С Виталиком всё нормально, кстати, ему, наверно, тоже поесть надо, а остальные потерпевшие уже точно никуда не торопятся.

– Я не против. Действительно есть хочется! – сказал Пётр. – Давайте спокойно всё обдумаем.

– Ладно, но как мы в город поедem? Машина перевёрнута и не заводится.

– Ну как, в Ангаре два Урала стоят: сядем и поедem. Только их заправить нужно, а то с пустыми баками стоят! – сказал Сергей Александрович и запнулся. – Заправить нужно из общей цистерны, которая находится в здании генератора.

– Думаете, что туда уже можно заходить? – спросил Саша.

– Судя по описанию Виталика, концентрация угарного газа была высокая. Пётр, а вентиляция там есть?

– Конечно! Только она принудительная и работает от генератора. Раз генератор встал, то вентиляции почти нет. Там ближе к потолку есть отверстия, закрытые сеткой, через них небольшой поток воздуха имеется, но не сильный.

– И дверь почти закрыта, – заметил я.

– Да, там доводчик, но он не до конца захлопывает дверь, износился уже.

– Если вентиляции в комнате с генератором почти нет, то угарный газ оттуда никуда не ушёл. У него плотность близка к плотности воздуха, поэтому выйти из отверстия рядом с

потолком он вряд ли бы смог. Более того, он настолько токсичен, что, чтобы туда идти, нужно быть полностью уверенным, что его там нет, – я чесал щетину в размышлениях и смотрел на остальных.

– Да, патовая ситуация! – заметил Лёша. – Есть идеи, что делать? Может, пешком до города дойдём?

– Слушайте, так а зачем нам топливо из цистерны брать? Давайте с Патриота сольём! – воскликнула Лера.

– В нём бензин, а Уралы дизельные. Не подойдёт, нужно из цистерны брать! – сказал Пётр.

– Ну давайте тогда вместе перевернём внедорожник и поедем.

– Ты же говорила, что он не заводится.

– Так он же завёлся, а потом заглох. Наверное, ничего серьёзного. Думаю, ты сможешь разобраться! – сказала Лера Петру.

– Так он всё-таки у вас завёлся? А в какой момент он перестал работать?

– Мы его завели, он проработал пару минут и заглох. С тех пор больше не заводился.

– Ну вы красавчики, конечно. Зачем заведённым-то оставили? Машина же перевернута! – с недоумением сказал Пётр.

– А что такого? Завелась же ведь! Думали, что прогреем, пока переворачиваем, – ответил я.

– Не смогу я её здесь починить. Топливо из бензобака за-

бирается со дна, а в перевёрнутом виде получается, что с верха бака. Бак был полон, наверное, чуть больше, чем наполовину, и вы, оставив двигатель работающим, закачали воздух в бензовод.

– Давайте заведём, когда перевернём. Если машина будет в нормальном положении, то бензин снова начнёт закачиваться, как надо, – ответила Лера.

– Не начнёт. Начал бы, если бы двигатель работал, но двигатель не будет работать, так как в бензоводе воздух, а не бензин. Нужно принудительно прокачать бензин по бензоводу, чтобы он до двигателя дошёл, а уже потом заводить. В автосервисе это не очень сложно сделать, но здесь... может, и можно, но я же не автослесарь, понятия не имею, как это подручными средствами провернуть, – ответил Пётр.

– Ладно, братцы, давайте уже что-то делать! – ответил я. – Я попробую разобраться с генератором и угарным газом. Пётр, ты сможешь? Кто-нибудь посидите с Виталиком, и давайте уже пообедаем.

– А как пообедаем, если электричества нет? Микроволновка не работает, а плита, стоящая в столовой, электрическая, – заметил Саша.

– Ну это уж не проблема! – сказал Лёша. – Мы же в походе. Разожжём костёр и приготовим.

– Пётр, останься здесь! Нужно поговорить! – сказал Виталик, когда все начали расходиться.

Когда мы вышли на безлюдную улицу, посреди которой

лежало тело Владислава Викторовича, я, думая о тех двух людях, которых видел Виталик, вдруг всем нутром ощутил то, что за территорией завода может скрываться опасность и лучше наглухо запереть ворота, о чём и попросил Сергея Александровича. Впрочем, опасность могла подстергать нас и внутри территории.

– Не знаю, кого он видел снаружи, когда уезжал посреди ночи к нам, но в любом случае здесь быть никого не должно, – сказал ему я. – Когда мы с Лерой сюда пришли, то посторонних следов на снегу не было, но, судя по рассказу Виталика, снег пошёл позже, а это значит, что незваные гости, которых он видел ночью, могут быть где-то здесь.

– Думаешь, что это диверсия и кто-то специально это всё устроил? – тихо спросил Сергей Александрович, запирая ворота.

– Сложно сказать. Кому нужен простаивающий завод? Да и вообще, я не на сто процентов уверен, что здесь действительно кто-то был – при отравлении угарным газом возможны галлюцинации. Двое держащихся за руки людей с блестящими глазами, стоящих посреди ночи в горах, – звучит не очень правдоподобно.

– И всё-таки нужно быть начеку! – заметил Сергей Александрович.

Через десять минут работа вовсю кипела: Сергей Александрович, Лера и Лёша готовили на костре обед, Саша приглядывал за Виталиком, а мы с Петром думали над тем, как

нам пробраться в здание, наполненное угарным газом. Солнце стояло относительно высоко, и территория завода освещалась отражённым от заснеженной соседней горы солнечным светом. Если бы не труп, лежащий в десяти метрах от нас, и ещё один, который, вероятно, лежал внутри здания, то сложилась бы прекрасная картина идеального отдыха на природе: ещё бы волейбольный мяч был с собой, и сыграть всей компанией можно бы было.

– Насколько близко мы можем подойти? – спросил Пётр, когда мы с ним стояли посреди территории.

– Не знаю, но лучше ближе не подходить, пока мы не решим, что делать. Наша задача – проветрить помещение.

– А мы не отравимся здесь все, если наружу угарный газ выпустим?

– Ветер достаточно сильный, чтобы его быстро раздуть по территории и унести далеко отсюда. К тому же, смешиваясь со свежим воздухом, концентрация яда резко снизится, и он будет не столь опасен. Тем не менее, ты прав, когда начнём что-то делать, то лучше всех завести внутрь хозяйственно-бытового здания и запереться на некоторое время. Здание с генератором с виду не очень большое. Там внутри насколько пусто?

– Насколько я помню, внутреннее помещение около тридцати квадратных метров по площади... да, тридцать два метра. Чуть меньше, чем шесть на шесть. Там в дальнем от входа правом углу цистерна на две с половиной тонны дизеля и

ближе к центру помещения сам генератор. Сопутствующие придамбасы типа выпрямителя тока по левой стенке расположены.

– Отсюда видно, что сверху по три форточки, как они открываются?

– Те, что видим – глухие, их не открыть, но на задней стенке, которые со стороны трубы, имеются две форточки, которые можно открыть вручную изнутри. Там табуретка есть, с неё можно дотянуться.

– Если только дверь откроем, то сквозняка не будет, нужно форточки открыть. То, что они с противоположной от двери стены, нам на руку – лучше проветрится.

– Но как же туда войти, если там яд? – размышлял Пётр. – Придумал! У нас в цеху в основном здании есть пара противопожарных уголков, там противогазы были!

– Какие?

– В смысле, какие? Обычные, я не знаю.

– Пойдём посмотрим!

Аккуратно пройдя здание, в котором находился генератор, мы вошли в основной производственный зал. Со вчерашнего дня здесь ничего не изменилось, и кажется, что после того, как мы вчера отсюда вышли, никто сюда больше не заходил. На пыльном полу даже остались следы наших ботинок. Пройдя направо от входа в почти полной тьме, мы открыли красный висящий на стене шкаф и достали лежащий в нём противогаз. «Гражданский газодымозащитный проти-

вогаз» – гласила этикетка на нём.

– Ну что, попробуем? – спросил Пётр.

– Ты уверен, что он от угарного газа фильтрует? – усомнился я. – Знаешь, если нет, то, войдя в здание, мы умрём так же быстро, как и Владислав Викторович.

Пётр смотрел на меня с сомнением и изумлением. Видимо, он ранее не задумывался о том, что противогазы могут что-то не фильтровать во вдыхаемом воздухе. – Я не знаю. А проверить как-то можно?

– Давай мы наденем на тебя противогаз и обмотаем верёвкой. Я буду стоять снаружи, и если ты потеряешь сознание, то я тебя вытащу. Проверим, работает ли противогаз.

– Что?! Нет! – Пётр округлил глаза и даже отстранился от меня, как будто я собирался его схватить и действительно закинуть в здание с генератором.

– Да шучу я! – рассмеялся я, и мой хохот эхом отразился от стен огромного зала, в котором мы находились. – Ладно, если серьёзно, то давай исходить из того, что они не защищают от угарного газа. Хотя, надеть их не помешает, может, помогут. С другой стороны, угарный газ опасен только, если им дышать. Помещение небольшое, и если задержать дыхание, то можно успеть всё открыть.

– Ты предлагаешь просто задержать дыхание?

– Да! – ответил я. – Другого выхода я не вижу.

– Ладно. Но, знаешь, не нравится мне всё это. А что если ты ошибся и там не угарный газ, а что-то иное? – Пётр

смотрел на меня так, как будто это я был источником этого угарного газа. Боится – по взгляду понятно, что трусит.

– Давай так. Ты мне помоги открыть наружную дверь, а внутрь я сам зайду, хорошо? – сказал я, протягивая ему противогаз. – Тут второй есть?

– Да, вон ещё один шкаф, сейчас возьму! – Пётр отправился ко второму противопожарному уголку.

Через минуту мы вышли из здания с противогАЗами в руках и подошли к тому месту, рядом со зданием генератора, на котором стояли прежде.

– Дверь тугая? – спросил я.

– Доводчик тугой: если нужно открытой оставить, то подставить что-то нужно. Иначе закроется. Сейчас принесу что-нибудь тяжёлое, – сказал Пётр и отправился в цех. Выйдя оттуда с какой-то ржавой запчастью, весящей, судя по тому, как он напрягся, неся её, килограмм тридцать, он подошёл ко мне.

– Отлично! Итак, план такой, – начал я. – Дожидаемся, пока приготовят обед, и все уходим внутрь административного здания с едой и закрываем все окна и двери. Пока остальные начинают есть, мы с тобой открываем дверь и подпираем её. Затем ты идёшь к остальным, я забегаю внутрь, открываю форточки и тоже бегу к вам. Пока мы едим, всё должно проветриться.

– Я не оставлю тебя одного там, пока ты открываешь форточки, – ответил Пётр.

– Хорошо, тогда подожди меня недалеко от здания. Если увидишь, что мне нехорошо, то задержи дыхание и попытайся вытащить меня, – сказал я, хотя понимал, что, скорее всего, у Петра кишка тонка забежать внутрь, чтобы меня спасти... но кто знает, может, и вытащит при необходимости.

Через двадцать минут уха была готова, и мы помогли с Петром накрыть на стол, после чего, взяв с собой противогазы, пожелали всем приятного аппетита и стали собираться выходить на улицу. Все собрались в столовой и смотрели на нас, стоящих на выходе из помещения, как на космонавтов, отправляющихся в космос на суицидальную миссию ради спасения всего человечества.

– Через пару минут вернёмся. Начинайте есть! – ответил я, и мы с Петром пошли к выходу.

Подходя к зданию, перед которым лежал труп, я начал ощущать лёгкое беспокойство, которое усиливалось с каждым хрустом снега под ногами. А что если Пётр прав и там что-то, что может убить меня при контакте с кожей? Действительно ли угарный газ не проникает через кожу и опасен только при вдохе? Я даже проверить это в интернете не могу, так как связи нет. Моя ошибка может стоить мне жизни, причём не когда-нибудь через много лет, а прямо сейчас. Если я не прав, то через пару минут буду мёртв. Ну, по крайней мере, от моей ошибки пострадаю только я, а не кто-нибудь другой. Надо быть уверенней в себе. Пара минут – и всё готово. Ну не может быть это чем-то иным: слишком сходятся

симптомы отравления. Если угарный газ и проникает через кожу, то не так быстро, чтобы это могло как-то сказаться на здоровье за пару минут. Ладно, поехали, суп остывает.

– Пётр, всё запомнил? Надеваем противогазы, вместе берём эту ржавую херню и подносим к двери. Я её открываю, а ты подпираешь. Понятно?

– Да, – ответил Пётр, надевая противогаз.

– И главное – не дышать! – ответил я и задержал дыхание.

Мы вдвоём взяли металлическую деталь, которую Пётр положил недалеко от трупа Владислава Викторовича, пробежали к выкрашенной тёмно-зелёной краской металлической двери, положили деталь рядом с ней, и я со скрипом оттянул дверь на себя. Доводчик был весьма упрямый, и на мгновение мне даже показалось, что массы детали, которую мы поднесли, будет недостаточно для того, чтобы зафиксировать вход в здание в открытом состоянии. Как только дверь была открыта, Пётр подставил к ней деталь, и мы тут же отбежали. На всё ушло секунд двадцать, но из-за физической нагрузки, обусловленной переносом детали и открытия двери, под конец я начал ощущать лёгкое удушье от задержки дыхания.

– Так, всё, стой здесь! Я – внутрь, – сказал я и, глубоко набрав воздух в лёгкие, отправился в здание, хотя уже в пути задумался над тем, что следовало бы отдышаться после предыдущего нашего манёвра.

Забежав внутрь, я остановился при входе и пытался в

полутьме оценить обстановку: посередине стоял генератор, который даже визуально был неисправен – на нём был бело-жёлтый налёт, окаймляющий множественные небольшие отверстия в металлических деталях и прикрывающий ржавчину, которая уходила вглубь этих отверстий, перед генератором лежал на животе труп Вити – видимо, он даже не успел до генератора дойти и упал ещё на подходе к нему. Напротив меня на дальней стене помещения сверху находились две форточки с ручками. Но где же табуретка, о которой говорил Пётр? Я прошёл вглубь помещения в поисках табуретки и, дойдя до генератора, – боже, да что же с ним произошло? Вблизи он оказался в ещё более ужасном состоянии! – увидел за ним фиолетовую деревянную табуретку, которая была похожа на ту, что обычно стоят на кухне у бабушек в деревне. Я был так возбуждён происходящим, и сердце билось настолько быстро, что воздуха начало категорически не хватать. Как же хочется сделать вдох! Подумать только, да эта комната суицидальный рай: всего пара вдохов, и через мгновение потеряешь сознание и быстро, а главное, безболезненно умрёшь. Всего пара вдохов, и не стоит больше беспокоиться о том, что в старости, а быть может, и раньше, придётся мучительно умирать от рака или медленно угасать, превращаясь в овощ, от болезни Альцгеймера. Никто тебя не попытается застрелить, перед этим избивая ногами в грязном гараже, или сбить машиной. Всего пара вдохов, и вся эта бессмысленная суета, вся эта бессмысленная нервогрёп-

ка под названием «жизнь» может закончиться. На мгновение я вдруг ощутил то величие перед смертью, которое, вероятно, чувствуют люди, пытающиеся покончить жизнь самоубийством: разве нет большей власти над жизнью, чем та, благодаря которой ты сам решаешь, когда тебе умереть, а не дрожа ждёшь своего часа и всеми силами, как жалкая пресмыкающаяся тварь, пытаешься спрятаться от смерти, которая в любом случае тебя найдёт. Чем больше я об этом думал, тем заманчивей становилась осенившая меня идея. Я начал расслаблять диафрагму, но перед тем как сделать вдох, в голове вспыхнуло тепло губ Леры и выдыхаемый из её ноздрей влажный воздух, струящийся по моим щёкам, согревая их под изумительным ночным небом...

Так и не сделав вдох, я осознал, что просто стою на месте посреди помещения, напрасно растрачивая своё время. Быстрым рывком я подбежал к табурету, подставил его под форточку, дотянулся до неё и дёрнул против часовой стрелки ручку, которая не поддалась. Лёгкие начало сдавливать, и я осознанно глушил позывы вдохнуть, продолжая отчаянно дёргать за ручку. Всё, пора выбегать, больше не могу. Перед тем, как прыгнуть с табуретки, я в отчаянии дёрнул ручку по часовой стрелке, и форточка открылась. Сердце начало биться интенсивней обычного, и мозг явно протестовал против того, что я не дышу: порывы ко вдоху становились всё сильнее и превращались в некоторое подобие конвульсий. Я выбежал на улицу и, из последних сил отбежав от здания на

безопасное, как я считал, расстояние, снял противогаз и сделал глубокий вдох, упав на колени. Что за черти устанавливали эти окна?! Почему ручку в обратную сторону крутить надо?

– Господи, Андрей, я уже начал переживать! – сказал сквозь противогаз подбежавший Пётр.

«Ага, переживать он начал! – думал я. – Что ж ты, сука, здесь на улице стоял, а не побежал за мной, раз переживал так сильно? Слабак! Я бы там сдохнуть мог, пока ты бы стоял здесь и переживал».

– Всё в порядке, – ответил я Петру, жадно и часто вдыхая морозный воздух. – Там всё нормально. Ты иди в здание, а мне нужно вторую форточку открыть. Первую открыл и теперь дело за малым. Сейчас вторую открою и приду. Иди!

Пётр пошёл в здание и, когда за ним захлопнулась дверь, я заметил, как остальные, все до единого, смотрят за происходящим в окно, как будто я рыбка в аквариуме. Когда вошёл Пётр, то Сергей Александрович повернулся к нему и что-то спросил, но остальные – Лера, Саша и Лёша – даже не оторвали от меня взгляд. Я встал, помахал им рукой, сделал глубокий вдох и, вновь надев противогаз, побежал внутрь. Уже ориентируясь в помещении и направлении движения ручек, я без труда открыл вторую форточку и, пробегая назад мимо трупа Вити, остановился от пришедшей в голову идеи. Не знаю, что здесь произошло, но если Виталик прав по поводу чужаков, которых он видел ночью, то травмат мне бы не

помешал. Да и в любом случае он Вите уже не нужен, если он у него с собой. Чёрт, но я же оставлю на нём отпечатки пальцев, если стану искать пистолет! Чем бы обыскать его? Ай, да плевать, куча свидетелей вокруг подтвердят, что я не убивал его. Что за мысли?! Я попытался нащупать пистолет за спиной трупа и предпринял попытку просунуть руку ему под живот, но он был такой тяжёлый, что пришлось его перевернуть на спину, чтобы продолжить обыскивать. Да! Удача! Вот он! – обрадовался я, когда достал Осу из нагрудной кобуры Вити, и положил её к себе в карман. Так, а теперь обратно на живот, дорогой мой! С трудом перевернув труп так, как он лежал прежде, я выбежал из здания и сделал глубокий вдох, после того, как приблизился к административному зданию и снял противогаз.

– Ну что там? – с беспокойством спросила Лера, подойдя ко мне сразу после того, как за мной закрылась дверь.

– Всё сделал! Ух... – пытался отдышаться я. – Дверь открыта, форточки открыты, ветер дует. Давайте кушать!

– Витю не видел? – спросил Сергей Александрович.

– Видел! – ответил я. – Мёртв, лежит перед генератором.

Судя по всему, скончался мгновенно. Мне кажется, что он даже не дошёл до него и упал на подходе.

– Кошмар... – сказал Пётр. – Но неужели он ничего не почувствовал, когда заходил?

– Видимо, нет, – ответил я. – И знаете что. С генератором дела действительно плохи. Я удивлён не тому, что угарный

газ выходил прямо в помещение, а тому, как генератор вообще мог работать в таком состоянии, вырабатывая угарный газ. Когда всё проветрится, то сходим туда, и сами увидите, что там творится.

На часах было почти четыре часа дня, и мы сидели все вместе за столом, попивая горячий чай и поедая сваренную на костре уху, к которой никто не притронулся до тех пор, пока я не вернулся от генератора. В столовой стоял полумрак, и лишь блеклый свет с улицы, исходящий из окон, да пара фонариков освещали стол. Солнце уже начало приближаться к горизонту, и свет от горы не столь сильно освещал местность вокруг завода, не говоря уже о комнате внутри здания. Еды было много, поэтому наелись все так, что до ужина вряд ли бы кто-то проголодался. Живот был полон, и я так вымотался с этими хождениями по горам и беготнёй с открыванием форточек, что захотел вздремнуть. Улёгшись на койку, стоящую параллельно той, на которой полулежащему Виталику Лера помогала есть суп в медпункте, я закрыл глаза и мгновенно провалился в сон.

ПОПЫТКА ПОБЕГА

Я открыл глаза с большим разочарованием, так как совершенно не отдохнул – меня разбудила Лера. Несмотря на то, что мне показалось, что я лишь на мгновение прикрыл глаза, прошло больше часа и уже было почти шесть вечера. Быстро встрепенувшись и вспомнив, где я и что происходит, я пошёл к остальным, которые сидели за столом и тихо разговаривали, попивая сваренный ещё к обеду чай.

– Как думаешь, там уже проветрилось? Можно выходить? – спросил Саша.

– Конечно! Я и не думал, если честно, что вы будете здесь до сих пор сидеть! – ответил я. – Единственное, в чём я не уверен, так это в том, безопасно ли заходить в само помещение с генератором, но у меня появилась идея, пока я спал. В цеху я видел углекислотные огнетушители и, я думаю, что остатки угарного газа, если они даже там остались, можно выдуть ими.

– Давайте выдуюм! – сказал Сергей Александрович. – А точно сработает?

– Я думаю, что уже всё проветрилось. Это так, для подстраховки. Хотя гарантий никаких нет.

Мы вышли из здания, и перед нами открылся потрясающий вид на гору, освещённую оранжевым светом солнца. На улице было заметно светлее, чем в помещении, и снега по-

убавилось: то ли растаял, то ли ветром сдуло. Тело Владислава Викторовича, лежащее на земле, было уже не прикрыто снегом, и его яркая экипировка резко контрастировала с окружающим пейзажем. Мы с Сергеем Александровичем зашли в цех и взяли огнетушители, после чего он показал, как ими пользоваться. Вернувшись обратно, мы подошли к открытым форточкам снаружи здания, и, посадив на плечи Леру и Сергея Александровича, как самых лёгких из нас, и дав им по огнетушителю, начали наши финальные действия по нейтрализации опасности в помещении.

– А как это должно помочь? – спросила Лера, распыляя в форточку газ. – Там же нет пожара. Зачем мы это делаем? Я не до конца поняла, если честно.

– Огнетушитель углекислотный – там углекислый газ под давлением, который вы с Сергеем Александровичем сейчас распыляете. Он вытеснит воздух, находящийся в помещении, и заместит его собой, но углекислый газ неопасен. Хоть он и не поддерживает дыхание, но не является токсичным, поэтому в помещение можно будет войти. В худшем случае почувствуем лёгкое удушье, которое пройдёт мгновенно после того, как выйдем на улицу – углекислый газ, в отличие от угарного, выводится из организма почти сразу.

– Знаете, коллеги, – сказал Сергей Александрович после того, как слез с плеч Саши, – обращайтесь ко мне на «ты» – просто Сергей!

– Хорошо! – дружно согласились мы и обошли здание,

чтобы войти внутрь. После того, как ушёл, я всё же с лёгкой опаской сделал неглубокий вдох и попытался проанализировать свои ощущения – ничего не почувствовал. Осознав это, я стал дышать нормально, и лишь после этого остальные вошли внутрь, где ничего не изменилось с того момента, как я выбежал из помещения: перед нами открывался вид на изувеченный генератор и труп Вити, лежащий перед ним.

– Пётр, что могло случиться с генератором, чтобы он стал выглядеть так? – спросил его Сергей.

– Не знаю. Первый раз такое вижу, может, в воздухозаборник что-то постороннее попало? – ответил Пётр.

– Давайте уже сольём топливо из цистерны и быстрее заправим машину, чтобы уехать отсюда. Скоро солнце зайдёт, хотелось бы до темноты выехать, – нетерпеливо предложил Саша, который несколько часов назад сам же и предложил не торопиться и пообедать.

– Да, давайте! – согласились мы с Лёшей, и работа снова закипела. В четыре захода с помощью двух двадцатипятилитровых канистр нам удалось заправить одну из машин, и все замерли перед тем, как Сергей повернул ключ зажигания. Издав громкий рёв и выплеснув столб чёрного дыма из выхлопной трубы, машина завелась, и Сергей медленно выехал на ней из ангара во двор, остановив её у административного здания перед воротами.

– Всё, давайте загружаться! – прокричал он из кабины в открытое окно. – В кабине три места, и мне кажется, что бу-

дет правильным, если мы положим Виталика на два сиденья рядом со мной, и я поеду с ним в город, чтобы сразу его отвезти в больницу и сообщить о пострадавших. Оттуда полицию вызову, после чего вернусь к вам, и мы все вечером отправимся отсюда по домам.

Согласившись с ним, мы с Сашей и Лёшей аккуратно затащили Виталика в кабину, что оказалось гораздо более проблематичным, чем я предполагал изначально, так как кабина находилась очень высоко, а сильно тормозить Виталика, который постанывал от каждого неудачного движения, не хотелось. Кое-как разместив Виталика в кабине, мы открыли ворота. Мотор взревел, и Сергей медленно выехал с территории завода, однако, после того, как он проехал двадцать метров, капот машины начал дымить, а двигатель заглох, и машина, ещё не успев скрыться из виду за скалой, медленно докатившись по инерции, остановилась. Дым усиливался, и мы побежали к машине, чтобы помочь вытащить Виталика. Открыв дверь салона автомобиля, который уже полностью был задымлён, мы достали охранника, которого Сергей, откашливаясь, спустил к нам на землю, аккуратно придерживая подмышки.

Быстро отбежав от автомобиля, мы обнаружили, что топливо тонкими струйками выливается из бензобака прямо на землю, где оно медленно растекалось, оставляя за собой голую землю, уже не прикрытую снегом, который таял при контакте с соляной кислотой.

– Что же это за дерьмо? – возмутился Саша, смотря сквозь запираемые мной и Сергеем ворота. – Сначала генератор, а теперь ещё и двигатель сгорел. Вы где топливо берёте?

– Саша прав, это не может быть совпадением, – заметил Сергей. – Двигатель на Урале неприхотливый к топливу, и даже если бы оно было некачественное, то он бы не встал. Да и бензобак: его же насквозь проело!

– Заносите Виталика обратно в дом! – сказала Лера, стоящая в дверях здания вместе с Петром. – Холодно, а машине вы вряд ли поможете.

После того, как все зашли обратно в здание, мы вышли с Сергеем на улицу, чтобы покурить. Ноги гудели, голова шла кругом от происходящего, и единственное, чего мне хотелось – это уснуть и проснуться у себя дома, поняв, что всё произошедшее на этой неделе было просто дурным сном.

– Сергей, я согласен с тобой в том, что это всё выглядит странно, но кому бы пришло в голову портить генератор и машину?

– Не думаю, что кто-то хотел испортить машину, ведь это была наша идея перелить топливо в Урал, чтобы на нём уехать. Но я глубоко убеждён, что генератор кто-то нарочно вывел из строя, что-то сделав с дизелем. Цистерну легко открыть, даже если не знать заранее, как это сделать – там простой шлюз сверху, который открывается обычным поворотом вентиля: ни замков нет, ни ключей каких-либо не требуется. Можно подойти и залить туда всё, что душе угодно.

– Но кто мог это сделать? Пока генератор работал, то территория была под сигнализацией. Матвей, насколько я понял, не лаял, иначе бы Виталик проснулся, но он спал.

– Не знаю, – Сергей замолк и округлил глаза, посмотрев на машину. – Горит. Горит, чёрт возьми! – заорал он и побежал открывать ворота.

Обернувшись на стоящую за воротами машину, я увидел, как пламя распространяется из под капота на то топливо, которое было разлито по земле, и забежал в дом с криком о том, что срочно нужно тушить возникший пожар. Лера, Саша и Лёша выбежали, уже держа в руках по огнетушителю, которые каким-то чудом нашли в здании, а мы с Петром побежали в цех, чтобы принести огнетушители, которые видели там. Прибежав обратно с четырьмя огнетушителями, держа по одному в каждой руке, мы обнаружили поражающую воображение картину: буквально за те полминуты, что мы бегали в цех, и вопреки тому, что уже трое человек тушили пожар, пламя распространилось на всю машину, колёса которой горели ярко-оранжевым коптящим пламенем, и от всего этого огня жар был таков, что ближе чем на пять метров к ней невозможно было подойти, не опасаясь получить ожог.

Мы тушили огонь со всех сторон без остановки на протяжении получаса. Когда огнетушители кончились, а пламя ещё не было до конца потушено, в дело пошла вода, которую мы носили вёдрами. В конце концов, мы, совершенно вы-

мотанные и все чёрные от копоти, медленно забрели на территорию завода, оставляя за собой обгоревший металлический корпус машины. Мне показалось, что наши усилия были тщетны, так как по внешнему виду того, что осталось от машины, было понятно, что потухла она, скорее, оттого, что там осталось нечему гореть. Сергей запер ворота, и мы просто уселись рядом с дотлевающими от костра углями, которые остались после готовки обеда. Я и не заметил, как стемнело. В небе уже начали появляться звёзды, а горы медленно начали погружаться во мрак ночи в отсутствии солнечных лучей.

– Хорошо бы переодеться, одежда так воняет гарью, что меня от этого запаха скоро стошнит! – сказал Саша, лёжа на земле рядом с остатками костра.

– По этому поводу можно не переживать! В раздевалке есть тёплая уличная униформа и рабочая одежда, которую можно под неё одеть. Всё чистое – после остановки производства отдавали в химчистку, чтобы свежая висела. Только нижнего белья нет, но, полагаю, это не очень критично, – ответил Сергей.

– Да, надо бы переодеться! – ответил вялый от усталости Пётр.

Повисло молчание. Каждый лежал на земле, смотря то ли на небо, то ли на горы, окружающие нас, и думал о своём. Не было сил говорить, и я положил голову, которая кружилась от упадка сил, на землю. Интересно, что чувствуют пожарни-

ки после тяжёлого рабочего дня? Испытывают ли они приятную усталость и чувство удовлетворения после того, как потушат очередной пожар? Конечно, испытывают. По крайней мере, я бы точно испытывал. Может, следовало стать пожарным? Приходил бы домой и рассказывал жене и детям о том, как спас несколько человек и домашних питомцев от охватившего их огня. Сын гордился бы мной и говорил, что тоже хочет стать пожарным. Засыпал бы я с чувством абсолютного удовлетворения от того, что совершил героический поступок и сохранил жизнь беззащитным людям. Да, пожалуй, именно удовлетворение своей работой было тем чувством, которого я уже много лет не испытывал. Единственное, что приносило мне едва уловимую радость и умиротворение, это сообщение о том, что мне на счёт пришла очередная зарплата...

– Андрей, давай вставай! Пойдём внутрь. Не хватало нам ещё здесь простудиться и от воспаления лёгких загнуться! – сказал Саша, протягивая мне руку, чтобы помочь встать. Его голос возвратил меня к реальности из приятных фантазий, поглотивших мой разум.

Мы зашли в дом и пошли переодеваться. Лёша вызвался разжечь костёр и согреть воду, чтобы можно было если и не помыться, то хотя бы обтереться мокрыми полотенцами, чтобы смыть с себя копоть, а Пётр с Сергеем согласились приготовить ужин. Впрочем, кто что делает, на данный момент мне было плевать. Жаль, что не сохранились те ан-

тидепрессанты, которые мне дал Олег: они сейчас были бы очень кстати. Хотя, может, в медпункте что-нибудь есть? Надо спросить у Леры – она же там всё изучила, пока с Виталиком сидела. Хотя нет, подумает ещё что-нибудь не то, лучше не стоит. Кажется, ещё осталась водка, можно будет за ужином немного выпить, чтобы расслабиться.

Идея Лёши с водой удалась на славу. В душе не было горячей воды, но тёплой воды, которую согрели на всех в несколько заходов, хватило даже на то, чтобы помыть голову и тело, а не просто обтереться полотенцем. После того, как помылся и надел чистую и приятно пахнущую рабочую тёмно-синюю одежду, я почувствовал себя совсем иным человеком. К началу десятого все сидели у костра и смотрели на то, как кипит в кастрюле уже почти приготовившееся рагу из картошки, моркови и говяжьей тушёнки. Лера сидела рядом, положив свою голову на моё плечо, и, кажется, дремала. Слева сидел Виталий, который немного оклемался и с помощью Саши доковылял до костра; кажется, что ему даже было вполне комфортно сидеть перед костром, если он не двигался.

– Что будем делать, господа? – спросил Сергей, разливая поварёшкой в тарелки горячее рагу. – Машин нет, электричества тоже, два трупа и потенциальные диверсанты, которые могут быть неподалёку.

– Я могу вывести нас пешком к городу, – отозвалась Лера. – Не сейчас, конечно, в ночь идти я бы категорически

не рекомендовала, но если выйдем с утра налегке, то, может быть, к вечеру дойдём до города, если идти будем быстро и делать лишь короткие остановки. До Кировска километров двадцать.

– Это по горам?

– Да, но, с другой стороны, мы же можем вдоль дороги следовать. Какая нам разница, насколько она убитая, если пешком идти, но получится километров тридцать, так как она виляет. Зато гораздо более пологая.

– Судя по километражу, к вечеру уже в городе будем. Давайте, может, так и сделаем? – согласился Сергей. – Выспимся, перекусим и пойдём?

– Не думаю, что Виталик может куда-то идти, с ним нужно остаться! – сказал Саша.

– Ребят, я в порядке, необязательно со мной кого-либо оставлять. Мне лучше, и я могу один дождаться приезда врачей и полиции! – хриплым голосом сказал Виталик.

– Нет, так точно не пойдёт. Если мы, в лучшем случае, к вечеру будем в городе, то сюда все подъедут только утром. Ночью никто в такие дебри не поедет. Одного тебя здесь на сутки не будем оставлять, – сказал Сергей.

– Зачем всем идти? Еды ещё полно: тут же на двухнедельную смену охранников еда завезена была. На нас семерых до среды хватит точно! – ответил я. – Давайте кого-нибудь пошлём до города, а остальные подождут! – сделав паузу, я уточнил: – Лера, только не тебя! Одной в горах тебе не стоит

ходить.

– Согласна. Кто со мной?

– Не нужно! – Сергей оборвал её. – Я пойду. Я же вырос здесь и всё знаю. К вечеру точно дойду. Первое время буду на связи по рации, а там и до города всего-ничего останется.

– Рация! – воскликнул я. – Лера, ты же говорила, что одна из них в офисе находится. Так давайте завтра свяжемся с кем-нибудь – понедельник же будет!

– Не выйдет, рация-то в офисе, но, во-первых, она обычно не ловит, так как слишком далеко находится, а во-вторых, она лежит в кабинете Владислава Викторовича, доступ к которому есть только у него и меня, – ответил Сергей.

– Жаль, вызвать помощь по рации было бы идеальным вариантом! – заключил Пётр.

– Но что делать с теми, кого видел Виталик? – спросил я. – Ты уверен, что видел двух стоящих в темноте людей?

– Да! – ответил он. – Я был немного не в себе, но я уверен, что видел их. Так же, как... знаете, вижу одного из них прямо сейчас! – Виталик смотрел в сторону перевёрнутого внедорожника, очертания которого были едва уловимы за территорией завода в свете нашего костра.

– Что? О чём ты говоришь? – резко начав оборачиваться по сторонам, спросил Лёша. Остальные тоже начали пытаться высмотреть диверсантов в том месте, куда смотрел Виталик.

– У Патриота кто-то только что был. Я видел. Убежал в

сторону шахты, когда вы начали все оборачиваться, пытаться его найти.

– Надо его догнать! – вскочил Саша. – Я его на куски порву!

– Не надо, Саша! – рявкнул я. – Ты что, вообще с ума сошёл? Вокруг тьма тьмушая, и ты сейчас пойдёшь неизвестно куда, чтобы догнать человека, который умудрился незаметным пробраться на территорию завода и что-то подлить в цистерну с топливом? А что если он вооружён? У нас и так два трупа, давай не будем давать возможность появиться третьему. К тому же, как мы все слышали, их было двое! – от моих слов запала у Саши поубавилось.

– Ладно, пойдёмте в дом, некомфортно на улице сидеть, зная, что кто-то за нами наблюдает! – вымолвил он.

Согласившись, что в доме быть безопаснее и поэтому психологически уютнее, все проследовали внутрь. Саша подхватил Виталика, и уже через пару минут мы сидели в столовой и ждали, пока Лёша с Петром проверят, закрыты ли окна, а Лера запрёт дверь изнутри.

– Если они саботировали работу генератора, то зачем они до сих пор здесь? Да и зачем им вообще это делать? – спросил Саша.

– Я не знаю, но я вдруг понял одну вещь! Когда они пробрались на завод, то генератор ещё работал, верно ведь? А значит, их проникновение записано на камеры! – Сергей чесал руки от нетерпения. – Это же решает все вопросы! Нуж-

но просто посмотреть запись, и тогда у нас будут улики против них. На территории камеры хорошие стоят, и, может, мы даже лица увидим. Интересно, как они умудрились попасть внутрь мимо охраны?

– Отлично, но где находится информация, и как мы её посмотрим, если нет электричества? – спросил Пётр.

– На компьютере в кабинете Владислава Викторовича, прямо над нами, на втором этаже. Доступ к записям есть и из будки охранников, но физически информация хранится на том компьютере. Пойдёмте посмотрим.

Мы поднялись по лестнице и, зайдя в кабинет, который, судя по всему, был единственной комнатой на втором этаже, так как далее по зданию находилась столовая, потолки которой были вровень со вторым этажом, увидели компьютер.

– Всё должно быть на нём. Уж не знаю, сможем ли мы посмотреть записи до приезда полиции, но когда она приедет, то обязательно посмотрим. Осталось лишь дожидаться утра, и я пойду за помощью.

– А что если они выследят тебя завтра? – спросил я.

– Кто? – возмутился Сергей.

– Те, кого видел Виталик. Они же до сих пор около завода. Ты не думал, что они могут завтра пойти за тобой? Они же чего-то ждут. Нет, одному идти совершенно рискованно. Давай я пойду с тобой! – сказал я, хотя не представлял, как смогу защититься от двух диверсантов, если они попытаются на нас напасть по пути в Кировск.

– Резонно! – Сергей замолчал, размышляя над моими словами, и продолжил: – Слушайте, давайте-ка пойдём спать! Это был просто безумно тяжёлый для всех день. На улице темно, здесь темно, все устали – пора спать. Внутри дома нам вряд ли что-то угрожает, так как мы заперлись изнутри. Утро вечера мудренее.

Ещё раз проверив все окна и двери в здании, мы начали укладываться спать. Виталик и Пётр уснули в медпункте на двух кроватях, стоящих там, а остальные улеглись в спальные мешки на полу в столовой. Хоть бы это был просто сон! – подумал я, крепко сжимая внутри спального мешка рукоять травматического пистолета.

– То есть проблем особых нет?

– Думаю, что нет. Владислав Викторович был единственным собственником завода, так что всё перейдёт к его жене, которая вряд ли будет иметь желание оставить себе даже долю завода, – проснувшись посреди ночи в тёмной столовой, я услышал диалог Саши с Сергеем.

– Ты думаешь, что теперь есть шанс выкупить весь завод целиком?

– Я знаю его жену, попробую с ней поговорить и готов всячески поспособствовать тому, чтобы завод перешёл к тебе. Разумеется, если я буду в этом заинтересован.

– И чего ты хочешь?

– Бессрочный договор в должности исполнительного ди-

ректора и увеличение оклада в полтора раза.

– С учётом сложившейся ситуации вполне адекватное желание.

– Ну я же приличный человек и не имею целью тебя шантажировать. К тому же я был в этой должности на заводе четыре года и прекрасно справлялся со своими обязанностями, пока Владислав Викторович всё не запорол, так что моя кандидатура будет наилучшим вариантом.

– То есть, запорол?

– Я говорил ему, что нужно менять оборудование и сокращать персонал, но он не слушал. Вместо того, чтобы делать стратегические инвестиции на получаемые деньги, он всё растрачивал неизвестно куда. По правде говоря, я думал увольняться, когда начали возникать проблемы с выплатой зарплат сотрудникам, но появился ты, и я решил подождать результатов сделки. Так что я заинтересован в том, чтобы помочь тебе полностью контролировать деятельность завода. Слышал, что те два завода, которые у тебя есть, процветают.

– Хорошо. Тогда, как выберемся отсюда, то начнём обсуждать всё с его женой. Раз уж всё так получается, то хотелось бы узнать, насколько его жена в курсе деятельности завода? Я имею в виду возможно ли за ту сумму, которую я предлагал Владиславу Викторовичу за часть завода, выкупить у неё всё?

– Уверен, что она понятия не имеет, сколько это всё стоит, но нет сомнений в том, что она наймёт знающего юриста, ко-

торый озвучит ей объективную цену. Я попробую с ней поговорить, и если мне удастся её убедить в том, что предлагаемая тобой цена адекватна с учётом выведенного из строя генератора, то, быть может, она не станет связываться со сторонними юристами и доверится мне.

– Вот и порешили! – закончил Саша, и через пять минут полной тишины я опять уснул.

ЗАПИСИ С КАМЕР

Тишину в сумрачной комнате нарушало шарканье чьих-то ног и шелест пакета. Открыв глаза, я увидел Сашу, достающего из пакета с едой лапшу быстрого приготовления, которую он вытащил из упаковки и всухомятку начал пережёвывать. Я уже начал ориентироваться в тех оттенках сумрака, которые сменяли друг друга в столовой в течение дня – сейчас было утро. Лёша уже проснулся, а остальные, видимо, от издаваемого Сашей хруста, тоже начали подниматься. Убрав спальные мешки в угол столовой и обоюдно решив, что пришла моя очередь готовить завтрак, я вышел на улицу, чтобы разжечь костёр. Лера вызвалась мне помочь в готовке то ли для того, чтобы чем-то себя занять, то ли от того, что не хотела есть пригоревшую на костре кашу. Как только мы убедились в том, что костёр успешно разожжён и начали готовить, нашу идиллию нарушил Сергей, который подошёл к нам с озадаченным видом и сказал: – Компьютер пропал!

Вскоре мы вшестером стояли на втором этаже в кабинете Владислава Викторовича и с изумлённым видом смотрели на стол, на котором ещё вчера стоял системный блок компьютера – теперь его не было, и рядом с монитором и клавиатурой с мышью красовался прямоугольный след, вокруг которого на поверхности стола ровным слоем лежала пыль.

– Что за бред? Неужели ночью кто-то здесь был? – возму-

тилась Лера.

– Если и был, то слишком подозрительно то, что компьютер пропал сразу после того, как мы выяснили, что на нём хранится информация с камер видеонаблюдения! – сказал я. – Нет. Нет-нет, это не кто-то снаружи, это кто-то внутри.

– Но ночью точно никто не входил в дверь. Закрыв её вчера вечером, я подложила сверху небольшой кусок картона, который бы выпал, если бы кто-то ночью открывал дверь снаружи или изнутри, но с утра он был на месте! – ответила Лера.

В абсолютном недоумении все с подозрением смотрели друг на друга, не веря в происходящее.

– Это абсурд, зачем кому-то из присутствующих красть компьютер с записями происходящего, если все мы на момент случившегося были в лагере далеко отсюда и никого из нас на видео точно не может быть? – удивился Пётр. – Нужно проверить окна! Может, кто-то тихо залез в окно и вынес системный блок, пока мы спали?

– Ты прав, Пётр, но не совсем. В лагере были все, кроме одного из нас! – я жестом показал вниз, где под нами на первом этаже в медпункте лежал на кровати Виталик.

– Блин, извините, конечно, но каша сейчас пригорит! – подскочила Лера и выбежала во двор за тем, чтобы снять кашу с костра. Я и остальные присутствующие непроизвольно повернули головы в сторону окна, чтобы убедиться в том, что она действительно побежала к огню снять ковш, а не ку-

да-то в иное место.

– Завтрак готов! – сказала Лера, вернувшись к нам. – Андрей, донеси, пожалуйста, кашу от костра до столовой – тяжело!

Я вышел на улицу и прихваткой взял кастрюлю с кашей, которую понёс в столовую, в то время как Лера взяла чайник с чаем, стоящий на углях. Оставив всё в столовой, я запер дверь здания изнутри и положил ключ, до этого вставленный в замочную скважину, к себе в карман.

– Ребят, вы кушайте, а мы с Петром проверим окна и присоединимся к вам! – сказал я, и мы прошли вглубь здания в сторону раздевалки, которая находилась сразу за столовой.

– Пётр, а ты хорошо знаком с Виталиком? – проверяя по пути окна, спросил я.

– Более чем. Мы с ним учились в одной школе в Апатитах, только он на два класса младше был. Это я его рекомендовал Сергею полгода назад, когда узнал, что Виталик ищет работу.

– Ты думаешь, что он мог украсть ночью системный блок?

– Хм... я не знаю. Вообще, жизнь у него не особо-то удалась. Сам посуди, не от хорошей жизни люди в расцвете сил охранниками на заводах становятся. Я ему помог лишь постольку, поскольку мог помочь, но не сказал бы, что могу за него ручаться. С виду он нормальный – у него в Апатитах жена и дочь, которая в этом году в первый класс пошла. Да и Виталик в таком состоянии, что даже если бы сам доковылял

по лестнице на второй этаж, то вряд ли бы смог бесшумно спустить системный блок и спрятать его куда-нибудь.

– Ты думаешь, что системный блок ещё где-то здесь?

– Я... – запнулся Пётр, размышляя. – Я не знаю, но куда же он мог деться – всё заперто было. Может, и не здесь, но я думаю, что где-то недалеко.

Вернувшись в столовую ко всем, я сообщил результаты нашей проверки: во всём здании окна целые и глухие, за исключением двух на кухне и одного в кабинете Владислава Викторовича, которые открывались изнутри, а пожарная дверь опечатана, и точно ночью никем не открывалась. С учётом того, что мы спали в столовой, то наверняка услышали бы, как кто-то залезает в окно, а со второго этажа к окну снаружи было не подобраться, так как там отвесная стена высотой метров пять.

– И что это значит? – спросил Сергей.

– Это значит то, что, как заметил Пётр, системный блок где-то в здании. Нужно искать, и я бы начал с медпункта и тех помещений, что рядом с ним, – ответил я.

Быстро доев кашу, все начали прочёсывать каждый уголок здания, а Лёша по моей просьбе сидел с Виталиком и приглядывал за ним. Зайдя в медпункт, я посмотрел на охранника: – Виталик, ты какой-то напряжённый. Всё в порядке?

– Да! – хрипло и сухо ответил он. – Мне нужно в туалет. Кто-нибудь мог бы мне помочь?

– Конечно, можем, но, может, ты и сам способен это сде-

лать? – заметил Лёша.

– В чём дело? Почему вы так смотрите? Думаете, это я системный блок украл? – приподнявшись на один локоть, с недоумением спросил он нас. – Да я ходить толком не могу, не говоря уже о том, чтобы на второй этаж подняться.

– Тогда почему ты так вспотел? Ты нервничаешь, я вижу! – с наигранным спокойствием сказал я. – Я вижу это, и ты меня не проведёшь.

– Я. Не могу. Сам. Ходить! – жёстко ответил Виталик. – И, да, ты прав, я нервничаю, потому что слышал ваш разговор наверху и понял, что вы подозреваете меня. Но это не я. Пётр спал здесь всю ночь, и он подтвердит, что я не вставал с кровати, а если бы и вставал, то он бы наверняка заметил.

– Ладно, разберёмся! – сказал Лёша. – Давай донесём тебя до туалета.

– Идите к чёрту! Перебыюсь! – ответил Виталик и отвернулся к стене.

– Парни! Сюда! – прокричал с другого конца здания Саша. – Кажется, нашли!

Мы с Лёшей прибежали в раздевалку и увидели Сашу с Лерой, стоящих перед одним из шкафчиков.

– Все с ключами в замках и приоткрыты, а этот закрыт и без ключа! – с радостью ответил Саша. – Дайте мне топор, сейчас открою!

– Где я тебе топор возьму? – спросил я.

– Ну так в противопожарном шкафу был. Сейчас сам схо-

жу! – Саша вышел из раздевалки и через пару минут вернулся с огромным топором, выкрашенным в алый цвет. С ним Саша, у которого на лице уже красовалась трёхдневная щетина, выглядело очень брутально. – Разойдись! – вскричал он и занёс топор за голову.

– Что здесь такое? – с ужасом в глазах спросил Сергей, который забежал в раздевалку вместе с Петром и смотрел на Сашу с топором.

– Шкаф открываем! – по-прежнему держа за головой топор, сказал Саша.

– Только давай аккуратно! Если там компьютер, то будет нехорошо, если ты его разрубишь! – сказал Лёша.

Топор просвистел в воздухе, разрушая давящую на уши возникшую перед открытием тишину, и одним метким попаданием в щель между шкафчиком и его дверцей Саша открыл его – системный блок был там. Я повернулся к Сергею и Петру и спросил: – А где вы были, когда Саша всех звал?

– Мы собирали с собой сухой паёк, чтобы отправиться за помощью. Уже одиннадцать утра и пора выходить, чтобы к вечеру быть на месте. Пётр согласился пойти со мной, – ответил Сергей.

– Вот как. Но мы нашли компьютер, и, возможно, нам удастся посмотреть запись, – ответил я.

– Как мы это сделаем без электричества? – спросил Пётр.

– Ещё не знаю, но с учётом сложившихся обстоятельств было бы лучше, если бы мы *все* были здесь, когда будем смот-

реть записи с камер. Вы идите собирайтесь, а мы пока подумаем над тем, как нам включить компьютер.

– Хорошо, – ответил Пётр. – Думаю, что если мы выйдем в двенадцать, то ничего принципиально не изменится, не так ли? – спросил он Сергея.

– Да, давайте решим, как включить компьютер! – ответил Сергей и, задумавшись на мгновение, продолжил: – Знаете, кажется, решение есть, хотя может и не сработать: к компьютеру был подключён ИБП. Здесь центральное напряжение иногда вырубалось, и когда-то давно Владислав Викторович купил блок, который пылился всё это время где-то за столом, и о нём никто не вспоминал. Если он там, то, может, удастся включить компьютер от него.

– Так побежали же скорее! – ответила Лера, и все ринулись на второй этаж.

Войдя в кабинет и найдя там за столом ИБП с медленно мигающей зелёной лампочкой, мы подключили все кабели к системному блоку и нажали на кнопку включения, после чего компьютер гулко загудел.

– Да! Получилось! – заорал Сергей, вскинув руки в воздух. – Главное, чтобы заряда хватило.

– А на сколько его должно хватить? – спросил я.

– Да чёрт знает. Ненадолго. Это же не автономный аккумулятор, а просто выравнитель напряжения, у него основной функцией является компенсация кратковременных скачков напряжения, а не долгосрочное питание в отсут-

ствие электроснабжения.

– Ну хоть примерно?

– Может, минут тридцать, а может, и секунд тридцать, – медленно протянул Сергей. – Скоро узнаем.

Вентилятор компьютера усердно крутился, выдувая из системного блока клочья пыли, монитор включился и начал медленно прогреваться. Каждое последующее действие стоящего перед нами древнего компьютера занимало, как казалось, целую вечность. Через две минуты мы наконец увидели на мониторе рабочий стол.

– Господи, это что Windows XP? – с изумлением спросил Саша.

– На компьютере редко кто-либо работал. Обычно он просто стоял включённый, чтобы запись с камер шла. Владислав Викторович на ноутбуке все дела делал, когда приезжал сюда, – попытался оправдаться Сергей.

– Давайте скорее уже! Хватит болтать! – с нетерпением поторопил я.

Сергей нашёл нужную папку с той камеры, что выходила на вход в здание с генератором, и дважды кликнул на неё. Крякнув, компьютер медленно начал открывать окно проигрывателя и затем утомительно долго загружать последний видеофайл, который остался с ночи с субботы на воскресенье. Через пять минут после нажатия на кнопку включения нам всё-таки удалось начать смотреть видео. Перед глазами была чёрно-белая картина, открывающая вид на участок

внутренней территории завода и здания с генератором. Кажется, что камера, видео с которой мы смотрели, висела на углу административного здания рядом с крышей.

– Включай на перемотку, а то тут три часа! – подсказал Саша. – Да не сначала. Что толку? Думаю, что со второй половины смотреть надо, если кто-то и подходил к генератору, то незадолго до выключения электричества, а значит, ближе к концу видео.

Мы все наблюдали, как в десятикратно ускоренном режиме по территории завода бегал Матвей, но в один из моментов кто-то, кто был похож в режиме перемотки на блеснувшую молнию, промчался в здание генератора со стороны входа на завод, которого не было видно на этой камере.

– Стой! – хором закричали Сергею все присутствовавшие.

– Да вижу я, вижу! – остановив видео, сказал он. – Сейчас отматаем и... всё, – компьютер затих, а монитор погас.

– Это просто адское разочарование! – заметил Саша. – Зарядить ИБП как-то можем?

– В принципе, можем, – начал Пётр. – Не знаю, на сколько хватит заряда, но ведь во внедорожнике, двигатель которого наши дорогие альтруисты вывели из строя, аккумулятор вполне исправен. Можно попробовать зарядить от него, но мне кажется, что заряда мало будет.

– У нас есть второй Урал в ангаре, – заметил Лёша. – Там аккумулятор побольше будет, и возможно попробовать зарядить ещё и от него.

– Отлично, но боюсь, что мы не можем столько ждать. Зарядка ИБП займёт по меньшей мере несколько часов, и нам нужно идти, – сказал Сергей.

– Я останусь, – ответил Пётр, когда все начали спускаться вниз по лестнице. – Вряд ли кто-то, кроме меня, разберётся, как зарядить ИБП от машинных аккумуляторов. Как-никак, это же я главный инженер завода.

– Да, лучше Петру остаться! – дружно согласились Лера и Саша.

– Что за запах?! – сморщив нос, сказал Саша. – Туалет забился что ли? – приоткрыв дверь уборной и заглянув туда, он добавил: – Нет, не туалет. Виталик, это ты там обосрался что ли от страха быть разоблачённым?

Мы вошли в медпункт, насквозь провонявший дерьмом, и увидели спящего в кровати Виталика. Я подошёл к койке и потрепал его по плечу, чтобы разбудить: – Виталий, ну мы же предлагали тебе помочь дойти до туалета. Может, не стоило отказываться? – сказал я, но он не ответил.

Голова охранника медленно завалилась на бок, и его полуприкрытые глаза и рот вынудили меня приложить к его шее два пальца, чтобы проверить пульс, который нащупать не удалось. Шея была окаймлена снизу едва заметными красно-синими кровоизлияниями.

– Он мёртв! – тихо заметил я, нащупывая в кармане травматический пистолет, чтобы убедиться, что он со мной. – Посмотрите на гематомы на шее – его задушили! Даже кон-

туры пальцев, сжимавших его шею, можно разглядеть!

– Да он же полчаса назад был жив, и мы все вместе были с тех пор. Кто мог это сделать? – с ужасом в голосе сказал Лёша, медленно отстраняясь от всех остальных вглубь комнаты.

– Но Сергей и Пётр пришли позже остальных, когда все собрались в раздевалке, чтобы посмотреть, как Саша откроет шкаф, – заметил я, снимая в кармане травматический пистолет с предохранителя.

– Что?! Да пошли вы все нахрен! Я вас троих вообще позавчера увидел впервые в жизни. Не знаю, что здесь происходит, но я не намерен здесь оставаться больше ни на минуту! – заорал Сергей, выбегая из медпункта в сторону выходной двери. – Лера, Пётр, вы со мной? – безрезультатно дёргая ручку двери, завопил он, но осёкся от звона ключей, которыми я тряс в руке. – Ты! Это ты сделал! – вытаращив на меня глаза и пятясь к лестнице, ведущей в кабинет, сказал он.

Как же убедительно он играет: если бы я не знал то, что я никого не убивал – ну, по крайней мере, здесь – то я бы даже поверил ему. Нельзя дать ему уйти! Если он убийца, то он убежит и оставит нас расхлёбывать всё это дерьмо, да ещё и такого полицейским наговорит, что точно кого-нибудь из нас обвинят. Хотя ситуация парадоксальная, ведь он же сам вспомнил про ИБП и подключил компьютер. Более того, это же он вспомнил про то, что видеофайлы с камер хранятся на

этом компьютере, и сидел за рулём Урала, который загорелся через пару минут после того, как мы его завели. Не сходится как-то.

– Я вас всех засужу! – кричал, забегая на лестницу, Сергей, за которым последовал я и все остальные. Когда мы вошли в комнату, то он уже закинул ногу, чтобы выпрыгнуть в открытое окно со второго этажа. – Всех засужу! – крикнул он, перевалившись за окно и скрывшись из виду. – А-а-а-й! Чёрт!

Подбежав к открытому окну и посмотрев вниз, я увидел приподнявшегося с земли и медленно ковыляющего, почти ползущего к воротам Сергея. Судя по всему, он подвернул ногу. Ну, или сломал. В любом случае далеко теперь не уйдёт. Если убийца он, то он просто потрясающий актёр, и у него есть чему поучиться.

После того как я открыл входную дверь, Лера и Пётр обошли здание и убедили Сергея пройти внутрь, чтобы ему можно было оказать первую помощь. В уже привычно сумрачной столовой вокруг большого стола все сидели и молча смотрели друг на друга, пытаясь понять, кто же убил Виталика. Правая лодыжка Сергея за считанные минуты после падения распухла и посинела, и Лера сделала из подручных средств лангет, тщательно закрепив его на повреждённой ноге бинтами. Смотря на Сергея, на лице которого читалась отчётливая боль из-за неудачного падения, я обратился к нему: – Сергей, я, конечно, понимаю, что ты встревожен,

но я никак не мог задушить Виталика. Да и если ты вспомнишь, то это я вместе с Лерой дотащил его из перевернутой машины досюда и оказал первую помощь. Если бы я хотел его убить, то убил бы ещё вчера.

– Возможно, я погорячился, но кто-то же ведь убил его! И зачем ты запер дверь?

– Так затем и запер, чтобы никто не проник в дом. Виталик же говорил, что видел кого-то снаружи.

– Кого бы он ни видел снаружи, убил его тот, кто внутри дома. Подозреваю, что и тот, кто до этого пытался спрятать системный блок. Давайте-ка проследим цепь событий. Кто видел его живым последний раз? – начал рассуждать Сергей.

– Мы с Лёшей говорили с ним перед тем, как услышали зов Саши, и побежали оба к нему, – ответил я.

– Я был в туалете рядом с медпунктом и слышал, как они убегали оттуда, когда позвал Саша. Когда вышел, то, проходя мимо, видел Виталика, лежащего на кровати и тихо матерившегося на них, – добавил Пётр. – Я уверен, что он был жив в тот момент. И затем я увидел тебя, выходящего из кухни, и мы вместе прошли в раздевалку, – обратился он к Сергею.

– То есть ты видел Виталика последним? – спросил его Саша.

– Выходит, что так. По пути к вам я встретил Сергея, а когда мы зашли в раздевалку, то все остальные были уже там. Когда я проходил мимо, он был жив, я уверен.

– Получается, что кроме тебя никто не мог убить его? –

констатировал Саша.

– Ты думаешь, что я убил его? Зачем мне это нужно? Да и когда бы я успел? Мы с Сергеем встретились почти сразу после того, как Лёша с Андреем ушли от Виталика! Я никогда никого не душил, но мне кажется, что это не очень быстрый процесс. Говорю же, я был в туалете и лишь мельком видел Виталика буквально незадолго до того, как столкнулся в столовой с Сергеем.

– Так мы ни к чему не придём. А с кухни можно попасть в медпункт, минуя столовую? – спросил я.

– Нет, там один вход, и он со стороны столовой, – ответил Сергей.

– Но кто сказал, что Виталика задушили до того, как мы взломали шкаф? – спросил Пётр. – Да, мы все были в раздевалке при вскрытии шкафчика, но между тем, как мы оттуда вышли, и тем, как собрались вокруг компьютера и включили его, прошло минут семь.

– И то верно. Итак, парни... и девушка, у кого же есть алиби? – спросил Саша. – Я нёс системный блок наверх и шёл за Лерой, по-моему, все меня видели. После того как я, пройдя напрямиком до кабинета, занёс туда системный блок, то уже никуда не выходил. Лера была там и подтвердит.

– Да, это так. И, думаю, что Саша также подтвердит, что я была всё время в кабинете после того, как мы туда пришли, а до этого никуда не заходила.

– Это точно! – заметил Саша.

– Бессмысленно это всё, мы шли наверх вчетвером за Сашей! – ответил Пётр.

– Да, все напрямиком пошли в кабинет! – добавил Лёша.

– Но ты, Лёша, выходил из кабинета. Я помню, что когда я с Сергеем подключал кабели к системному блоку и включал компьютер, ты вышел и подошёл лишь через пару минут, когда компьютер уже заработал.

– Я ходил в туалет и вышел туда именно потому, что понимал, что пока вы подключаете кабели, я успею справить нужду. Ты что, меня подозреваешь? Я вообще здесь оказался случайно и приехал просто шашлыки пожарить и по горам с друзьями погулять! Какого чёрта? Зачем мне Виталика душить?!

– Спокойно! – сказал я. – Спокойно, давайте не будем нервничать! Пётр, я, конечно, не могу гарантировать то, что Лёша был в туалете, когда вышел из кабинета, но то, что он не имеет ни малейшего отношения к заводу, я могу сказать с уверенностью. Так же как и то, что за то долгое время, что я его знаю, он никогда не проявлял какого-либо стремления к насилию. Мы с Лёшей действительно оказались здесь случайно, нас просто пригласил Саша, и всё, и мы это не скрывали. У нас нет ни малейшего мотива вмешиваться в те дела, которые здесь происходят.

– Чертовщина какая-то! – ответил Пётр. – Сергей не может идти до города, но если мы никого не позовём, то так и будем здесь торчать. Давайте я схожу!

– Хм... боюсь, что пока мы не узнаем, кто это всё затеял, не стоит отсюда уходить! – ответил я.

– Хорошо, давайте все пойдём. Виталика больше нет, так что ему компания не нужнее, чем Вите и Владиславу Викторовичу! – предложил Саша.

– Я сам не смогу идти! – опешил Сергей. – А если меня тащить на себе, то к вечеру не дойдём. Но и одного себя я здесь оставить вам не позволю.

– И что будем делать? – спросил я.

– Раз идти пока не можем и личность того, кто убил Виталика, для нас неизвестна, то предлагаю запустить компьютер и всё-таки посмотреть видеозапись, – сказал Сергей. – Пётр, ты можешь зарядить ИБП?

– Да, попробуем от Урала, но думаю, что будет лучше, если от Патриота аккумулятор тоже используем. Они вообще не такие мощные, как кажутся, эти аккумуляторы, так что лучше от обоих подзарядить. Кто сходит к внедорожнику?

– Я схожу, – вызвался Саша. – Но с учётом того, что там вчера кто-то был, то один не пойду. Андрей, сходишь со мной?

– Хорошо! – согласился я.

– А мы с Лерой тогда начнём обед готовить, – сказал Лёша. – Судя по всему, мы здесь ещё и на сегодня застряли. Сергей, ты с нами: будешь картошку чистить. Думаю, что нога тебе в этом не помешает.

– Парни, ключи не забудьте! – кинул нам сумку с инстру-

ментами Пётр, когда мы с Сашей подходили к воротам. – Аккумулятор откручивать нужно!

Мы с Сашей взяли сумку с инструментами и начали открывать ворота, чтобы пройти к лежащему за территорией Патриоту, но как только я услышал лёгкий скрип открывающихся ворот, то почувствовал вполне отчётливое волнение. Казалось бы, машина лежит недалеко от забора с противоположной от входа стороны, нас всем видно через сетчатый забор, и мы видим всех, но почему же так не по себе? Мы отошли всего лишь тридцать метров за территорию завода, но у меня всё сжималось в груди так, как будто мы идём ночью посреди заболоченного кладбища и на нас сейчас со всех сторон побегут гниющие мертвяки. Голову не покидали мысли о том, что за нами кто-то следит, и если со стороны шахты кто-то на нас выскочит, то забежать обратно на территорию мы вряд ли успеем. Мы с Сашей подошли к машине и ещё раз огляделись по сторонам. Рядом с машиной, за которой при необходимости можно было спрятаться, я ощущал себя значительно спокойнее, нежели идя к ней по совершенно открытому пространству. Мы принялись открывать капот, который с грохотом ударился об землю после того, как мы из салона дёрнули на соответствующий рычаг. Затем залезли под машину, чтобы попытаться достать из неё аккумулятор.

– Слушай, пипец как неудобно откручивать эту хрень вверх ногами – давай перевернём! – Саша подошёл к машине сбоку и, ухватившись за оконные рамы руками, натужив-

шись, в одно движение завалил машину на бок. Я стоял в оцепенении от произошедшего, вспоминая то, как мы вчера безуспешно пытались вдвоём с Лерой её перевернуть. Мы сели с Сашей вдвоём у открытого капота, и я смотрел, как он откручивает аккумулятор. Саша остановился, повернул голову ко мне и прошептал: – Слушай, я вот что подумал. Ты говорил, что вы с Петром проверили вчера все окна, и они открываются лишь на кухне и в кабинете?

– Да, именно так! – согласился я.

– Из того, что мы обсудили в столовой, получается, что никто из нас не мог убить Виталика, так как у всех есть алиби.

– Ну, всё-таки Пётр мог. Никто же не видел, как он шёл от туалета до столовой, потенциальная возможность у него была. Да и Лёша выходил... хотя это бред, конечно. А причём здесь окна?

– А при том, что Пётр видел, как Сергей выходил из кухни, – продолжал шептать Саша, будто остальные, занимающиеся делами по меньшей мере в ста метрах от нас, могли нас услышать. – Виталик же говорил вчера, что видел кого-то за территорией завода. А что если Сергей открыл окно на кухне, чтобы впустить кого-то снаружи? Кого-то, кто задушил Виталика, пока мы были в раздевалке, и затем ушёл. Или... может, кого-то, кто задушил Виталика, но до сих пор находится в здании? – Саша замолк и смотрел на меня.

– Вообще, сигнализации нет, и сейчас можно спокойно

перелезть через забор. Колючая проволока сверху вряд ли кого-нибудь реально может остановить.

– Я про то и говорю.

– Но если Сергей в сговоре с тем, кто убил Виталика, то зачем он в окно пытался выпрыгнуть?

– Не знаю... Может, устроил представление, чтобы снять с себя подозрения?

– Сломав ногу? Слишком лихо, мне кажется.

– Да может, он и не хотел её ломать. Высоко лететь, конечно, но вполне можно было приземлиться нормально, если с умом к этому делу подойти. Видимо, случайно оступился при приземлении, так как суетился.

– А как объяснить то, что он вызвался везти Урал, в который мы залили испорченное топливо? Он же чуть не сгорел.

– Ну не преувеличивай – чуть не сгорел. Если он не знал, что двигатель машины загорится, то отвезти Виталика было отличным предлогом, чтобы слинять отсюда. А если даже и знал, что двигателю придёт конец, то ему нужно было лишь успеть отъехать на машине за гору, чтобы скрыться из виду, а затем пойти пешком. А может, и вовсе... – Саша замолчал и осенившая его идея отразилась в его мгновенно расширившихся зрачках: – Может, он знал, что машина загорится, но рассчитывал на то, что мы не успеем вытащить из неё Виталика, чьей смерти он хотел?!

– Так а зачем ему Виталика-то убивать было?

– Понятия не имею, но то, что он, опять же, пытался взять

его с собой – причём только его – ещё раз подтверждает мою гипотезу. Может, он его прикончить хотел, как только отъехал, если не думал, что мотор загорится.

– Знаешь, это предположение легко проверить. Если кто-то залезал в окно, то должны быть следы. Вот сейчас откроем аккумулятор и посмотрим.

После того, как мы вернулись на завод с аккумулятором и закрыли за собой ворота, мы сразу направились к двум окнам, ведущим на кухню, чтобы незаметно для остальных проверить их.

– Ну, со следами я погорячился! – сказал я, посмотрев на полное отсутствие уже растаявшего с этой стороны дома снега, который, судя по всему, растаял ещё вчера, когда горела машина – жар был ощутимый даже за тридцать метров, а машина находилась к зданию значительно ближе.

– Может, на подоконнике или внутри на полу остался песок от обуви? – предположил Саша.

– Возможно. Пойдём тихонько проверим.

Мы с Сашей обошли здание и, пройдя мимо Лёши, Леры и Сергея, готовящих на костре обед, вошли внутрь. На кухне перед нами открылась совершенно неожиданная картина: весь пол был усыпан мелкими камешками и песком, а также заляпан разводами от снега.

– Ну что? Говорил я тебе! – прошептал с гордостью Саша.

– Это гипотезе не противоречит, но, знаешь, слишком уж косвенная улика. Посмотри вокруг, тут всюду песок: и в сто-

ловой, и в прихожей, и в раздевалке – везде. Мы же не разувались, когда сюда заходили, и уже нанесли песка везде, где только можно, – ответил я, осматривая столовую и коридор, который к ней вёл.

– Ладно, но будем иметь в виду. И всё-таки мне кажется, что это он. Я ночью сегодня с ним говорил, когда все спали, и мы обсуждали дела, касающиеся покупки завода. Ничего особенного он не сказал, но тем не менее из его слов мне показалось, что он был заинтересован в том, чтобы Владислав Викторович не владел заводом.

– Как ты это понял? – спросил я, решив, что ему не стоит знать о том, что я подслушивал их разговор. К тому же я слышал лишь концовку, а они, возможно, успели что-то обсудить до того, как я проснулся.

– Он говорил, что был недоволен тем, как Владислав Викторович вёл политику завода, и рад, что он отошёл от дел. Это если вкратце, – продолжал шептать Саша.

– Понятно. Надо бы подумать, как вывести его на чистую воду. Пойдём отнесём Петру аккумулятор. Он, наверно, ждёт! – я указал на руку Саши, в которой он держал аккумулятор.

– Ребят, кушать будем минут через тридцать! – сказала Лера, делая пробный глоток бульона из ковша, висящего над костром, когда мы проходили мимо них к Петру в ангар.

– А где Сергей? Он же с вами был! – недоумённо спросил я.

– К Петру поковылял после того, как вы вошли в здание. Мы доготовили, и он нам был не особо здесь нужен. А что? Я ему костыль сделал из пластиковой трубы, которую нашёл в цеху, – ответил Лёша в ожидании того, что его сейчас похвалят.

– Лёха, ты чё с ума сошёл? Костыль он ему придумал. Ты зачем это сделал?! – сказал Саша, и, не ожидая услышать ответа, мы уже шли по направлению к ангару. Лёша в недоумении лишь развёл руками.

– Он же не слышал наш разговор и не в курсе наших подозрений Сергея! – ответил я, когда мы подошли к телу начальника завода. – Слушай, нехорошо как-то! Может, хоть накроем его чем-нибудь, а то лежит посреди площадки?

– Да ладно, пусть лежит. На улице почти ноль, вонять не будет. А вот в медпункт я бы дверь как-нибудь бы загерметизировал – вонища жуткая.

– Тс-с-с, давай тихонько послушаем, о чём они с Петром говорят!

Мы подошли к ангару и тихо приоткрыли к приоткрытым воротам, ведущим в гараж, но ничего кроме позвякивания гаечных ключей и матюгов Петра не услышали. Подождав ещё пару минут и ни услышав голоса Сергея, мы вошли внутрь. – Привет, ну как ты тут? Получается? – спросил я.

– Дело движется: ИБП подключил, и вроде идёт зарядка. Второй аккумулятор принесли? Я его прямо сейчас параллельно подключаю, чтобы быстрее было! – сказал Пётр, по-

чему-то вылезая из-под машины. Увидев наши удивлённые взгляды, он добавил: – Пытаюсь проверить наличие топлива в бензобаке, может, есть хоть немного нормального, чтобы уехать.

– А где Сергей? – спросил Саша.

– Так он же с Лерой и Лёшей обед готовит. Разве нет? – Пётр замер, лёжа на полу с гаечным ключом в руке, и уставился на нас. Мы с Сашей выбежали из ангара и побежали к Лёше с Лерой, сидящим около костра. Рассказав им наше предположение о причастности Сергея к произошедшему и о том, что он так и не дошёл до ангара, было принято обоюдное решение о том, что его нужно найти, и чем скорее, тем лучше.

– Через забор со своей ногой он точно бы не перелез, а если бы попытался выйти через ворота, то мы бы его заметили, так как они на виду! – ответила Лера.

– Верно! – согласился я. – Лёша, давайте все обыскивать территорию! Лера, следи за воротами, и если Сергей попытается через них выйти, то зови нас – далеко не убежит!

– Хорошо! – ответила Лера. – Но, ребят, я давно его знаю, и мне сложно поверить в то, что он мог кого-то убить. Тем более, не могу поверить в то, что он намеренно испортил генератор, ведь он очень дорожил этим заводом и давно на нём работал.

– И всё-таки следи за воротами, хорошо?

– Я поняла. Идите!

– Лёша, ты обходи по периметру забора слева, а ты, Саша, справа: может, есть какие-то отверстия, через которые он мог вылезти. А я начну обыскивать помещения.

Искать нужно было начинать немедленно, ведь чем дольше мы не знали, где он, тем дальше он мог уйти. Попытки найти Сергея в административном здании и в будке с генератором не привели к успеху, и, с учётом того, что Пётр сказал, что в ангаре он не появлялся, оставалось лишь главное здание с цехом. Разумно с его стороны. Три этажа, около десяти заставленных хламом комнат и ещё с десятков офисных помещений, а также центральный зал с промышленными установками – есть где спрятаться. Через десять минут мы встретились с Лёшей и Сашей, которые не обнаружили никаких следов Сергея вдоль забора, поэтому мы втроём решили обыскать основное здание.

– Может, Петра позвать? – спросил Лёша. – Что если он вооружён?

– Если бы он был вооружён, то, скорее всего, уже прикончил бы нас! – ответил я.

– А вот и не факт, тут же Пётр с Лерой – потенциальные свидетели, способные доказать его невиновность. Может, он ждёт подходящего момента, чтобы избавиться от нас так, чтобы они не заметили. Хотя, я не думаю, что он что-то имеет против нас. Полагаю, что его основной целью был Владислав Викторович, – заметил Саша.

– Тогда зачем он Виталика задушил? – удивился Лёша.

– Да кто ж знает, возможно, он знал или видел что-то, что ему не следовало, – пожал плечами Саша, когда мы подошли к двери производственного здания и остановились.

– Слушайте, ребята, да ну его к чёрту! Это всё больше напоминает какой-то фильм ужасов, – заметил Лёша. – Обычно так и всё и начинается: заходят все по какой-то необъяснимой причине в заброшенное промышленное здание, в котором отключён свет и поджидает маньяк. Всегда всё кончается резнёй, в которой хорошие парни погибают мучительной смертью. Может, пойдём отсюда, а? Даже если он там, то зачем мы ищем его? Зачем сами идём к нему навстречу? Если он тут всех порешал, то пусть катится на все четыре стороны, и чем он от нас дальше, тем лучше. Единственное, чего я хочу, это скорее вернуться к семье в Питер и желательнее целым и здоровым.

– Ты прав! – согласился я. – Пойдёмте, но всё-таки нужно кое-что сделать.

– Что ещё? – спросил Лёша.

– Если он там, то пусть там и остаётся – давайте дверь подожрём. Думаю, что всем будет так спокойней. На первом этаже окон нет, так как там цех, а со второго или третьего этажа он вряд ли решится ещё раз прыгать со своей повреждённой ногой.

– Хорошо, но тогда нужно ещё и запасной выход заблокировать, я его видел, когда обходил здание вдоль забора, – ответил Лёша. – Он с противоположной стороны.

– Лёша, иди к запасному выходу и следи за ним, а я покараулю этот выход. Саша, принеси что-нибудь тяжёлое Лёше, чем можно подпереть ту дверь, и что-нибудь для этой!

Саша исправно воспользовался своей мощью, и уже через двадцать минут оба выхода были завалены металлоломом так, что в одиночку изнутри ни одну из дверей невозможно было бы открыть, тем более человеку, у которого болит нога. Сначала Саша завалил запасной выход, а затем они вместе с Лёшей подтащили какую-то огромную трубу, весом под сто килограмм, закрыв ею главный вход в здание.

– Супер! А теперь предлагаю пообедать и валить нахрен отсюда! – сказал Саша. – Будем идти, пока не дойдём до города, а Лера нас проведёт. Плевать сколько идти, главное – поскорее убраться отсюда!

Когда мы вернулись в административное здание, Пётр с Лерой уже ждали нас в столовой с накрытым столом. В помещении витал вкусный запах супа, от которого с голоду сразу потекли слюни.

– Я говорил, что проверял бензобак, – начал Пётр, когда все уселись за стол. – Так вот – он пуст. Уехать не получится.

– Мы решили, что после обеда выдвинемся в сторону города пешком налегке. Возьмём что-нибудь на перекус и пойдём, – сказал Саша. – Лера, ты же сможешь нас к городу вывести?

– Да, но придётся идти в темноте, и поверьте – это плохая идея. Может, возьмём с собой спальные мешки на всякий

случай и если совсем трудно будет идти, то заночуем в пути? Проснёмся с рассветом и дойдём спокойно.

– Давайте решать проблемы по мере их возникновения. Возьмём минимум еды и спальные мешки – они нетяжёлые, и если что, то заночуем, но будем стараться дойти без ночёвки. Хорошо? Не хотелось бы мне останавливаться посреди гор, зная, что кто-то может следить за нами! – сказал Лёша, и с ним все единогласно согласились. Плотно поев, мы сразу собрали вещи: упаковали сухие пайки и утрамбовали спальные мешки так, чтобы они занимали минимум места. К полтретьему всё было готово к тому, чтобы выйти в сторону города.

– Ребят, раз уж мы всё равно не успеем дойти до заката солнца и придётся идти в темноте, то, может, всё-таки попробуем посмотреть видеозапись с камеры? Думаю, что ИБП уже зарядился. Зря старались что ли? – сказал Пётр, когда мы уже с рюкзаками стояли у двери административного здания.

– Может, просто пойдём отсюда, а? – жалобно спросил Лёша.

– Да не, ну надо же узнать, что произошло. Тем более, что Сергей останется здесь, и пока нас не будет, возможно, уничтожит все улики. Не попрём же мы с собой по горам системный блок! – ответил Саша.

Мы сложили собранные рюкзаки у двери, Пётр пошёл в ангар за заряженным ИБП и вернулся оттуда через пару ми-

нут. – Я проверил вольтметром – полностью заряжен, давайте подключать! – сказал Пётр, войдя в дверь, и мы прошли вверх по лестнице, чтобы вновь включить компьютер. Подключив все кабели, мы столпились перед монитором гудящего компьютера и начали просмотр.

– Какое же время там было? Кажется, около трёх часов тридцати минут – за полчаса до окончания видеофайла, – сказала Лера.

– Так, включаем, но давайте опять в ускоренном режиме, так как на полчаса заряда вряд ли хватит! – отозвался Пётр и включил на четырёхкратную перемотку.

– Ага! Вот! Стой! Отмотай чуть назад и включай на обычный режим! – завопил я, увидев движение человека в кадре.

Виталик, лицо которого мы отчётливо видели на записи, шёл один с двухлитровой пластиковой канистрой в руках по территории в сторону генератора, а Матвей спокойно гулял по территории, не обращая на него внимания.

– Он же сказал, что спал? – заметила Лера.

– Тс-с-с! – прошипели Пётр с Сашей.

Подойдя к зданию, он медленно оттянул на себя тугую дверь, чтобы она случайно не скрипнула, оглянулся на КПП, в котором, вероятно спал Витя. Виталик зашёл внутрь и скрылся из виду, хотя по тому, как медленно закрывалась за ним дверь, было понятно, что он придерживает её рукой изнутри. Пётр промотал три минуты вперёд, и мы увидели, как Виталий вышел с канистрой из здания и поспешил туда,

откуда пришёл. Промотав видео ещё на четыре минуты вперёд, стало заметно, как из-под двери начинает медленными струйками выходить дым, который продолжал выходить ещё пару минут, после чего видео закончилось.

– А с другой камеры видео есть? – спросил я. – С той, что на КПП выходит? Есть такая?

– Давайте глянем! – задумчиво произнёс Пётр, начав щёлкать подряд файлы с видео и по первым кадрам понимая, что выбирал файлы не с того ракурса, который был необходим. – Вот камера на ворота, слева видно часть КПП, – сказал Пётр и нажал на кнопку включения видео.

– А за сколько до окончания видео там действие началось? – спросил Пётр.

– Минут за двенадцать до конца, – ответил Лёша.

– Так, посмотрим, – сказал Пётр и включил перемотку за двенадцать минут до конца видео. Промотав всё и не увидев никакого движения, мы открыли файл, выходящий на административное здание, но компьютер вновь отключился. – Боюсь, что это всё. Аккумуляторы на машинах почти разряжены, ИБП тоже, так что больше посмотреть ничего не удастся! – с прискорбием заключил Пётр.

– И что мы в итоге имеем? – спросила Лера.

– То, что это Виталик загубил генератор, и то, что он держал канистру не на КПП и отнёс её не туда, но куда – неизвестно, – заметил Саша. – А также то, что он нам врал, что спал и была смена Вити. Судя по всему, всё было наоборот,

и Витя спал, а Виталик был на дежурстве.

– Понять тогда не могу, зачем же он пошёл в здание за Владиславом Викторовичем, если знал, что к нему нельзя приближаться? Да и кому потребовалось его убивать, если это он испортил генератор? – удивился Лёша.

– Странно это всё! – заметила Лера.

– А что если Виталий не знал, что произойдёт с генератором? Может, Сергей попросил его ночью залить в цистерну то, что он залил, и не предупредил его о последствиях? – предположил я.

– Но тогда почему он никому не рассказал? – возмутился Лёша.

– Потому что с нами был Сергей, который его и попросил это сделать. Виталик явно был не в состоянии постоять за себя, если бы вывел на чистую воду Сергея, и тот рассердился. Заметьте, Виталик был задушен тогда, когда стало ясно, что мы нашли системный блок и сможем посмотреть видео. Думаю, что Сергей испугался, что Виталик может всё свалить на него, и решил избавиться от лишнего свидетеля, – продолжал я логическую цепочку.

– Но он был со мной, пока мы шли к вам в раздевалку, а затем прошёл со всеми в кабинет. Он не мог задушить охранника! – сказал Пётр.

– Это так, и поэтому мы считаем, что есть кто-то третий, кого он впустил внутрь в окно кухни. Именно он и устранил Виталика, пока мы взламывали в раздевалке шкаф, а затем

скрылся туда, откуда пришёл. Виталик же говорил, что он, по крайней мере, дважды видел кого-то снаружи.

– То есть кто-то всё-таки поджидает нас на улице? – робко спросила Лера.

– Не исключаю, что да, но нас шестеро, а он один, так что можно не переживать, – сказал Пётр. – В горах всё вокруг видно, и если за нами будет кто-то идти, то мы его заметим.

– Или их: Виталий говорил, что в первый раз видел двоих человек, – добавил Саша. – Но ты прав, что лучше идти по горам, а не по дороге. Она в низине находится, и обзор будет очень сильно ограничен – можем попасть врасплах.

– Не по себе мне как-то! – сказал Лёша. – Сергей убежал, а значит, понимает, что мы знаем про то, что это он всё устроил. Если бы я был на его месте – на месте человека, который хладнокровно приказал придушить беспомощного парня на больничной койке – то предпринял бы максимум усилий для того, чтобы избавиться от остальных свидетелей.

В комнате повисло гробовое молчание. Кажется, что все присутствующие взвешивали наши шансы на успех в том случае, если мы попробуем сбежать. В моих глазах теперь не только территория *за* забором представляла собой опасность, но также и внутри огороженной территории. Здесь находиться было не по себе.

– Думаю, что уходить отсюда всё-таки стоит, но лучше взять с собой что-то, что могло бы помочь при самообороне. Давайте топор противопожарный возьмём! – предложил

Саша.

– Он сколько весит? Ты с ума сошёл? Нам по горам идти тридцать километров! – возразил Лёша.

– Спокуха, Лёха! Я утащу! – сказал Саша и пошёл вниз за топором.

– Ничего, кроме кухонных и походных ножей, мне в голову не приходит! – сказала Лера.

– Давайте тогда их и возьмём! – ответил я, и все спустились вниз, пройдя на кухню мимо рюкзаков и входной двери.

ИГРА В ПРЯТКИ

Через пару минут я уже с рюкзаком на плечах и походным ножом в кармане подошёл к двери, выводящей во двор, и за мной стояли полностью готовые к марш-броску Саша с топором и все остальные. Еды должно было хватить на два приёма пищи, а спальные мешки оказались сравнительно лёгкими – идти будет нетяжело. По крайней мере, не сильно тяжелее, чем без рюкзаков. Я схватился за ручку двери, но прежде чем отпереть дверь, ещё раз глянул в окно рядом с дверью, чтобы убедиться, что всё в порядке. Глаза мгновенно округлились от того, что творилось снаружи. Рядом с забором за территорией завода недалеко от перевёрнутого Патриота стоял неизвестный мне мужчина и смотрел на нас, а за ним кто-то копошился в том, что осталось от внедорожника. Я резко одёрнулся от окна и прислонился к двери спиной. Тело пробил дрожь, на руках выступил холодный пот, а ноги налились свинцом. Неужели это правда и там действительно кто-то есть? Я не оставлял надежды на то, что у Виталика были галлюцинации на фоне игры теней ночью. Чёрт, да мы же с Сашей выходили к машине не так давно и на нас действительно могли напасть! Давно ли эти люди там? Почему они нас не тронули, когда мы выкручивали аккумулятор? Не видели или испугались вида Саши с топором?

– Что там? – взволнованно спросил Саша.

– Там люди! – тихо прошептал я. – Кажется, те двое, которых видел Виталик после того, как произошёл инцидент с генератором.

– Так это всё-таки правда? Ты же говорил, что это были галлюцинации от отравления угарным газом.

– Я сказал, что это *могли* быть галлюцинации от отравления, но, судя по всему, он действительно кого-то тогда видел.

– Что же нам делать? Сидеть здесь? – спросила Лера.

Я ещё раз мельком глянул в окно – человек уже вплотную подошёл к забору и взялся за сетку руками, как будто собираясь через него перелезть. Кажется, что единственное, что его останавливало, был Матвей, который безудержно лаял с внутренней стороны забора на незваного гостя. Это были не туристы. Нет. Эти люди явно хотели пробраться на территорию даже вопреки тому, что на них мог броситься пёс.

– Бежать! Нужно бежать немедленно! Нельзя оставаться! – уже в полный голос сказал я, запаниковав. – Быстро! Вылезаем через окно на кухне. Оно с противоположной стороны от них, и они нас не увидят. Затем бежим к воротам, а после них в сторону дороги. Там мы сразу скроемся из виду за скалой, и, может, нам удастся удрать незамеченными!

Мы взяли с собой рюкзаки и тихо прошли на кухню. Медленно открыли окно, по очереди на цыпочках вылезли наружу и подошли к краю административного здания. До ворот было метров пятнадцать, но путь до них был полностью просматриваем с открытой местности завода. Я ошибся, и

промелькнуть незамеченными нам никак было невозможно. Мозг прокручивал все возможные варианты незаметного побега, а сердце неистово колотилось в груди. Неужели это конец? Что будет после того, как они нас увидят? Я повернул голову к остальным и посмотрел на Сашу, Лёшу, Петра и остановил свой взгляд на Лере. Она испуганно смотрела на меня так же, как и все остальные, и ждала от меня решения сложившейся ситуации. Какие же у неё красивые глаза! Сейчас, когда они были так широко раскрыты, они были ещё более прекрасны. Хотя улыбка ей шла гораздо больше, чем выражение страха. Жаль, что она отстранила меня тогда, когда я пытался её поцеловать, ведь теперь это может уже никогда не произойти. Можно попытаться сбежать в открытую и, в том случае, если они погонятся за нами, броситься врассыпную. Нас пятеро, а их всего двое – всех не догонят. Но что, если их больше, а остальных я просто не видел? Что произойдёт с нами, если у них есть оружие? Как же поступить?

Я заглянул за угол здания и увидел перелезающего через забор мужчину, в то время как второй человек, держа что-то в руке, тоже начал подходить к забору. Времени на раздумья больше нет. – Саша, я всегда мог на тебя рассчитывать. Ты готов сейчас мне помочь? – спросил я.

– Андрей, я с тобой до конца! Что ты придумал? – ответил Саша, прижимаясь спиной к стене дома.

– Мы сейчас с тобой вдвоём откроем ворота и побежим прямо к тем людям, чтобы их отвлечь на себя. Как только

они нас увидят, то остальные, убедившись, что могут незамеченными прошмыгнуть к дороге, ведущей от завода, убегут, – ответил я Саше и, повернувшись к остальным, сказал: – Бегите вдоль дороги и не останавливайтесь! Наверх склонов сначала не поднимайтесь, потому что оттуда вас будет видно. Когда убедитесь, что отбежали достаточно далеко, для того, чтобы вас не было видно, то сворачивайте с дороги и идите по горам напрямик к городу. Как только появится связь, то вызывайте сюда полицию. Обязательно уйдите с дороги: если у них автомобиль, то они смогут вас догнать. Вы всё поняли?

– А как же вы? – спросил Лёша.

– Мы... мы постараемся укрыться в ангаре, чтобы дождаться полицию. Там нет окон, а есть только ворота, которые мы с Сашей, я уверен, сможем забаррикадировать изнутри, – ответил я, понимая, что шансы реализовать этот план призрачно малы.

Может быть, в этом и заключается смысл моей жизни? Быть может, я был рождён для того, чтобы сегодня спасти жизнь трём невинным людям? Это моё высшее предназначение, а всё то, что было ранее, являлось всего лишь декорацией в моей жизни, которая привела меня к этому моменту? На одно мгновение я ощутил истинную, как мне показалось, причину прежнего осознания бессмысленности моего существования. Оно и не могло иметь смысл в тех рамках, в которых я жил: раз цель моего нахождения в этом мире

не в том, чтобы разрабатывать топливные добавки, а в том, чтобы спасти несколько жизней. Как я мог видеть истинный смысл своей жизни, если прежде даже не знал двух из тех трёх людей, которых сейчас я был готов спасти, подвергая свою жизнь опасности и, судя по всему, неминуемой гибели. Но как же Саша? Уместно ли просить его пойти со мной, осознавая очевидную опасность этого действия? Полагаю, что это не менее уместно, чем ему молча смотреть на то, как я один отвлекаю тех, кто сейчас лезет через забор на территорию завода к нам. С ним шансов остаться в живых гораздо больше, чем без него. – Саша, ты готов?

– Ага! – Саша сжимал топор двумя руками, закинув его на плечо.

– Тогда погнали! – выпалил я, достав из кармана и крепко сжав в ладони травматический пистолет, и дёрнулся в сторону ворот.

Моё частое и поверхностное дыхание было единственным звуком, который я слышал. Каждое соприкосновение подошвы ботинок с поверхностью земли во время бега отдавалось пульсацией в барабанных перепонках, а мир представлял собой трясущееся из стороны в сторону изображение смешавшихся в одну единообразную кучу камней, песка, скал и снега. Единственным неподвижным объектом, занимавшим всю центральную часть моего зрения, была спина убегающего от меня человека, который, едва заметив нас с Сашей, – кстати,

где он? Бежит ли он позади меня? – прыгнул с забора и побежал в сторону ущелья, где находилась заколоченная шахта. Второй незваный гость, что находился ближе к машине, когда мы выбежали за ворота, уже скрылся за скалой. Ещё мгновение, и человек, которого я преследовал, тоже пропал из виду. Выбежав по раскатанной Уралами дороге на небольшую полянку, усыпанную огромными двухметровыми валунами, за которыми справа от меня находился вход в шахту, заколоченный досками, я не обнаружил никого из тех, кого мы с Сашей преследовали. «Где же они, чёрт возьми?» – кричал я у себя в голове, нервно озираясь по сторонам. – «Где?». Я стоял один, пытаюсь отдышаться, как вдруг сзади услышал быстро приближающиеся шаги.

– Куда они пропали? – задыхаясь от бега, выпалил вбежавший на полянку Саша, ранее отставший от меня.

– Тс-с-с! – лишь прошептал я, поднеся палец ко рту и жестом показывая ему на то, чтобы мы с ним с двух сторон обошли огромный валун рядом с шахтой, за которым могли поджидать нас сообщники Сергея.

Саша, пытаюсь дышать ровнее, чтобы его не было слышно, начал медленно заходить за огромный камень, занеся за плечо топор, которым был готов в любой момент воспользоваться, и, сделав два шага за валун, одновременно с треском разбивающейся на части доски, рассёкшей со свистом воздух и прилетевшей ему прямо в лоб, отлетел назад, завалившись спиной на землю. Я рефлекторно вздёргнул пистолет

туда, откуда Саше в голову прилетела доска, и начал щелкать курком настолько быстро, насколько физически мне позволял это сделать указательный палец. Выпустив всю обойму в корпус стоящего в двух метрах от меня мужчины, я услышал четыре выстрела, за которыми последовало около десяти щелчков курком впустую. Мужчина отлетел назад и упал на спину. Откашливаясь и с трудом пытаясь вдохнуть, он начал отползать от меня, уже через полметра упёршись в отвесную скалу. Я пошёл к нему навстречу.

– Пожалуйста... – кашлял он, облокотившись лопатками на скалу и держась за грудь, в которой, как я надеялся, резиновыми пулями Осы была переломлена по меньшей мере половина его рёбер. – Пожалуйста... не надо... – он снова сделал вдох, за которым последовал медленный выдох, сопровождающийся свистом, издающимся изо рта.

Продолжая идти к нему, выбросив опустошённую Осу из руки на землю, я с наслаждением увидел искаживший его и без того испуганное лицо всепоглощающий ужас, когда я поднял лежащий рядом с Сашей, потерявшим от удара сознание, противопожарный топор, который немедленно закинул на плечо. Передо мной был свистящий и лежащий на земле парень лет двадцати пяти, стонущий от боли и обессаженный от страха. Смотря на него сверху вниз, я чувствовал себя смертью в чёрной мантии, выжидающей удобного момента, чтобы забрать себе душу очередного несчастного человека. Удивительный поворот событий: когда я бежал к

шахте, то даже не представлял себе того, что мне удастся одержать над ним победу, а теперь он лежит передо мной совершенно беспомощный и боится. Он попытался пробраться к нам на завод, чтобы убить, затем ударил Сашу по голове, а теперь, после того, как у меня совершенно неожиданно для него оказался с собой травматический пистолет, он просит его не трогать... Ну уж нет: расплата близко, ублюдок!

– Нет! Нет! Пожалуйста! – эхом отражался от скалистых стен его голос, когда я, обхватив двумя руками рукоять топора, занёс его за голову. Пытаясь хоть как-то защититься от меня, он тщетно выставил вперёд руку, пытаясь ей закрыть своё тело, и поджал к себе ноги. Топор рассёк воздух и, пройдя сквозь его плечевой сустав, как сквозь масло, с глухим стуком воткнулся в землю, на которую через мгновение упала его отсечённая рука, и хлынула пульсирующая струя крови. Бордовая, почти чёрная в тени скалы кровь за считанные секунды залила собой землю, на которой беспомощно орал незнакомец. – Господи боже! Господи! Пожалуйста! Не надо! – визжал он как свинья, с недоумением смотря на свою руку, лежащую на земле отдельно от него, будто не веря в то, что он её действительно лишился.

– Что, больно, сука? – я повторно занёс топор за голову и широко раскрыл глаза. Ещё мгновение, и я ударил его топором прямо в середину груди, с хрустом проломив ему рёбра и опять воткнув в землю топор, который вышел сквозь его позвоночник. Струя крови брызнула из его рта под акком-

панемент непродолжительного и тихого булькающего хрипа. Его умоляющий и полный ужаса взгляд, обращённый на меня, медленно угас, тело обмякло, и кровь начала медленно наполнять создавшееся от удара углубление в его груди, после чего тонкой струйкой начала стекать с его левого бока на землю, образуя чёрную лужу, сливающуюся с той, которая образовалась от вытекающей крови из его плеча.

Я стоял и смотрел на него с совершенно пустой головой, чувствуя невообразимое удовлетворение от того, что мне удалось погромсать его на куски. Впрочем, это удовлетворение я испытывал скорее не от того факта, что мне удалось расправиться с ним, а от того, что он осознавал свою смерть от моей руки за мгновение до того, как сдохнуть. Возникшую на поляне тишину нарушал тихий писк и едва уловимые всхлипывания из-за валуна, находившегося в пяти метрах от меня. Максимально бесшумно достав походный складной нож из кармана и раскрыв его, я медленно начал заходить с противоположной стороны укрытия, за которым, совершенно очевидно для меня, сидел второй сообщник Сергея. Зайдя за валун, я увидел пятящегося гуськом спиной ко мне человека. Услышав моё дыхание, он обернулся и, осознав неотвратимость расплаты, дёрнулся в сторону, чтобы убежать, совершенно нелепо наткнувшись животом на мой нож, который я успел с размаху подставить под траекторию его движения.

Когда он упал, схватившись за живот и оставив в моей ру-

ке окровавленный нож, я с удивлением обнаружил, что вторым незнакомцем оказалась молодая девушка, которая смотрела на меня заплаканными глазами, умаляющими пощады. Я сдёрнул с неё шапку и обнаружил под ней копну густых светло-русых волос, раскинувшихся ей на плечи. Она была так беззащитна и беспомощна, как маленький котёнок, которого хотелось взять на руки и приласкать, уже через пару секунд услышав сопровождающееся лёгкой вибрацией мурчание и ощутив щекой тыканье в неё мокрого сопящего носика. Сквозь пальцы её руки, которыми она закрывала живот, медленно просачивалась кровь, капающая маленькими каплями на землю, а она смотрела на меня и молчала в ожидании того, что я предприму дальше. Присев к ней и крепко схватив за волосы, я поцеловал её в губы, после чего она начала ещё сильнее скулить. Её тёплые солёные слёзы стекали по нашим губам, а от её слабого, едва уловимого дыхания, разносившего вокруг запах её тела, я почувствовал напряжение у себя в штанах, которое усиливалось с каждой секундой. Резким рывком опрокинув её на живот и сдёрнув с её талии зимние спортивные штаны, вместе с термоколготами и трусами, я поднёс её ягодицы к себе и вошёл в неё. Её покорность и молчание во время того, как я всё более ускоряющимися движениями имел её, ещё больше меня возбуждали, и уже через пару минут я, ощущая приятную теплоту внутри её тела, резко контрастировавшую с прохладой окружающего воздуха, кончил. Как будто протрезвев, я вышел из неё и

отбросил на землю. Застёгивая по пути штаны, я побежал к Саше, который до сих пор без сознания лежал на земле, с прикрывающим его лицо куском доски.

– Саша! Саша, ты как? – завопил я, подбежав к нему и усевшись рядом с ним. – Ты в порядке?

Но Саша был не в порядке: кусок сломавшейся об его голову доски неслучайно остался лежать на нём. Да и не лежал он вовсе, а висел на вошедшем по самое основание ему в лоб девятидюймовом гвозде, которым прежде эта доска была приколочена ко входу в шахту. Мой друг был мёртв, и я аккуратно положил на землю его голову, которую прежде приподнял, пытаясь разбудить его. Мёртв. На щёку Саше упали пара капель воды, но, посмотрев в небо и не обнаружив там ни единого облака, из которого мог бы пойти дождь, я понял, что это были мои слёзы. – Надо было тебе отправиться с остальными, Санёк! – тихо прошептал я, размазывая большим пальцем дрожащей руки свои слёзы по его щеке. – Не стоило идти со мной, я всё сделал бы сам. Не нужно было... – по зубам прошла резкая дрожь от сопровождавшегося глухим стуком удара, пришедшегося по моей голове и заставившего меня завалиться на тело Саши, а в глазах заиграли чёрные точки.

– Ах ты, сука! – завопил я, подскочив с земли и вонзив с разворота нож в бедро сзади стоящей женщины, которая незамедлительно свалилась на колени, издав полный боли крик и выронив камень, которым меня ударила. – Дрянь! –

ударил я её ножом в живот, повалив на спину. – Сука! – ударил я ещё раз, а затем и ещё.

Выпрямившись и держа весь окровавленный нож в руке, я наблюдал за тем, как она медленно перевернулась на живот и поползла по земле, оставляя за собой кровавый тянущийся за ней след. Можно было бы прирезать её сразу, но мне доставляло искреннее удовольствие наблюдать за тем, как она мучается и кричит. На мгновение у меня промелькнула мысль о том, что любопытно было бы посмотреть, как далеко она сможет уползти и сколько ещё протянет с теми ножевыми ранениями, которые я ей нанёс. Да и куда она, интересно, ползёт? Она сама-то знает? Она хочет уползти от меня, что ли? Пытается спастись, находясь вдали от цивилизации, после того, как я её заколол ножом? А может, вытащить доску с гвоздём из головы Саши и зарядить ей в затылок? Было бы справедливым сделать с ней то, что её сообщник сделал с моим лучшим другом... А может, изнасиловать её ещё раз? Её ягодицы, виднеющиеся над приспущенными штанами, которые она не успела до конца надеть перед тем, как ударить меня камнем по голове, меня вполне отчётливо возбуждали. Я направился к ней, но остановился, осознав то, что Сергей, заваривший всю эту кашу, всё ещё находится где-то на заводе. Сергей, по чьей вине умерли Владислав Викторович, Виталик, Витя, а теперь ещё и Саша. Сергей, натравивший людей, пришедших для того, чтобы убить всех, кто остался в живых, как свидетелей произошедшего.

Нужно срочно возвращаться, пока он не ушёл. Далеко не убежит с травмированной ногой, но чем дольше я здесь остаюсь, тем больше у него шансов скрыться. С разочарованием от того, что упускаю возможность ещё разок заняться сексом, я начертил носком ботинка на земле крест, отметив место с которого начала ползти женщина, чтобы, вернувшись сюда, оценить расстояние, которое она сможет преодолеть, и побежал обратно. Чуть не добежав до края ущелья, сразу за которым открывался вид на территорию завода, я остановился и вытер пот, стекающий сзади по шее. Взглянув на ладонь, я увидел свою бордовую кровь, которая, как оказалось, стекала у меня с головы после удара камнем и которую я принял за пот. Посмотрев украдкой из-за скалы на производственное здание, я с огромным облегчением увидел Сергея, который наблюдал за дорогой из одного из окон третьего этажа. Он действительно был в этом здании и даже не пытался сбежать, пока нас не было. Может, он был уверен в том, что его люди с нами разберутся?

Выйдя из укрытия и уже не спеша подходя к забору, я заметил, как Сергей, встретив на себе мой взгляд, скрылся из вида, удалившись вглубь комнаты. Торопиться теперь было некуда, и я спокойно обошёл территорию завода к единственным воротам, через которые можно было попасть внутрь. Пройдя через них, я направился к тому окну, в котором пару минут назад видел, судя по всему, уже бывшего исполнительного директора завода: – Серёжа! Серёженька,

выходи, я знаю, что ты там! – ласково прокричал я, стоя под окном здания, входы которого были завалены нами металлоломом. – Серёжа, зайчик, выгляни в окошко!

Окно распахнулось, и из него украдкой выглянул Сергей: – Что тебе нужно? Где те двое, за которыми вы погнались? – взволнованно спросил он.

– Нам не удалось их догнать. Скрылись из виду, забежав на гору. Но ты не переживай, полагаю, что они скоро вернуться. Не так ли? – соврал я, чтобы посмотреть на его реакцию.

Изменившись в лице и уже не так опасаясь происходящего, Сергей продолжил: – Тебе не достать меня, я запер дверь изнутри, и скоро придёт помощь! Я могу просидеть здесь столько, сколько потребуется!

Двери закрыты, поэтому нужно пробраться в здание через окно. Но как? Да и зачем? Может, просто уйти отсюда? Если он ожидает подкрепления, то не лучше ли просто убежать? Он меня не догонит, но меня могут догнать те, кого он ждёт, и они уж точно не будут со мной церемониться с учётом того, что я сделал с двумя их сообщниками. А если и не догонят, то Сергей точно всё выкрутит так, что это я убийца, ведь в ущелье куча моих отпечатков пальцев: на топоре, на женщине... Нет, уходить так просто нельзя. Да и если скоро придут люди Сергея, то лучше, чтобы у меня в руках был он. Тогда я смогу дожидаться полиции, которую вызовут ранее убежавшие ребята, и остаться невредим, а там будь что будет.

Осматривая территорию в надежде найти лестницу, по ко-

торой я мог бы подняться на второй этаж и залезть в окно, мне пришла в голову отличная идея: от здания с генератором шёл к крыше здания, в котором укрывался Сергей, кабель, по которому ток мог снабжать цех. По нему и заберусь. Надеюсь, что выдержит: обидно будет так глупо разбиться. Но что если Сергей увидит меня и перережет кабель, пока я буду лезть? А он же точно увидит: процесс будет небыстрый, а провод хорошо просматривается почти со всех окон здания. Нет, не пойдёт. Как же быть? К нему действительно не подобраться, и он смотрит за мной. Даже если я найду лестницу, то он сможет её опрокинуть, пока я лезу. Хорошее же убежище он себе выбрал! Но, может, лучше не мне туда лезть, а его заставить выбраться оттуда? Это было бы идеальным вариантом. Уж тут, на голой территории, на которой ему от меня не спрятаться и не убежать, я с ним живо разберусь.

Я начал ходить по прилегающей к забору территории и собирать булыжники, складывая их в куртку, которую пришлось снять, для того чтобы использовать её в качестве сумки. Камней вокруг было много, и набрать штук тридцать удалось буквально за несколько минут, после чего я начал медленно волочить набитую камнями куртку по земле, так как не мог поднять такую тяжесть. Кое-как дотащив все камни, я вытряхнул их на землю и надел куртку обратно: за то время, что я это делал, меня основательно продуло ветром, от которого не сильно спасал свитер. Оставив камни за земле рядом со зданием, я прошёл на кухню и набрал там стеклянных

бутылок, которые остались после нашего пребывания здесь: получилось двадцать штук, что полностью согласовывалось с тем, что мы везли с собой один ящик пива. Отнеся их прямо в ящике к генератору, предварительно захватив с собой тряпочные полотенца из раздевалки, я начал наполнять бутылки дизельным топливом из общей цистерны. Едкий запах сливаемой из цистерны солянки разъедал слизистые носа. Процесс шёл небыстро, так как я старался лишний раз не проливать топливо себе на руки, которые начинало щипать от контакта со сливаемой жидкостью. Набрав все имеющиеся бутылки доверху, я вышел из здания с генератором и, присев на мягкий труп Владислава Викторовича, заткнул каждую бутылку полотенцем.

Через пару минут я был готов реализовать свою идею по поджиганию здания и, стоя перед ним, рассматривал булыжник, который держал в руке, окрасившейся в ярко-жёлтый цвет в тех местах, куда попали капли дизеля. – Серёженька, у меня для тебя подарок! – позвал его я, заведя руку с камнем за голову.

Как только он выглянул из окна, я тут же разбил стекло булыжником и затем поднёс зажигалку к одной из бутылок, которую достал из ящика. Подождав, пока Сергей снова выглянет в окно, я закинул горящую бутылку прямо к нему и через секунду, услышав звон разбившегося стекла, увидел охватившую пламенем комнату, из окна которой пошёл чёрный дым. Сергей скрылся из виду, а я продолжил, идя по пе-

риметру здания, закидывать горящие бутылки в окна на втором этаже, которые я последовательно разбивал камнями. Огнетушителей у него нет, мы все израсходовали, когда вчера тушили машину, так что можно не переживать, что план не удастся. Да и если бы были, такой объём пламени ему в одиночку не потушить – оно распространяется слишком быстро.

Через пять минут, когда уже всё здание было охвачено огнём, Сергей вышел на крышу и, мечась из стороны в сторону, не мог понять, куда ему бежать. Увидев идущий к генератору провод, он начал ползти по нему, и, заметив это, я побежал к зданию, к которому крепился этот кабель. Взобравшись на крышу по трансформаторной будке, находящейся снаружи здания с генератором, я начал поджидать Сергея, так как разрезать металлический кабель ножом не представлялось возможным. Но как только Сергей увидел меня на противоположном конце провода, он остановился на середине: с одного конца всё полыхало пламенем, и уже даже через крышу здания начал проступать дым, а с другой стороны его ждала неминуемая расплата за то, что он здесь натворил. Спустившись на землю, я начал закидывать его остатками собранных камней, чтобы скинуть с провода, и, промахиваясь три раза из четырёх, всё же залепил ему булыжником в скулу. После моего попадания Сергей упустил хватку и полетел вниз с шестиметровой высоты, через секунду с глухим шлепком упав на ледяную землю спиной.

– Нет, пожалуйста, оставь меня! – скулил он, даже не пытаясь убежать. – Что я сделал?

– Что ты сделал?! – изумлённо спросил я. – Ты задушил Виталика, и по твоей вине умерли Владислав Викторович и Витя. И, что самое главное, твои люди убили Сашу – моего лучшего друга!

– Я ничего не делал! Это всё вы! Тебе не переложить ответственность за ваши действия на меня! У меня есть алиби!

– Нам всё известно, Сергей! Саша сказал мне, что ты хотел убить Владислава Викторовича. Конечно, я понимаю, что твоей единственной целью был только он, и Витя умер случайно, но зачем было душить Виталика? Он грозился выдать тебя? Сказал, что расскажет остальным, как ты попросил залить что-то в цистерну с дизелем?

– Да как я мог его задушить? Пётр же подтвердил то, что я не мог этого сделать! Мы же с ним вместе шли к вам в раздевалку!

– Он сказал, что видел, как ты выходил с кухни – из единственной комнаты на первом этаже, в которой открываются окна. Мы знаем, что ты впустил кого-то из тех двух сообщников, которые пришли сюда, чтобы помочь тебе.

– Что? Какие ещё сообщники? О чём ты говоришь?

– Те двое, что убежали от нас. Кто из них задушил Виталика? Мне просто интересно, мужчина или женщина?

– Да ты совсем больной! Я их видел впервые в жизни. Это просто туристы, которых я увидел из окна, подозвал и по-

просил вызвать при первой же возможности полицию. Пожалуйста, оставь меня! Уверен, что полиция уже скоро будет здесь. Просто уходи, и я никому не скажу про то, что ты поджёг здание. Это же Саша во всём виноват. Ты здесь ни при чём, я не выдам тебя! – Сергей без умолку вопил на всю окружающую нас территорию, но я его перебил.

– Хочешь открою тебе маленькую тайну? – я присел рядом с ним, держа в руке окровавленный нож. – Я соврал тебе: твои сообщники мертвы. Это я убил их, и их тела сейчас лежат рядом с шахтой, так что боюсь, что полиция не придет. Но это же ведь останется нашим секретом, не так ли? – я подмигнул ему и улыбнулся.

– Да... – тихо прошептал Сергей. – Я никому никогда не скажу. Пожалуйста, давай всё обсудим. Я правда никому не... – Сергей не успел договорить, так как его тихий монолог прервался ударом моего ножа в его сонную артерию, из которой прямо мне в глаза незамедлительно вырвался фонтан липкой крови. Отпрянув от озадаченно схватившегося за шею Сергея, я встал и осмотрелся вокруг, слушая бульканье крови, выливающейся из его рта и шеи.

Сзади шумели языки пламени, вырывающиеся из всех окон заводского корпуса и согревающие мою спину. В ногах лежал Сергей, кряхтя в огромной луже крови, всё ещё продолжающей медленно пополняться из продолговатого овального отверстия в его шее и которую цинично лакал подбежавший Матвей. В десяти метрах справа на земле лежало

замёрзшее тело Владислава Викторовича, недалеко от которого внутри здания с генератором лежал труп Вити. В административном здании в пятидесяти метрах от меня покоился в собственном говне задушенный Виталий, а слева за скалой где-то в ста пятидесяти метрах от меня лежали Саша и два сообщника Сергея. Солнце слегка выглядывало из-за вершины горы, а по небу медленно двигались редкие блеклые облака. Поверить не могу: позавчера я приехал сюда по совершенно случайным обстоятельствам для того, чтобы погулять по горам и поесть еды с костра, а теперь стою здесь один с Матвеем, окружённый со всех сторон семью трупами – полный абсурд. Кажется, это ещё более нелепо, чем разломить череп брата после того, как просто приехал на похороны родителей, чтобы повидать сестру.

Интересно, какой сейчас час? Телефон давно сел, а зарядка осталась в номере отеля. Вроде недавно обедали, но Матвей так аппетитно лакал лужу крови, что у меня потекли слюни. Оглянувшись назад, я с прискорбием понял, что горящее здание отбрасывает высоко вверх такой столб серо-чёрного дыма, что он будет виден даже из города, и если у сотрудников МЧС есть вертолёт, а, скорее всего, он есть, то они потенциально могут быть здесь уже минут через тридцать. Надо быстрее избавиться от тел тех людей, которых убил я, пока не прибыли спасатели. Ну почему всё опять так?! Почему я уже второй раз за неделю вынужден избавляться от трупов второпях?! Повторно наступаю на одни и те же грабли...

Идея была очевидна и уже испробована ранее на брате. Сбегав в подсобку за тачкой, которую я мельком видел, когда в субботу Владислав Викторович проводил нам экскурсию по заводу, я побежал с ней к шахте. Забежав туда, я обнаружил, что женщина скончалась рядом с порубленным мужчиной, держа его за неотрезанную руку, а Саша лежал метрах в трёх от них – как же хорошо, что все они лежат рядом. Стерев крест, который я оставил на земле ботинком, и разочаровавшись в том, что проползти женщина смогла гораздо меньше, чем я ожидал, я протёр рукоять воткнутого в землю топора, вытащил его из груди мужчины и закинул в тачку. Затем с невероятным трудом положил тела сообщников Сергея, а также отдельно лежащую руку мужчины на тачку и прихватил лежащую посреди поляны Осу. После чего медленно повёз их по обочине напрочь убитой дороги, ведущей к заводу. Тачка продвигалась медленно и постоянно норовила упасть на бок, так как у неё было лишь одно колесо – больше сил я тратил на то, чтобы держать равновесие, нежели на само продвижение вдоль дороги. Ноги и руки тел свободно свисали с тачки и волочились по земле. Через минут пятнадцать мне всё-таки удалось вывалить тела рядом с цистерной в здании генератора. Сделав это, я запихнул травматический пистолет обратно в кобуру Вити и пошёл в ангар за канистрами, которыми мы ранее заливали топливо в бензобак Урала. Вернувшись к цистерне и наполнив три канистры топливом, я побежал с двумя канистрами в ангар и

залил дизель в бензобак стоящего там Урала. После чего вышел на улицу и поволок в ангар за пятки тело Сергея, потратив затем несколько минут на то, чтобы усадить его тело на водительское сиденье. Вернувшись к генератору и открыв вентиль слива топлива, которое тут же начало разливаться по полу, я вынес из здания третью цистерну и отнёс её к воротам, выводящим с территории завода. Когда я снова подошёл к генератору, то из-под двери уже сочилось топливо, резким запахом отдаваясь в моём носу. Смотря на медленно вытекающие струи солярки, я раскурил сигарету и бросил её на топливо, которое, к моему недоумению, не загорелось, а, напротив, потушило сигарету. Чёрт! А в фильмах срабатывало! Пришлось идти в хозяйственно-бытовое здание на кухню, чтобы взять тряпку, которую я поджёг и бросил в образовавшуюся рядом с генератором лужу. Пламя вспыхнуло и сразу же распространилось внутрь помещения, охватив собой тела Вити и сообщников Сергея. Убедившись в том, что огонь уже не потухнет, я забежал в ангар, залез в кабину Урала и, разместившись на тёплом трупe Сергея, завёл двигатель, который тут же заглох при моей попытке тронуться на механической коробке. Я завёл двигатель повторно, медленно выжал сцепление и вдавил педаль газа в пол. Машина с рёвом двигателя тронулась и выехала из ангара. Как только я оказался на улице, из-под капота начал медленно просачиваться белый дым, а двигатель начал всхлипывать, что сопровождалось резкими толчками в кабине. Времени оста-

валось мало, и, как только я нацелил неохотно разгоняющуюся машину на полыхающее пламенем здание генератора, я в последний раз утопил педаль газа в пол и на ходу вылез из салона. Упав на землю и по инерции перекатившись по направлению движения, я увидел, как машина врезалась в стену, раздробив её по самое основание, но так и не захватив само помещение, где находился генератор. Немного не по плану – я думал, что машина насквозь протаранит здание и, проехавшись по трупам внутри, столкнётся с цистерной – но всё же неплохо. И так сойдёт: все сгорят, не оставив после себя ничего, кроме костей. Я лежал на земле и ощущал своим лицом жар, исходящий от полыхающих кругом зданий, которые источали столько тепла, что зимняя одежда, которая была на мне, теперь скорее предотвращала перегрев, нежели спасала от холода.

Вот и всё, остался финальный штрих. Даже если спасатели прилетят сейчас, то основную часть улики я уже уничтожил. Зайдя за административное здание, чтобы взять свой рюкзак, который я оставил там перед тем, как побежать отвлекать сообщников Сергея, я вспомнил, что трогал шею задущенного Виталия, когда проверял его пульс – нужно стереть отпечатки. Конечно, все подтвердят то, что я лишь проверял, жив ли он, но лучше не рисковать. Я залез через открытое на кухне окно и, задержав дыхание, чтобы не чувствовать тошнотворный запах затхлых фекалий, приоткрыл дверь медпункта и протёр шею Виталика. Пока я это делал,

моё внимание привлёк лежащий рядом с его рукой телефон, на который никто ранее не обратил внимание. Взяв его, чтобы можно было связаться с остальными, в том случае, если в горах появится связь, я вылез через окно на улицу и пошёл к лежащему на земле рюкзаку. С ранцем за плечами я прихватил с собой канистру с топливом и побежал в сторону шахты, где залил все кровавые следы, которые могли быть оставлены в том числе и мной, топливом из канистры. Убедившись в том, что разлитое топливо не затронет тело Саши, я поджёг солярку и бросил в полыхающее пламя канистру с остатками топлива. Теперь нужно лишь сделать последний рывок и из последних сил убежать как можно дальше отсюда. В какой же стороне город? Кажется, Лера ночью говорила, что слева от меня – туда и побегу.

Еле волоча ноги от усталости по горам в направлении, в котором даже не был уверен, я осознал, что вертолётов МЧС я так и не увидел, и не услышал. Солнце уже зашло и наступили сумерки, в которых сложно было что-либо разглядеть в отсутствие фонарика, который я, разумеется, с собой не взял. Впервые взглянув на смартфон Виталика, который показывал девять вечера, я обнаружил, что связи как не было, так и нет. Дальше идти нет ни возможности, ни сил, и где бы я ни был, пора было остановиться.

Разложив спальный мешок, я уселся на него и начал без разбора жевать всё то, что было в рюкзаке, оставив на утро одну пол-литровую бутылку воды и яблоко. Приятно было

набить живот едой после такой физической нагрузки. Бутерброды с маслом и колбасой, которые я бы никогда не стал есть в обычной ситуации, таяли во рту, и мне казалось, что это просто восхитительный деликатес, способный удовлетворить даже мои вкусовые пристрастия. Залпом выпив литр воды, я осознал, что надо было брать больше жидкости – очень хотелось пить. Следовало взять еду из рюкзака Саши, который стоял на улице рядом с моим, но второпях совсем об этом не подумал. После того как я поел, я залез в спальный мешок, и перед глазами вновь открылось ясное звёздное небо, на котором простиралась блеклая полоса Млечного пути.

Подумать только, я лежу здесь, посреди гор, в лучах луны, живой и, кажется, почти здоровый, а мог бы сейчас лежать мёртвый вместе с Сашей там, около шахты. И на кой чёрт мы погнались за ними, если нашей задачей было их отвлекать? Может, и вовсе стоило пойти со всеми, и всё бы обошлось? Поразительно, что остальные не вызвались пойти с нами, чтобы навалить сообщникам Сергея, когда они вышли из укрытия. Ладно Лера, она же девушка, но Пётр и Лёша?! Ведь всем было жутко страшно в тот момент, но почему же мы с Сашей, рискуя своими жизнями, пошли навстречу опасности, в то время как они сбежали? Беги или сражайся – девиз всего живого, который, кажется, нам рассказывали ещё на уроках биологии в шестом классе. Произошедшая ситуация – типичный пример этому. Но почему я решил сра-

жаться, вместо того, чтобы бежать, если, откровенно говоря, осознавал, что шансов выжить при встрече с теми двумя людьми у меня практически не было? Ведь тот девиз, который нам преподавали на уроке, был полностью направлен на самосохранение. Может, это была очередная подсознательная попытка самоубийства, как в тот раз с электричкой? Не хотел убивать себя сам, поэтому нашёл тех, кто может это сделать, и полез на рожон? Есть ли в таком случае хотя бы доля геройства в моём поступке? Преследовал ли я интересы тех, кого защищал, или свои, идя навстречу опасности? Но ведь брата я убил потому, что он хотел убить меня! Нет, не хочу я кончать жизнь самоубийством, даже подсознательно, иначе я бы просто позволил Игорю расправиться со мной. Если так, тогда зачем я побежал за сообщниками Сергея, когда обнаружил, что они убегают от нас? Это же лишено всякого смысла. Я видел, что они убегают и, пожалуй, мог бы в тот момент понять, что они не заметят остальных, когда те будут выбегать из-за здания, чтобы скрыться. Но ведь я продолжил бежать за сообщниками и не остановился. Бежал до последнего, даже тогда, когда потерял их из виду. Так же, как и брата, я продолжал бить молотком, хотя уже после двух ударов по нему, он не представлял для меня никакой опасности. А Сергей и вовсе сидел в здании и не нападал на меня.

В чём же смысл этого безумного насилия? Стал ли я таким сейчас или всегда таким был? Начав вспоминать, я понял, что, вероятно, это проявилось ещё на четвёртом курсе,

когда один из однокурсников моей бывшей – а на тот момент ещё будущей – жены начал флиртовать с ней. Не то чтобы флиртовать, просто писать ей каждый день через социальную сеть. И меня, и её это жутко раздражало, но ведь он не писал ничего такого, к чему можно было придраться – просто писал, рассказывая о своей жизни... раскрывая душу. Как же я был взбудоражен, когда в один из прекрасных вечеров он прислал ей в конце сообщения целующий эмодзи... На утро я зашёл к нему в комнату в общежитии и без какого-либо приветствия и объяснения полоснул его пару раз ножом, после чего прислонил лезвие к его шее и сказал, что убью, если он ещё раз напишет моей девушке. Прекрасно помню его выражение лица, в котором читался ужас. Удивительно, насколько одинаково выражают свои эмоции совершенно разные люди, ведь его страх тогда так был похож на ужас в глазах парня, которого я сегодня зарубил топором. Хотя сейчас мне кажется, что в общежитии я слегка переборщил. Если подумать, то, может, я и вовсе всегда был таким – с самого детства? Ведь ещё когда мне было пять лет, я в отместку разбил булыжником до крови голову мальчика за то, что он случайно попал в меня камнем, когда мы играли на площадке в детском саду. Вспомнив ту ситуацию, я окончательно провалился в сон.

Я оказался на опушке леса недалеко от летнего лагеря в окружении бегающих и смеющихся детей. По центру шалашиком были навалены длинные брёвна, которые один из во-

жатых поджигал в ознаменование празднования Масленицы, а остальные следили за тем, чтобы никто из детей не подошёл на опасное расстояние к огню. Я уже был здесь, когда мне было одиннадцать лет. Никогда раньше не задумывался над тем, почему в конце июля мы сжигали чучело Масленицы, но сейчас мне казалось это лишённым смысла. Пламя медленно разгоралось и начало постепенно распространяться ввысь, колыхаясь на ветру и норовясь потухнуть. «Нет! Пожалуйста! Не надо!» – кричал голосом своего сообщника Сергей, привязанный сверху брёвен, но дети бегали вокруг и смеялись, не слыша его.

– Вы проверили брёвна? – спросил рядом сидящий Фёдор Борисович. – В прошлый раз они потухли.

– Конечно, проверил! – ответил я, вдруг осознав, что не уверен в том, что они в этот раз нормально разгорятся, и начал сильно переживать по этому поводу.

– Проблемы нужно решать так, чтобы они впредь не возникали! – научный руководитель смотрел в сторону огня. Обернувшись на горящее пламя, я увидел десятки обугленных тел, лежащих на земле вокруг огромного костра, оранжевое пламя которого поднималось метров на шесть в высоту.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ УЧАСТОК

Проснулся я от невыносимой боли при попытке перевернуться на бок, чтобы закрыться от светящего прямо в лицо солнца. Вчерашние пробежки и прочие физические нагрузки, к объёму которых я совершенно не был готов, сказались на том, что практически каждая мышца моего тела болела, причём болела так, как не болела даже после первых тренировок в тренажёрном зале, который я уже давно забросил. Каждое даже малейшее движение отражалось невыносимой болью в мышцах и связках, и казалось, что даже больно было дышать. При попытке спросонья зевнуть, я ощутил, что щёки и все остальные части моего лица, включая веки, стянуло засохшей грязью. Чувствовал я себя гораздо хуже, чем после любой даже самой убойной пьянки в общаге на первом курсе – голова раскалывалась. И болела она в том числе и от удушающего пронизывающего всё запаха гари, исходившего от одежды.

Кое-как выбравшись из спального мешка, я осмотрелся вокруг с вершины горы, рядом с которой вчера в низине уснул. Вокруг по-прежнему было видно только горы. Куда же мне идти? Нужно было вчера не полениться и взобраться на вершину, чтобы по городской засветке сориентироваться, в какую сторону идти. Сколупнув с щеки кусок припёкшейся грязи, я обнаружил, что это высохшая кровь. Чёрт, вид у

меня, наверное, ужасный: всё лицо и волосы, должно быть, в крови, куртка в крови, а штаны, вдобавок к крови, ещё и в грязи. Увидев внизу небольшую лужу, образовавшуюся, судя по всему, от растаявшего снега, который выпал в воскресенье, я спустился и окунул в неё голову, кожу которой мгновенно охватило судорогой, будто прокалывающей кожу тысячами иголок. Тщательно обтерев всё лицо, волосы и шею, я вынырнул и окончательно проснулся. Над затылком пульсировала рана, с которой я при умывании содрал образовавшуюся корку крови.

Подойдя к рюкзаку, я залпом выпил бутылку воды и съел яблоко, оставленное на завтрак. Где бы я ни был, сегодня точно дойду до цивилизации: тут, в какую сторону ни пойдешь, рано или поздно выйдешь из гор – Хибинские горы. Пора избавляться от того, что могло бы меня скомпрометировать. Когда меня последний раз видели Лёша, Лера и Пётр, то убежал я без рюкзака и спального мешка, а только с ножом за поясом и травматическим пистолетом в руке, который я достал в самый последний момент и который, надеюсь, они не заметили. В кармане куртки лежал в заляпанном кровью кармане грязный нож, а в другом – телефон Виталика, который показывал почти двенадцать часов дня. Выходит, проспал я по меньшей мере четырнадцать часов. И на кой чёрт я взял телефон, если не знаю от него пароля? Я же позвонить с него всё равно не смогу... Ладно, может, когда появится связь, то меня найдут по геолокации телефона, если сам к

городу не выйду. Хотя в руках у меня была какая-то китайская дрянь, и, возможно, в ней такая функция не предусмотрена, в отличие от моего телефона. Так или иначе, смартфон Виталика пока оставлю.

Сложив в одну объёмную кучу спальный мешок, рюкзак и куртку, я поджёг их, потратив на это, как мне показалось, минут десять и все остатки газа в зажигалке. Куча медленно горела, выбрасывая в небо куски чёрной обгоревшей ткани, и пока это происходило, я уже успел хоть как-то обтереть от грязи и крови штаны, помыть руки и нож, который я, тщательно обтерев об оставшийся на мне демисезонный свитер, спрятал под камень, лежащий в ста метрах от горячей одежды. Когда пламя окончательно потухло, оставив после себя, к моему удивлению, достаточно много обугленного, но не сгоревшего материала, я взял его и прополоскал в луже, вода в которой мгновенно приобрела чёрный цвет от частично расплывшихся в ней кусков обгоревшей одежды.

Оставшись в относительно чистых, но мокрых штанах и свитере, я побрёл дальше. Солнце пригревало, но стоило подуть даже слабому ветерку, как всё тело пронизывало холодом, от которого был лишь один положительный аспект – на холоде меньше болела голова. Каждый шаг, вдох, движение рукой или ногой сопровождалось болью в забитых мышцах, а живот крутило от голода после скудного завтрака.

Голову не покидали мысли о том, насколько виртуозным был план Сергея для того, чтобы убить Владислава Викторо-

вича. Залить что-то в цистерну с топливом, чтобы испортить генератор и создать фатальную концентрацию угарного газа – немыслимо круто! Он же ведь знал, что Виталик позволит ему, чтобы сказать о поломке, и что начальник приедет и проверит помещение, которое практически не проветривается. По крайней мере, Сергей мог специально попросить Виталика это сделать. Гениально! Даже странно, что после всего того, что он придумал, мы смогли его вычислить. Что же его выдало? Пожалуй, задушенный Виталик и то, как он пытался удрать с завода. Видимо, когда всё пошло не по плану, он запаниковал и скомпрометировал сам себя. А может, и то, что он не ожидал, что Саша приедет со мной и Лёшей? Возможно, и это немного подпортило его планы. А как же он врал! Боже, насколько он был убедителен! Я многих людей на свете повидал – людей, способных обмануть многих, но не меня – но мне показалось, что он сам искренне верил в то, что ни в чём не виноват. Чего только не придумаешь под страхом неминуемой смерти! Думаю, что он готов был сказать, что угодно и как угодно, лишь бы я его отпустил, когда сбил с кабеля.

Считал ли он себя причастным к смерти Саши или нет? Удивительно, но когда я сказал ему, что его сообщники убили моего друга, то он полностью проигнорировал этот факт. Чёртов ублюдок, единственное, что он ответил, так это то, что у него не было никаких сообщников. Мог бы хоть почувствовать: думаю, что это больше прибавило бы ему шан-

сов выжить, чем его тупые и совершенно нелепые оправдания. Бедный Саша – не заслужил он такой смерти! И зачем он пошёл со мной? Шёл ли он туда ради меня или ради того, чтобы спасти невинных людей? Думаю, что он пошёл, потому что его принципы не позволяли ему поступить иначе. Но значило ли это то, что он шёл туда ради своих принципов? Если его принципом было защитить друга и спасти невинных людей, то равносильно ли было его стремление пойти со мной тому, что он пошёл туда ради меня и остальных? Равносильна ли жизнь в соответствии со своими принципами, жизни ради следствий из этих принципов? Каким бы ни был ответ, Саша мёртв, и умер он, защищая меня и остальных. Благо, дело сделано, и виновные наказаны: Сергей и его сообщники получили сполна за свои поступки.

Через два часа пути я пожалел о том, что так рано избавился от куртки. Наверное, стоило выбросить её в мусорный бак, когда я приду в город. Не думаю, что спасатели, найдя меня, стали бы сразу соскрести с неё кровь, чтобы провести экспертизу ДНК. Успел бы выбросить прежде, чем началось бы расследование. Интересно, что сейчас творится на территории завода? Вероятно, уже всюю работают пожарные, врачи и полицейские, которых вызвали ребята, добравшись вчера вечером до города. Как там они? Интересно, что сейчас делают? Переживают ли о том, где я?

Перейдя через очередной перевал, вдалеке я заметил пару знакомых горнолыжных подъёмников со зданием внизу.

Да это же Вудъявр, на котором я катался десять лет назад! А значит, за следующей после него горой Кировск! Наконец-то я пришёл! Как же я рад: сейчас помоюсь, переоденусь и поем! Немного поразмыслив, я вдруг осознал, что номер в отеле был оплачен до полудня сегодняшнего дня, и я уже должен был выселиться. Ладно, разберёмся. Это мелочь.

Ясно видя перед собой конечную цель, я ускорил шаг и к четырём часам дня уже подошёл на стойку информации отеля и извинился, что задержал выезд, попросив продлить моё проживание ещё на сутки. Администратор, посмотрев на меня, не имела никаких возражений и сказала, что сейчас не сезон и больше половины номеров всё равно пустые, также заметив, что в отеле уже была полиция вместе с Алексеем Владимировичем, прибывшим сегодня в три часа ночи, и просили сообщить им о моём прибытии.

– Пожалуйста, не утруждайтесь! Я сейчас дойду до номера, подключу телефон к зарядке и сам им позвоню! – ответил я ей, стараясь выиграть время для того, чтобы застирать одежду.

– Хорошо, как скажете, – ласково ответила администратор.

Забежав в номер и посмотрев зеркало, я осознал то, насколько относительно понятие чистоты. После того, как я помыл от крови и грязи голову и руки в луже, а также застирал штаны, мне казалось, что я выглядел вполне презентабельно. Однако теперь, войдя в чистый номер отеля, я смот-

релся на его фоне ненамного лучше побирающегося нищего. Я разделся и замочил всю одежду в ванной, включив максимально горячую воду, и подключил свой телефон к зарядке. Не обращая внимания на десятки пропущенных звонков и сообщений, я позвонил Лёше:

– Лёша, привет! Я в отеле. Вы где? С вами всё в порядке?

– Господи, Андрей! Мы так переживали, что ты погиб! С тобой всё нормально? Мы с Лерой и Петром в отделении полиции, буквально в паре зданий от отеля. Подходи к нам! Я передам, что ты нашёлся!

В паре зданий, чёрт возьми! Я искренне надеялся, что в Кировске нет отделения полиции, и они все в Апатитах. Чёрт! Надо ускоряться: – Со мной всё нормально, но я не ел ничего почти сутки. Пообедаю и сразу к вам приду, хорошо? Дайте мне полчаса.

– Хорошо, Андрей! Конечно! Боже, мы думали, что никогда тебя больше не увидим!

Повесив трубку, я прошёл в ванную и слегка застирал вещи, оставленные в ней, положил их в пакет и туго завязал, после чего залез в тёплый душ, отогрелся и трижды помылся, чтобы на мне не осталось ни малейшего пятна крови и грязи, а также даже намёка на запах гари. А запаха гари быть не должно, ведь когда я убежал, то ничего не горело! Побрился, почистил зубы и высушил голову. Надев свою повседневную одежду и оставив телефон продолжать подзаряжаться на столе, я пошёл поесть в ресторан, находившийся при отеле,

в котором я спустя сорок минут уже набил до отказа живот и заказал, наконец, свежесваренного кофе. Закрыв глаза и держа тёплую кружку кофе в руках, я, вдыхая его горький аромат, представил, что нахожусь у себя дома за кухонным столом и собираюсь поехать на работу. Как же я хотел бы сейчас там оказаться, а не сидеть здесь, предвкушая разговор с полицейскими!

Отогревшийся и наевшийся я возвратился в номер, забрал наполовину подзарядившийся телефон и вышел на улицу с пакетом, в котором лежали мокрые вещи, внешне ничем не отличимые от бытового мусора. Пройдя во внутренний двор, я выкинул пакет в мусорный бак – главное, чтобы полицейские ничего не стали сегодня искать, а завтра с утра мусорный бак уже вытряхнут на свалку. До полиции действительно стоило пройти всего три здания, в одном из которых находилась аптека, в которой я, пользуясь случаем, купил болеутоляющее и сразу выпил его.

«Ну что ж, поехали!» – я отворил дверь полицейского участка. – Добрый день, я Андрей Александрович! – тихо сказал я полицейскому, сидящему недалеко от входа в участок. – Вы могли бы подсказать, где Алексей Владимирович? Я звонил около часа назад.

– А, здравствуйте! Хорошо выглядите, Андрей Александрович! Пройдёмте, пожалуйста, за мной! Мы Вас уже ждали! – улыбаясь, сказал участковый и указал мне рукой на дверь кабинета, за которой, как я предполагал, находи-

лись все остальные. – Вы долго. Говорили, что полчаса назад уже будете, мы переживать начали.

– Я говорил Алексею, что не ел почти сутки, и зайду пообедать. Обслуживали не так быстро, как я предполагал. Простите! – я вошёл в кабинет и стал оглядываться по сторонам. – А где все? – в кабинете не было никого, кроме нас. Рядом с окном, подоконник которого вмещал в себя по меньшей мере десять горшков с кактусами, стоял старый деревянный стол с компьютером и три стула.

– Они скоро подойдут. Присядьте, пожалуйста! Кофе хотите? – предложил полицейский, указав на быстрорастворимую дрянь в жестяной банке.

Вот сука, пытается втереться в доверие и не даёт поговорить с остальными прежде, чем не узнает от меня мою версию происходящего. Сейчас точно начнёт спрашивать всё, что я знаю, и пока я ему не выложу всё на тарелочке, остальных я не увижу. – Нет, спасибо, я же говорю, что только что поел. А скоро остальные подойдут? У них всё хорошо? Саша здесь? – начал играть спектакль я.

– Вы присядьте, всё хорошо! Вы скоро всех увидите, буквально десять минут у Вас отниму, прежде чем остальные подойдут. Им сейчас рассказывает мой коллега то, что нам удалось узнать о произошедшем.

Ну да, десять минут, конечно. Думаю, что я здесь просижу гораздо дольше, прежде чем остальных увижу. Может, сказать, что если они хотят устроить допрос, то я без своего ад-

воката не буду ничего говорить? Нет, что за бред. Я же жертва, а он мой славный спаситель – здесь я в безопасности, и я счастлив, что наконец оказался в том месте, где меня не достанет маньяк Сергей, который, возможно, ещё на свободе. – Ах, Вы представить себе не можете, как я рад, что наконец здесь! – пытаюсь вызвать у себя слёзы радости и облегчения, сказал я. Слезу пустить не получилось, но, кажется, участковый заметил то, что глаза у меня стали влажными. – Я думал, что они меня достанут! Где Саша? Вы нашли Сергея?

– Всё в порядке. Вы в безопасности и остальные тоже! – мягким тоном любящего отца сказал полицейский.

Вот сука! Ну надо же! Я конкретный вопрос задал, а он не отвечает. Даже два вопроса. Как он, интересно, перейдёт к тому, чтобы начать допрос? Кажется, это произойдёт прямо сейчас.

– Чего Вы боялись? Вы сказали, что рады, что Вас не достали. Кто это был? Алексей Владимирович сказал, что на вас напала банда, кажется, из четырёх человек. Как Вам удалось убежать от них? В какой момент Вы разминулись с остальными четырьмя членами вашей группы?

Вот и понеслось. Намеренно искажает факты, чтобы узнать, правду ли говорил Лёша. Ну это легко: – Я побежал. Мы с Сашей побежали в одну сторону, чтобы отвлечь нападавших, и Лера, Лёша и Пётр смогли спрятаться и скрыться, но нападавших было не четверо, а лишь двое. Мы бежали вместе с Сашей около ста метров, прежде чем они нас догна-

ли. Это были два мужчины. Я никогда их раньше не видел. Один напал на Сашу, а другой на меня, и в этот момент мы с Сашей разминулись. Я получил удар камнем по голове, но не остановился и бежал со всех ног. Даже не помню, куда бежал и как долго, но когда я остановился, упав без сил, то обернулся и увидел, что гнавшийся за мной человек отстал метров на двести. Увидев, что я упал, он бросился меня догонять, но я встал и побежал дальше. Я бежал и бежал, а когда обернулся, то его уже не было. Что с Сашей?

– А как выглядели мужчины, которые на вас напали?

– Среднего роста. Ну, может, чуть повыше меня. Может, метр восемьдесят. Один, как мне показалось, имел кавказские корни, но я не уверен, а второй точно был славянской наружности. Но они же все были одеты в зимнюю одежду, а на головах шапки были. Толком даже рассмотреть не успел. Говорю же, я бежал, почти не оборачиваясь. Почему Вы не говорите, что с Сашей? Как он? Я его не видел с того момента, как мы разминулись.

– Александру Сергеевичу, боюсь, повезло меньше, чем Вам. Его догнали и, как бы Вам сказать, его ранили.

– Что с ним? Он в больнице? Его можно навестить?

– Андрей Александрович, он мёртв!

Я приложил все усилия для того, чтобы максимально сильно выразить удивление и горечь утраты. Вспомнив то, как я погладил Сашу по щеке, обнаружив, что он мёртв, мне всё-таки удалось выдавить из себя слезу. Я молчал, смотря

на бежевые иголки зелёного кактуса, стоящего на подоконнике, пока слеза стекала по щеке и не повисла на подбородке. – Как умер? Вы уверены? Где он? – отрывочно спросил я, растерянно и с надеждой смотря в глаза полицейского.

– Мы уверены. Это большая утрата для Вас, я понимаю. Это тяжело принять! – говорил он, как будто тоже пытаюсь пустить слезу. И где их учат такому? – Вы могли бы, если не трудно, рассказать, в целом, как Вы вообще там оказались и что произошло?

Ну наконец-то! Сколько тянуть резину можно?! Я рассказал ему абсолютно правдивую историю с того момента, как прилетел в Мурманск, и о том, что за пару дней до этого получил телефонное приглашение от Саши, и до того момента, как мы с Сашей побежали к воротам, чтобы отвлечь на себя сообщников Сергея. Разумеется, я опустил тот факт, что вытащил травматический пистолет из кобуры трупа Вити и затем положил её обратно. Потом я ещё раз повторил историю о том, как я убегал от преследователя, трусливо бросив своего друга на произвол судьбы, получив камнем по голове, и продемонстрировал ему рану над затылком.

– Может, Вы ещё что-то можете вспомнить? Есть ещё что-то, что Вы могли подметить? Какие-нибудь детали одежды или лиц, преследовавших вас с Александром Сергеевичем? Чтобы найти тех, кто за вами гнался, нам нужно знать, как они выглядят.

– Так Вы что их не поймали? – с испугом спросил я. – Я...

я вряд ли могу вспомнить ещё какие-то детали. Костюмы на них были серые с красными вставками, но больше ничего, – не солгав, описал я костюмы тех двух людей, которые пытались попасть к нам на территорию, так как их костюмы видели другие, и они уже наверняка сказали, какого цвета они были.

– Нет, боюсь, что ещё нет, но мы делаем всё возможное, чтобы вычислить их по горячим следам. Вы сможете их опознать, если мы их найдём?

– Думаю, да, но я же в Питере живу – улечу скоро. Я же смогу уехать домой? У меня работа, и сотрудники ждут моего возвращения. Я и так со всей этой неразберихой задержался здесь! – обеспокоенно спросил я.

– Конечно, не переживайте!

– Вы сказали, что остальные скоро подойдут. Уже прошло больше десяти минут, где они? Вы можете отвести меня к остальным? – обеспокоенно спросил я.

– Конечно, следуйте за мной! – полицейский встал, и мы начали выходить из кабинета. – Ах, да: сколько, Вы сказали, было человек на заводе?

– Сергей Александрович, двое его сообщников, но они не были на самом заводе, а лишь рядом с его территорией, Владислав Викторович, Витя, Виталик, мы пятером и всё. И Матвей – пёс. А что? Вы Сергея хотя бы поймали?

– Пойдёмте, там всё немного сложнее, чем кажется! – сказал полицейский и повёл меня к остальным. Лера при встре-

че подбежала и обняла меня, как будто мы давно знали друг друга и не виделись по меньшей мере несколько месяцев, а не были знакомы двое суток и разлучились на один день. Лёша тоже подошёл ко мне и приобнял, а Пётр улыбнулся и махнул мне рукой.

– Как же мы рады, что ты цел! – сказал Лёша. – Ты уже знаешь про Сашу?

– Да, – я посмотрел на вошедшего со мной в комнату участкового. – Мне уже сказали.

– Господа, мы в некотором замешательстве! – ответил второй полицейский, который уже находился в кабинете, когда я зашёл. – Что бы там ни произошло, выглядит это весьма удручающе и полно вопросов, на которые мы не можем пока дать ответы. Пожар потушен, но...

– Какой пожар? – перебил я полицейского.

– Да там всё сгорело, после того как мы убежали! – сказала Лера.

– Да. Сгорело производственное здание и здание с генератором. Сотрудники МЧС сказали, что это никак не могло быть связано с тем, что вы не дотушили загоревшуюся машину.

– Так мы же дотушили, – ответил я.

– Да, но дело не в этом. Очевидно, что оба здания были подожжены нарочно, но кем – вопрос открытый. Единственное, что нам на данный момент известно, так это то, что Сергей Александрович сгорел за рулём второй машины, на ко-

торой он, вероятно, пытался уехать с завода.

– Да как же он пытался уехать, если знал, что она может загореться по аналогии с первой?! – удивился я.

– Сложно пока сказать. Но есть и ещё несогласующийся с вашими показаниями факт: в здании с генератором было три трупа, а не один.

– Но когда мы были там последний раз, то там только Витя лежал! – возмутилась Лера.

– В общем, что бы там ни случилось при вас, после того, как вы ушли оттуда, там что-то ещё происходило. Причём что-то, о чём мы пока не можем судить. Со временем станет ясно. Благо, сохранились все записи с камер до того момента, как перестал работать генератор, так как хозяйственно-бытовое здание чудом уцелело. – Толком ничего не рассказав, полицейский записал все наши контакты и паспортные данные и отпустил, сказав, что нас будут держать в курсе происходящего по мере выяснения обстоятельств произошедшего, и то, что, вероятно, нам ещё ни раз предстоит появиться у них в участке.

КЛЮЧИ ОТ ШКАФЧИКА

Мы вчетвером вышли из здания около шести вечера и побрели по улице. Дул сильный ветер, и в моей лёгкой куртке было безумно зябко.

– Может, зайдём куда-нибудь и поужинаем? Обсудим всё? – предложил Лёша.

– Давайте к нам в отель, я там пообедал, и мне понравилось. Уютная обстановка! – предложил я.

– Можно... Поверить не могу, что они нас просто взяли и отпустили! – возмутилась Лера. – За нами же гнались какие-то люди, которых они не поймали! А что если они следят за нами прямо сейчас и ждут удобного момента, чтобы напасть?

– А что ты хотела? Чтобы они нам по персональному телохранителю приставили? – заметил Пётр.

– Не знаю, но мне не по себе находиться на улице.

Услышав то, что Лера боится оставаться здесь одна, я решил воспользоваться удобным случаем для того, чтобы сблизиться с ней, оказав помощь. – Ребят, простите! – я отошёл в сторону, прихватив за руку Леру, и, уведя её на некоторое расстояние от Лёши и Петра, тихо предложил: – Поехали со мной в Питер! Владислав Викторович и Сергей Александрович мертвы, завод сгорел. Тебе здесь нечего оставлять!

– Что? Андрей, я даже не знаю. Но что я буду там делать?

Ты же меня совсем не знаешь, а предлагаешь ехать с тобой! – растерявшись, ответила Лера.

– Та ночь, которую мы провели с тобой, лёжа, смотря на небо, была одной из лучших в моей жизни. Поехали со мной! Можешь жить у меня. Ты же училась в Питере, всё там знаешь. Там тебе точно нечего бояться!

– Да, как-то, я даже не знаю. Ты меня в ступор ввёл. Я подумаю, хорошо? – опешила Лера.

– Конечно. Но я говорю вполне серьёзно. Я буду рад, если ты поедешь со мной! Ты звала меня с собой в Исландию, а я зову тебя с собой в Питер. Подумай над этим!

– Я подумаю, но не могу так быстро принять решение.

– Я планирую улететь завтра или в четверг через Мурманск. Нужно уладить вопрос с машиной, которую арендовал Саша. Мы могли бы поехать вместе, у тебя же там родители. Мне кажется, что до того момента, как ты определишься, что делать дальше, будет лучше, если ты поживёшь у них.

– Да, они мне тоже уже предложили, когда я им позвонила и всё рассказала. Хорошо, давай поедем вместе.

– А до отъезда? Мне бы не хотелось, чтобы ты была одна. Может, поживёшь пока со мной в отеле?

– Андрей, ты слишком быстрый!

– Да я безо всякой задней мысли. Если хочешь, то я буду спать на полу.

– Пойдём поужинаем, а там и видно будет.

– Хорошо! – ответил я, и мы вернулись к Лёше и Петру,

оживлённо что-то обсуждающим в стороне.

– ...говорю тебе, так и сказал. Я полицейским не стал рассказывать, но там реально какая-то дичь творилась, – договорил Пётр.

– Пётр, расскажи Андрею с Лерой тоже! – попросил Лёша, и мы подошли к отелю.

Зайдя в ресторан и заказав ужин, Пётр начал рассказ: – Вы представьте, мне сегодня звонил друг, работающий в МЧС и тушивший вчера вечером пожар на заводе. Звонил он именно потому, что услышал от полицейских, что нас с Вами ищут, и он волновался. Так вот, там реально какая-то дичь была. Оказывается, у Вити с собой был травматический пистолет, но когда его нашли, то он был пуст, а стреляные патроны обнаружили рядом с шахтой, недалеко от того места, на котором обнаружили Сашу. Выходит, что Витя в кого-то стрелял позавчера ночью у шахты, прежде чем зайти в здание генератора! – с энтузиазмом говорил он.

Удивительно, как удачно удалось рационализировать мою оплошность в том, что я забыл вчера найти и подобрать патроны от Осы. Всё просто: Витя стрелял в кого-то у шахты, а потом вернулся обратно.

– Но, несмотря на то, что рядом с шахтой уйма следов, там не оказалось никого, кроме Саши, в которого никто не стрелял, – продолжал Пётр. – И это ещё не всё. В здании генератора, в котором загорелась цистерна с топливом, и было всё выжжено, нашли три обугленных скелета, лишь один из

которых принадлежал Вите. Кто ещё двое – неизвестно, но у одного из них, принадлежавшего мужчине, была отрублена рука и раздроблена грудная клетка. Это просто жуть... – закончил Пётр.

– Ты сказал, что рука была отрублена у мужчины, то есть второй принадлежал женщине? Как они это поняли, если всё до костей прогорело? – спросила Лера.

– Я тоже спросил у звонившего знакомого, но он сказал, что это даже он может определить: мужской скелет или женский – по тазовым костям видно. Хотя медики, наверно, по множеству других параметров определить бы могли. Но он же не медик.

– Андрей, а когда ты убегал, то ничего не видел странно-го? – спросил Пётр.

– Не видел ничего такого. Да и мы же все примерно в одно время покинули завод. Разве нет? Вы же, как мы договаривались, убежали оттуда через минуту после нас Сашей? – озадаченно спросил я.

– Да, мы так и сделали, но мало ли, – замялся Пётр.

– А что стало с Сашей он тебе не сказал? – спросил я.

– Сказал, что черепно-мозговая травма, но и только. Видимо, по голове сильно ударили. Скончался на месте! – с прискорбием сообщил Пётр.

– Ясно, – закончил я, когда нам принесли еду, и все, будучи голодными, начали есть.

Через пятнадцать минут мы уже допивали чай, и я с нетер-

пением ждал ответа Леры по поводу сегодняшнего дня: захочет ли она остаться со мной в отеле или нет? Минуты шли, но она молчала, и казалось, что сейчас мы все распрощаемся и разойдёмся по своим домам. Не хотелось вот так распрощаться с ней сегодня.

– Может, прогуляемся по городу? – спросил Лёша, когда мы расплатились за ужин.

– Я только за. Нужно развеяться и не хочу остаток вечера в отеле сидеть! – я поддержал его идею. – Только у меня тёплой одежды нет. У тебя есть какая-нибудь куртка?

– Конечно, у меня осталась та рабочая куртка, которую я на заводе надел после того, как мы переоделись. Возьми её! Вид у неё не очень солидный, но зато тёплая, – сказал Лёша, протягивая мне ключи от номера. – Она в шкафу.

– Спасибо! – я взял ключи и пошёл в номер. – Давайте у выхода из отеля встретимся!

Я поднялся по лестнице и открыл дверь в номер Лёши, находившийся через стенку от моего, и прошёл к шкафу. Номера все были исключительно стандартные, и если бы я не знал, что вошёл в чужой номер, то мог бы подумать, что нахожусь в своём. Куртка действительно висела в шкафу на вешалке, с которой я её тут же снял. Просунув руки в карманы и накинув её на плечи, я почувствовал, что во внутреннем кармане что-то звякнуло, и, устремив руку в карман, обомлел: ключ с синей биркой, на которой красовалась золотистым цветом цифра «сорок два» – ключи от шкафчика, в ко-

тором был спрятан системный блок.

В голове бешено закрутилась карусель из мыслей и воспоминаний: «Ты думаешь, что теперь есть шанс выкупить весь завод целиком?» – тихий голос Саши посреди ночи; «Разойдись!» – кричит Саша, занеся топор перед шкафчиком с числом «сорок два»; «Но ты, Лёша, выходил из кабинета. Я помню...» – с подозрением говорит Пётр; «...Это же Саша во всём виноват...» – испуганно молвил Сергей.

Зачем Лёше прятать системный блок с видео, где было видно, как Виталик идёт к зданию с генератором? Единственными людьми, которых он здесь знал, были я и Саша, но я совершенно не виновен, а Саша, потенциально заинтересованный в смерти Владислава Викторовича, сам же и вскрыл шкаф с видео. Если он был в сговоре с Лёшей, то вскрывать шкаф, в который Лёша же и спрятал системный блок, было бы полным абсурдом. Нескладно всё как-то выходит, но, тем не менее, я держу в руке ключи от шкафчика, найдя их в куртке Лёши. Что за бред?! Положив ключи обратно во внутренний карман куртки, я вышел из номера и пошёл к остальным. Всё было как в тумане, и я безостановочно прокручивал в голове все пережитые события, чтобы найти хоть какую-то логическую цепь к тому, чтобы понять, как ключи оказались в куртке у Лёши.

– Андрей, я тут подумала, всё-таки я домой сегодня поеду. Обещаю, что запрю все звонки и отпишусь, что всё хорошо! – сказала Лера, когда я подошёл ко всем.

– Хорошо, но позволь хоть отвезти тебя домой! Машина всё равно без дела стоит, а Саше она теперь не нужна, – ответил я, указав на припаркованный рядом с гостиницей Лэнд Круизер. – И тебя, Пётр, можем подвезти, если ты в Апатитах живёшь.

– Было бы здорово! Давайте прогуляемся и тогда после этого поедем! – ответил он, и мы пошли в сторону городского склона.

– Лера, скажи, а шкафчик, в котором был системный блок, кто обнаружил? – спросил я, смотря на реакцию Лёши, который и глазом не повёл от моего вопроса.

– В смысле? Мы с Сашей. Вы же видели, когда мы вас позвали.

– Это да, но я имею в виду то, кто из вас двоих догадался, что там может быть спрятан системный блок?

– Я. Мы, вообще, вокруг всё искали, и Саша пытался найти его сверху шкафчиков. Он же высокий, и ему на табуретке хватало роста, чтобы смотреть. Вот когда он так стоял на табуретке, я и обнаружила, что один из шкафчиков закрыт.

– То есть шкафчик всё-таки нашла ты, а не он?

– Получается, что так. А что? Я, если честно, переживаю, что так всё вышло. Очень жаль Сашу! Представляю, каково тебе с Лёшей, ведь он вашим другом был! – с грустью сказала Лера.

– Да так, вспомнилось что-то. Из головы всё это не выходит просто! – ответил я.

Картина стала чуть более связанной. Саша шкафчик не находил – его нашла Лера. Мог ли Саша убить Владислава Викторовича? Мог ли? Думаю, что, пожалуй, мог. Это со мной он был мягкий, но если посмотреть в целом на то, что он делал и как общался с другими людьми, то, наверно, мог. Но зачем Лёше помогать Саше? У Саши-то был явный интерес в том, чтобы избавиться от нерадивого собственника завода, который хотел сохранить свою долю в нём, но Лёше зачем всё это? Деньги? Деньги на то, чтобы вылезти из неизбежных на начальном этапе финансовых проблем, которые создал ему недавно открытый ресторан? Не похоже на него, но чёрт знает. Если Саша убил Владислава Викторовича и был в сговоре с Лёшей, который спрятал системный блок и задушил Виталика, то каким образом вышло так, что Саша мёртв? И как они сумели подключить к этому Виталика, если мы видели его впервые в жизни в субботу? А может, Саша видел его раньше? Он же давно вёл переговоры по покупке этого завода, и возможность встретиться с Виталиком у него была. Очевидно то, что Виталик умер из-за того, что отказался держать язык за зубами и хотел слить зачинщика преступления. И кто тогда были те люди, которые пытались пробраться на завод, чтобы помочь Сергею? Мозг кипит.

– Я понять не могу, зачем кому-то потребовалось поджигать завод! – оторвал меня от размышлений вопрос Петра.

– Меня больше, если честно, интересуют два неизвестных трупа, которые нашли рядом с генератором, после того как

мы убежали, – ответил Лёша.

– Вопрос в другом. Как порубленный труп оказался в генераторной, если Саша с топором был обнаружен рядом с шахтой? – спросил Лёша.

– И если Витя в кого-то стрелял у шахты, то Виталик бы это точно знал и мог бы сказать нам. Вы так не считаете? – рассуждал Пётр. – Но он об этом ничего не говорил.

– В общем, хорошо, что мы убежали тогда, а не остались. Кто знает, что бы с нами было, если бы мы стали свидетелями того, что произошло после нашего ухода! – сказала Лера. – Такое чувство, что те, кто испортил генератор, после нашего ухода доделали начатое и разрушили завод. Пётр, как ты считаешь, такое могло бы произойти?

– Я не знаю, но мне это всё не нравится... – Пётр явно был озадачен.

Прогуляв более часа, мы вернулись к отелю и сели в машину. До Апатитов ехать было совсем недалеко, но дорога была неприятной оттого, что постоянно в лобовое стекло летела слякоть от мокрого и грязного асфальта. Если бы не знал, что еду рядом с Хибинами, то мог бы предположить, что нахожусь в родном Питере. Как только мы остановились, Лера едва заметно улыбнулась мне и вышла у своего дома, пообещав позвонить мне перед сном. Я посмотрел ей вслед, когда она пошла к подъезду, и затем мы отправились к дому Петра, чтобы довести и его. Оказалось, что жил он буквально в километре от Леры, и уже через пару минут мы остались

с Лёшей в машине наедине. Первые десять минут обратной дороги мы ехали молча: в голове всё смешалось, и я не знал, как начать разговор.

– Бедная Света! – сказал Лёша, вспомнив про жену Саши.

– Совсем о ней не подумал. Ей уже сообщили?

– Конечно. Я звонил ей, но меня опередили полицейские.

Уж лучше бы подождали, пока я позвоню. Наверняка я бы сделал это более деликатно, чем они.

– И как она?

– Ну как она может себя чувствовать? Убита горем. Осталась одна с тремя детьми. Я позвонил Алисе и, пояснив состояние Светы, попросил поддержать её. Они не очень тесно общались, но всё же.

– А Света с твоей женой разве были знакомы?

– Да, они же виделись всякий раз, когда Саша нас на свои дни рождения звал. Не помнишь? Я же всегда с женой приезжал, и она со Светой вместе сидела. Вживую они, кажется, вне праздников Саши не встречались ни разу, но в инстаграме и социальных сетях периодически переписывались. У нас и дети в тот же сад ходят, что и их ходили – Саша рекомендовал. Правда, когда наши пошли, то их дети уже в школе были.

– Надо будет заехать к ней, когда в Питер прилетим. Сейчас приедем и билеты купим.

– Да. Хорошо, что вспомнил – билеты совсем из головы вылетели. Кстати, удивлён, что полицейские ключи от маши-

ны не забрали. Они же ведь были в его номере и всё там проверяли утром.

– Что-нибудь нашли?

– А что они могли найти? Посмотрели, бланк какой-то заполнили, пофотографировали и ушли. С администратором уже я затем разговаривал о том, что номер был снят человеком, которого убили, и она попросила по возможности освободить его. Думаю, что нам следует сейчас и перенести все вещи оттуда.

– Да, без проблем, сейчас займёмся. Одежду Саши повезём жене или выбросим? Полагаю, что ноутбук, карты и деньги нужно Свете будет отдать, а остальное выбросить за ненадобностью. Вряд ли она такая сентиментальная, что будет его вещи хранить!

– Согласен. Наверное, про одежду она и не вспомнит. Кто бы мог подумать, что столько всякой бюрократии сопровождает смерть человека! Это ж ей надо будет все бумаги оформлять для вступления в наследство, с полицейскими контакты держать, похороны организовывать – ужас, сколько много дел!

– А с телом что? Его же хоронить нужно!

– Полицейские сказали, что пока в морге полежит, и результатов вскрытия дождутся. А затем да, нужно будет его в Питер перевезти. Сказали, что это не очень большая проблема, и в грузовом отделе самолётов тела погибших регулярно возят, только об этом рядовым пассажирам неизвестно.

– В общем, нужно помочь ей будет.

– Конечно, поможем. Как иначе! – ответил Лёша, когда мы подъехали к гостинице.

Подойдя к нашим номерам, я отдал Лёше его куртку, и мы принялись освобождать номер Саши. Вещей, которые предстояло передать его жене, было не так уж и много: как ожидали, ноутбук, кошелёк, банковские карты, деньги и документы. Это всё, что нам удалось найти в карманах одежды, чемодане и столе. Остальное мы уложили в чемодан и снесли в мусорный бак, сказав на обратном пути администратору о том, что номер Саши свободен. После этого купили билеты из Мурманска до Питера на завтрашний вечер и усталые разошлись спать.

Когда я пришёл к себе в номер и начал раздеваться, чтобы наконец отдохнуть, зазвонил телефон:

– Алло, Андрей, привет! – услышал я в трубке голос Леры.

– Привет! У тебя всё хорошо? Ты дома?

– Да, я дома и всё нормально. Дверь заперта, никто пока выломать её не пытался! – усмехнулась она. – Пыталась разузнать о том, что произошло после нашего ухода, но ни Пётр, ни кто-либо другой подробностей не знают.

– Мы купили билеты на завтрашний вечер из Мурманска. Поедем, думаю, часа в три отсюда. Будь готова к этому времени! Хорошо?

– Хорошо! – Лера замолчала. Прождав секунд пять, которые, как мне показалось, длились вечно, она сказала: – Ты

правда хочешь, чтобы я поехала с тобой в Питер?

– Конечно, хочу! Я бы не стал предлагать, если бы не хотел. А ты, когда предлагала поехать с тобой в Исландию, говорила серьёзно или из вежливости?

– Серьёзно.

– Ты полетишь с нами завтра? Я могу прямо сейчас тебе билет купить.

– Нет, что ты! Нет, я договорилась с родителями, что приеду к ним. Они меня ждут. Я не знаю, как быть, слишком всё неожиданно. Если бы на моём месте был бы кто-то другой, то ты бы тоже позвал его с собой?

– Ну, Петра же я не позвал. Я пригласил к себе *тебя*, а не абстрактного человека, который мог бы быть на твоём месте. Я не хочу, чтобы мы разбежались вот так.

– Согласна, но чего ты хочешь от нашего общения?

– Я хочу узнать тебя ближе, а там будь что будет. Думаю, что начать стоит с этого. Если ты думаешь, что моё предложение пожить у меня в Питере тебя к чему-то обязывает, то это не так. Приезжай на пару недель или на месяц. Думаю, что за это время мы сможем прекрасно провести время вместе и узнать друг друга поближе. А там и решим, что делать дальше.

– Идея заманчивая! Хорошо! – Лера опять замолчала. – Если хочешь, то приезжай ко мне.

– Когда?

– Сейчас!

Мотор машины приятно урчал при нажатии педали газа. Он больше напоминал звук домашнего пушистого откормленного кота, чем тот ревущий, скорее, рычащий звук той же машины. Понемногу я начал привыкать к этой мягкой и плавной езде. В животе всё скрутило в преддверии встречи с Лерой. Что же сейчас будет? Просто поговорим или нечто большее? Может, заехать по пути в магазин за презервативами? Нет, что за ерунда – уверен, что до этого дело не дойдёт. Но она же сама пригласила меня к себе домой.

Я набрал её номер телефона:

– Подскажи, какая квартира? Я подъехал.

– Да, я вижу тебя. Квартира семнадцать. Звони в домофон!

– Блин, я так торопился, что забыл спросить, нужно ли что-то купить в магазине!

– Перестань, ничего не нужно!

Чёрт! И как я мог забыть, что что-нибудь с собой нужно взять! С пустыми руками нехорошо приходить в гости. Болван, про презервативы подумал, а о том, чтобы торт какой-нибудь или вино купить, забыл! Или цветы? Да где же я в этом захолустье в полпервого ночи цветы бы купил? В Питере-то где попало не купишь в это время. Ладно, уже поздно об этом думать, но в следующий раз нужно не оплошать. С другой стороны, как кто-то говорил – «у вас никогда не будет второго шанса произвести первое впечатление». Это

же первое свидание, и я с пустыми руками! Но всё-таки первое впечатление я на неё уже произвёл в горах, не так ли? Да и самоотверженно отвлекал сообщников Сергея, чтобы она смогла убежать. Надеюсь, что для неё это более ценно, чем паршивый букет или бутылка вина, которые может купить в магазине даже самый последний неудачник. Да, пожалуй, для неё то, что я сделал в горах, должно иметь большее значение...

– Привет, Андрей, заходи! – с улыбкой тихо сказала Лера, когда встретила меня в дверях своей квартиры.

– Привет! – также тихо ответил я, сделав шаг к ней домой.

Её однокомнатная квартира была светлой, уютной и очень чистой. Слишком чистой. Кажется, пока я ехал сюда, она всё максимально быстро намывала. Ну да, кажется, я чувствую запах спрея для мытья стёкол, который ещё не успел выветриться. В домашней одежде Лера была ещё более восхитительна, чем в той уличной, в которой она сидела в ресторане. Она лёгким движением кисти руки заправила за ухо тёмный локон слегка растрепавшихся во время уборки волос и, кажется, немного смутилась: – Прости, у меня лёгкий беспорядок. Я не планировала заранее, что ты приедешь.

– У тебя дома всё идеально! – ответил я и, сняв обувь, задумался над тем, что забыл сменить носки, а те, что на мне были надеты, могли пахнуть. Впрочем, запасных в отеле всё равно не было. Лишь бы не сильно пахли...

– Проходи на кухню! Ты голодный? Знаю, что голодный

– ужинали уже давно. Я сделала бутерброды и, если хочешь, могу сделать омлет. Ты чай зелёный или чёрный пьёшь?

На кухне горел приглушённый свет, и в его лучах Лера, стоящая ко мне спиной и заваривавшая чай, напоминала ангела. Сквозь её одежду проступали контуры нижнего белья. Интересно, какого оно цвета, и увижу ли я его сегодня? Или мы просто посидим на кухне, поболтаем, и я поеду домой? Что бы ни было – это прекрасный момент, который я запомню на всю жизнь. Именно такие моменты – стечение многих обстоятельств, приведших к тому, что я оказывался там, где оказывался, и вот момент, в который следовало, запоминались надолго. Запоминались потому, что больше никогда не повторятся. И даже если я окажусь здесь ещё раз, то это будет уже не то.

– Андрей, ну так что, тебе омлет сделать?

– Что?! А, омлет. Да, ты знаешь, думаю, что не нужно. Я же не есть приехал. Бутербродов к чаю вполне достаточно будет. А чай не важно какой, давай тот же, что и себе заваришь!

– Держи! – Лера подошла к столу, на котором стояла огромная тарелка с бутербродами с солёной красной рыбой, и поставила передо мной чашку с тёплым чаем. Ты, кажется, говорил, что рыбу любишь больше, чем мясо. Сделала с рыбой, но если хочешь, то в холодильнике ветчина есть.

– Спасибо! Всё супер, и ты правильно помнишь, с рыбой лучше, чем с мясом. Ты замечательно всё устроила! А можно

я руки помою?

– Конечно, в ванной.

В ванной на полотенцесушителе висела мокрая половая тряпка – она ещё и полы помыть успела до моего приезда.

– А какое полотенце взять? – спросил я, когда помыл руки, хотя не понимал, почему об этом всё время спрашивают гости. Какая разница об какое, руки же чистые. Видимо, для всех остальных разница была, так как всякий раз называли вполне конкретное полотенце: маленькое розовое, зелёное в углу или бежевое справа от раковины...

– Да любое. Там, кажется, бежевое справа от раковины, – крикнула с кухни Лера.

Помыв руки, я вернулся за стол и сразу съел бутерброд. Лера была права – есть и правда хотелось. Час назад я планировал в это время уже спать. С чего же начать разговор? Она позвала меня поговорить о жизни или о том, что происходило вчера и сегодня? Как понять? Что если не угадаю с темой?

Лера нежно положила свою ладонь на мою и сказала:

– Я так за тебя переживала всё это время! Ты представить не можешь, что я чувствовала, когда сказали, что Саша... что Сашу нашли. Я боялась, что тебя найдут где-то рядом!

Я перевернул свою руку так, чтобы она обратилась к её ладони, и мягко обхватил её пальцами. Рука была тёплой, а кожа нежной, чувствовалась лёгкая пульсация её вен в такт биению её сердца. – Со мной всё хорошо! Главное, что я здесь.

Когда я бежал в гору, то вспоминал, как быстро и лихо ходила по горам ты. Мне с тобой в этом не сравниться! – улыбнулся я, поглаживая её ладонь большим пальцем своей руки. – Я, если честно, так устал от всей этой истории, что предпочёл бы поговорить о чём-то ином.

Время текло незаметно. Мы вновь разговаривали о жизни посреди ночи, как три дня назад. Лера рассказала про то, как её родители были счастливы, когда ей удалось поступить в Питерский ВУЗ, и то, как она провела студенческие годы, которые, судя по всему, прошли у неё не так бурно, как у меня. Хотя в том, что мы с утра до ночи занимались наукой во время учёбы, нас объединяло. Неужели и правда бывают такие семьи, в которых у детей прекрасные отношения с родителями? Сложно было представить, как я жил бы в такой семье. Впрочем, если бы я был Верой, то, вероятно, в такой семье бы и оказался.

Я взглянул на часы, показывающие два четырнадцать, и решил, что, пожалуй, засиделся. Это была прекрасная встреча и уходить не хотелось, но правила хорошего тона обязывали это сделать. – Уже поздно, думаю, что тебе пора спать, и мне уже следует ехать обратно. Завтра встретимся!

– Если хочешь, – Лера остановилась и отвела взгляд вниз, – можешь остаться у меня. Сегодня был тяжёлый день, и не стоит ехать посреди ночи в отель!

В животе от её слов всё скрутило, и я почувствовал то, как сердце начало биться сильнее. – Хорошо, я с радостью оста-

нужь! На полу могу поспать или кресле, если раскладывается.

– Можешь лечь со мной! Диван двухместный, и тесно не будет, – Лера взяла пижаму и, выйдя в ванную, переделалась. Тем временем я стянул с себя футболку и носки и, оставшись в джинсах, думал над тем, не смутит ли её моя эрекция, когда я сниму штаны. Не то чтобы я на что-то рассчитывал, и даже был уверен, что её предложение не было связано с сексом, что было понятно из её интонации, когда она предложила остаться, но ничего не мог с этим поделать: стояк был такой, что, казалось, ещё немного, и джинсы по швам лопнут. Войдя в комнату и увидев меня в одних штанах, она, кажется, поняла, почему я остановился, и легла на диван так, чтобы я оказался к ней спиной и мог не смущаться. Когда я спустил штаны, она воскликнула: – Андрей, а что у тебя с ногой?

– В смысле? Что с ней? – начал я себя осматривать, не понимая в чём дело.

– Такой большой синяк! Это ты вчера так ударился?

– А, это, – вспомнил я про своё бедро, практически полностью окрашенное с внешней стороны в яркий сине-фиолетовый цвет, и к боли которого я уже привык. – Нет. Это я с ним уже сюда приехал. Машина сбила незадолго до прилёта. Но я сам виноват: задумался о работе и не заметил, как на красный свет пошёл. Водитель был адекватный: я извинился, он – тоже, и мы разошлись без вызова полиции.

– Ничего себе! Больно, наверно? Я таких синяков ещё никогда не видела. Только у Виталика, пожалуй. Хотя и у него

меньше были.

– Ерунда, всё в порядке! – я лёг к ней и сразу заметил то, как контуры её сосков выпирают через лёгкую тонкую спальную футболку. Боже, да я сейчас взорвусь!

– Хватит пялиться на мою грудь! То, что мы лежим на одном диване, ещё не значит, что у нас что-то будет, Андрей.

– Я знаю. Просто... ты безумно красивая! Я не встречал кого-либо красивее тебя.

– Спасибо! – Лера покраснела, но через мгновение приняла серьёзное выражение лица: – А теперь давай спать! Завтра нужно рано встать, чтобы успеть собраться! – сказала она и повернулась ко мне спиной.

– Спокойной ночи! – сказал я, приобняв её сзади.

– Спокойной ночи! – ответила Лера, ничего не сказав про то, что мой член соприкасался с её ягодицами через мои трусы и её пижамные шортики.

В голове всё перемешалось. Когда я задремал, обрывки фрагментов того, что происходило за последние четыре дня, и того, чего никогда не было, сменяли друг друга. Единственным лейтмотивом моего сна была мысль о том, что нас с Лерой кто-то преследует и мы пытаемся убежать, находясь запертыми в стенах заброшенного сумрачного цеха, свет в который проникал лишь через пыльные грязные окна, заставляя частички пыли, летающие в воздухе, сверкать в его лучах. Комнаты, в которые мы заходили, представляли собой мой офис, детский сад, в который я ходил маленьким, туалете-

ты и серию того, где я когда-либо бывал. Но куда бы мы ни заходили – там был тупик, а внутренний голос подсказывал, что с каждой секундой преследователь подходил всё ближе. Каждая дверь, каждая лестница и холл приближали момент встречи с тем, от кого мы бежали, но куда бы мы ни шли, всё было тщетно.

– Андрей! Андрей, ты в порядке? – трясла меня за плечо Лера.

– Что такое? – открыл я глаза и попытался понять, где я.

– Кажется, ты кричал. Негромко – скорее, мычал, но было как-то не по себе. Ты всегда так?

– Да чёрт знает! Последние полгода я всегда спал один. Прости – дурной сон приснился. Иди ко мне! – ответил я и, положив руку её на плечо, прижал к себе.

Лера легла мне на грудь, и, обняв её, я снова уснул, вдыхая запах её тела и чувствуя то, как её волосы щекотят мне подбородок.

На следующий день мы уже ехали втроём в машине, направляясь к Мурманску. Мимо пролетали деревья, растущие вдоль шоссе, а Лера сидела рядом со мной на переднем сиденье и легонько держала меня за правую руку, лежащую между наших кресел, в то время как Лёша, как и по дороге сюда, сидел сзади и о чём-то думал. Интересно, спросит ли он меня о том, что между мной и Лерой, когда мы доведём её до дома? И что же мне спросить его о том, чтобы понять,

каким именно образом ключи от шкафчика оказались в его кармане?

Через час мы подъехали к дому родителей Леры, и я вышел с ней из машины, чтобы попрощаться. Держа её за обе руки, я спросил: – Когда ты ко мне прилетишь?

– Ещё не думала, но затягивать не собираюсь. Может, через пару недель.

– Я не хочу расставаться с тобой надолго. Если тебе удастся прилететь к концу недели, то я буду рад! Только предупреди хотя бы за день, ладно? Я тебя встречу.

– Конечно!

– До встречи! – сказал я и поцеловал её в губы, чувствуя кончиком своего носа тепло её щеки и ощущая холод её носа своей. На этот раз она меня уже не отталкивала. Хотя это было бы странно, с учётом того, что мы ночевали вместе.

– Я позвоню, Андрюш. Пока! – ответила она и пошла к дому. Сев в машину, я в очередной раз не мог отвести взгляд от неё. Она зашла в подъезд, обернувшись перед этим, чтобы взглянуть на меня. Какая же прекрасная у неё улыбка...

Что ж, теперь осталось разобраться с машиной. Интересно, сколько дней мы просрочили со сдачей её в салон и сколько придётся доплатить? Надеюсь, что руководитель компании войдёт в положение и не будет зверствовать! – Как думаешь, сейчас такси до аэропорта заказать или когда машину сдадим? – спросил я Лёшу, который пересел ко мне на переднее кресло.

– Думаю, что лучше повременить. Неизвестно, сколько мы там пробудем. Может, за пять минут всё решим, а может, и час там проведём с учётом сложившихся обстоятельств. Я больше склоняюсь ко второму варианту.

– Да, я тоже. Но до самолёта должны успеть, вылет через четыре часа, а ехать не так уж далеко. Тем более что автосалон, где Саша арендовал автомобиль, всего в нескольких километрах от аэропорта. После всех пережитых походов такое расстояние кажется совершенно небольшим, и если будет пробка, то пешком дойдём.

– Андрей, не парься! Машину арендовал Саша. Мы и так делаем доброе дело, что везём её назад. Если будут проблемы, то просто уйдём отсюда и поедем в аэропорт. Нас эта машина, по сути, вообще никак не касается.

– И то верно.

Возврат машины занял всего двадцать минут, и хотя, с одной стороны, арендодатели были явно не в восторге от того, что мы забыли заправить машину и привезли её почти на двое суток позже, с другой стороны, они были настолько обескуражены тем, что арендатор умер, что не стали нас сильно задерживать, а поверх того залога, что оставил Саша, пришлось доплатить всего двадцать тысяч рублей, на которые мы с Лёшей скинулись пополам.

Такси приехало быстро, и за два часа до вылета мы уже сидели с Лёшей в ресторане аэропорта, зарегистрировавшись на рейс. Поверить не могу, что сегодня наконец-то окажусь

дома. Когда я уехал? В прошлый понедельник? Прошло всего десять дней с тех пор, а кажется, что это было несколько лет назад. Уезжал я с осознанием того, что в Новосибирске у меня есть мать, отчим и брат, и то, что я всегда могу рассчитывать на своего лучшего друга Сашу, а возвращаюсь обратно с пониманием того, что этих людей больше нет. Саша действительно был мне лучшим другом, но был ли я для него таковым? Мне всегда казалось, что я являлся связующим звеном между Лёшей и Сашей, и, быть может, поначалу так и было, но в последнее время, кажется, они вдвоём общались друг с другом теснее, чем я предполагал. Может, поэтому Саша попросил помочь Лёшу, а меня даже не ввёл в курс дела? И действительно ли просил? Нельзя быть в этом уверенным. Я давно знаю Лёшу, и мне сложно поверить в то, что он согласился на аферу, предполагающую убийство человека. Или всё-таки мог? Может, он тоже думает и про меня: что я не способен на убийство? Мне он всегда казался открытым человеком, но что если я был не прав? Раньше я думал, что всегда могу распознать ложь и неискренность, но Сергей говорил так убедительно, что, не зная я правды, я бы точно поверил ему. Кажется, что я сдаю позиции. Или другие совершенствуют свои навыки лжи?

– Пора на посадку! – подошёл Лёша, проговоривший последние пятнадцать минут в стороне по телефону. – Алиса сказала, что виделась со Светой, и ей нехорошо. Завтра сопровождает её к психотерапевту.

– Понятно. Я чем-то могу помочь? – поинтересовался я, вставая со стула и беря свою сумку.

– Пока не знаю. Решим на днях, но наверняка с организацией похорон без нас не обойтись ей будет.

Мы проследовали к выходу из ресторана, как вдруг мой взгляд упал на газету, которую держал в руках человек, сидящий за столиком невдалеке от нас. Привлекла моё внимание не сама газета, а фотография, украшающая титульную страницу, – на ней был изображён сгоревший завод. Кажется, что я уже видел газету с этим заголовком на витрине одного из минимаркетов аэропорта, когда мы с Лёшей шли к ресторану, но прежде не предал ей значение. Как же быстро распространяется информация о катастрофах и трагедиях! Вот бы о чём-то хорошем писали так же быстро. По пути в самолёт я купил эту местную газету в том магазине, в котором её видел прежде, и положил её в сумку, чтобы почитать в полёте, так как интернета у той авиакомпании, которой мы возвращались домой, на борту не было даже в бизнес-классе. Надо бы Вере позвонить завтра, сейчас уже поздно.

– Лёша, а ты знал, что Саша планирует завод покупать? Меня он, если честно, удивил своим приглашением, сказав, что мы туда едем для обсуждения приобретения доли предприятия.

– Да, он упоминал это пару месяцев назад, как раз тогда, когда я открывал ресторан. Я звонил ему, чтобы уточнить, сможет ли он при возникновении проблем одолжить

мне пару-тройку миллионов рублей, и он ответил, что у самого сейчас лишних денег нет в связи с покупкой. Хотя сказал, что постарается помочь, чем сможет, если у меня возникнет необходимость. Жаль, конечно, что так всё вышло! Ужасно жаль!

– А он не говорил о том, приезжал ли он уже сюда?

– Вроде приезжал, но большинство вопросов по телефону решал. А что?

– Да так, просто это всё настолько странно. Зачем было Виталику портить генератор, причём именно тогда, когда приехали мы? Почему это всё не произошло в наше отсутствие? Ты не думал об этом?

– Хм, я думал, что это просто совпадение. Полагал, что всё произошедшее никак не взаимосвязано с нашим приездом. Во всяком случае, я не знаю, как это связать воедино. Но вообще, знаешь, это действительно странно. Теперь я начинаю думать, что какая-то связь может и быть. Но какая?

– Не знаю. Как думаешь, Саша мог знать Виталика и предложить ему саботировать работу завода, чтобы купить подешевле?

От неожиданности и прямолинейности моего вопроса Лёша остановился и посмотрел на меня: – Ты думаешь, что Саша как-то причастен к инциденту с генератором?

– Зная Сашу, я не исключаю, что он мог это устроить.

– Мне сложно в это поверить. Я не думаю, что Саша мог бы так поступить.

После того как самолёт набрал высоту, пронзив перед этим сплошной покров облаков, я раскрыл газету и посмотрел, что пишут об инциденте, в надежде понять, что стало известно полицейским. В заметке не содержалось ничего особенного: только сухие факты о том, что сгорело несколько зданий и обнаружено семь жертв. Ни слова о том, что один из трупов был задушен, другой порублен топором, а третьего нашли с гвоздём во лбу. При прочтении текста складывалось впечатление о том, что все пострадавшие погибли из-за пожара. Интересно, неужели полиция настолько тщательно скрывает истинные факты до того, как разберётся в произошедшем, что о деталях произошедшего действительно никому ничего неизвестно? «Нужно следить за новостями! – подумал я и закрыл газету. – Наконец-то я лечу домой».

СЛУЧАЙНОЕ ЗНАКОМСТВО

Стопки бумаг, окружающие ноутбук, загромождали половину рабочего стола. Алина и Паша, конечно, молодцы и в моё отсутствие прекрасно справились с работой, но есть вещи, которые могу сделать только я, и заваленный документами стол является этому подтверждением. Радовала мысль о том, что сегодня, наконец, разгребу этот завал, так как в субботу офис и лаборатория были пусты и никто меня не будет дёргать. Давненько я не проводил на работе по четырнадцать часов в день, как это делал в четверг и пятницу после приезда. Эта рутина точно нагнала бы на меня тоску, если бы срочной работы не было настолько много: так хоть можно получить удовольствие от осознания того, что за три дня я способен сделать то, что другие сделали бы за месяц. Не знаю, насколько ли полезен для меня такой стресс – пальцы рук дрожали он нервного перевозбуждения – но я определённо получал от него удовольствие. Осталось только получить финальные данные по проекту от Паши – как я и ожидал, он планирует закончить к первому октября – и к концу следующей недели можно будет расслабиться. Бумаги, печати, вопросы, десятки людей, спрашивающих совета, – всё перемешалось в голове так, что полностью застилало собой воспоминания о моих недавних разъездах, о которых я вспомнил лишь постольку, поскольку завтра вновь предстояло с ними

столкнуться на похоронах Саши, к моменту начала которых должна прилететь Лера.

Я набрал на телефоне номер Веры, которой я, в связи со всей этой суматохой, так и не позвонил позавчера.

– Привет, Верусь, как у вас дела?

– Привет! Да всё в порядке. Мы уже дома. А у тебя как?

– Всё отлично. Командировка, правда, слегка затянулась, и в итоге только в четверг приехал, но работы было столько, что не было возможности позвонить. Вы с бумагами разобрались?

– Да, всё оформили, хотя не без разочарований. Как выяснилось, на даче у родителей хранилась часть наших детских фотографий, и всё сгорело, а цифровых копий, разумеется, для них не было. Да и оказалось, что декоративная модель ружья, которое папе подарили его сослуживцы на день рождения, тоже сгорела при пожаре на даче. Жаль – он очень ценил это ружьё, и я хотела его себе на память забрать. Но в остальном неплохо: часть фотографий дома хранилась и бабушкин сервиз тоже. Перевезли их к себе.

– Фотографии жаль, конечно. А что за ружьё? – насторожился я.

– Да обычный макет ружья, но очень качественный. Папе нравился, и он его на подставке в гостиной хранил, насколько я помню. Странно, что на дачу увёз его, ведь подставка так дома и осталась.

– Ясно. А настоящего ружья у него или Игоря никогда не

было?

– Нет, ты что. Папа на охоту когда-то ходил с друзьями, но в качестве наблюдающего, и сказал, что его не сильно прельщает убийство животных. А Игорю вряд ли бы кто-то дал оружейную лицензию с его образом жизни – он же на учёте у нарколога был.

– Понятно... – фокус моего сознания начал постепенно уходить от начатого разговора с сестрой. – А Олег как себя чувствует?

– Хорошо, и он большой молодец! Очень помогал мне с документами и всеми смежными делами.

– Он говорил, что ты хотела перенести свадьбу, но я рекомендовал ему не делать этого. Всё в силе? Или решили перенести? – в голове предстала картина Игоря с ружьём в руках: так что же выходит, ружьё было декоративным?

– Да, ты прав оказался. Действительно, плохая идея была с переносом свадьбы. Всё-таки уже и приглашения разосланы и подготавливать всё начали. Так что ждём тебя в ноябре у нас, Андрюш!

– Я счастлив! Вы молодцы! А за фотографии не переживай. Главное, что не все утеряны, и можно радоваться по крайней мере тому, что хоть что-то сохранилось. – Я вспоминал, как прямо промеж моих глаз смотрело стальное серебристое дуло.

– Да, ты прав. Я оцифрую и пришлю тебе твои детские фотографии, если хочешь. Там и ты есть на некоторых.

– Конечно, присылай! Буду ждать. Ладно, Верусь, мне пора! Целую! – сказал я, понимая, что голос Веры окончательно отстранился от меня, и я ощущал его будто через толстую бетонную стену.

– До встречи на свадьбе! Фотографии пришлю недели через две. Пока!

Всё происходящее вокруг: то, как я кладу на стол телефон, пролетающие птицы за окном и движение секундной стрелки часов, висящих на стене, складывали в моём сознании картину замедленного кино, которое я смотрел через экран монитора. Ружьё, которым Игорь тряс перед моим лицом в гараже, было не только не заряжено, но оно и вовсе стрелять не могло. Это не было даже пневматической винтовкой, которой он мог ослепить меня, выстрелив в глаз. Зачем он это делал? Что он вообще хотел от меня, если не хотел меня убить? Или всё-таки хотел? Он же сбил меня машиной, и если бы я не услышал рёв мотора и не отпрыгнул, то вряд ли остался бы жив. Хотя нет: то, как он оперативно затащил меня в багажник, свидетельствует о том, что он всё спланировал заранее и, судя по всему, убивать меня не планировал. Не думаю, что он сумел бы настолько быстро сымпровизировать. Вот и ответ на вопрос о том, почему он не стрелял: он не сделал этого, потому что и не собирался этого делать. Но ведь он сказал, что собирается меня убить! Или нет? Кажется, он говорил, что я должен страдать. Но если он просто хотел меня запугать, то как я мог это понять? Как я мог по-

нять, что он не собирается меня застрелить, если он привёз меня в гараж и тыкал мне в лоб стволом ружья? Разве я мог поступить иначе? Он же сам меня вынудил его убить. Сам вынудил...

Я раскрыл пачку сигарет и, подойдя к окну, которое открыл, закурил прямо в офисе, чего никогда прежде не делал. На улице стояла облачная погода, и редкие деревья загибались под шквалом дующего ветра. В открытое окно доносился гул проезжающих машин, который напрочь заглушался тогда, когда окно было закрыто. Хотелось бы мне также закрывать свои чувства и мысли, чтобы они не тревожили меня тогда, когда я этого не хочу. Голова медленно начинала болеть, но каждая глубокая затяжка синего табачного дыма расслабляла тело.

Как было бы правильным поступить в той ситуации в гараже? Ждать, пока он выпустит пар своим похмельным ором? Но он же сбил машиной и ударил меня, значит, я вправе был ударить его молотком. Но стоило ли его убивать? Ведь после второго удара, который пришёлся ему в челюсть, он едва ли представлял для меня угрозу. Я мог бы просто уйти и вызвать полицию. А что если бы он оказался в состоянии меня догнать и застрелить? Ведь я не знал, что ружьё ненастоящее. Хотя я мог бы уйти, взяв с собой ружьё. Да, наверное так и стоило сделать. Зачем же я его убил? Почему просто не остановился тогда, когда я понимал, что я уже в безопасности? Я же мог проявить сострадание к этому чёртову ал-

кашу и просто уйти. Полагаю, что сломанная челюсть и выбитые зубы, которые он вряд ли бы себе вставил в ближайшие несколько лет из-за отсутствия денег, были бы для него адекватным наказанием за то, что он сбил меня машиной и пытался запугать. Паршивое чувство! Чувство вины за то, что уже никогда не сможешь исправить.

Привёл меня в чувство жар от незаметно подобравшейся к пальцам руки дотлевающей сигареты. Потушив её, я решил пойти пообедать в ресторан, в котором был в прошлый понедельник с Алиной, чтобы немного развеяться. Придя туда и заказав еду, я попытался прикинуть, сколько часов мне ещё требуется для того, чтобы закончить всю работу, и с облегчением понял, что часов за пять управлюсь и поужинать смогу дома. В ожидании заказа, я от безделья начал осматривать зал, потому что в этот раз я документы с собой не взял, так как хотел отдохнуть. В углу за круглым маленьким столиком сидел мужчина лет сорока в сером строгом костюме, закинув ногу на ногу. Вряд ли он привлёк бы моё внимание в обычный день, но взгляд на него возбудил у меня чувство дежавю, возможно, связанное с тем, что он держал перед собой раскрытую газету так же, как тот человек в аэропорту, у которого на титульном листе красовалась фотография сгоревшего завода. Кажется, что я его уже видел когда-то здесь, а может, и нет. Да и многих я здесь видел, ведь часто сюда хожу. Мне кажется, что у этого ресторана на время обеда имеется уже вполне сложившаяся аудитория, и я далеко не самый частый

посетитель.

Я съел свой бизнес-ланч и, допивая кофе, ещё раз глянул на столик, стоящий в углу зала: в груди волной прошли мурашки от того, что я встретился взглядом с сидящим мужчиной, который сразу отвёл глаза в сторону газеты, которую продолжил читать. То мгновение, которое мы смотрели друг на друга, длилось не более доли секунды, но пристальный взгляд его карих глаз: взгляд человека, который смотрел на меня, как на отдельную личность, а не как на оживлённый предмет окружающего интерьера, заставил меня немного напрячься. Взглянув на него ещё раз и не отводя взгляд в течение десяти секунд, я убедился в том, что он продолжает читать свою газету и я ему не интересен. После этого я расплатился за обед, оделся и при выходе из ресторана ещё раз окинул взглядом столик в углу – мужчина продолжал читать газету, всё так же закинув ногу на ногу.

Когда я пришёл в офис, перед тем как вновь приняться за работу, позвонил Лере и убедился в том, что у неё всё хорошо и завтра она будет в Пулково к десяти утра. Остаток рабочего дня прошёл как в тумане на фоне мыслей об Игоре, которые я пытался заглушить, чтобы доделать бумажные дела, включающие в себя завершающийся проект и разбирательства с поставщиком топлива, в котором, как показал элементный анализ, выполненный в моё отсутствие, действительно оказалось превышено содержание тиолов.

На следующее утро я уже стоял посреди огромного и шум-

ного холла Пулково, в котором как муравьи кишели прилетающие люди, идущие в сторону выхода с чемоданами стоящих на месте встречающих персон. – Привет! Как добралась? – я обнял Леру, подошедшую ко мне с чемоданом в зале аэропорта.

– Привет! Отлично! Я даже поспать успела во время полёта. Мы успеваем?

– Да, а ты уверена, что хочешь тоже пойти на похороны? Можешь дома остаться. Думаю, что на кладбище будет скучно и весьма депрессивно. Зачем тебе это?

– Пойду с тобой. Может, скрашу тебе сегодняшний день своим присутствием. Да и Сашу я знала. Думаю, что будет правильным, если появлюсь там.

– Хорошо, тогда давай сейчас завезём вещи домой, позавтракаем и поедем. Нам на север города нужно, ехать по магистрали около часа. Так что времени немного.

После того как мы загрузили вещи в машину, через полчаса были уже дома, и, пока Лера принимала душ, я разогрел приготовленный заранее завтрак и налил горячий ароматный кофе. Выйдя из душа в одном полотенце, Лера взяла вещи и вернулась в душ, из которого через несколько мгновений послышался звук фена. Давненько я не слышал этого звука из ванной, ведь сам я голову не сушил в силу того, что короткие волосы успевали высохнуть до того, как я выйду из дома. Прекрасно, когда дома женщина, и ещё лучше, когда такая красивая, как она.

– Андрей, сколько у нас ещё времени есть? – послышался голос Леры из ванной.

– Ну, вообще, уже времени нет. Пора бы второпях позавтракать и выезжать. До начала осталось чуть больше часа.

– Хорошо. Тогда краситься не буду. Давай кушать! – Лера вышла из душа и села за стол, отломив себе кусок омлета. – Боже, как вкусно! Ты же говорил, что не умеешь готовить?

– Я говорил, что на костре не умею ничего готовить, а дома с нормальной плитой вполне неплохо справляюсь. Нравится?

– Конечно! Очень вкусно. Вечером ужин я приготовлю. Съездим вместе в магазин?

– Хорошо, но думаю, что к вечеру устанем, и можно будет в ресторан сходить, если хочешь.

– Нет-нет. Я приготовлю что-нибудь сама. Лучше дома вместе время проведём.

– Договорились!

Позавтракав и загрузившись в машину, мы отъехали. Я не стал говорить Лере, что мы опаздываем и хорошо было бы собираться чуть быстрее, так как уже проходил это с бывшей женой. Видимо, это в природе женщин. По крайней мере, краситься не стала, когда узнала, что мы опаздываем – хороший знак. Да и зачем ей краситься? По-моему, она прекрасна и без косметики.

К нашему приезду многие уже были на кладбище. Лёша что-то обсуждал с двумя мужчинами, а Алиса успокаивала

Свету, которая рыдала около гроба Саши, невдалеке от сидящих на стульях троих детей. Подойдя ко всем, мы поздоровались с присутствующими, и Лёша представил Леру Алисе, которая при знакомстве лишь слегка улыбнулась и продолжила успокаивать Свету. Мы прошли к детям и сели рядом с ними, чтобы в случае необходимости как-либо поддержать их. Вообще, они держались хорошо, в отличие от своей матери. Хотя, что уж им там понимать в их возрасте? Кажется, что мне в детстве было совершенно без разницы, хоронят кого-то или нет. Думаю, что у многих людей сожаление и печаль при смерти человека приходят лишь по мере взросления. Дети были больше удручены плачем Светы, нежели тем, что Саша лежал в гробу. Удивительно то, как похоронные мастера заделали дыру от гвоздя в его лбу. Гроб был открыт, и Саша лежал, на первый взгляд, абсолютно невредимый. Если бы я своими глазами не видел торчащий из его головы гвоздь шесть дней назад, то даже и не подумал бы о том, что он в ней был – великолепная работа!

Лёша помог организовать Свете почти все детали похорон, и теперь оставалось лишь догадываться о том, почему он так рвался помочь: то ли он с Сашей общался гораздо ближе, чем я ранее предполагал, то ли пытался компенсировать чувство вины за причастность к афере, приведшей к его смерти, если такая действительно была, то ли от всего вместе. Как же мне понять, что там на самом деле было? Что бы я ни спрашивал у Лёши, он отвечал так, что нельзя было

понять, причастен он к тому, что происходило на заводе или нет. С одной стороны, он располагал доверием Саши, и ему, судя по всему, нужны были деньги, и он мог согласиться помочь Саше устранить Владислава Викторовича и, впоследствии, Виталика. Но с другой стороны, сложно поверить в то, что они с Сашей могли вообще такое задумать. Явное противоречие, ведь Сергей, давно знавший Виталика и способный его попросить испортить генератор, пытался сбежать, и ему пытались помочь сообщники. Но откуда тогда в куртке у Лёши ключи от шкафчика? Может, ему их подложили, или он в последний момент надел чужую куртку? Пожалуй, это бы всё объяснило. Мы же все переоделись после тушения машины в стандартную форму! Он мог просто случайно надеть куртку Сергея! Вот и потенциальный ответ на мучающий меня вопрос, но всё-таки хорошо бы проверить наверняка. Что же у него спросить такого, чтобы выяснить правду?

Священник начал нудно бубнить какую-то молитву и ходить с воняющим на всю округу кадиллом, а гроб стали медленно опускать в яму, изголовье которой украшало огромное мраморное надгробие с выгравированной фотографией Саши и датами его жизни. Вокруг могилы собралось человек семьдесят, хотя многие из них, судя по выражению лица, пришли сюда по чисто формальным причинам и явно скучали – это выражение лица с каждым годом я вижу всё чаще и чаще. Хорошо, что Лера со мной: пожалуй, она одна из немногих здесь присутствующих, на лице которых чита-

ются искренние эмоции. Лёша, Света, Алиса, трое Сашиных детей, ещё какая-то пара, стоящая рядом с ними... кажется, что и десяти человек, искренне скорбящих об утрате, не наберётся. Неужели и у меня на похоронах так будет? Думаю, что даже хуже, ведь детей и жены у меня нет. Лёша, Лера и Вера расстроились бы, а остальные так же стояли бы и ожидали, когда всё закончится, создавая собой одетую в чёрное массовку.

Пожалуй, что на похоронах родителей, на которых присутствовало ощутимо меньше людей, опечаленных было даже больше, чем здесь, несмотря на то, что большая часть стояла с такими же безразличными и скучающими лицами. Что же нужно сделать такого в своей жизни, чтобы из-за твоей смерти искренне расстроились хотя бы человек пятьдесят?

Яму начали закапывать, и от ощущения того, что я больше никогда не увижу Сашу, на душе стало абсолютно пусто. Казалось бы, я знал, что он давно мёртв, но почему-то именно сейчас, когда куски земли стучали о крышку гроба, ко мне пришло осознание того, что Саша в моей жизни больше нет и никогда не будет. Ветер начал обдывать тонкие влажные дорожки на щёках, которые оставили стекающие слёзы, и я достал одноразовый платок, чтобы высморкаться. Видит ли Лера, что я плачу? Некрасиво и неприлично мужчине плакать, тем более при девушке. Но надеюсь, что сложившиеся обстоятельства позволяют мне это делать. И всё же не стоит: я же не какой-нибудь слабак.

Заставив себя успокоиться и рассчитывая на то, что Лера не заметила слёз, я продолжил смотреть на то, как заканчивают закапывать гроб, после чего я подошёл к Лёше и уточнил, не против ли Света того, чтобы Лера была на поминках у Саши дома. Получив в ответ то, что раз она со мной, то её присутствию, безусловно, все будут рады, если это вообще возможно при данной причине собраться, мы сели в машину и поехали к Саше домой в сторону Зеленогорска, где в трёхэтажном особняке нас уже ждали две прислуги и накрытый стол.

К моему удивлению, на поминках было всего десять человек, без учёта детей, которых после приезда сразу забрала няня: Света, Лёша с Алисой, я с Лерой, та пара, которую я заметил рядом с гробом, которая оказалась сестрой Светы и её мужем, и ещё трое наиболее близких коллег Саши, с которыми я никогда ранее не встречался. Чувствовал я себя здесь куда более комфортно, чем на поминках родителей, – все свои.

Не прошло и тридцати минут после того, как мы сели за стол, как разговор зашёл о том, что произошло в Хибинах. Мы с Лёшей и Лерой в очередной раз во всех деталях описали происходящее, и я рассказал то, как Саша самоотверженно вызвался отвлечь на себя сообщников Сергея, чтобы спасти Лёшу, Леру и Петра и помочь мне. Кажется, что Свету немного успокоила мысль о том, что её муж погиб, героически спасая невинных людей. А двое из его коллег, сидевших

с нами за столом, впоследствии рассказали о том, как Саша помогал им и что на него всегда можно было положиться.

– А уже стало известно, что произошло после того, как вам удалось уйти оттуда? Почему возник пожар, при котором погиб Сергей? – спросила нас Света. – Кажется, что там нашли ещё двух пострадавших?

– Мне вчера вечером звонил Пётр, – ответила Лера. – Это инженер, который был с нами и у которого друг в МЧС работает. Он сказал, что информации официальной пока нет, но удалось установить личность двух пострадавших, найденных рядом с цистерной – это была молодая пара из Мончегорска, которая приехала в четверг вечером в Кировск в поход по Хибинам. Не помню имён, но парню было двадцать шесть, а девушке двадцать четыре. Я их лично не знала, но, как выяснилось, та девушка с моей одноклассницей в Мурманске училась. Ужасно всё вышло: судя по всему, они оказались в ненужном месте в ненужное время, и их убили сообщники Сергея.

– Кошмар какой! Ну хоть Сергей погиб, и от этого немного легче. Нехорошо так говорить, конечно, но это для меня хоть каким-то облегчением является. Что же у него за сообщники такие, которые пару невинных мимо проходящих ребят могли убить? Может, они видели, как они... боже... Сашу догнали?

– Всё может быть, я не... – Лёша продолжал шевелить губами, но я перестал слушать, погрузившись в абсолютную

тишину своих мыслей. Пара, гуляющая по горам и оказавшаяся не в том месте и не в то время... «Я их видел впервые в жизни. Это просто туристы, которых я увидел из окна, подзвал и попросил вызвать при первой же возможности полицию». – Жалобно кричит Сергей. – «Это же Саша во всём виноват...» Что если Сергей говорил правду? Что если это действительно были мимо проходящие туристы, которых он не знал, и Сергей просто спрятался в цеху, потому что боялся Саши? Может, он пытался сбежать лишь постольку, поскольку опасался за свою жизнь? Может, он знал про Сашу что-то, чего не знал я, и это Лёша, помогая Саше повернуть его аферу, убил Виталика? Лёша, который сейчас сидит передо мной и говорит Свете о том, что он тоже рад, что Сергей погиб? Почему Лера мне вчера не сказала об этом разговоре с Петром, и я слышу о нём только сейчас?! Вчера собирала вещи, а сегодня не успела рассказать, потому что торопились на похороны?

– Лера, а эта пара... Тебе одноклассница ничего про них не рассказывала? Они часто на Хибинах были? Может, на завод хотели устроиться или уже работали там? – спросил я.

– Говорила, что отличные ребята и жениться собирались. Девушка... как же её звали, вспомнить не могу, но не суть, в июне магистратуру закончила и вроде после свадьбы собиралась в Мурманск возвращаться, чтобы работу найти. А по Хибинам лишь иногда ходили: может, один или пару раз в год – не знаю точно. А что?

– Да так, просто интересно.

– А на заводе точно ни он, ни она не работали, я бы знала. Там людей же не много, я бы запомнила. В общем, ужасная история!

Зачем же они лезли за Сергеем? Чтобы помочь? Тогда зачем они убили Сашу?! Неужели случайно? Может, тот парень просто хотел ударить куском валявшейся под ногами доски огромного мужика, без веской причины гнавшегося за ним посреди гор с топором, и даже не видел, что из неё торчит гвоздь? Если бы я был посреди безлюдных гор со своей невестой и сразу после того, как незнакомый мужчина попросил меня о помощи из окна, за мной неожиданно погнались бы двое вооружённых мужчин, то, пожалуй, я бы тоже не стал спрашивать об их намерениях, прежде чем ударить одного из них куском найденной доски. Неловкая ситуация вышла: они хотели спасти беспомощного человека и поэтому убили Сашу, а я убил их, потому что тоже хотел спасти незащищённых людей.

Если задуматься, то ведь идею о том, что всё устроил Сергей, подал именно Саша, когда мы откручивали с внедорожника аккумулятор, сразу после того, как я сказал, что Лёша может быть под подозрением в убийстве Виталика. Да и тот разговор Саши с Сергеем посреди ночи: в голосе Саши не было ни капли сожаления о смерти Владислава Викторовича и его интересовало лишь то, сможет ли он купить весь завод, сэкономив при этом порядочную сумму денег.

В голове как будто что-то щёлкнуло и появилась более или менее цельная картина того, что произошло. Своеобразный сдвиг парадигмы, при котором начинаешь совершенно иначе смотреть на уже известные факты. Саша хотел выкупить весь завод, но Владислав Викторович ему препятствовал. Каким-то образом ему удалось связаться с Виталиком и подговорить его устроить смертельную ловушку для собственника завода, чтобы устранить его. Виталик, поняв, что мы способны посмотреть записи с камер, на которых имеются доказательства того, что он устроил диверсию, поставил Саше ультиматум, что либо он избавится от записей, либо он сдаст его полиции. На каком-то этапе в дело вступил Лёша, которому нужны были от Саши деньги, вследствие чего он ночью выкрал системный блок с компрометирующими охранника записями. После того как системный блок удалось найти, Лёша задушил Виталика, который, вероятно, хотел сдать ещё и его. Вряд ли бы Лёша стал убивать человека, если бы непосредственно ему ничего не угрожало. Сергей доверял Петру и Лере, поэтому понимал, что Виталика убил кто-то из нас троих, вследствие чего и решил сбежать, но после того как повредил ногу, скрылся в цеху. Боясь за свою жизнь, он позвал мимо проходящих туристов, за которыми мы с Сашей погнались, в результате чего остался из нас четверых в живых только я.

Саша умер случайно, Витя, судя по всему, – тоже, Виталика убил Лёша из-за денег, а Владислава Викторовича – по

сути, Саша, и тоже из-за денег. Сергей и пара туристов убиты мной из-за недопонимания, которое зародил во мне Саша. Что за нелепая ситуация... Игоря я тоже убил из-за того, что неправильно оценил обстановку. Я ужасный человек! И как мне теперь с этим жить? И даже к психотерапевту не обратиться, чтобы хоть как-то снять напряжение, а ведь он действительно мне помогал. Что я ему скажу? Что меня мучают угрызения совести за то, что я убил четверых человек из-за возникшего недопонимания?! Одному размозжил черепную коробку молотком, потому что он тыкал мне в лицо игрушечным ружьём; второго порубил топором, потому что он пытался защитить себя, когда за ним погнался незнакомый здоровенный мужик; третью изнасиловал и порезал ножом за то, что... я даже не знаю, за что, может, за то, что она слишком громко всхлипывала, прячась за камнем; четвёртому перерезал глотку после того, как сбил его камнем со второго этажа, пытаясь перед этим его сжечь, просто потому, что он пытался убежать. Интересно, при таком раскладе меня посадят в тюрьму или положат в психбольницу?

Эх... голова опять заболела.

Пульсация в висках давила всё сильнее, и казалось, что голова сейчас разорвётся на куски, а к горлу начала подступать желчь из-за начавшейся тошноты. Белая тарелка, стоящая передо мной на столе, медленно начала уплывать в сторону, прячась за чёрные точки, начавшие быстро мельтешить перед глазами. Темнота обволокла всё тело своими объятьями,

укутав в свою тёплую пелену. Послышался приглушённый стук тела, упавшего на пол.

Издалека доносилась сирена скорой помощи, и всем своим телом я ощущал лёгкие перегрузки, которые я, бывало, испытывал, катаясь в детстве в парке аттракционов. Как же всё было легко и просто тогда! Вращающаяся по кругу карусель доставляла мне искреннее удовольствие, и я смеялся, держась за две тёплые, нагретые солнцем, цепи, на которые крепилось маленькое деревянное кресло, находившееся подо мной. Тёплый ветер обдувал моё лицо и трепал одежду. Дети смеялись и визжали, и я смеялся вместе с ними. Вокруг проносились зелёные деревья, и снизу стояли и смотрели на всех родители. От контакта с железной цепью руки пахли характерным металлическим запахом, и я на тот момент ещё не только не знал, что это запах вещества, образующегося при окислении липидов кожи двухвалентным железом, но и вовсе не представлял, что такое атом или молекула. В школу не нужно было идти ещё два месяца. Два месяца, в течение которых можно было купаться, загорать и просто отдыхать, играя на природе. Никаких забот, никакой ответственности... блаженство.

– Дайте нашатырь... – сказал женский голос, и в нос ударила волна аммиачного запаха, напрочь разрушив всю ту прекрасную картину, которая прокручивалась у меня в голове. Пожалуй, это как раз тот запах, которым можно было бы описать всю мою взрослую жизнь.

– Андрей, ты меня слышишь? – Лера стояла рядом со мной, загораживая собой белые спящие лампы больничного отделения.

– Привет. У тебя всё хорошо?

– Что?! У меня? Да это же ты без сознания лежал больше получаса! – закричала Лера.

– У меня всё в порядке, не переживай! Сейчас ещё немного полежу и домой поедem. Мы в больнице?

– Лежи и отдыхай! Да, в больнице. Не думаю, что сегодня тебя отсюда выпустят. Знаешь, как ты меня напугал? – Лера, как мне показалось, испытывала удивительный букет чувств, состоящий из злобы, переживания, смятения и радости, который в течение нескольких последующих минут, в процессе моего полного прихода в сознание, медленно перерос в спокойствие и умиротворение.

– Вроде мне уже гораздо лучше. Не думаю, что мне нужно оставаться здесь до завтра, хотя, наверно, за руль мне лучше сейчас действительно не садиться! – сказал я, приподнимаясь на койке. – У тебя есть права?

– Права есть, и если тебя отпустят, то я поведу машину. Господи, Андрей, как ты меня напугал! У тебя бывало раньше такое?

– Что? Обморок? Нет, кажется. Вроде ни разу не бывало.

– Скоро придёт врач, и решим, что делать дальше. Может, не стоило на похороны приходить? Ты настолько сильно переживаешь из-за того, что случилось с Сашей?

– Я... – как только я открыл рот, Лера продолжила говорить.

– Знаю, что переживаешь. Это нормально, но всё-таки я очень за тебя испугалась.

– У меня всё хорошо, Лерочка! – я поцеловал её ладонь, которую держал в своих руках.

Мы пробыли в больнице ещё два часа, и лишь после того, как мне сделали МРТ головы и убедились, что обморок был вызван эмоциональным переживанием, а не физиологическими проблемами, разрешили уехать. Лёша, который, как оказалось, был с нами в больнице, отвёз нас на моей машине домой и удалился, убедившись, что я чувствую себя удовлетворительно. Зайдя домой, я пошёл на кухню, чтобы заварить себе кофе.

– Андрюш, иди приляг! Я принесу кофе. Врач сказал, что нужно что-нибудь сладенького тебе поесть. Сейчас что-нибудь приготовлю! – Лера сопровождала меня до дивана и оставила отдыхать, начав громыхать на кухне посудой.

Остаток дня мы провели лёжа на диване, болтая о жизни, посмотрев перед сном комедию. Несмотря на то, что я пришёл в себя ещё в больнице, меня одолевало чувство того, что я смотрел на всё происходящее как будто со стороны, и голова была на удивление пустой. Сложно было собраться с мыслями, а может, просто мне этого и не хотелось. Засыпали мы в обнимку: голова Леры уже привычным образом лежала у меня на груди, и я гладил её чёрные мягкие волосы.

На следующее утро после завтрака я сообщил Лере, что мне нужно хотя бы на полдня съездить на работу и после обеда я вернусь. На что она ответила, что уже договорилась со своей знакомой о встрече и постарается тоже приехать часам к четырём назад. Высадив её у метро, я отправился в офис и к одиннадцати утра уже был там. Вообще говоря, всю работу я сделал ещё в субботу, и, вопреки тому, что я сказал Лере, у меня не было особой нужды сюда приезжать сегодня. По крайней мере, не было каких-либо причин, связанных с работой. Общение с сотрудниками и решение рабочих вопросов, хоть и мелких, должно было немного меня взбодрить после вчерашнего дня.

Что же мне делать с Лёшей? Как подобраться к нему так, чтобы он рассказал всё, что знает о произошедшем? И стоит ли вообще заморачиваться? Всё уже прошло, и меня слабо касается: я выжил, Лера – тоже, мы вместе и нам хорошо. Не проще было бы просто отпустить всё произошедшее и жить дальше нормальной жизнью? Это постоянное перетиравание пережитых событий похоже на мазохизм: толку мало, потому что я не могу ничего изменить, а настроение портится. С какой целью я продолжаю попытки докопаться до истины, если всё, что произошло, уже произошло, и моё понимание происходящего ни на что повлиять не может? Но, может, я всё же могу что-то сделать? Саша, заваривший всю эту кашу, за это уже поплатился сполна, но если к этому причастен ещё и Лёша, то было бы неправильным ему остаться безнаказан-

ным. Если он убил Виталика, то почему он промолчал, когда Сергей обвинял в этом меня перед тем, как выпрыгнуть в окно? И почему он даже не предложил свою помощь нам с Сашей, когда мы побежали к тем двум туристам из Мончегорска, а просто ушёл с Петром и Лерой? Нет, всё-таки его слабость заслуживает наказания. Так, как он, поступать неправильно. Если он был в сговоре с Сашей, то он причастен к смерти семи человек, и этого я никак не могу оставить. Если это Лёша убил Виталика, то знал, что я ни в чём не виноват, и, тем не менее, он спокойно смотрел на то, как я пытаюсь спасти его жизнь, отвлекая незваных гостей ради того, чтобы он мог скрыться. Я должен узнать правду: если удастся найти и наказать виновника всего произошедшего, то, может быть, таким образом я хоть как-то смогу искупить свою вину за смерть тех людей, которых убил. Но убивать я больше никого, разумеется, не стану.

Спустившись на первый этаж, я вышел на улицу и пошёл к своему излюбленному ресторану, чтобы съесть бизнес-ланч. С тех пор, как я вернулся, я ещё ни разу не обедал со всеми в столовой, хотя, наверно, следовало бы, иначе вскоре сотрудники решат, что мне с ними неинтересно. Знает ли хоть кто-то из них о том, что произошло в Хибинах и то, что я там был?

Официантка, встретившая меня при входе, слёту спросила, нужен ли мне, как всегда, бизнес-ланч и кофе. На что я утвердительно ответил и, оглянувшись по сторонам, осо-

знал, что все столики заняты. Я вновь увидел мужчину, сидящего в углу с газетой. Он посмотрел на меня, улыбнулся и жестом руки пригласил меня сесть к нему за стол, видимо, поняв, что я ищу, куда сесть.

– Я сяду за тот столик, Вы не против? – сказал я официантке, хотя, по большому счёту, мне было без разницы, против она или нет, и я уже направился в угол зала к пригласившему меня человеку.

– Конечно, нет, я принесу Вам Ваш заказ туда!

Я отодвинул стоящий рядом со столом стул и присел к незнакомцу.

– Здравствуйте! Спасибо, что позволили сесть рядом. Сегодня такой аншлаг, что мест свободных нет.

– Добрый день! Не переживайте, мест на всех хватит! – ответил мужчина и продолжил читать газету. Решив, что на этом обмен любезностями окончен, я достал телефон и начал бегло просматривать почтовый ящик: письма по работе, приглашение на ужин, резюме кандидатов на работу... Интересно, какова доля реально нужных мне сообщений в моём ящике? Процентом двадцать? Остальное сплошной мусор...

– Вы каждый день здесь обедаете? – спросил мужчина, сложив газету и положив её на стол сбоку от себя. – Я был здесь в субботу и помню Вас. Вы сидели рядом с окном в другом конце зала.

– Да, я тоже Вас помню. Иногда захожу сюда пообедать во время работы. А Вы всегда читаете газеты? Это такая ред-

кость в наше время, я обычно в интернете новости читаю. Если вообще читаю их, что делаю не очень часто.

– Мне нравится запах типографской краски от газет и их шероховатая текстура – это напоминает мне детство. Раньше только их и читали, интернета ведь не было ни у кого. Но читаю я их не ради новостей, а ради того, чтобы посмотреть, насколько умело люди искажают факты, чтобы создать у читающего нужную точку зрения.

– Интересно. Вы не верите тому, что там написано?

– Конечно, нет – всё ложь. Больше всего мне нравится читать о том, о чём я знаю объективные факты, и сравнивать с тем, что написано.

– И о чём Вы знаете объективные факты?

– Да много о чём. Наиболее увлекательно было читать про конфликт на Украине, когда у меня там знакомые работали по контракту. Настолько сильного искажения того, что там творилось, я не ожидал – безумно наглая ложь.

– Я полностью поддерживаю то, что людям необходимо знать правду. Но, в отличие от Вас, я просто стараюсь абстрагироваться от всего этого информационного шума, который нас окружает. Зачем читать то, что заведомо является ложью?

– Мне доставляет удовольствие смотреть сквозь текст на реальное положение дел. Несмотря на то, что обычно используются совершенно тупые и стандартные приёмы искажения информации, иногда попадаются занимательные

увёртки. Хотя, конечно, толку от этого всего действительно мало! – мужчина улыбнулся и отпил чай из своей чашки.

– А если бы Вам нужно было узнать от человека правду, которую он тщательно скрывает, то как бы Вы поступили? Одно дело смотреть сквозь ложь, зная правду, но совсем другое смотреть на то, что может быть ложью, не зная истинного положения дел.

– Смотря, что за человек и что за ситуация. А что, у Вас есть в этом необходимость?

– Да, вроде того. Кстати, меня зовут Андрей! – я протянул ему руку через стол.

– Ах, да, простите! Я Михаил, – он пожал мне руку. – Приятно познакомиться! Самый радикальный способ, свидетелем которого я был, произошёл в Чечне. Меня туда отправили в восемнадцать лет, когда после школы забрали в армию. Это был двухтысячный год, и там, признаюсь, творились жуткие вещи, особенно жуткие для юноши, который впервые взял в руки автомат... Хотя говорили, что первая Чеченская война была несопоставимо страшнее. Когда я служил, по поводу деликатного выяснения обстоятельств происходящего никто не переживал, и использовали откровенно неприкрытые пытки. Помню, что при мне одному из чеченских заложников прострелили оба колена, пытаюсь узнать, в каком направлении отступили его соратники. Как же он орал... Вспоминать страшно! Поначалу сложно было смотреть на всё происходящее – не только мне, но и многим дру-

гим новобранцам – но ко всему привыкаешь, и уже через полгода нам подобные вещи казались совершенно обыденными.

– Я в армии не служил и уверен, что не стану пытаться того человека, от которого мне нужно узнать правду, – ответил я. – Тем более простреливать ему колени!

– И хорошо, что не служили – делать в армии нечего. По крайней мере, большинству людей точно. Нужно определённый склад ума иметь, чтобы получать удовольствие от такой работы. Однако раз вопрос зашёл о том, как бы узнать от человека правду... и пытаться Вы никого не собираетесь, – Михаил улыбнулся, – то могу посоветовать один действенный вариант – морфий. Помню, что когда меня подстрелили в ногу, то на поле боя вкололи его, чтобы облегчить боль по пути в госпиталь. Такой эйфории и расслабления, как после укола, я никогда не чувствовал, и могу с уверенностью сказать, что в этом состоянии мог бы рассказать всё, что знаю. По крайней мере, человеку, которому бы доверял. И что я только не нёс нашему полковому врачу по пути на операцию...

– Любопытно, но где я морфий достану?

– Сначала лучше понять, доверяет ли Вам человек. Если он Вас не знает или, что ещё хуже, знает и считает Вас своим врагом, то вряд ли морфий поможет. Люди ведь неспроста правду скрывают, сами понимаете.

– Он мой друг. По крайней мере, я так считал до недавнего времени. Так что вроде в этом плане проблем быть не долж-

но. И, тем не менее, нужен другой вариант, так как морфия у меня нет. Лет пятнадцать назад экстази мог бы достать, но и с этим сейчас, полагаю, возникли бы проблемы. Времена изменились и, к счастью, в лучшую сторону.

– Я могу попробовать Вам помочь.

– Вы? Мы же знакомы пять минут. Почему?

– Наш разговор начался с того, что мне неприятна ложь, и я хотел бы её избегать. Вы сказали, что хотите узнать правду, так почему бы мне не помочь Вам? Мне и самому интересно узнать, поможет ли Вам то решение, которое я предложил. Ну так что, Вам нужна моя помощь?

– Спасибо, но я даже не знаю... Пожалуй, что нужна. Если это необременительно для Вас.

– Буду рад помочь, хотя не могу обещать, что у меня получится: я спрошу у своих знакомых. Давайте встретимся в среду в час дня здесь же?

– Хорошо, договорились. А что Вы хотите взамен?

– Ничего не нужно, – Михаил махнул рукой в знак того, что его одолжение является сущим пустяком, и взглянул на часы. – Простите, но мне уже пора! Да и еду Вам уже несут. До встречи в среду! – собеседник встал, пожал мне руку и поспешно ушёл. Смотря ему вслед, я задумался над тем, что это был самый удивительный разговор, который когда-либо происходил в моей жизни. За пять минут общения с незнакомым мужчиной я договорился встретиться с ним, чтобы он передал мне морфий, который я должен буду незаметно

дать своему другу. Может, это розыгрыш, и сейчас мне скажут, что меня снимала скрытая камера? Или он наркоторговец и просто хочет загнать мне дозу? Тогда почему денег не требует? Нет, не выглядит он как наркоторговец – слишком прилично одет. Тогда может сотрудник ФСБ? В таком случае меня арестуют, как только я возьму у него в среду наркотик. Как правильно поступить? Встретиться, но отказаться брать у него то, что он принесёт? Да, пожалуй, что это было бы наиболее верным решением. И зачем я вообще согласился...

РЫБАЛКА С ДРУГОМ

Прошло ровно два дня со встречи с Михаилом. Часы показывали двенадцать пятьдесят две, и когда я вошёл в ресторан, обнаружил, что почти все столы были заняты. Тем не менее, я сразу заметил, что столик в углу, за которым мы в прошлый раз сидели, был свободен, и я проследовал к нему. По дороге сюда меня одолевало лёгкое волнение от предстоящей встречи: в голове проносились мысли о том, что Михаил садится ко мне за стол и передаёт мне морфий, после чего через пять минут в ресторан с автоматами забегает спецназ и увозит меня в отделение, где у меня в кармане обнаружат наркотики. Как же мне деликатно ему сказать, что я не могу взять его подарок?

Я подошёл к пустому столу и обнаружил на нём свёрнутую газету – Михаил был здесь. Может, в туалет отошёл? Или не дождался меня и вынужден был уйти? А может, это вообще не его газета? Мало ли, предыдущий посетитель оставил. Ладно, ещё рано и восемь минут до встречи – подожду. Всё равно пообедать нужно. По уже устоявшейся традиции официантка принесла мне обед с кофе. Аппетита не было, но я заставил себя жевать заказанную еду, так как дома окажусь ещё не скоро и нужно чем-то наполнить живот.

По прошествии двадцати минут, за которые я успел съесть обед и выпить кофе, Михаил так и не пришёл. Пора было

возвращаться на работу, так как меня ждал Паша, и перед тем как позвать официантку, я протянул руку к лежащей на столе газете, из которой, как только я взял её в руку, звякнув, выкатилась небольшая запаянная стеклянная ампула, которую я тут же прикрыл газетой. Неужели морфий? Может, Михаил не в себе, раз оставил её прямо посреди ресторана, просто завернув в газету? Или он где-то здесь и наблюдает за мной?

Прикрывая газетным свёртком ампулу, лежащую на столе, я медленно начал осматривать окружающий меня зал, за столами которого сидели и непринуждённо разговаривали люди: пара девушек, коллеги из соседнего отдела, семья с маленькими детьми, парень с подругой... – Михаила нет. Я приподнял свёрток и действительно обнаружил надпись на ампуле, подтверждающую её содержимое, – водный раствор гидрохлорида морфина.

Что же мне делать? Взять или оставить на столе и просто уйти? Но если я её оставляю и её найдёт официантка, когда будет убирать стол, то подозрения падут на меня, так как я сидел за столом последний. Меня здесь знают и точно найдут, если я поступлю так. Всё-таки придётся взять. Я ещё раз оглянулся по сторонам и после того, как убедился, что на меня никто не смотрит, оттопырил пальцем карман пиджака, предназначенный для платка, наклонился к столу и осторожно смахнул к себе ампулу газетой. Как только я почувствовал через сорочку то, как ампула упирается мне в грудь,

сердце начало биться сильнее, и то едва уловимое волнение, с которым я зашёл в ресторан, уже сложно было назвать лёгким. Если сейчас войдут сотрудники ОМОНа, то смогу ли я доказать свою невиновность? Я же не трогал ампулу.

– Вам принести счёт? – от вопроса незаметно подошедшей официантки я слегка вздрогнул.

– Да, пожалуйста. Заплачу, как обычно, картой.

– Хорошо! Пару минут! – ответила официантка и пошла за терминалом.

Пока её не было, я раскрыл газету, на первой странице которой над заголовком об очередном кровопролитии ручкой было написано лишь одно слово: «Удачи!». Всё это похоже на фильм про Джеймса Бонда. Посмотрев в сторону, я увидел, что официантка стояла в очереди к кассе, чтобы рассчитать меня, и я невольно взглянул на заголовок статьи, в ожидании девушки:

«Наркоман напал на сотрудников амбулатории.

В понедельник вечером было произведено нападение на сотрудников скорой помощи, приехавшей по вызову в Александрийский парк в Петергофе. В 22:37 поступил звонок с сообщением о том, что в парке была найдена женщина без сознания. Врачи незамедлительно приехали на вызов и обнаружили женщину в указанном месте. Однако во время оказания помощи пострадавшей они стали жертвой нападения неизвестного человека. О случившемся сообщил водитель амбулатории, после того как не смог связаться с сотрудни-

ми скорой помощи, ушедшими на помощь женщине вглубь парка. На сегодняшний день женщина и двое сотрудников скорой помощи находятся без сознания в реанимации в тяжёлом состоянии с черепно-мозговыми травмами, полученными от серии ударов тупым предметом по голове. Установлено, что единственным пропавшим препаратом из медикаментов является морфий. Сотрудниками полиции возбуждено уголовное дело, и нападавший находится в розыске. Телефон, с которого была вызвана помощь, принадлежал пострадавшей женщине».

Я не мог поверить своим глазам. То, что Михаил оставил именно эту газету и то, что он пожелал мне удачи, написав это над заголовком именно этой статьи, однозначно давало мне понять то, что это было его рук дело, и ампула, лежащая в моём кармане, ранее лежала в аптечке скорой помощи. Не хотелось бы мне с ним ещё раз встречаться – он точно не в себе. Кто знает, что ему ещё в голову взбредёт?

Расплатившись за обед, я поспешно вышел из ресторана и оглянулся по сторонам. Не обнаружив ни Михаила, ни сотрудников полиции, я пошёл в другую сторону от работы. Не хватало мне ещё того, чтобы Михаил знал, где я работаю, если тайком следит за мной. Пройдя пару кварталов и убедившись, что за мной никто не идёт, я решил вернуться в офис окольным путём, чтобы забрать свои вещи. Знал ли Михаил, где я работаю? Может, он видел здание, из которого я выходил перед встречей с ним? Или видел, как я выходил отту-

да раньше? Была ли встреча с ним случайным совпадением, или он целенаправленно ждал предложения, чтобы заговорить со мной? Если так, то зачем? Не думаю, что меня принципиальным образом отличает что-то от остальных посетителей ресторана. Думаю, что прятаться от него большого смысла не имеет. Если он захочет найти меня, то всегда может выследить меня у работы. Но почему он не пришёл сегодня? Когда я его в следующий раз увижу? Завтра?

Сидя в офисе перед своим компьютером на следующий день, я пытался думать о том, как мы вчера с Лерой побывали в театре, о приглушённом свете зала, украшенного узорной лепниной и огромными позолоченными люстрами, о людях, одетых в строгие костюмы и вечерние платья, о сценарии спектакля, доносящим идею о том, что высшее благо человека – это любить и быть любимым. Думать об этом всё удавалось плохо, так как любое моё отвлечение, любая поблажка для моего сознания приводила к мыслям о том, каким образом ко мне попала ампула, которую я крутил в руках. Михаил казался мне ненормальным психопатом, с которым я определённо не хотел больше встречаться. Но, с другой стороны, я жаждал поговорить с ним, чтобы понять, чего он от меня ждёт. Это было похоже на ожидание результатов анализа крови, взятого для проверки диагноза врача. Страшно узнать результат, но ожидание результата ещё страшнее. И какого чёрта я вообще к нему подсел? С виду казался же ведь приличным человеком, а оказался ненормальным.

Надо быстрее избавиться от ампулы. Может, просто выбросить её? Нет, нельзя. Каким бы странным человеком ни был Михаил, он достал эту ампулу, чтобы помочь мне, и я не ответственен за тот путь, каким он эту ампулу для меня раздобыл. Уговор был вполне однозначный – он приносит ампулу, а я использую её по оговорённому предназначению. Раз так договорились, значит, так и сделаю. Но как же мне дать морфий Лёше, чтобы он не заподозрил, что я его ему даю? Нужно ещё и обстоятельства подгадать так, чтобы была возможность с ним откровенно поговорить.

Пролистав пару специализированных сайтов в интернете, мне удалось узнать, что при пероральном употреблении морфий усваивается гораздо хуже, чем при внутривенном или подкожном введении. Это, пожалуй, было хорошо, так как исключало для Лёши возможность передозировки и увеличивало продолжительность действия. Колоть его шприцом я точно не собирался, а с учётом того, что морфий имел вполне отчётливый вкус, то выбор всех возможных вариантов сокращался до одного – добавить раствор из ампулы в стопку водки. Осталось лишь пригласить Лёшу где-нибудь посидеть – отдохнуть. Причём, желательно вдвоём, чтобы нам никто не мешал: мне не мешал подлить ему морфий, а ему откровенно мне всё рассказать. Идея пришла быстро, и я набрал номер Лёши: – Алло, привет! Удобно говорить?

– Привет, Андрей! Да, вполне.

– Слушай, как ты смотришь на то, чтобы съездить на ры-

балку на Ладожское озеро? Я помню, ты предлагал около года назад, но так и не удалось выбраться. Хочется немного развеяться после всего произошедшего и спокойно посидеть.

– Заманчивая идея! А когда и куда именно? Ты уже оправился от того, что было в воскресенье?

– Да, всё хорошо. Просто перенервничал. Давай я сейчас обзвоню проверенные коттеджи и узнаю всё. Думаю, что сезон уже закончился, и места будут на ближайшие дни. Ты, в целом, когда можешь? На этой неделе получится?

– В пятницу вечером у дочки концерт в садике, поэтому либо до него могу, либо после.

– Ну и супер! Сейчас всё узнаю и перезвоню минут через пятнадцать.

– Хорошо. А поедем вдвоём? – поинтересовался Лёша.

– Да я и не знаю даже. Ты ещё кого-либо хочешь позвать?

– Можно с жёнами. Ну, я имею в виду, что я с Алисой, а ты с Лерой. Как ты на это смотришь? Если положительно, то мне нужно будет с няней согласовать, чтобы с ребёнком посидела.

Предложение Лёши мне по вполне очевидным причинам не нравилось: лучше бы вдвоём поехали, но если начну отнекиваться, то будет подозрительно. Впрочем, если поехать прямо сегодня, то вряд ли у него няня сможет так быстро подорваться: – Хорошо, давай я узнаю по поводу мест и дат и позвоню.

– Договорились.

Повесив трубку, я сразу начал обзванивать коттеджи рядом с водоёмами, в которых потенциально можно было бы половить рыбу и в которые мы уже ездили отдыхать. Мест свободных на выходные не было нигде, а вот со среды до пятницы был один свободный вариант, так как кто-то в последний момент не смог приехать. Это хорошо: есть шанс, что няня не сможет посидеть с дочкой Лёши, и мы поедем вдвоём, и есть возможность побыстрее избавиться от злополучной ампулы. Забронировав коттедж, я вновь позвонил Лёше: – Ну всё, я забронировал. Получилось не на самом Ладожском озере, но рядом с маленьким озерцом на границе Карелии, в нём тоже рыбу ловят. Нас ждут сегодня с четырёх часов дня, и я снял на двое суток, так что ближе к обеду в пятницу приедем.

– Отлично! Сейчас позвоню няне! – ответил Лёша и положил трубку.

Лишь бы няня не смогла. Лишь бы не смогла. Хотя, если он поедет без Алисы, то мне придётся оставить Леру одну дома на два дня, что тоже не очень хорошо, ведь она не так давно приехала. При любом раскладе есть положительные и отрицательные моменты.

Через две минуты позвонил Лёша: – Слушай, с няней не получается, и мне кажется, что Алиса не очень довольна тем, что мы до пятницы уедем. Давай, может, на одни сутки съездим? Сегодня вечером и завтра утром порыбачим, а затем

вернёмся?

– Отлично! Давай! – обрадовался я, поняв, что получилось как нельзя лучше. Мы будем вдвоём, и Лера переживёт моё отсутствие в течение одного дня. – Давай я за тобой заеду. Через сколько ты будешь готов? – спросил я Лёшу.

– Давай через часа полтора. Ехать долго, так что в лучшем случае в начале пятого там будем, а может, и позже, если в сторону Выборга плотное движение будет. Кстати, мы через него едем или в сторону Приозерска?

– Через Выборг. Хорошо, заеду скоро. Ты, главное, удочки возьми, а то у меня нет!

– Я знаю! – рассмеялся Лёша. – Конечно, возьму.

Ну вот и разобрались. Процесс пошёл, и сегодня вечером я, возможно, узнаю правду о том, что творилось на заводе. Главное, не упустить момент и ничего не испортить.

Отъехав домой из офиса, чтобы переодеться и взять тёплую одежду, я позвонил Лере и предупредил, что мы с Лёшей до завтра уедем на рыбалку, на которую мы так давно собирались съездить. Она была слегка ошарашена такой неожиданной новостью, но не имела ничего против и даже подготовила к моему приезду домой бутерброды нам на перекус в дороге. Люблю я такие незапланированные события: серия безотлагательных дел, которые необходимо сделать прямо здесь и сейчас, всегда меня взбадривала и доставляла искреннее удовольствие. Возможно, потому, что позволяла отвлечься от наскучившей рутины, а может, позволяла отвлечься от

всяких нежелательных мыслей и переживаний.

Через три часа после того, как я заехал за Лёшей, мы уже подъезжали к коттеджу, где нас с улыбкой встретила девушка-администратор. Кругом были сосны, а коттедж представлял собой новый двухэтажный деревянный дом, напоминающей общей формой куб с двускатной крышей. Внутри уже горел свет и был растоплен камин. Терраса дома выходила прямо на небольшое вытянутое озерцо, напоминающее своими очертаниями сардельку, противоположный берег которого был всего лишь в ста метрах от нас. Я уже был здесь пару лет назад, и мне бы очень понравилось это уютное тёплое место, если бы со мной тогда не было моей бывшей жены, с которой, как я помню, мы тогда из-за чего-то поссорились. Зайдя внутрь, я почувствовал успокаивающий древесный аромат, который отдалённо напоминал запах бани, но был ещё более приятным и насыщенным. Нужно наслаждаться этим моментом, пока нос способен ощутить этот запах. Думаю, что уже через пару часов нахождения здесь, мозг начнёт фильтровать сигналы от обонятельных рецепторов, исключая этот запах за его ненужностью, а жаль. Кажется, что когда я был студентом, на психологии нам рассказывали про гедонистическую адаптацию, говоря о том, что это чисто психологическое явление. Не могу с этим согласиться, так как исключение приятного, но совершенно бессмысленного запаха из сознания было, скорее, физиологическим процессом. Уж лучше бы мой мозг отфильтровал воспоминания о

том, что происходило на Хибинах, чем этот запах – это было бы для меня куда более полезно. Хотя, может, частично это уже и произошло, так как с тех пор, как я упал на поминках Саши в обморок, мне существенно полегчало. Видимо, в тот момент мозг достиг пика переживаний и понял, что пора бы приходиться в нормальное состояние.

Пройдя из прихожей в огромный, высотой в два этажа, холл на первом этаже, я мгновенно вернулся мыслями в ту командировку в Нижнем Новгороде, с которой начались мои злоключения. Тогда, когда мне снился сон, в котором я сидел перед камином (удивительно, что я его запомнил), как теперь мне стало понятно, мне снилось именно это место. Здесь действительно хорошо, и если бы я приехал сюда отдыхать, а не выпытывать у Лёши нужную мне информацию, то я получил бы от этой поездки большое удовольствие. Думаю, что когда я со всем разберусь, то приеду сюда с Лерой на пару-тройку дней.

– Вы будете заказывать завтрак на утро? – администратор уже стояла у выхода. – У нас недалеко фермерское хозяйство, с которым мы сотрудничаем, и все продукты свежие. В завтрак входят сырники со сметаной, яйца, сыр и хлеб. Всё собственного производства.

– Да, думаю, что закажем. Лёша, ты будешь?

– Да, я тоже буду.

– Давайте два завтрака часам к десяти утра. Так можно?

– Конечно. Баню уже начали растапливать, и Вы можете

к девяти вечера подходить – всё будет готово! – сказала девушка и вышла, закрыв за собой дверь. Мы остались с Лёшей вдвоём посреди холла, в котором потрескивали горящие в камине дрова. За окном тихо шумели деревья, сквозь которые разрозненными редкими лучами проникал свет от уже подходящего к горизонту солнца. Когда же мне подлить Лёше морфий? Уместно ли будет начать пить уже сейчас, в полшестого вечера, или дождаться бани? «Максимум физиологического действия достигается через десять минут. Период полувыведения равен двум часам» – вспомнилось то, что я успел прочитать в интернете про морфий. Надо действовать сейчас, чтобы он не уснул и успел рассказать мне то, что знает. На улице при прохладном осеннем ветре и, стоя на террасе, шансов уснуть у него будет значительно меньше, чем в бане. – Ну что, может, перед рыбалкой накатим понемногу, чтобы не замёрзнуть? На улице прохладно! – спросил я Лёшу.

– Да, давай по чуть-чуть, я пока из машины принесу остатки бутербродов, которые ты с собой взял, чтобы закусить, и удочки, – Лёша незамедлительно направился к выходу.

Чёрт побери, в кого он такой быстрый?! У меня секунд тридцать. Я ринулся доставать с кухонной полки стопки, которые, как я помнил с прошлого моего пребывания здесь, находились справа от вытяжки над плитой. Достав их, я раскрыл одним движением руки пробку на водке и разлил её по стопкам, затем достал из кармана ампулу и, обхватив её

рукой так, чтобы из кулака торчал лишь тонкий вытянутый носик, с размаху ударил её по краю стола: мелкие осколки рассыпались на пол, и ампула была открыта. В этот момент я услышал, как Лёша захлопнул дверь машины и включил сигнализацию, что вынудило меня поспешно перевернуть ампулу над одной из стопок, чтобы залить в неё раствор морфия. Тряся над стопкой ампулу, я ужасом обнаружил, что жидкость лишь по капле медленно вытекает через образовавшееся узкое горлышко. Что за чёрт! Чёрт! Блин, быстрее! Я судорожно затряс ампулой над стопкой, разбрызгивая содержимое в том числе и вокруг стопки на стол. Лёша вошёл в комнату и посмотрел на меня. Дело было сделано: содержимое ампулы было в водке, ампула в кармане, и я подал нужную стопку с водкой Лёше, как только он подошёл к столу: – Думаю, что первую за Сашу! – не подавая беспокойства и пытаюсь унять дрожь в руках, сказал я.

– Да, за Сашу! – ответил Лёша и, поднеся стопку ко рту, остановился, отрешённо смотря вдаль и явно погружившись глубоко в свои мысли.

Я стоял, уставившись на него, и не понимал, в чём дело. Какого чёрта он не пьёт? Неужели он сейчас скажет, что решил полностью завязать с выпивкой и выльет содержимое в раковину? По виску из волос потекла капля пота, и я начал размышлять над тем, как заставить его выпить стопку водки. Удастся ли с ним поговорить по душам за рыбалкой, если я его сейчас схвачу за шкуру и насильно волью ему содержи-

мое стопки в рот?

– Безумно жаль, что так всё получилось! Я ску чаю по нему! – сказал Лёша и залпом выпил, позволив мне расслабиться. Убедившись в том, что он всё проглотил, я тоже выпил водку и закусил бутербродом, чувствуя абсолютное удовлетворение произошедшим. Самое главное сделано, теперь дело за малым – нужно разговорить его.

– А что это? – Лёша показал на пол, на котором в окружении осколков от ампулы красовался десяток капель крови. – Ты поранился?

Глянув на свою руку, я убедился в том, что кровь моя. По кисти правой руки стекала пара струек крови из того места, в который воткнулся осколок тонкого стекла ампулы, который я даже не заметил в этой суете. – Да одна стопка из руки выскочила, пока наливал. Поранился, видимо, когда основные осколки убирал. Сейчас всё пройдёт! – ответил я в надежде на то, что Лёша не обратит внимание на то, что в стопках стекло толще раз в пять по сравнению с тем, что рассыпано на полу. Взяв с кухни тряпку, я собрал осколки и вытер с пола кровь, после чего выкинул всё в мусорное ведро и, смыв кровь с руки, предложил Лёше пройти на террасу, чтобы он рассказал мне основы рыболовного мастерства, в котором я ничего не понимал. Интересно, знает ли он, что я ни разу в жизни не был на рыбалке?

– Боже, Андрей, как же здесь хорошо! – восторженно сказал Лёша через пять минут, стоя рядом со мной на краю тер-

расы, за которую были перекинута две удочки. – Как же я рад, что мы наконец выбрались на рыбалку! Честно тебе скажу, я думал, что ты никогда не согласишься.

– Я тоже рад! Просто до этого совсем времени не было, – сказал я, закуривая сигарету.

– Можно мне тоже? – Лёша, которого я ни разу не видел курящим, протянул руку за сигаретой.

– Конечно, держи! А ты с Сашей разве не ездил на рыбалку? Я думал, что когда ты предлагал нам съездить год назад, то после того, как я отказался, вы с ним всё-таки съездили порыбачить.

– Мы с Сашей? Что ты, нет. Мы же с ним очень близко никогда не общались, да и виделся я с ним, кажется, только тогда, когда ты был с нами. Без тебя мы не встречались. Это наши с ним жёны часто общаются, обсуждая детей и прочие женские дела. Эх, безумно жаль Сашу! Я жалею о том, что мы с ним мало виделись. Думаю, что он был хорошим человеком. Не так ли?

– Да, Саша был очень надёжным и верным другом. Никогда бы не подставил. Думаю, что если бы он знал, что на заводе нам грозит опасность, то никогда бы нас с собой не позвал. Ты согласен? Он ничего тебе не говорил о том, что там может что-то произойти?

– Ничего. Да и вообще, это же ты мне позвонил, кажется, и предложил поехать с Вами. Я знал о том, что он имеет какие-то дела на Хибинах лишь постольку, поскольку я звонил

ему по поводу денег и только.

– Но если вы не общались близко, то почему ты позвонил ему, а не кому-либо другому?

– Коллегам по работе я звонить не хотел, так как не хотел им дать понять, что у меня есть финансовые проблемы. Имидж, как знаешь, трудно заработать и легко потерять. Думал сначала у тебя спросить, но я ведь знал, что в связи с разводом и всеми вытекающими из него последствиями у тебя у самого денег немного. Вот и решил Саше позвонить, так как больше некому было.

– Так он в итоге дал тебе денег или нет?

– Он согласился помочь, если будет острая нужда, но сказал, что у него у самого сейчас некоторые трудности. В итоге я у него ничего не просил, так как особых проблем с деньгами так и не возникло, а его напрягать я не хотел. В банке предварительно одобрили кредит на три миллиона, как порядочному клиенту – так заявка у меня и висит в онлайн-кабинете. Ещё не брал, и, может, и не потребуется.

Я смотрел на плавные колебания поплавок на лёгких волнах, создаваемых на воде слабым ветерком, дующим с противоположного берега, и никак не мог связать то, что говорил Лёша, с той картиной, что была у меня в голове. Моя исходная предпосылка о том, что Лёшу с Сашей связывал я, кажется, была верна, и они общались друг с другом нечасто. Если Лёша денег у Саши брать не собирался, то вряд ли бы он стал помогать ему убить человека. Как же так всё получа-

ется? Может, он мне врёт? Не очень на то похоже. Но хоть что-то то он должен знать о том, что произошло на заводе! – Ты после приезда не задумывался над тем, что произошло в горах? Меня постоянно мучают мысли об этом! – спросил я его.

– Знаешь, каждый день думаю. Больше всего я сожалею о том, что позволил тебе и Саше отвлекать сообщников Сергея. Как я мог? Ты – мой лучший друг, а я так сильно боялся, что даже не подумал о том, какой опасности ты себя подвергаешь! – Лёша шмыгнул носом, и по щеке у него потекла слеза. – Я такой трус, Андрей! Я должен был пойти с вами или настоять на том, чтобы ты с Сашей побежал с завода вместе с остальными. Но точно не должен был молча отпускать вас отвлекать тех двух людей! Прости меня!

Я подошёл к Лёше и приобнял его. Он отвернул голову, чтобы я не видел, как он плачет. – Я не злюсь на тебя, Лёша! Всем было страшно тогда, и все повели себя так, как следовало в той ситуации. Я решил отвлекать нападавших. Саша решил помочь мне, а ты помогал Петру с Лерой. Им же ведь тоже нужна была помощь, и ты им помог.

– Спасибо, Андрей! Может, выглядит всё и так, но я-то знаю, что просто струсил. Обещаю, что это больше не повторится. Вот, хочешь, пойдём сейчас в лес, и если попадётся волк или медведь, то я их отвлеку, чтобы ты убежал? Хочешь? Пойдём?

Кажется, морфий уже начал давать максимальный эф-

фект, раз в его речи начался такой абсурд – это хорошо. Что бы мне ещё узнать?

– Нет, Лёша, в лес мы не пойдём. Мы же на рыбалке, а не на охоте. А вам не попадались дикие звери в горах, когда вы с Петром и Лерой возвращались в Кировск?

– Нет. Вообще всё тихо было. Шли мы и шли. Лера вела нас, а мы с Петром следовали за ней. Устали очень, и после захода солнца тяжело было в темноте идти, но дошли достаточно быстро. Даже ночевать не пришлось. А ведь ты знаешь, если бы мы остались ночевать, то нас могли бы загрызть злые-презлые волки... – Лёша согнул пальцы рук, изображая когти, и рассмеялся. – Вообще, наверно, было бы здорово быть вампиром! Устал идти – оп, в летучую мышь превратился и полетел, ещё и в темноте видишь хорошо. Классно! Ты бы хотел быть вампиром?

– Очень хотел бы! Можно было бы съесть Сергея! – кажется, содержательная часть нашего разговора подошла к концу.

– Ага! И не страшно было бы, если бы сообщники Сергея пришли за нами прямо сюда! – Лёша смотрел на меня выпученными глазами, как будто предвкушая то, как он – вампир, сейчас разделается с напавшими на нас людьми. – Где вы, твари? – закричал он в полный голос. – Я вас сейчас найду и у-ку-шу!

Кажется, пора заводить его в дом, пока на нас не стали жаловаться отдыхающие из соседних домиков. Вон, уже и мужчина какой-то смотрит на нас с пирса на противоположном

берегу. – Ну всё, Лёша, пойдём в дом! Холодно на улице, и пора что-нибудь в баню собрать поесть и выпить! – сказал я, взяв Лёшу за плечи и разворачивая к выходу с террасы.

– Ой, как меня штырит, Андрей! Что это за водка? Надо запомнить. Как же она хороша! Как попка моей жены! – в восторге изумлялся Лёша, пока я заводил его в дом.

Надеюсь, что жалоб от соседей не будет. Я оглянулся назад, чтобы посмотреть на мужчину, находившегося на другом берегу. Он стоял и смотрел на нас, засунув руки в карманы чёрной кожаной куртки. Думаю, что сейчас он радуется тому, что мы уходим в дом. Может, он и не на нас смотрел – далеко ведь, не разглядеть с такого расстояния.

– Лёша, а если бы ты вампиром был, то смог бы Виталика убить? – спросил я, когда завёл его в дом. Думаю, что теперь я могу спрашивать всё что угодно, так как он в таком состоянии уже вряд ли что-то вспомнит.

– Андрей, если бы я был вампиром, то я бы приказал поварам в своих ресторанах приготовить его на гриле!

– То есть ты не убивал его?

– Я?! Я никого никогда не убивал. Но вот если бы вампиром был, то, может, и убил бы! – Лёша распластался на диване. – Высосал бы из кого-нибудь кровищу и улетел бы в Париж! Ты там бывал?

– Знаешь, много где был, но до туда ещё не добрался, хотя очень хочу! – ответил я и, повернувшись к Лёше, увидел, что он уснул.

Что ж, Михаил был прав, морфий – хорошая штука, чтобы поговорить с человеком по душам. Правда, времени на разговор оказалось не так много, как я планировал: посмотрев на часы, я убедился в том, что говорили мы с Лёшей не более двадцати минут. Впрочем, за это короткое время я узнал всё, что мне требовалось узнать: Лёша мало общался с Сашей, он никак не был связан с делами Саши на заводе и не убивал Виталика. Конечно, если предположить, что всё, что он говорил сейчас, было правдой. Пораскинув мозгами, я пришёл к выводу о том, что любые подозрения Лёши действительно были притянуты за уши, и моё начальное мнение о том, что он не причастен к произошедшему и не способен убить человека, было корректным. Выходит, что он просто случайно надел чужую куртку, в которой лежали ключи от шкафчика. Куртку человека, который пытался избавиться от улики. Или, быть может, тот, кто спрятал системный блок в шкафчик, хотел подставить Лёшу и специально подложил ключи в его куртку?

Усевшись на кресло, стоящее сбоку от дивана, на котором сопел Лёша, повернувшийся на бок и положивший ладони под щеку, я уставился на пламя и пытался понять, что делать дальше. Может, Саша всё устроил в одиночку? Если так, то ситуация исчерпала себя, так как он умер и виноватых больше нет. Но тогда как мог умереть Виталик? Снаружи вряд ли кто-то был – наши подозрения были не оправданы. А убить его Саша не мог, так как всё время находился

с кем-то, кто мог видеть его, включая меня и Лёшу. Может, Виталика никто не душил, и он просто умер от какого-нибудь внутреннего кровотечения, которое никто из нас не мог увидеть? Нет, при кровотечении подскочила бы температура под сорок и выглядел бы он перед смертью хуже, чем был на самом деле. От кровотечения резко не умирают и хуже становится постепенно, а Виталику, напротив, со временем становилось только лучше. Да и я же видел отчётливые следы от рук на шее! Определённо, он был задушен и никак иначе. Ладно, утро вечера мудренее, может, завтра удастся всё связать воедино...

Интересно, сколько проспит Лёша? Это он уже до утра уснул или проснётся к бане? Думаю, что до утра, и пора бы приготовить ужин, чтобы поесть перед тем, как пойти париться. Посижу немного там, может, и правда это полезно для здоровья, а Лёше оставлю записку на тот случай, если проснётся, что я вышел попариться. До бани было ещё более двух часов, поэтому я неспешно закинул угли в мангал на террасе и разжёл их с помощью жидкости для розжига, уйдя затем внутрь дома, чтобы почистить картошку и поставить её вариться. Убедившись через десять минут в том, что вся жидкость прогорела и запах парафина отсутствует, я положил на решётку два стейка лосося и стал наблюдать за тем, как они медленно начинают покрываться зажаристой корочкой. Рыбий жир капал на угли и мгновенно возгорался, оставляя после себя маленькие облачка чёрного дыма, со-

провожающиеся в каждом втором случае возгоранием углей, которые то и дело приходилось тушить, орошая водой из кружки. Рыбу на углях жарить то ещё удовольствие: чуть не досмотришь, и сгорит всё из-за скапывающего на раскалённые угли жира – это не мясо жарить, которое можно оставить и забыть на десять минут.

ПРОГУЛКИ НА ПРИРОДЕ

Хорошенько поужинав и положив на всякий случай на журнальный столик рядом с диваном записку о том, что я ушёл париться, я взял полотенце со шлёпками и вышел из коттеджа. Пройдя в баню и оставив Лёшу сладко спать в доме, я уселся рядом с печью и пытался отвлечься от мыслей о том, насколько мне неприятно находиться в этой душной тёмной маленькой комнатёнке, обтекаемая потом, выходящим из каждой поры моего тела. В голову снова полезли мысли о произошедшем. Кажется, что они не покинут меня до тех пор, пока я во всё не разберусь. Может, Виталик сам всё устроил, и его никто не просил портить генератор, а задушил его кто-то, кто разозлился, увидев его на видео? Нет же, нет. Он был задушен до того, как мы посмотрели видео, компрометирующее его действия. Кто же это сделал? Пётр? Лера? Лера была на виду у остальных в раздевалке, а Пётр был с Сергеем. Они с Петром пришли значительно позже остальных. Может, Сергей всё-таки виновен в смерти Виталика и был в сговоре с Петром? Тогда виноват ли Саша? Пока что все мои домыслы разбивались о скалы объективных фактов, а это значит, что виноват мог быть кто угодно, включая уже умерших Сашу и Сергея.

Высидев в бане с умеренным успехом около часа, постоянно выходя в прохладный холл, чтобы попить воды, я со-

брал вещи и вышел на улицу, на которой, к моему удивлению, уже стояли сумерки и вдоль дорожек внутри базы отдыха горели небольшие жёлтые фонарики. Вокруг было тихо, и лишь в дальнем коттедже на террасе что-то весело общуждала компания людей, вокруг которых бегали дети. Идя к террасе нашего коттеджа, я не мог поверить в то, насколько сильно изменилось это место с прошлого раза. Два года назад, когда я был здесь с женой, я думал о том, что к сегодняшнему дню, оказавшись здесь, я буду нянчиться с ребёнком и напевать ему колыбельную. Несмотря на то, что проблемы в наших с ней взаимоотношениях уже были налицо, я пытался отстраниться от них, представляя себе идеальное будущее, в котором я был бы отцом счастливого семейства. Представлял, как мы будем мирно попивать на кухне дома чай и тихо болтать, поглядывая на спящего сына или дочь. Как было бы прекрасно, если бы родилась двойня. Конечно, тяжело бы пришлось с двумя, но это было бы замечательным периодом жизни. Среди всех, кого я знал, не было ни единого человека, кто сказал бы, что в первый год жизни ребёнка ему было легко, но также не было ни одного из них, кто жалел бы о том, что у него появились дети.

Присев на скамейку, с которой открывался вид на озеро, освещённое луной, минут десять назад вышедшей из-за облака, я услышал, как зазвонил телефон и взял трубку.

– Привет! Ну как ты там? – тихо спросила Лера.

– Привет! Всё хорошо. Лёша перебрал слегка с алкоголем

и спит, а я сижу на берегу озера и отдыхаю после бани. Чем занимаешься?

– Смотрю фильм и думаю о тебе.

– Я тоже о тебе думаю. Жду не дождусь, как завтра увижу тебя. Прости, что так неожиданно уехал.

– Да ничего страшного, отдыхать иногда полезно.

– Я обязательно съезжу сюда с тобой, когда со срочными делами на работе разберусь.

– Хорошо. Тебя завтра к обеду ждать или позже?

– Думаю, что позже, так как наверняка Лёша захочет здесь немного задержаться, раз сегодня почти всё проспал. Я позвоню.

– Хорошо, Андрюш. Спокойной ночи!

– Сладких снов, зайка!

После того как я положил телефон, моё внимание привлёк мужчина, сидящий на причале на противоположном берегу. Судя по куртке, это был тот же мужчина, что и днём, когда мы с Лёшей рыбачили. Его лицо освещалось экраном телефона, в котором он что-то тщательно искал или же просто с кем-то переписывался, что натолкнуло меня на мысли о том, как окончательно проверить невиновность Лёши. Тихо войдя в дом, я подложил в почти догоревшее пламя камина ещё дров и направился к дивану, на котором мирно спал Лёша. Насколько крепко он спит? Уже прошло часа четыре с тех пор, как он вырубился. Потрепав его по плечу и не получив на это никакой реакции, я медленно засунул руку в карман

его джинсов и аккуратно достал оттуда его телефон. Как же хорошо, что у него старый айфон, блокировка которого снимается от отпечатка пальца! В противном случае пришлось бы, наверно, подносить телефон к его лицу и как-то приоткрывать его глаза, что было бы весьма сомнительной затеей. После того как я нажал на кнопку большим пальцем правой руки Лёши, телефон был в моём распоряжении: два пропущенных от Алисы и сообщение от неё же о том, что она волнуется. Действительно, нехорошо получилось. Как только всё посмотрю, то напишу ей со своего телефона, что Лёша спит. В каких же числах мы были на Хибинах? Восемнадцатое сентября? Или раньше? Лучше посмотреть с запасом числа от пятнадцатого. Пролистав все возможные папки, я обнаружил, что в сообщениях у Лёши сплошная работа, на почте – тоже, в звонках ни одного знакомого имени или номера, кроме меня и Алисы, и, судя по тому, что номера принадлежали тем, для кого было указано помимо имени ещё и отчество, то, вероятно, коллеги. На почте также не оказалось ни одного письма, которое заставило бы меня задуматься о его причастности к произошедшим на заводе событиям. Стандартный набор бизнесмена: работа, работа и ещё раз работа, припудренные женой и другом. Как и у меня, только без жены.

Я вышел на улицу и закурил, после чего написал Алисе, что с Лёшей всё в порядке и он спит. Спит, как и все остальные на этой базе отдыха: на улице было тихо и, несмотря на

то, что в паре других коттеджей ещё горел приглушённый свет, никакого движения внутри видно не было и звуков не доносилось. Компания с детьми ушла внутрь, как, видимо, и тот мужчина, который сидел на причале с телефоном. Тишина и благодать.

Радоваться мне или грустить от того, что Лёша не был замешан в том, что произошло? Его невиновность полностью разрушила моё видение целостной картины произошедшего, и я опять был в смятении, но разве не прекрасно то, что мой друг оказался таким же приличным человеком, каким я его считал? Думаю, что второе важнее, и следует радоваться. Рано или поздно, я узнаю то, что произошло на заводе, а вот друга мог лишиться навсегда. Осознав, что пора спать, я зашёл в дом и, проходя мимо камина, чтобы подняться на второй этаж, на котором находилась спальня и ванная комната, обратил внимание на то, что заставило меня слегка содрогнуться. На то, чего в этой комнате, в которой я был десять минут назад, явно не должно было быть. На журнальном столике, на который я положил телефон Лёши, не сумев его запихнуть ему обратно в карман, так как он перевернулся на живот, появился предмет, которого раньше не было и быть здесь не могло. На столе рядом с телефоном лежала свёрнутая газета. Протянув руку к ней и медленно взяв её дрожащими пальцами, я развернул её: «Удачи!» – красовалась выведенная синей ручкой подпись над знакомым заголовком газеты про украденный морфий.

Что за чёрт? Я же её выкинул, когда выходил из ресторана! Михаил был здесь! Он где-то здесь и наблюдает за мной! Оглянувшись по сторонам, я не нашёл ни единого намёка на присутствие постороннего человека в помещении, но, подойдя к входной двери и дёрнув за ручку, я с ужасом обнаружил, что дверь была не заперта. Может, это я оставил её открытой? Надо было запереть: закрыть всё к чёртовой матери! Где же он? Он ещё здесь? Заперев дверь на замок, я бегом вернулся на кухню и взял нож, искренне надеясь на то, что он мне не пригодится, и пошёл проверять шкафы на втором этаже. Пол предательски скрипел под ногами, выдавая моё местоположение в доме. Чем больше я проверял укромных уголков коттеджа, в которых мог спрятаться Михаил, тем большая дрожь охватывала всё моё тело. Казалось, что с каждым новым проверенным местом я приближаюсь к тому моменту, чтобы найти его. В первой спальне, находившейся прямо напротив лестницы, было темно, так как окна выходили на густой неосвещённый лес. Открыв шкаф и убедившись, что он пуст, я лёг на пол, чтобы проверить пространство под двуспальной кроватью, расположенной посреди комнаты. Я поднёс руку к гладкому коричневому покрывалу и медленно приподнял его: под кроватью было пусто, и в комнате никого не было.

Может, он уже вышел из коттеджа и бродит где-то снаружи? Я же запер все двери, и, если он вышел, то не сможет войти... Скрип пола за моей спиной прервал мои размыш-

ления, и я резко подскочил, чтобы прильнуть к прикрытой в спальню двери, сжав в обеих руках нож так, что казалось, хрустнула его деревянная рукоять. В сумраке второго этажа, освещаемого лишь играющими на стенах отблесками камина в холле ниже, промелькнула тень, и скрип стал доноситься всё ближе, исходя уже от лестницы, ведущей прямо ко мне.

Дыхание стало неровным, и сердце колотилось так, что казалось, его биение можно было услышать из любой точки этого дома. С кончика носа упала на пол капля пота, удар которой раздался еле слышным звуком в повисшей в комнате тишине. Он здесь и идёт за мной! Что за чёрт?! Как он меня нашёл и зачем следит за мной? Если он служил в армии и участвовал в боевых действиях, то наверняка управится со мной за считанные секунды. Одно дело расправиться с безоружными людьми, которые толком не могут за себя постоять, и совсем другое – выстоять против психопата, специально пришедшего, чтобы убить тебя. Самым страшным было не размышление о том, сможет ли он меня найти или нет, а осознание того, что встреча с ним в ближайшие минуты или даже секунды неизбежна. Подумать только, когда я думал о своей смерти, то обычно представлял себя дряхлым стариком и, выходя из бани, даже подумать не мог, что осталось мне жить менее получаса.

Будет лишь одно мгновение! Если промедлю, то второго шанса не будет. Голова начала кружиться от того невообразимого страха, который одолел меня, а по штанам на-

чало распространяться тёплое обволакивающее ноги пятно мочи. Знает ли он, где я? Слышит ли он биение моего сердца? Скрип пола прекратился, через секунду превратившись в тонкий звук несмазанных петель открывающейся в спальню двери, рядом с которой стоял я. Только один шанс... Едва увидев тёмный силуэт Михаила, вошедшего в комнату, я, навалившись всем своим весом, воткнул по самую рукоять нож ему в центр живота под рёбра и толкнул через перила с антресоли. Перила слегка скрипнули от перевалившегося через них тела, и в доме повисла тишина. Казалось, что прошла вечность с того момента, как я воткнул нож, и до того, как услышал грохот упавшего на пол первого этажа тела, после которого вновь замолкли все звуки в доме: абсолютное тишина, изредка прерываемая потрескиванием дров в камине.

Я не мог поверить своим глазам, смотря на пустое пространство перед перилами, за которыми открывался вид на главный холл. Неужели я это сделал? Расправился с человеком, который имел опыт боевых действий и сумел среди Питера достать морфий в течение одного дня? Я медленно подошёл к перилам, чтобы убедиться в том, что Михаил лежит внизу и оцепенел: Михаила внизу не было. Внизу на животе, упирающимся в пол рукоятью ножа, кончик лезвия которого торчал из спины, лежал Лёша.

Бордовое пятно быстро растекалось по задней части его белой футболки из того места, откуда вышло лезвие ножа, а

на полу симметрично с ним почти идеальной окружностью распространялась во все стороны чёрная гладкая лужа густой крови, на зеркальной поверхности которой играло отражение пламени в камине, напоминающее мне грани рубинов в тех серьгах, которые я подарил жене, когда мы с ней были здесь в последний раз. Красивые были серьги! Когда я их покупал, то представлял себе счастливую улыбку моей женщины, озарившую её лицо. Я так надеялся, что она будет рада, но моим ожиданиям не удалось сбыться. Единственное, что я увидел тогда, было притянутой улыбкой, сопровождавшейся сухим «спасибо». Когда же она перестала меня любить? На тот момент, видимо, между нами уже было всё кончено, но я упорно пытался этого не замечать, живя иллюзией тех чувств, которые были между нами тогда, когда мы ещё были студентами – иллюзией счастья.

Теперь, стоя посреди коттеджа в густом лесу и смотря на отражение языков пламени в луже растекающейся под Лёшей крови, который до сегодняшнего дня был последним из моих друзей, я будто впервые проснулся от долгого сна – я один. Я всегда был один, начиная с самого детства. С того момента, как осознал, что я не нужен ни отцу, ушедшему из семьи, ни отчиму, ни разу не проявившим хотя бы доли любви ко мне, ни матери, которая была целиком сосредоточена на своей семье, частью которой я по необъяснимым для меня причинам никогда не являлся. Окружающие меня люди были не более, чем теми проносящимися деревьями, мимо

которых ехал Сапсан, в кабине которого я сидел в своём сне. Любил ли я кого-нибудь? Бывшую жену? Веру? Леру? Хоть когда-нибудь испытывал чувство истинной любви и привязанности к человеку? Может, я думал, что любил, но на самом деле я настолько некомпетентен в этом вопросе, что даже не могу понять, что такое любовь? Может, задавать себе этот вопрос так же бессмысленно, как спрашивать у дальтоника о том, какой цвет ему больше нравится? Но если я никогда не любил, то испытывал ли я когда-либо противоположное чувство – ненависть к окружающим? Если задуматься, то в тот момент, когда я убивал Игоря, тех двух туристов или Сергея, то я бы не сказал, что испытывал к ним ненависть. Кажется, что в момент убийства я вообще ничего к ним не испытывал, и в голове была абсолютная апатия. Я просто делал то, что считал нужным делать: хладнокровно и безжалостно. Так же, как и минуту назад, я не испытывал ненависти к Михаилу, прячась в спальне. Ощущение того, что я сделал что-то ужасное и непоправимое, приходило позднее, когда я проводил рациональный анализ содеянного и понимал, что поступил несправедливо по отношению к этим людям. Поступил неадекватно содеянным ими поступкам. Да, пожалуй, слово «неадекватно» описывало мои мысли более правильно, нежели «несправедливо». В конце концов, справедливость – слишком субъективное понятие. Поступил ли я неадекватно, зарезав Лёшу, вместо Михаила? Конечно да, но теперь я отчего-то не испытывал чувства того, что сделал

нечто плохое. Единственное, что я испытывал – это облегчение от того, что мне теперь ничего не угрожает. Впрочем, газета по-прежнему лежала на столе, и это означало, что Михаил где-то рядом, и мне всё ещё грозит опасность.

Я тихо спустился по лестнице на первый этаж и проверил пульс Лёши – он был мёртв. Вряд ли он умер в тот момент, когда я вонзил в него нож, но по ширине липкой густой лужи под ним, даже если он оставался в сознании после падения, то уже скончался от потери крови. Осмотрев остаток дома, я убедился в том, что внутри коттеджа Михаила нет. Двери заперты и окна закрыты: даже если кто-то и попытается войти внутрь, то я это услышу. После того как я зашторил все окна внутри коттеджа, меня охватило чувство безопасности, сравнимое с тем, которое я испытывал внутри административного здания на заводе по отношению к прилегающей к нему территории за забором. Снаружи шумел ветер, и тёмное облачное небо давило своей массой на чёрный лес, окружающий всё вокруг. Лишь блеклые фонарики вдоль основных дорожек и пара фонарей около центрального здания базы отдыха немного освещали малую часть территории.

Огонь в камине согревал меня своим теплом, и я сел на диван, чтобы всё обдумать. Неужели движущей силой моих поступков был просто страх? Если вспомнить всё, что предшествовало убийству пятерых человек, то страх – это именно то чувство, которое заставляло меня делать то, что я делаю. Быть может, оттого я и убивал всех этих людей, потому

что старался максимально радикальным образом избавиться от источника опасности? Решал проблему так, чтобы она больше не возникала? Я прекрасно запомнил эту фразу и проникся ей, когда однажды мне её сказал мой научный руководитель. Проникся я ей именно потому, что уже давно жил в соответствии с этим высказыванием, только лишь не мог оформить его в конкретные слова. Выходит, что такая жестокость и безжалостность во время критических ситуаций вызвана лишь стремлением полностью исключить возможность повторного появления опасности. Не забота о других, не стремление к восстановлению справедливости, не альтруизм, не героизм и отвага, а лишь страх заставлял меня идти на такие радикальные меры. Я убил брата в гараже не потому, что я его так сильно ненавидел, а лишь потому, что понимал, что, оставь я его в живых, придётся в дальнейшем жить с осознанием того, что он может найти меня, и ситуация повторится вновь. Именно поэтому я не убежал тогда со всеми с завода и остался, чтобы убить Сергея и тех двух сообщников: в противном случае они могли догнать нас и застать врасплох; пришлось бы постоянно озираться, переживая о возможности их нападения. Да, именно так, страх – это единственная причина, по которой в нескольких метрах от меня сейчас лежит труп моего бывшего друга. Получается, что вовсе не моя сила двигала мной во время убийства, а моя слабость.

Но что же делать в той ситуации, в которой я оказался? В

администрации имеется номер моего телефона и указан номер машины, а моё лицо было заснято на камеры, которые имеются в центральной части базы отдыха – уйти незамеченным, оставив труп посреди коттеджа, не получится, и это настолько абсурдная идея, что можно её даже не рассматривать. Избавиться от тела необходимо, но на улице меня может поджидать Михаил, судя по всему, являющийся психопатом, отслеживающим меня, и от которого неизвестно, чего можно ожидать.

Через двадцать минут размышлений созрел план, который в случае успеха снимал с меня подозрения: всё-таки придётся выйти на улицу. В этот раз времени было достаточно для того, чтобы тщательно убрать улики – наконец-то не нужно торопиться, избавляясь от трупа. Вокруг все спят, на улице темно, а со стороны террасы, выходящей на озеро, нет камер наблюдения. Прекрасная ситуация. Я аккуратно оттащил тело Лёши из лужи крови, чтобы не запачкать его одежду, и перевернул на спину. Медленно вытащил нож из его тела, который, кажется, вошёл во время удара прямо под сердце, где пролегла крупная артерия – потому, наверное, и крови так много. Затем стащил с тела всю одежду и обмотал его полиэтиленовыми пакетами, в которых была ранее собрана еда и тёплые вещи, для того, чтобы не заляпать кровью остальные части коттеджа. К тому же, без характерной одежды впоследствии будет сложнее опознать его тело, если его не удастся найти сразу и опознать по внешнему виду.

Футболку пришлось выкинуть, так же как и его трусы, которые я не собирался надевать. Натянув на себя снятые с трупа джинсы, носки и обувь, я схватил с дивана брошенную на него куртку Лёши и надел лежащие на столе очки. Если накинуть капюшон и не смотреть прямо на камеры, то меня сложно будет отличить от него на записи с камер. Ростом он, конечно, чуть повыше, но кто уж там заметит.

Тщательно помыв нож, я тихонько приоткрыл дверь на террасу и вышел с ножом в руке, чтобы осмотреться по сторонам, готовясь моментально порезать Михаила, если он кинется на меня, но вокруг никого не было ни видно, ни слышно – все спали. Убедившись, что под террасой пришвартована шлюпка, которая стояла там днём, я вернулся в дом и безуспешно попытался закинуть тело Лёши на плечо, чтобы вынести из дома. Поняв, что это слишком сложно, я потащил его за ноги к террасе, сквозь широкие щели деревянных перил которой, пытая от натуги, свалил тело в шлюпку. Вышло плохо, так как тело вместо того, чтобы аккуратно лечь посреди шлюпки, упало поперёк неё, насадившись на уключины. Ну хоть в воду не упало, и то хорошо. Осталось придумать грузило и то, как его прикрепить в замотанному в пакеты трупу. Увидев на берегу рядом со шлюпкой пару двадцатикилограммовых булыжников, я вернулся в дом и взял из спальни комплект постельного белья. Наволочка была не особо нужна, но если уж впоследствии и говорить администратору базы о том, что в коттедже не хватало одного ком-

плекта белья, то его должно полностью не быть. Я спустился к шлюпке и закинул в неё два булыжника. Аккуратно привязав оба камня к трупу сначала пододеяльником, а затем для верности простынёй, я уложил труп поудобнее и отошёл на вёслах к той части озера, которая была максимально удалена как от базы, так и от того причала, что находился на другом берегу. Пришлось пройти вправо метров двести, но грести с трупом в шлюпке было несопоставимо проще, нежели за-таскивать его в эту шлюпку. Дойдя до нужного места, я начал медленно переваливать тело за левый борт и, чуть не перевернувшись, осознал, что для безопасности переваливать его необходимо через нос шлюпки. Облака начинали понемногу рассеиваться, и могла выйти луна, осветив меня и белые простыни, которыми были примотаны булыжники, поэтому пришлось потратить всё своё умение балансировать в раскачивающейся из стороны в сторону от малейшего движения шлюпке, перекидывая тушу Лёши в воду. Через пару минут, слегка всплеснув, тело пошло ко дну, и я ещё раз осмотрелся по сторонам. В частности, взглянул на причал, на котором вечером стоял мужчина, чтобы убедиться в том, что меня никто не заметил.

Вернувшись на берег, я на всякий случай протёр всю шлюпку смоченной в озёрной воде наволочкой и, забрав её с собой, вернулся в коттедж, в котором во мраке почти догоревшего камина, наконец, осознал то, как мне повезло — на полу был дешёвый линолеум, с которого не составляло

большого труда стереть разлившуюся кровь. Так мне казалось вначале, однако, начав вытирать кровь всеми вещами Лёши, которые у меня были, пришлось потратить около часа на то, чтобы добиться отсутствия даже малейших кровавых разводов на том месте, на котором она прежде была пролита. Сложив все тряпки в мусорный мешок, я кое-как запихнул его в сумку Лёши, с которой он приехал сюда, и направился к главному выходу из коттеджа, положив в сумку также отдельный пакет со своими вещами. Ну что ж, теперь главное неспешной прогулкой выйти через главный вход базы отдыха, засветившись перед максимальным числом камер наблюдения...

Натянув капюшон куртки друга на голову и смотря в землю, я шёл с сумкой вдоль блёклых фонариков, освещающих дорожку и расплывающихся в линзах очков Лёши, которые я вынужден был надеть на себя, чтобы быть похожим на него. Деревья, растущие между редко расположенными коттеджами, шумели в порывах осеннего ветра. Вряд ли Михаил накинется на меня в свете фонарей, но нельзя ничего сказать о том, что произойдёт, когда я выйду с базы и уйду в лес. Интересно, он сейчас идёт за мной или нет? Даже по сторонам не оглядеться, так как лицо нужно прятать от камер. Сзади слышны тихие шаги, но, может, мне кажется? Я крепче сжал нож, который держал в кармане куртки, и продолжил идти без оглядки вперёд.

Через десять минут фонари основного въезда на базу

остались позади, и, пройдя вдоль подъездной дороги ещё метров сто, я завернул в лес, где теперь мог снять очки и осмотреться по сторонам. После очков в глазах всё немного плыло, но в кромешной темноте леса это имело мало значения. Вдалеке сквозь раскачивающиеся и скрипящие на ветру стволы сосен мелькали светящиеся фонари главного входа. Не было видно никого вокруг, но меня не оставляло чувство того, что Михаил наблюдает за мной. Что же это за жесть: я вынужден был в одиночку уйти в почти дикий лес посреди ночи, зная, что какой-то сумасшедший может следить за мной. Что будет, если я сейчас, возвращаясь на базу окольными путями, наткнусь на него? Да и собирается ли он меня прикончить? Может, он и не в себе, но следствием его безумия является лишь слезка и проникновение в чужой дом? Может, он вовсе и не собирается навредить мне? Это было бы замечательно, но сомнительно, что мужчина, который ради почти незнакомого человека изувечил трёх людей для того, чтобы достать ампулу с морфием, и рассказывающий про то, как при нём пытали людей, является для меня совершенно безобидным.

Хворост хрустел под ногами во время ходьбы, но этот звук заглушался шелестом деревьев и свистящим порывистым ветром. Что-то хрустнуло слева, и я резко обернулся, выставив дрожащей рукой перед собой нож. Кажется, это была упавшая с дерева ветка, которую сломало ветром. Оглядевшись по сторонам, я ускорил шаг в сторону озера. Опять

хруст! Теперь справа. Неужели он приближается? Я ринулся вперёд и тут же упал, зацепившись за корень дерева. Тяжело дыша от полной мобилизации всех мышц и органов чувств, готовясь к нападению из темноты, я начал судорожно оглядываться по сторонам, но по-прежнему никого вокруг не видел. Выйдя к берегу, на котором стало чуть светлее, я обнаружил, что шёл по диагонали к озеру и в результате вышел метрах в семистах от базы, которую было видно по фонарям. Ещё раз осмотревшись, я снял с себя одежду Лёши, по возможности стараясь не выпускать нож из руки и не уводя пристальный взгляд от леса, и надел свою одежду. Запихнув все оставшиеся вещи в сумку, я кое-как уместил в неё увесистый камень, который нашёл на берегу, после чего застегнул молнию. Через мгновение сумка полетела в воду и, издав тихий всплеск, ушла на дно озера. Надеюсь, что в ближайшее время её никто не найдёт.

Убедившись, что у меня не осталось ни единой вещи Лёши, включая его телефон, который я выключил, разбил вдребезги камнем и убрал в сумку, перед тем как её утопить, я двинулся вдоль берега в сторону базы. Идти было довольно-таки жутко: вокруг был лишь тёмный лес и, напади на меня хоть кто-нибудь, то на помощь мне точно никто бы не пришёл. Потому я, пожалуй, и шёл вдоль озера, чтобы в случае опасности можно было прыгнуть в воду и попытаться уплыть, хотя плавал я весьма посредственно. То есть, конечно, уплыть бы смог, но вряд ли далеко: до базы или до про-

тивоположного берега, думаю, что не дотянул бы.

По мере того, как я с каждым последующим шагом приближался к базе, я чувствовал всё большее облегчение. Кажется, что ещё чуть-чуть и я, наконец, окажусь в безопасности внутри коттеджа. Безумная ситуация, конечно: я, человек, собственноручно убивший за последние две недели пятерых людей, идя с ножом по лесу, боюсь из-за того, что на меня может кто-то напасть. Наверное, это меня должны бояться... По крайней мере, эта мысль мне приятно грела душу.

Я шёл, разглядывая в темноте почву под своими ногами, и думал над тем, почему я не испытываю угрызений совести за содеянное. Кажется, что после похорон Саши я вообще перестал что-либо чувствовать, как будто что-то сломалось и я потерял способность испытывать хоть какие-то яркие эмоции. Единственным, что я последний раз ощущал за эту неделю, это страх за свою жизнь. Помню, что в какой-то научно-популярной книге по психологии, которую я читал несколько лет назад, говорилось, что при определённых видах инсульта у людей пропадает возможность испытывать некоторые эмоции, но ведь МРТ показал, что со мной всё в порядке. Отчего же я не считал, что со мной всё хорошо?

Ранее я пытался убедить себя в том, что сотворил ужасные вещи, но всякий раз это выглядело в моей голове убого и несвязно. Может быть, убийство человека ради обеспечения безопасности и спокойствия является таким же рутин-

ным делом, как подписание документов у себя за столом в офисе? Если убийство – это обыденное дело, то разве следует из-за этого волноваться? Думая об этом, я как будто развязывал тугой узел переплетённых мыслей и чувств, вытягивая их в ровную длинную взаимосвязанную и последовательную нить. Может быть, это и рутинная работа, откровенно говоря, процесс убийства завораживал меня гораздо больше, чем подписание бумаг. Такое же воодушевление я чувствовал, пожалуй, лишь тогда, когда, работая студентом в лаборатории, я подбирал оптимальные решения дифференциальных уравнений, наиболее точно описывающих изучаемый физический процесс. Это увлекательное приключение, в котором я либо могу выйти победителем, либо останусь проигравшим. И всякий раз я выходил победителем. Может, все мои достижения в лаборатории ВУЗа и затем в компании, в которой я работал, не являлись истинной целью моей жизни? Это было лишь безвкусным соевым суррогатом, отдалённо напоминающим вкус и консистенцию сочного жареного стейка, которым являлось устранение опасных для этого мира людей, ради достижения общего блага? Ведь такие люди могли представлять опасность не только для меня, но и для всех остальных? Если так, то моя истинная миссия подобна роли лейкоцита, защищающего организм от чужеродных микроорганизмов для поддержания статуса кво, и является вполне естественной. Вот оно! Я делаю то, что делаю, не только ради себя, но ради высшего блага – ради спо-

койствия и безопасности всего общества!

Прокравшись вдоль озера, где нет камер наблюдения, к террасе своего коттеджа, я вошёл в дом и запер за собой двери на террасу и на главную улицу. Ещё раз обошёл все возможные уголки дома, где мог бы в моё отсутствие спрятаться Михаил, и понял, что я был в коттедже один. Осознав это, я наконец ощутил невероятную усталость от всего произошедшего, а также всепоглощающее удовлетворение от того, что наконец понял цель своего существования. Я тщательно помыл нож и убрал его на место. Застирав джинсы от мочи, которая уже начинала смердеть, и положив их сушиться на тёплый пол в ванной, я, наконец, лёг немного вздремнуть. На часах было четыре двенадцать утра.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ И НАХОДКА

Я открыл глаза, когда в дверь постучали, и понял, что лежу на диване на первом этаже. Вспомнив всё, что происходило вчера, я вскочил с кровати, чтобы убедиться в том, что произошедшее мне не приснилось: Лёши и его вещей в коттедже не было, а мои джинсы лежали на полу в ванной. Снова стук в дверь.

– Минуточку! Сейчас открою! – прокричал я, натягивая на себя джинсы.

Открыв дверь, я увидел на пороге женщину с плетёной корзинкой в руках.

– Доброе утро! Я принесла Вам завтрак, как заказывали! – она протянула мне тёмно-коричневую корзинку, содержимое которой было прикрыто полотенцем. – Можете оставить её внутри, когда будете съезжать.

– Хорошо, спасибо! – я закрыл дверь и направился на кухню.

Обойдя весь дом, я не нашёл ни следа присутствия Лёши вчера вечером. Не было ни его вещей, ни его самого, ни каких-либо следов кровавой резни. Наклонившись к полу, на котором вчера лежало его тело, мне даже при дневном свете не удалось обнаружить ни намёка на то, что на этом полу вчера была лужа крови – всё было чисто и блестело так, как будто я только что сюда заехал. Подойдя к ящику и от-

крыв его, я убедился, что в нём лежал чистый нож, который ещё вчера был воткнут в тело Лёши. Мусорное ведро было пустым, так как я утопил пакет с мусором вместе с вещами Лёши в его сумке.

Неужели Михаил так и не достал меня? За окном светило солнце, и стоял ясный солнечный день. Уж теперь-то опасность мне точно не грозила. Я плотно позавтракал, съев и свою порцию, и порцию Лёши, вышел на улицу, дожёвывая бутерброд, и направился к административному зданию базы отдыха, представляющему собой стилизованную избу, покрытую тёмным лаком. Осталось снова разыграть спектакль, изображая озадаченного болвана, как и в отделении полиции в прошлый вторник. – Добрый день! – начал я разговор, зайдя в здание.

– Добрый день! Вы уже планируете выселяться? – ответила одна из женщин на стойке информации. – В целом да, но я никак не могу найти своего друга. Когда я лёг спать, он ещё бодрствовал, но когда проснулся, то нигде не смог его найти. Есть ли возможность посмотреть записи с камер?

– Конечно, пойдёмте к монитору! В каком коттедже Вы остановились?

– В девятом.

– Так, минутку. В девятом. На него выходит только одна камера, показывающая главный вход. Давайте глянем. Какое время Вас интересует?

– В одиннадцать вечера он был ещё дома. Впрочем, знае-

те, давайте на всякий случай с девяти вечера посмотрим! – ответил я, решив, что лучше будет посмотреть запись с более раннего времени, чтобы проверить, во сколько в дом заходил Михаил. Женщина включила камеру на ускоренный режим, и мы уставились в монитор. С девяти вечера до двух часов ночи никто не заходил и не выходил. Даже я. Что за бред! Я же возвращался из бани в начале одиннадцатого! Хотя... я же через террасу вышел и зашёл, поэтому и не видно.

– А на террасу у Вас выходят камеры? – с осторожностью спросил я, понимая, что если сейчас окажется, что камера всё-таки была, и на ней запечатлено всё, что я делал, то возникнут определённого рода проблемы. Впрочем, я же был в одежде Лёши, и в сумерках качество записи будет не очень хорошим. Единственным выходом из этой ситуации будет доказывать, что всё происходящее на террасе было осуществлено Лёшей, а не мной. Но где в таком случае был я, когда он выносил труп? Спал на втором этаже? В ожидании ответа тело пронзила дрожь...

– Боюсь, что нет. Территория базы отдыха большая, и у нас камеры так расположены, что охватывают лишь центральную часть территории, а по периферии они отсутствуют.

Супер! Камер нет, а значит, большая часть происходящего уже никогда не станет известна. Кстати, теперь стало понятно, как в коттедж вошёл Михаил, пока я был в бане – через террасу. И откуда он знал, что там камер нет? Сумасшед-

ший придурок!

– Стойте! – выкрикнул я, смотря на запись. В две минуты четвёртого Лёша вышел из главного входа коттеджа с плотно набитым рюкзаком и двинулся по главной аллее к выходу с базы. – Вот он! Мы можем отследить его передвижение?

– Конечно. Если только он по главной дорожке будет идти.

Лёша шёл спокойным шагом, уставившись себе в ноги и, кажется, съёжившись от холода. Голову закрывал надетый капюшон куртки, в которой он сюда приехал. Он шёл и шёл и в четырнадцать минут четвёртого просто вышел через главный вход и скрылся из камер наблюдения.

– А дальше можете промотать? Может, он вернулся?

– Конечно! – ответила женщина и последовательно промотала записи со всех камер до нынешнего момента. Лёши больше не было ни на одной из записей, и можно было вздохнуть спокойно по поводу того, что меня могли вычислить. Единственное, что огорчило, так это то, что так и не удалось понять, в какой диапазон времени Михаил находился в коттедже, так как на камерах его застать не удалось.

– Вы могли бы подойти минут через двадцать, чтобы я сдал коттедж? Я сложу вещи в машину и буду готов уехать.

– Как скажете. А Вы пытались позвонить другу? Может, стоит вызвать полицию?

– Телефон у него не отвечает, но я не думаю, что с ним могло что-то произойти. Хотя странно, что он взял и ушёл посреди ночи. Сколько у Вас хранятся записи?

– Трое суток, а затем мы их удаляем.

– Не удаляйте эту, пожалуйста! Я выясню, что с ним, и позвоню Вам, если необходимость в записи пропадёт. Хорошо? – ответил я, понимая, что эта запись является моим единственным алиби, и если она пропадёт, то все подозрения падут на меня.

– Хорошо, я помещу её в отдельную папку и буду ждать звонка.

Вернувшись в коттедж, я ещё раз осмотрел все уголки дома и пришёл к выводу, что всё чисто. Собрав вещи в рюкзак, я отнёс их в машину и, ожидая прихода администратора, позвонил Лере сообщить, что ориентировочно приеду через три часа.

Дорога вела меня всё дальше от базы отдыха, сменившись с просёлочной узкой колеи широким шоссе. В голове была полная неразбериха: я не оставлял надежды на то, что камеры помогут мне понять, когда и как Михаил попал в коттедж, но ни на одной из записей его не было. В любом случае, у Михаила была тысяча возможностей добраться до меня, и раз он этого не сделал, то опасаться его не стоило. Тем не менее, нужно прояснить ситуацию и узнать у него, какого чёрта он тут делал и зачем следил за мной, когда мы встретимся в ресторане. А мы ведь точно встретимся: думаю, что он не упустит возможности повидаться, раз даже до коттеджа следил за мной. Всю дорогу я пристально глядел в зеркало заднего вида, пытаюсь разглядеть хоть одну машину, которая

ехала бы всю дорогу за мной. Долго ехал серебристый, но он свернул на кольцевую дорогу, когда я поехал по западному диаметру – слежки не было. Чуть менее, чем через три часа после выезда из коттеджа, я уже зашёл домой.

– Привет, Андрюша! – Лера обняла меня за шею, как только я вошёл в квартиру.

– Привет, зайка! Не скучала? – я чмокнул её в щёку.

– Да нет, проснулась в начале десятого и решила к твоему приезду обед приготовить и дома прибраться. Кстати, в ящике старый телефон нашла. Он тебе нужен? У меня просто подруга на днях свой потеряла, и если тебе он не нужен, то я могла бы ей одолжить этот до тех пор, пока новый не купит.

– Какой телефон?

– Ну вот же! – Лера показала на стол, на котором лежал смартфон Виталика.

И как же я мог о нём забыть! Безумная череда событий после приезда совершенно выбила у меня из головы то, что я его привёз с собой. А может, на нём есть какая-то информация? Нужно обязательно его проверить, как только найду человека, способного его разблокировать. Он же лежал прямо в руках у Виталика, когда я его нашёл! Наверняка неспроста. Стоило проверить его до того, как поехал с Лёшей в коттедж!

– Прости, я этот телефон уже обещал отдать знакомому с работы. У него та же ситуация, и я боюсь, что не могу уже отказать, раз обещал. Хорошо, что напомнила про него. Спа-

сибо! Почему-то я думал, что уже отдал ему его...

– Ладно, не страшно. Много рыбы вчера поймали с Лёшей? Я думала, что привезёшь домой что-нибудь и уху сделаем.

Я уже и забыл, что мы ездили в коттедж ради рыбалки. Кстати, куда удочки делись? На террасе оставил что ли?

– Поймали несколько небольших рыбёшек, но отпустили, так как приготовить из них вряд ли бы что-то удалось. В основном Лёша ловил, а мне без опыта это плохо давалось. У нас, кстати, произошёл инцидент: я не знаю, где Лёша. Судя по записи с камер наблюдения, он ушёл около трёх часов ночи, собрав все свои вещи, и больше не появлялся. Я не могу до него дозвониться и думаю, что если он к вечеру не объявится, то нужно звонить в полицию.

– Может, уже позвонить? Вдруг что-то случилось? Ты его жене звонил? Может, он дома?

– Точно! Сейчас Алисе позвоню, – сказал я, доставая телефон. Алиса, как и ожидалось, не видела Лёшу, и домой он не приходил. Узнав, что он ушёл посреди ночи, она явно запаниковала и сказала, что нужно срочно звонить в полицию, так как в лесу могли быть дикие звери. Согласившись позвонить, я уже через полчаса был в полицейском участке, в который минут через двадцать после моего появления приехала Алиса.

Я поведал полицейским и Алисе историю о том, что Лёша перебрал с алкоголем и улёгся спать ещё до бани, проспав

до тех пор, пока я не вернулся домой. Мы повздорили из-за того, что я не разбудил его перед тем, как пойти в баню, в которую он очень хотел сходить, после чего я расстроенный лёг спать. Я также рассказал о том, что на утро по камерам нам с администратором удалось отследить то, что он посреди ночи ушёл со своими вещами, и я его больше не видел. Отдельно отметил, что попросил в администрации сохранить записи с камер, так как они потенциально могли помочь найти моего друга. Полицейские попросили записать всё на стандартном бланке и сказали, что сообщат, если что-то узнают. Хотя я понимал, что вряд ли они начнут что-то реально делать, ведь это даже не их район. Кажется, я слышал о том, что есть некоммерческие поисковые отряды, занимающиеся нахождением потерявшихся людей. Наверное, следовало бы им позвонить, но чем дольше Лёшу не будут искать, тем лучше для меня.

Выйдя из участка в четыре часа дня, я осознал то, что сегодня первое октября и Паша ждёт меня на работе, чтобы обсудить результаты исследований. Сев в машину, я поехал в офис, размышляя над тем, кто может мне помочь разблокировать телефон Виталика, о котором мне совершенно случайно напомнила Лера.

После приезда в офис, я в течение четырёх часов обсуждал с Пашей конечные результаты исследований. Как и ожидалось, он справился со своей работой блестяще, и завтра проблем на совещании не должно было возникнуть. Отпра-

вив начальника лаборатории домой, я прошёл в соседнее крыло офисного здания по безлюдному коридору, освещаемому белыми светодиодными лампами, простирающимися по потолку, в надежде застать на рабочем месте нужного мне человека.

– Арсений, добрый вечер! – поздоровался я с нашим программистом, сидящим в начале десятого вечера в своём кабинете в IT-отделе компании.

– Здравствуйте, Андрей Александрович! Чем могу на этот раз помочь? Снова проблемы с корпоративной почтой?

– Нет, по правде говоря, я пришёл к Вам, чтобы спросить у Вас совет. Я телефон нашёл и хочу его разблокировать. Вы не знаете, кто может это сделать? Может, у Вас есть знакомые?

– Знакомые есть. Если хотите, то отдайте мне его сегодня, а завтра до обеда уже привезу – дело плёвое. Только нужно определиться конкретно: Вам телефон нужно разблокировать или все данные из него подгрузить? Это разные вещи. Можно разблокировать с потерей всех данных, и это самый простой вариант. Можно разблокировать с сохранением данных, но это обойдётся дороже, а в качестве компромисса могу просто прислать Вам все сохранённые файлы с телефона без его разблокировки.

– Цена вопроса не имеет значения, но все данные нужны. Если сможете разблокировать к завтрашнему дню, то разблокируйте, если нет, то можете только данные оттуда до-

стать и мне прислать. То есть телефон как таковой мне вообще не нужен, мне нужно то, что на нём хранится. Абсолютно всё!

– Хорошо, Андрей Александрович, я завтра часам к одиннадцати подъеду и можете ко мне зайти.

– Спасибо! – сказал я и пошёл к машине, радуясь тому, что у меня есть знакомый человек, разбирающийся в технике.

Вернувшись домой, я увидел Леру, сидящую в одиночестве на кухне за чашкой чая. В последние дни совсем мало внимания ей уделяю – нехорошо, пригласил к себе и за это время лишь один раз сводил её на свидание.

– Привет, Лерочка! Прости, что так поздно! Завтра сдаём проект, который разрабатывали несколько месяцев, в связи с этим дел по горло. Давай в субботу съездим на Кюрлевский карьер? Там красиво! Начиная с послезавтра, у меня будет гораздо больше свободного времени, и я весь буду в твоём распоряжении.

– А что за карьер?

– Это искусственный карьер под Гатчиной. Там летом очень красиво! Его называют Питерскими Мальдивами из-за того, что вода там имеет ярко-голубую окраску. Конечно, сейчас там не так красиво, как летом, но если погода будет хорошая, то сможем погулять там. И ехать недалеко: за час до места доберёмся. А потом можно и на гейзеры съездить! Я слышал, что в Гатчине есть.

– Смеёшься? Какие ещё гейзеры? Тут же плато!

– Ну, там не то чтобы гейзеры настоящие, но знакомые ездили и говорят, что вполне увлекательно. Там подземные источники воды, и ключи бьют прямо из земли. Я подумал, что раз мы до Исландии в ближайшее время не доберёмся, то, может, хоть туда съездим?

– Я с радостью составлю тебе компанию. Скажи, ты в порядке? Мне кажется, что в последнее время ты сам не свой.

– Да вроде всё хорошо. Просто переживаю из-за Лёши. Я звонил Алисе, и она сказала, что он так и не появился. Странная ситуация!

– Какая-то чёрная полоса у нас! Сначала инцидент на заводе в Хибинах, теперь ещё и Лёша пропал. Может, здесь есть логическая связь? Вдруг это те, кто поджёг завод, выследили нас? Ты не думал об этом?

– Ну, Лёша же ведь сам ушёл. Я видел своими глазами записи с камер. Это действительно странно, но я не думаю, что есть взаимосвязь. Разве что только он не впал в депрессию после похорон Саши и не решил на этом фоне побыть один в лесу. Я, по правде говоря, предполагаю, что мог выпить лишнего и наговорить ему чего-то, из-за чего он мог обидеться и уйти. Но я напрочь не помню этого.

– А вы с ним раньше хоть раз сильно ссорились?

– Да не особо. Бывали, конечно, всякого рода мелкие конфликты, но всерьёз никогда не ссорились.

– Хоть бы с ним всё оказалось в порядке! От полицейских нет вестей?

– Нет, к сожалению! – ответил я и пошёл умываться после очередного насыщенного дня.

Сделав перед сном массаж Лере, я лежал и смотрел на её спящее полуобнажённое тело и не мог уснуть. За окном изредка вяло проезжали машины, а тротуары были почти безлюдны – конец буднего дня, и все отдыхают. Я думал о том, к чему пришёл вчера, возвращаясь в коттедж, и всё больше убеждался в том, что моя истинная роль в этом мире совсем не та, которую я выбрал несколько лет назад, устроившись в научно-производственную компанию. Да и выбирал ли я эту роль? Ведь туда меня рекомендовал Фёдор Борисович, а я лишь согласился, доверившись его авторитету. Может, лишь сейчас я пришёл к тому, чтобы сделать свой личный осознанный выбор того, кем я хочу быть, а до этого я был лишь машиной, всё стремительней набирающей обороты с каждым годом, но движущейся не в том направлении? Кем бы я ни был на самом деле, сейчас я руководитель отдела и завтра сдача проекта. Решив, что нужно собраться с мыслями, я заставил себя ни о чём не думать и вскоре уснул.

СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ

Утром в пятницу на работе кипела жизнь, и офис напоминал муравейник, в котором маленький ребёнок переполошил всё муравьиное сообщество, потыкав в него тростинкой: у Паши работают все, у Алины тоже. И чего они так суетятся? Всё ведь схвачено и всё под контролем: проект выглядит вполне рабочим и все испытания пройдены. Кажется, что я был единственным спокойным человеком в отделе, хотя должно было быть наоборот: ответственность за дееспособность проекта несу я, а не они. Удалившись в офис, я стал ждать одиннадцати утра, чтобы зайти к Арсению.

Обработав уже по привычке кучу бумаг и переговорив со всеми, с кем следовало, я прошёл в IT-отдел и забрал телефон.

– Пароль: два-четыре-пять-восемь-три. С Вас двадцать тысяч, – кратко вымолвил Арсений при встрече, сидя в своём кабинете, в котором я насчитал пять компьютеров, и это только включённых – на стеллаже стояли ещё три не подключённых к электросети. Рассчитавшись с ним, я положил телефон в карман и вернулся в офис. Я запер дверь изнутри и расположился в своём мягком тёмно-коричневом кожаном рабочем кресле, после чего с предвкушением разблокировал телефон. В груди всё было взбудоражено так, как тогда, когда я в девять лет вставлял в видеомэгафон кассету с

порно, которую прятал от нас на полке отчим. Как и следовало ожидать, последние звонки датировались воскресеньем за неделю до смерти Виталика – последним днём перед его вступлением на пост на заводе, где не ловила связь: жена, Пётр, Сергей, снова Пётр, снова жена. Удивительно, что он созванивался с Петром, ведь он говорил мне, что они были не очень близки. В сообщениях лишь любовные послания от жены и различного рода спам. Может, фото или видео? Но и там ничего толком не оказалось: типичные фотографии друзей и семьи. Видео также ничего не дало. Неужели всё так скучно? Больше ничего нет? Но, может, с Петром связаться и узнать, зачем они созванивались? Разумеется, если он в чём-то виноват, то никогда не признается, но, по крайней мере, можно будет понять, врёт он или нет. Может ли быть что-то ещё?

Открыв аудиозаписи, у меня по ногам пробежали мурашки, и волосы на них встали дыбом: «Новая аудиозапись» от двадцатого сентября. Мы были уже на заводе, и сделана она за день до смерти Виталика. Я включил аудиозапись в надежде на то, что теперь мне всё станет ясно. Сквозь перманентное шуршание был вполне отчётливо слышен диалог двух человек:

– Что ты хотел? – разговор начался со знакомого мужского голоса.

– Что я хотел?! Козёл, ты посмотри, что ты натворил! – хрипел Виталик. – Мы так не договаривались! Ты же сказал,

что просто всё сгорит от разлива топлива из цистерны, и мы с Витей успеем уйти на безопасное расстояние.

– Да кто же знал, что всё так получится? Мы всё обсуждали лично с руководителем команды. Так и должно было произойти, я до сих пор не понимаю, почему пожара не возникло.

– Из-за вас умерли Витя и Владислав Викторович, а я чудом остался жив. Вот какова цена твоей ошибки!

– Из-за нас? Да ты же сам знаешь, что мы это делаем ради общего блага. Эти уроды всё здесь испоганили! Ты посмотри на нашу экологию: да с этого завода было выбросов больше, чем со всех остальных. Если он вновь возобновит работу, то опять смог везде будет. Я хочу воспитывать своего ребёнка в экологически чистом месте, и если мы будем придерживаться плана, то скоро Хибины станут национальным заповедником.

– Придерживаться плана? Какого плана? Какой ценой ты хочешь добиться результата, Пётр? Два человека погибли, а мне знаешь, как трудно дышать? Ты же говорил, что всё пройдёт гладко, а я чуть не помер из-за твоей ошибки!

– Мне жаль, что так вышло, но нужно потерпеть.

– Потерпеть? Вытащи меня отсюда немедленно и отвези в больницу, иначе я сдам тебя!

– Сдашь меня? И как же ты это сделаешь? Это ведь ты заливал в цистерну содержимое бутылки, а не я. У тебя нет ни единого доказательства моей причастности к этому.

– Я найду способ доказать свою невиновность. Ты меня подставил и обманул. Я был уверен, что никто не погибнет, и согласился на это лишь постольку, поскольку был уверен, что ты всё продумал. Это ты меня вынудил сделать!

– Ладно, успокойся! Я делаю всё возможное, чтобы ты как можно скорее добрался до больницы.

– Уж поторопись! Я за свои слова отвечаю: если мне будет хоть что-то угрожать, то тебя я потащу за собой!

– Не кипятись, с тобой всё будет хорошо! Скоро отвезём тебя в город.

После звука закрывающейся двери и тихого шуршания запись закончилась. Я молча сидел за столом, уставившись в телефон, и не мог поверить своим ушам. Так вот кто всё устроил – Пётр. Человек, которого я даже толком не подозревал в причастности к содеянному. Ну разумеется, кто как не главный инженер завода мог придумать план по саботированию его работы?

Ручка запертой двери пару раз дёрнулась, и затем в дверь постучали. Судя по тому, что пытались войти без стука и записи, да ещё и мимо Маши, это Алина или Паша. Открыв свой кабинет, я увидел в дверях руководителя химической лаборатории.

– Ну что, ты готов? Совещание через пятнадцать минут. Думаешь, совет директоров утвердит проект? – Паша искренне надеялся на успешное принятие проекта, ожидая, что его могут не утвердить, и явно переживал из-за этого. Я бы

мог ему сказать, что всё уже решено, но не хотел портить ему настроение. За время работы в должности руководителя лаборатории и затем отдела, одно я понял однозначно: если ты идёшь на совещание и не знаешь результат решения обсуждаемого на нём вопроса, значит, решат его не в твою пользу. Разумеется, ещё несколько недель назад, когда Паша присылал мне значимые промежуточные результаты, свидетельствующие об успешном прохождении испытаний, я уже обговорил всё с теми членами совета директоров, которые имели решающий голос в компании, и заручился их одобрением. Конечные результаты Паша дал мне сегодня утром, совещание через пятнадцать минут, а проект уже принят. От обеда в столовой сотрудников моего отдела отделяет ключевое собрание, на котором решится судьба их многомесячных стараний и кропотливой работы, но меня от обеда в ресторане отделяют полчаса фарса в присутствии нескольких напыщенных мужчин предпенсионного возраста.

– Паша, я думаю, что всё будет хорошо. Конечно, ожидать от совета директоров можно чего угодно, и, возможно, они попросят что-либо доработать, но ты же знаешь, я сделаю всё возможное, чтобы провалить этот проект сквозь них и чтобы они приняли его. Вы все молодцы! Хотя ряд некоторых аспектов нужно будет обсудить на следующей неделе: там есть что улучшить! – я сделал задумчивый вид, прикидывая то, к чему реально можно будет придаться, так как серьёзных помарок я в его документации не обнаружил.

Приятно видеть счастливые лица сотрудников, когда говорю им хорошие новости. Они так радуются, как, наверное, дети, которым родители говорят, что свозят их в Диснейленд. Если сейчас скажу, что проект, скорее всего, примут, то он, конечно, будет рад, но всё же будет ждать результатов собрания, чтобы всё окончательно утвердили. В итоге, его счастье растянется на продолжительный период времени: сначала он немного обрадуется, что ожидать следует хорошего результата, затем, во время собрания, он уже свыкнется с мыслью о том, что проект утвердят, и когда я выйду и скажу ему конечное положительное решение, то степень его счастья будет уже не столь велика. Это же как с алкоголем: если будешь пить бутылку вина в течение всего дня, то и опьянения особо не почувствуешь, но если выпьешь за раз, то эффект будет значительно сильнее. Доставлю им всем радость: заинтригую, посею сомнения и затем выстрелю положительным решением прямо им в сердце – все будут счастливы. Все, кроме меня, конечно, так как подобные интриги и кулуарные обсуждения результатов с важными людьми радости мне уже давным-давно не приносили, а счастье от хороших новостей, если я его вообще когда-либо испытывал, размазывалось во времени в точности как маленький кусочек сливочного масла по огромному куску хлеба – пресно и безвкусно.

– Хорошо, Андрей, удачи! – Паша вышел из кабинета, и я продолжил молча сидеть, уставившись в окно и обдумывая

то, что услышал из аудиозаписи.

Осознание того, что теперь мне не только известен виновный произошедшего, но и мотив его действий, определённо доставляли мне гораздо большее моральное удовлетворение, чем окончание такого серьёзного проекта, какой мы сегодня наконец завершим. Вот ведь ирония: я старался остановить происходящий на заводе кошмар, но в итоге помог Петру реализовать то, что у него не получилось – сжечь завод дотла, полностью исключив возможность его дальнейшей работы. Полагаю, что он счастлив. И тем не менее не совсем понятно, почему его план не удался. Судя по всему, Пётр предполагал, что реагент, который он передал Виталику, разъест не только генератор, но и цистерну с топливом, а разлившиеся несколько сотен литров легко воспламеняемой жидкости загорятся от работающего генератора, что спровоцирует пожар на всей территории завода. Но почему же этого не произошло? Я прекрасно помню, как выглядело помещение: генератор и подходящие к нему трубы, включая топливную и воздушную, имели существенные повреждения, но цистерна осталась целой.

Обдумывая причины произошедшего, а точнее, того, что не произошло, в течение пары минут, я пришёл к ответу и во весь голос рассмеялся – вот ведь Пётр неудачник! Это же надо быть таким идиотом, чтобы будучи главным инженером упустить эти две, на первый взгляд, несущественные детали: трубки, по которым закачивался в генератор воздух

и отводились выхлопные газы, были алюминиевые, а цистерна титановой! Виталик же туда наверняка кислоту залил, но она не активна по отношению к титану и не могла его разъесть, поэтому топливо никак не могло разлиться из цистерны по территории завода. Если бы это было единственной причиной, то генератор бы просто заглох, но из-за нарушения целостности трубы, по которой снаружи закачивался воздух для сгорания топлива внутри генератора, он в последние минуты своей работы расходовал кислород, содержащийся в помещении, превращая его в угарный газ, а не в углекислый, так как концентрация кислорода из-за работы генератора была существенно снижена. И даже это было бы половиной беды, но ведь трубку, отводящую выхлопные газы, тоже разъело, и вырабатываемый угарный газ просто скапливался внутри помещения. Пётр предполагал, что разъест только цистерну и сам генератор, но трубки, обеспечивающие стабильный приток воздуха и отток выхлопных газов и, следовательно, работу генератора, который бы поджёг разлившееся топливо, останутся целыми. В итоге произошло всё с точностью да наоборот: трубки разъело, а цистерна осталась невредимой. Генератор израсходовал кислород в помещении, превратив его в угарный газ, который там же и скопился, так как выхлопные газы выводились не на улицу по выхлопной трубе, а прямо в комнату. Результат я видел своими глазами: пожара нет, а смертельно опасный угарный газ – не имеющий ни цвета, ни запаха и обладающий примерно

той же плотностью, что и воздух – заполнил всё пространство помещения и не выходил из него, так как вентиляции по факту никакой не было. Удивительно, что Владислав Викторович сумел предпринять попытку выйти из помещения и даже, как сказал Виталик, после этого прожить ещё пару минут, ведь при той концентрации угарного газа, которая там могла создаться, он должен был упасть замертво после первого вдоха. Судя по всему, он, увидев труп Вити ещё в дверях, частично вдохнул воздух с улицы, что немного отсрочило его кончину. Да я, мать его, Шерлок Холмс!

Вытерев слёзы счастья от того, что теперь картина произошедшего наконец прояснилась, я радостный пошёл на совещание, на котором, как и ожидалось, утвердили разработанный моим отделом проект и приказали запускать его в работу. Теперь можно и пообедать. Интересно, увижу ли я Михаила? От мысли об этом по коже пробежали мурашки. Действительно ли я хотел встретиться с ним? С человеком, который выследил меня почти в трёхстах километрах от ресторана, в котором мы с ним общались. С человеком, который зачем-то тайком проник в мой коттедж...

Спустившись вниз, выйдя на улицу и перейдя дорогу, я уже традиционно пришёл к ресторану, чтобы пообедать. Как только я вошёл внутрь, то сразу оглядел зал – Михаил сидел за столиком в углу и пил чай. Сделав на ходу заказ и ещё раз убедив себя в том, что в людном ресторане посреди дня он не представляет для меня никакой опасности, я подсел к нему.

– Михаил, добрый день! Давно меня ждёте? – судя по тому, что он уже выпил половину чайника с чаем, то сидел здесь по меньшей мере минут пятнадцать, а может, и дольше.

– Здравствуйте! Почему Вы решили, что я жду Вас? Я, конечно, рассчитывал на нашу встречу, но, вообще, просто зашёл сюда пообедать, так же, как и Вы, – Михаил не подавал никакого вида того, что два дня назад был в коттедже.

– Зачем Вы за мной следили? Зачем пробрались ко мне в коттедж в среду? – решил я сразу прыгнуть с места в карьер.

– О чём Вы говорите? Какой коттедж? Я со среды на четверг был в Москве! – с изумлением и явным недоверием ко мне возмутился Михаил. – Андрей, Вы в порядке?

– Но я же видел Вашу газету на столе! – впал в ступор я.

– И как это говорит о том, что я был в коттедже? Кстати, всё получилось? Вы поговорили с человеком, с которым требовалось, по душам? Я беспокоился о том, найдёте ли Вы ампулу...

В голове начали бегло мелькать фрагменты того, что было после того, как я вышел из ресторана с ампулой, и как мы с Лёшей заехали в коттедж. Я был уверен, что выкинул газету сразу после того, как вышел из ресторана. Но почему я так считал? Вспомнить тот момент, когда я кладу её в мусорный бак, я никак не мог. Может, я взял её с собой и положил в машину? Этого я тоже припомнить не могу. Если она лежала в салоне автомобиля, то Лёша мог принести её вместе с вещами, когда ходил за ними. Ведь я был так взбудоражен,

когда выходил из ресторана с морфием, что вообще мало что замечал вокруг: может, на автомате закинул в машину и всё? Так же как и тогда, когда Лёша с вещами пришёл: я так суетился от того, что нужно было срочно залить в стопку водки морфий, что Лёша мог что угодно положить на стол, и это не попало бы в область моего восприятия. Боже мой... так что, получается, что Михаила в среду в коттедже не было?! Получается, что я убил Лёшу просто из-за того, что мне что-то померещилось?!

– Андрей, у Вас всё хорошо? – Михаил обеспокоенно смотрел на меня.

– Да... Всё в порядке. Просто я осознал, что немного неправильно всё понял. Простите, что с таким наездом подсел к Вам! Сегодня проект сдавали, и я немного перенервничал, – мысли о том, что я убил Лёшу без всякой реальной причины, меня откровенно взволновали, но компенсировались тем, что, как оказалось, Михаил не следил за мной. Может, он и не сумасшедший?

– Так Вы, в итоге, воспользовались тем, что я для Вас оставил?

– Да. Всё получилось и, в целом, выглядело именно так, как Вы описывали, но оказалось, что друг мне не врал – теперь я точно в этом уверен. Спасибо! Хотя, знаете, если бы я знал, каким путём Вы достанете для меня эту ампулу, то, пожалуй, отказался бы от Вашего предложения. Вы же целенаправленно напали на трёх беззащитных и добропорядочных

людей, чтобы достать ампулу с морфием! Почему Вы мне не сказали то, как планируете её добыть?

– Андрей, никто не пострадал. Мой знакомый, работающий в больнице, мне многим обязан, и я попросил его достать ампулу. Разумеется, ведётся строгий учёт наркотических средств, и просто взять её и украсть не представлялось возможным. Вот он и подстроил формальное происшествие, в котором ампула затерялась. Никто не пострадал, а женщины там в парке и вовсе не было. Я оставил газету для того, чтобы ещё раз продемонстрировать Вам то, насколько безумная ложь выносится на всеобщее обозрение. Думал, что Вы поймёте...

– Да как это понять-то можно было?! Впрочем, ладно, главное, что никто не пострадал. Я переживал из-за этого.

– Честно мне скажите, даже если бы кто-то и пострадал, то неужели Вы не предполагали, что раздобыть в течение пары дней прекурсор героина не может быть связано с насилием?

– Но разве должны страдать невинные люди из-за действий других людей?

Михаил задумался, смотря на чай в своей чашке, и сказал: – Во время войны я и не такое повидал. Знаете, однажды нашему отряду – мне и ещё трём бойцам, служившим в Чечне, дали задание устранить боевиков, засевших в одном из зданий в горной деревушке. Мы вели перекрёстный огонь по тем, кто упорно пытался нас убить, стреляя из окон. Одному из наших парней оторвало ноги гранатой, которую кинул

противник, но после получасовой бойни нам удалось полностью устранить боевиков, сумев закинуть несколько гранат в окна. Войдя внутрь, мы обнаружили, что огонь вели два четырнадцатилетних мальчика, изувеченные трупы которых лежали среди тел детей и одной женщины. Два подростка лишь пытались защитить беззащитных детей и свою мать от напавших на них врагов – нас. Я долго не мог пережить этого, но в итоге пришёл к мысли о том, что, разумеется, не стал бы убивать детей и женщину, зная истинное положение вещей. Но я ведь не знал. Стало значительно легче, когда я осознал, что во время нападения я сражался не с детьми, а с чеченскими террористами. Я делал то, что следовало делать в рамках той ситуации, в которой оказался.

– Кошмар... Знаете, у меня была недавно схожая ситуация, но я всё-таки никак не могу перестать думать о ней.

– Что произошло? – с интересом спросил Михаил, подвинувшись ко мне.

– Не могу сказать.

– Так или иначе, уверен, что Вы поступали правильно. Разве можно винить человека за то, что он совершил из благих намерений? Думаю, что нет, – Михаил посмотрел на часы: – Боюсь, что мне уже пора ехать. До встречи! Рад, что моя помощь Вам пригодилась и вопрос решён! – собеседник встал и прошёл к выходу.

Когда я вышел из ресторана, то настроение было отменным, вопреки тому, что начинался морозящий ледяной

дождь, и вся река, текущая вдоль улицы, была покрыта рябью падающих на её поверхность капель: Михаил оказался вполне адекватным человеком, и я, наконец, узнал, кто устроил заварушку на заводе! Серый асфальт, по которому я шёл, постепенно становился мокрым, и отдельные пятна, остававшиеся после капель дождя, медленно начали срастаться в единое полотно графитового цвета. Сожалел ли я о том, что сделал? Возможно, что до разговора с Михаилом мне казалось, что это так, но если посмотреть иначе – и эта мысль у меня уже промелькнула в коттедже после того, как я зарезал Лёшу – умом я понимал, что поступил ужасно, но сердцем этого никак не чувствовал. Напротив, я вполне отчётливо вспоминал ту свою мощь и то удовлетворение от того, что расправлялся с виновными, как мне казалось, людьми, что по телу от этих мыслей распространялась приятная теплота. А та женщина рядом с шахтой... фигура стоящей передо мной на коленях женщины, ягодицы которой сотрясались в такт моим движениям, напомнили мне о Лере, которой я обещал уделить гораздо больше времени, начиная с завтрашнего дня.

Она так терпелива и так прекрасна в своей искренности, что не вижу смысла ждать до субботы – надо бы устроить сегодня романтический ужин. Как раз она говорила, что сегодня встречается с подружкой и придёт домой только вечером. Будет возможность похозяйничать на своей кухне, на которой я уже неделю ничего не готовил, так как Лера зани-

малась кулинарией с того момента, как приехала, и удастся приготовить моё коронное блюдо – равиоли с гребешком и форелью. Ох, как же она будет рада, наверно, – она заслужила. Развернувшись в сторону офиса, я ускорил шаг и позвонил Лере, чтобы убедиться в том, что вернётся она в лучшем случае к восьми вечера. А это значит, что я успею заехать в магазин и всё спокойно приготовить к её приходу.

Через полтора часа я захлопнул дверь машины и с пакетом из супермаркета, в котором нёс все необходимые ингредиенты, последовал со своего парковочного места в сторону лифта. Подойдя к квартире и засунув ключ в замочную скважину, я с удивлением обнаружил, что дверь не заперта. Чёрт возьми! Неужели она не поехала на встречу и всё обломается?

– Привет, Андрюша! – Лера подскочила ко мне, когда я вошёл внутрь, и обняла. – А мы встречу перенесли, потому что дождик начался. Решили в другой раз встретиться. Сейчас ужин готовлю, хотела сюрприз сделать! – Я встал в оцепенении от того, что мой план сломался. Ещё пару минут назад думал, что сделаю сюрприз Лере, а в итоге оказалось, что она уже делает сюрприз мне. Подумать только! Кажется, всё налаживается. Как же прекрасен этот день: проект сдан, таинственный Михаил оказался вполне нормальным человеком, Пётр вычислен, и красивая женщина хозяйничает на кухне, готовя что-то удивительно вкусное!

– Андрюш, ты молчаливый какой-то! Тяжёлый день был?

Проект приняли или нет? – кричала из кухни Лера.

– Всё хорошо, Лерочка! Я просто тоже хотел сюрприз сделать и ужин приготовить к твоему приходу. Не ожидал твоего прихода так рано! – крикнул я ей в ответ, моя руки в ванной.

– А, увидела продукты. А что за блюдо? – Лера подошла ко мне и приобняла за шею. – Давай вместе завтра приготовим!

Тёплые руки Леры, касающиеся моих волос и затылка, казались мне единственным важным чувством, которое я мог ощущать на фоне всего остального, что меня окружало. Я прислонился к её мягкой щеке и поцеловал мочку уха, запах её кожи наполнял теплотой живот. Кажется, что всё происходящее ранее было лишь сном, от которого я теперь проснулся.

– Ну так что, ты согласен?

– Ну уж нет, Лерусь! Давай лучше я всё сделаю завтра, когда ты встретишься с подругой.

– Конечно, Андрюш. А с проектом-то как в итоге? Приняли? – воодушевлённо переспросила она.

– Приняли, всё хорошо! Прости, что всю неделю занят был! Ты не думай, что я всегда на работе так устаю и работаю с утра до ночи, как в последнее время. Просто именно сейчас период был такой. Вот увидишь, со следующей недели, впрочем, уже с завтрашнего дня я буду гораздо свободнее.

– Как думаешь, может, не стоило мне приезжать, пока ты проект доделывал? Приехала бы на неделю позже.

– Ну что ты! Если бы не ты, то я бы тут точно с ума сошёл. Я очень рад, что ты здесь и ни на секунду не усомнился в том, что это было правильным решением. Ты чудо, Лерусь!

– Я тоже рада, что мы вместе, Андрюша! – Лера поцеловала меня и продолжила готовить, а я был в ожидании вечера, который проведу вместе с ней.

На следующее утро меня разбудил поцелуй Леры. За окном было ясно, и утреннее солнце освещало кромки зданий, стоящих вдоль проспекта. Восемь утра – я проспал всего шесть часов, так как мы снова проболтали с Лерой до поздней ночи. Впервые за долгое время я с радостью вскочил с кровати, не пытаясь найти причину полежать ещё хоть пару минут.

– Доброе утро, зайка! – я приобнял Леру и поцеловал. – Ну что, едем на карьер? Лучше бы выезжать пораньше – говорят, что там не протолкнуться от людей... Правда, это летом, наверное, а не в октябре. Но, тем не менее, лучше выехать сразу после завтрака, ведь потом на гейзеры поедem.

– Хорошо! Что ты хочешь на завтрак? – одевая домашнюю одежду, спросила Лера.

– Давай я сегодня сам приготовлю. Ты и так всю неделю завтраки делала. Впрочем, как и обеды с ужинами. Ты иди пока ополаскивайся, а я всё сделаю.

Утро было замечательным. Пожалуй, одним из лучших за последнее время и даже за последний год: солнце светило,

за окном редкие клёны, разделяющие основной проспект со вспомогательной полосой, прилегающей к дому, плавно скидывали жёлтые шелестящие листья при дуновении лёгкого октябрьского ветерка, а в ванной моется сногшибательная женщина. Чего ещё можно желать?

Плотно позавтракав овсянкой с персиком и бананом, мы отправились в сторону Питерских Мальдив и чуть более, чем через час, уже были на месте. Вид оказался поистине завораживающим: даже сейчас, с частично пожелтевшей травой, растущей вокруг, вода была в лучах солнца небесно-голубой, а глина, заполняющая собой всё дно озера, была неотличима от белоснежного песка, обычно лежащего на лучших пляжах мира. Обязательно нужно будет побывать здесь летом и искупаться – кажется, Лера в восторге. Гуляя вдоль озера, мы нежились под осенним солнцем, которое, несмотря на середину осени, всё ещё могло согреть кожу своими лучами, и разговаривали о том, как зимой съездим куда-нибудь в Азию, чтобы полежать там на настоящем пляже. Нагулявшись там, мы отправились ко второму пункту нашего сегодняшнего путешествия и, проехав двадцать пять километров в сторону Гатчины, оказались в районе гейзеров, которые, конечно, были не так восхитительны, как настоящие, однако представляли собой также весьма запоминающееся место, где можно было спокойно погулять по лесу под шум льющейся, как будто из водопада, воды. Замечательный день!

– Лерусь, мы к трём часам точно дома будем, думаю, что

можешь уже позвонить подруге и договориться на точное время.

– Да, пожалуй, ты прав. Сейчас позвоню. А ты чем займёшься?

– А я пока ужин приготовлю, как и планировал. Раз вчера не удалось, то хотя бы сегодня реализую свой коварный замысел с raviолями.

– О-о, интригующе! Хорошо. К какому времени мне быть дома?

– Да как погуляете, так и приезжай: в восемь, в девять – без особой разницы. Ты, главное, позвони минут за двадцать, чтобы я варить всё к твоему приходу начал и салат успел сделать.

– Обязательно позвоню! – закончила Лера и набрала номер подруги, с которой они договорились встретиться в четыре часа дня у Адмиралтейства.

– Вы же в парке хотели погулять?

– Передумали! – подмигнула Лера и улыбнулась.

Отправив после обеда Леру на встречу с подругой, я достал из холодильника продукты, замесил тесто и, пока оно настаивалось при комнатной температуре, приготовил начинку, тщательно вытащив пинцетом все кости из рыбы и нарезав всё на мелкие кусочки, впоследствии перемешав со шпинатом. Будет вкусно – это моё коронное блюдо!

Залепляя начинку в тесто, я задумался над тем, как быстро удаётся делать каждый последующий рыбный пельмень,

после столь продолжительной подготовки теста и начинки. Как из совершенно разных ингредиентов, последовательно смешанных в нужных пропорциях и нарезанных в определённую форму и в определённое время, удаётся получить заготовку того, из чего потом в кратчайшие сроки получаются хорошо оформленные, красивые и вкусные равиоли. Пожалуй, именно это и происходило со мной на протяжении последних двух с лишним недель.

Лепя последнюю равиолину, я задумался над тем, что теперь, когда за спиной у меня были все те жертвы, которые пали при моих попытках разобраться в произошедшем, оставался финальный штрих – Пётр. Он преследовал благую цель – улучшить экологию района, не позволив возобновить работу заводу, который прежде загрязнял атмосферу. Хотел, чтобы его ребёнок рос в чистом месте и дышал свежим воздухом. Благородная цель, и с этим не поспоришь. Может, просто отпустить эту ситуацию? У меня отличная жизнь, со мной красивая женщина, и я вне всяких подозрений, относительно причастности ко всему произошедшему. Не лучше ли успокоиться? Вдруг что-то пойдёт не по плану, и я потеряю всё то, что имею? Ведь всё так хорошо!

Нет, иначе я не могу. Пётр, главный инженер завода, оказался настолько глуп, что не сумел учесть все факторы, которые необходимы для возгорания генератора, и из-за его ошибки погибли два человека. Вместо того, чтобы исправить свою ошибку, он трусливо наблюдал за тем, как чужой чело-

век решает проблему за него, и даже не воспротивился тому, чтобы я пошёл внутрь смертельно опасного помещения, чтобы помочь остальным выбраться из передраги, которую он устроил. Продолжая поджимать хвост, он придушил беспомощного Виталика из-за того, что боялся, что он его выдаст. Нельзя оставлять его зло безнаказанным, ведь в таком случае Пётр продолжит творить то, что делает. Куда скатится мир, если его будут пытаться менять дураки с благими намерениями? Нет, нельзя этого допустить! Смирение и принятие происходящего вокруг – вот, что должно описывать жизнь такого глупого человека, как Пётр. Мир должны делать таким, какой он есть, умные люди. Только они способны видеть и достигать поставленных целей, приводящих к общему благу. И если бы я точно знал, что Пётр будет сидеть на новой работе от звонка до звонка, молча закручивая в каком-нибудь приборе гайки, никого не трогая, то можно было бы оставить его в покое. Но ведь если он отделался лёгким испугом, то он не успокоится. Нет-нет, придётся с ним что-то сделать, чтобы он больше не творил глупостей.

Управившись с готовкой к шести часам вечера и положив равиоли в морозилку, я решил, что сейчас идеальное время для того, чтобы начать подготовку к моей повторной поездке на Хибины для того, чтобы встретиться с горе-инженером. Время не ждёт, и чем дольше я тяну решение этого вопроса, тем хуже. Теперь мне казалось, что между мной и Петром натянута резинка, которая всё сильнее растягивалась с каж-

дой секундой, и чем дольше я ждал, тем сильнее она могла шлёпнуть меня по руке. Нужно доделать начатое и больше не думать об этом. Решить проблему и жить спокойно. Решить проблему так, чтобы она больше не возникала.

Я достал телефон Виталика в надежде на то, что у него в друзьях в приложении социальной сети есть Пётр, любая информация о котором была бы мне полезна перед встречей с ним, но прежде чем включить смартфон, я задумался над тем, что меня, возможно, удастся отследить по IP-адресу моего роутера. Надо выйти на улицу и поймать интернет где-нибудь оттуда. Выйдя из дома и отойдя от него на километр в соседний квартал, я нажал на кнопку включения, разблокировал телефон и зашёл на личную страницу Виталика, про которую совсем забыл тогда, когда забрал телефон у Арсения и пытался найти какую-либо информацию о том, что случилось. Пётр действительно был в друзьях у Виталика, и уже через пару мгновений я знал о нём практически всё необходимое: Тмилёв Пётр Николаевич, 36 лет; жена – Тмилёва Екатерина Сергеевна, возраст не указан; сын – Тмилёв Евгений Петрович, 6 лет; проживают в Апатитах. Фотографии на страницах Петра и его жены позволили во всех ракурсах разглядеть их лица, равно как и их ребёнка. Фотография на странице жены, на которой они сидят на кухне, когда их сын задувает свечи на торте по случаю своего шестого дня рождения, также о многом сказала. Пожалуй, эта информация была для меня наиболее важной. Я знал их дом и знал

подъезд, но квартира оставалась загадкой. Тем не менее вид из окна кухни на фотографии, при сравнении с доступными в интернете картами местности, явно указывал на то, что, по крайней мере, окна их кухни выходили на ту же сторону дома, что и вход в подъезд, а по внешнему виду части дерева и виду здания, находившегося за окном, они должны были жить на третьем или четвёртом этаже их пятиэтажного дома. Более того, карта местности явно указывала на то, что дерево росло рядом с краем здания, а это означало то, что квартира у них находилась слева от входа в подъезд. Оставалось не так уж и много вариантов, хотя, конечно, сложно было сказать точнее. Я выключил телефон Виталика и направился в сторону дома.

Как же его убить? Можно подкараулить у подъезда, проследить за ним на машине и прикончить на улице. Нет, могут быть свидетели, которые мне не нужны. Может, на работе? Тоже нет: там наверняка КПП и камеры наблюдения – плохой вариант. Дома? Но как я туда попаду? Замок взломать не получится в силу отсутствия опыта, да и соседи могут увидеть и услышать. Нет, нужно что-то иное... Подъезд! Если всё сделать тихо, то можно будет убить его на лестничной площадке! Но дом стандартный, а я прекрасно помню с тех пор, как мы будучи студентами снимали квартиру в одном из таких домов, когда приезжали кататься с гор, что лестничные пролёты в их домах открытые, и там нет ни малейшего закутка, за которым можно было бы притаиться. Если войти зара-

нее и ждать внутри, то точно какие-либо проходящие мимо соседи заметят. Нужно будет войти с ним или буквально за несколько минут до него. Хотя ключа от домофона у меня нет, поэтому придётся заходить с ним. Нужно будет одеться так, чтобы он меня не узнал: борода, старые вещи пожилого человека – это отличный вариант, вряд ли он меня узнает! Накладную бороду наверняка найду в магазине детских игрушек, а одежду куплю на местном рынке. Отлично!

Но как же мне расправиться с ним так, чтобы никто не услышал? Стены там очень тонкие, и слышимость слишком большая. Нужно действовать мгновенно, иначе может закричать. Пневматический гвоздезабиватель и гвоздь в затылок? Пожалуй, слишком шумно, хотя вариант хороший. Прирезать его? Неплохо, но будет столько крови, что замараю весь подъезд, да и сам измажусь: уходить придётся быстро, и меня легко будет найти по окровавленному виду. Удар по голове тяжёлым предметом? Хорошо, если с первого удара потеряет сознание, но что если нет? Закричит или ещё на меня набросится – не пойдёт. Что же придумать, чтобы было бесшумно, быстро и чисто... Ну конечно, удавка! Не очень быстро, но если наброситься на него сзади, сразу перемотав шею, то кричать он не сможет. Пара минут, и он потеряет сознание. Ещё пара минут, и он будет мёртв. Хорошая идея, которую он же сам мне и подкинул! Ох, как же символично получится! Он задушил Виталика, а я задушю его. Супер! Я чувствовал явное воодушевление от того, что разрабатывал

план убийства Петра, хоть оно и перемешивалось с волнением от того, что что-то может пойти не так.

А если он будет не один? Нет, придётся ждать момента, когда он один будет – иначе никак, невинные люди не должны страдать. Быстро задушу его и тихо скроюсь. Не думаю, что у них в подъезде такой человеческий трафик, что за это время ещё кто-то будет проходить мимо нас. Когда я подходил к своему дому, мои мысли прервал телефонный звонок: – Алло, Андрюш, я минут через тридцать-сорок буду, уже в метро заходим! – сказала Лера, когда я взял трубку.

– Хорошо, зайка! Я тогда к твоему приходу всё сделаю.

Нужно ехать на машине: билеты на самолёт и поезд покупаются по паспорту, и моё нахождение в Апатитах можно будет отследить. Банковские карты использовать нельзя – тоже отследят. Нужно будет снять наличку и карты оставить дома. И, конечно же, телефон – его тоже придётся оставить, так как не нужно большого ума, чтобы отследить его географическое положение. Возьму телефон Виталика, на всякий случай.

Лера приехала, как и обещала, к восьми вечера. Равиоли были сварены и разложены по тарелкам, стоящим на столе, на котором также уже стояли два бокала, открытая бутылка белого вина и горящие свечи. Прекрасный романтический ужин!

– Ты замечательно всё сделал, Андрюш! – с восторгом сказала Лера.

– Всё ради тебя! Ты помнишь, что сегодня за день? Ровно две недели назад мы с тобой познакомились.

– И правда. Совсем из головы вылетело. Неужели всего две недели прошло? Кажется, что это так давно было...

– И не говори, целая вечность прошла! Как будто встретились мы в другой жизни, – ответил я, задумываясь над тем, что, может, действительно то, что происходило в последнее время, было переломным моментом между моей прошлой жизнью и нынешней.

После ужина я включил медленную музыку и, взяв Леру за руку, пригласил её на танец. Танцевать я не умел, и мы просто обнимались и кружились в такт музыке, прижавшись друг к другу. Я провёл рукой ей по волосам и поцеловал, она взглянула на меня и медленно выправила мою сорочку из брюк, впоследствии начав гладить меня по коже спины. Схватив руками край её блузки, я медленно потянул её наверх и снял, обнажив её грудь, проглядывающую через чёрный лифчик, прекрасно сочетающийся с её тёмными волосами. Медленно спустился губами к её шее и почувствовал, как ускоряется её дыхание. Через мгновение она начала растёгивать мне ремень, который вскоре был откинут на кресло. Я повалил её на кровать и стянул с неё джинсы вместе с трусиками, после чего медленно начал целовать её ноги, перемещаясь от ступней к бёдрам и затем к ягодицам. Уже через пару минут мы лежали обнажённые, и я плавно входил в неё. Мы начинали заниматься любовью медленно, смакуя

каждое движение наших тел, со временем всё больше ускоряясь. С каждой последующей минутой диван всё сильнее скрипел, и, кажется, шлепки моего тела о её ягодицы были слышны всем соседям на этаже. Лера стонала в такт стремительным рывкам моих бёдер и покачиванию её груди, с которой на простынь капали капли пота. Так продолжалось до одиннадцати часов вечера, после чего, закончив, мы старались перевести дыхание. Это было незабываемо! Когда я последний раз до этого занимался сексом? Год назад? Ах, да, та женщина... но это не в счёт...

– Я люблю тебя, Андрюша! – тихо сказала Лера.

– И я люблю тебя! – ответил я, смотря в её глаза.

– Помнишь, когда мы лежали и смотрели на полярное сияние, упала звезда, и ты спросил, что я загадала?

– Конечно, помню.

– Ты был прав, я тогда загадала, чтобы ты поцеловал меня!

Я ещё раз приник к её пухлым красным губам и улыбнулся. В начале первого Лера уже спала, а я смотрел на её обнажённое тело: на волосы, раскинутые на подушке, на гладкую кожу и очертания тазовых костей, контуры которых проступали под её узкой талией. Люблю смотреть на неё, когда она спит. Казалось, что сегодняшней день был одним из лучших в моей жизни. Не только от того, что я хорошо провёл время, но и от того, что в голову не лезли дурные мысли и воспоминания, которые не давали мне покоя прежде.

ЛЕСТНИЧНАЯ ПЛОЩАДКА

– Я буквально на три-четыре дня уеду, зайка! – говорил я, стоя в дверях с сумкой, в которой были две пары трусов и носков, комплект принадлежностей для умывания, а также купленные вчера накладная седая борода и средней паршивости вещи на рынке, представляющие собой чёрные штаны, куртку из дешёвого кожзаменителя, серый шерстяной шарф и шапку-ушанку.

– Значит, в четверг уже вернёшься? – с надеждой спросила Лера. – Почему всё настолько неожиданно? Ещё вчера ты узнал о том, что в Псковском филиале возникли проблемы, а уже сегодня уезжаешь туда?

– Да, проблемы серьёзные и необходимо срочно выезжать. Тут же недалеко, съезжу на машине, всё решу и вернусь обратно. Только, когда я был там в прошлый раз, то телефон не ловил. Возможно, будут проблемы со связью. Банковские карты я тебе оставил, так что ни в чём себе не отказывай, а я себе наличку снял. Ну всё, пока – пора ехать! – я чмокнул Леру в губы и вышел из дома, надеясь на то, что она никогда не узнает о том, что никакого филиала нашей компании в Пскове нет. Сев в машину, я ещё раз проверил, всё ли я взял и выложил ли всё, что требовалось. В сумке был нужный для маскировки комплект вещей, моток толстой лески, купленный в рыболовном магазине, и нож, а в кармане лежали на

всякий случай пятьдесят тысяч наличными и телефон Виталика. Свой телефон я выключил и оставил внизу подъезда в почтовом ящике. Вроде всё, пора ехать.

До Апатит чуть более тысячи двухсот километров, причём дорога наверняка будет психологически тяжела не столько от того, что ехать далеко, но и от того, что нельзя нарушать скоростной режим, иначе камеры могут зафиксировать то, что я был на соответствующей трассе, а этого ни в коем случае нельзя допускать, иначе меня могут вычислить! Итого, ехать мне не девять часов, а часов четырнадцать, а с учётом отдыха на заправках и перекусы, то все шестнадцать – жуть, но сердце грело осознание того, что через пару дней наконец всё закончится. На часах десять утра, и это значит, что я буду у Петра перед домом в четыре часа ночи. Раз уж я не знаю, во сколько он уходит на работу, то нужно быть на месте заранее.

Передвигаясь в сторону Петрозаводска по трассе со скоростью сто девять километров в час, я пытался держать себя в руках и не давить на педаль газа – кажется, на лбу от напряжения пульсировала вена. Чёрт возьми, да я даже работы двигателя не слышу. Вот бы утопить педаль газа в пол и с рёвом обогнать всех – так нет, нельзя. Затем, когда я проехал Петрозаводск, вдруг осознал, что прежде ещё никогда не ездил так далеко на машине. Однажды сдуру ехал пять часов до Хельсинки, вместо того, чтобы устроиться в комфортабельном поезде или полететь на самолёте, и чуть не обалдел

от столь долгой езды. А сейчас ехать шестнадцать часов, да ещё и как старая бабушка. Что за жуткий кошмар! Несмотря на то, что я ехал в Апатиты для того, чтобы убить человека, единственным фактором, вызывающим у меня дискомфорт, было то, что я не могу ехать быстрее. Дорога слилась в единое плавно извивающееся серое полотно, и мозг вёл машину на таком автомате, что я больше смотрел на то, как медленно передвигается по карте стрелочка, указывающая моё местоположение в навигаторе. Миллиметр каждые десять минут, миллиметр за миллиметром... Единственным, что произвело на меня впечатление в дороге, было то, что расход топлива оказался равен всего восьми литрам на сто километров. Это меня действительно поразило: на этом трёхлитровом турбодвигателе он ни разу не был меньше пятнадцати. Такими темпами заправиться придётся по дороге лишь дважды, а не трижды, как я предполагал.

Проехав более десяти часов, я пожалел о том, что не взял с собой свою запасную одежду: в сумке была лишь та, которая была необходима для образа старика, в котором Пётр не смог бы меня узнать. Уж не знаю отчего, может, в машине было слишком жарко, но более вероятно от того, что я нервничал всю дорогу, подмышки и каждый квадратный сантиметр тела, соприкасающийся с креслом водителя, насквозь пропитались потом, который, скорее всего, к завтрашнему утру уже спреет и начнёт вонять. С другой стороны, может, это будет способствовать более естественному образу пожилого

человека из провинции? Ночью, проехав Кандалакшу, всю присыпанную снегом, я начал клевать носом, и единственным, что меня останавливало от того, чтобы не заглушить двигатель и уснуть, было то, что оставалось ехать чуть более ста километров, которые я мог преодолеть за час.

Въехав в тёмный город, засыпанный снегом, покрывающим крыши домов, землю вдоль дорог и деревья, я медленно поехал по тёмным улицам, по памяти пытаюсь найти нужное здание, в котором живёт Пётр. Откровенно говоря, найти его оказалось сложнее, чем я предполагал, так как сказывалась сильная утомлённость ездой (несмотря на то, что по пути я выпил шесть чашек кофе) и то, что когда я был здесь последний раз, снега ещё не было, и выглядело всё несколько иначе. Медленно передвигаясь по пустынным улицам, на которых мне встретилось за всё время лишь два встречных автомобиля, я, найдя нужный дом, проехал мимо него и остановился минут через пять. Припарковав машину в углу какого-то двора в трёх километрах от дома Петра, втиснувшись между двумя другими машинами, я заглушил двигатель и, не выходя из машины, переоделся – пока я здесь, нужно быть в образе.

Оглядев себя, я осознал, что одежда визуально выглядит слишком новой, и после того, как наклеил бороду, вышел на улицу, чтобы пройти к теплопроводу, рядом с которым была сырая бесснежная земля. Слегка повалившись в ней и отряхнувшись, я полностью стал похож на бедного старика.

Хотя, может, я даже слегка перестарался, так как отдалённо стал напоминать себе какого-то бомжа. Нет, определённо теперь нужно всё затереть снегом, чтобы стало почище. Путём десятиминутных махинаций с варьированием оптимального количества грязи и потёртостей на одежде, мне удалось подобрать идеальный вариант – не грязно, но явно поношено. Супер! Теперь можно и к дому Петра идти.

Отойдя в сторону дома Петра метров сто, я остановился и вернулся обратно к машине, чтобы снять Питерские номера, которые могли привлечь внимание. Когда я открыл багажник, чтобы закинуть в него номера, вспомнил, что в сумке оставил моток толстой лески, которой я собирался придушить Петра и которую я так же забыл взять. Кажется, мне уже пора отдыхать.

Морозный воздух и ходьба по ночному городу позволили мне взбодриться, и минут через тридцать я уже пришёл в себя. По пути к нужному дому я отмотал кусок лески нужной длины и перерезал её ножом. Вряд ли она пригодится мне сегодня, так как я иду туда, чтобы оценить обстановку, но лучше быть готовым ко всему.

В пять часов утра я пришёл в нужное место и начал медленно прогуливаться вокруг него, ожидая, когда Пётр, его жена или ребёнок выйдут из подъезда. Вопреки тому, что я с ног до головы укутался в тёплую зимнюю одежду, натянув чуть ли не до носа шапку-ушанку, и тому, что на улице был лишь лёгкий мороз, за два часа такой ходьбы я окоченел на-

столько, что тело пробирала дрожь. Но игра стоила свеч: даже если я простыну, то плохо мне станет лишь завтра, а может, и позже, так что я успею сделать то, зачем сюда приехал. В окнах домов начал зажигаться свет, и к половине восьмого утра он горел почти везде – город оживал. Я стоял с торца дома так, чтобы по возможности разглядеть Петра или его жену в одном из окон (на третьем и четвёртом этажах уже горел свет) и одновременно не терять из виду тех, кто выходил из подъезда.

Я уже давно не чувствовал пальцев рук и ног и к пятнадцати минутам девятого начал трястись от холода так, что это должно было быть различимо прохожим людям. Помню, что когда я был маленьким, то во дворе у нас жил алкоголик, который всё время трясся, так же, как и я сейчас. Был ли я в этот момент похож на него? Наверное, был. Через пару минут я понял, что напрасно жаловался на то, что по дороге сюда приходилось сидеть в машине – сейчас я бы многое отдал, чтобы оказаться в ней и погреться.

На третьем этаже в окне мелькнула фигура мужчины, и, кажется, это был не Пётр. Почти одновременно с этим на четвёртом этаже выключился свет, и уже через пару минут, в восемь двадцать четыре, из подъезда вышел Пётр с женой и ребёнком. Когда я их увидел, по груди пробежали мурашки. Неужели мой план сработал?! Я приехал сюда, нашёл дом, следил за подъездом и окнами, и вот он – Пётр, идёт в ста метрах от меня и смеётся над тем, что ему рассказывает его

сын, которого он держит за руку. Кажется, лишь сейчас я осознал то, что мне действительно удастся реализовать свой план. Троица прошла к тёмно-синему Фокусу, стоявшему во дворе перед подъездом, и в восемь тридцать уехала.

Ну что же, пока что всё идёт как надо: Пётр живёт на четвёртом этаже, уходит утром из дома с женой и ребёнком в диапазоне от восьми двадцати до восьми тридцати, садится в машину и уезжает. Разочаровывает лишь то, что выходят они все вместе: с утра не подобраться к нему, но посмотрим, что будет вечером. А сейчас пора возвращаться в машину, чтобы позавтракать двумя хот-догами и йогуртом, которые я купил на последней заправке, погреться и поспать. Голова уже совсем плохо соображает. Пётр работает либо по офисному графику и вернётся в шесть вечера, либо по двенадцать часов, и ожидать его стоит у дома в десятом часу. Сомневаюсь, что работает сутками, но всего можно ожидать. А что если он ещё не нашёл работу и вернётся один после того, как отвезёт жену на работу, а ребёнка в сад? В любом случае, в таком состоянии, как сейчас, я вряд ли смогу что-то ему сделать. Приду в форму и подойду к точке наблюдения рядом с подъездом к пяти вечера. Может, потеплеет немного.

Быстрым шагом дойдя до машины к четверти десятого, я прогрел салон в течение пятнадцати минут и за это время успел съесть всю припасённую еду. Небо уже было совсем светлым, и крыши домов озарялись оранжевым светом от выглянувшего солнца. Я доел свой завтрак и после того, как

заглушил двигатель, сложил задние сиденья машины, объединив их с багажником, получив довольно-таки объёмное спальное место, хотя во весь рост вытянуться там не удавалось. Хорошо, что все задние стёкла, включая дверь багажника, имеют глубокую тонировку, и меня никто не увидит. Было бы странным для прохожих, если бы в такой машине спал какой-то грязный бородатый дед.

Едва закрыв глаза, я услышал звук будильника, который поставил на четыре часа дня – будто и не спал вовсе. Если бы не абсолютная темнота в салоне, образовавшаяся от того, что за то время, пока я спал, выпал снег и запорошил все окна машины, то я бы даже усомнился в том, что вообще поспал. Пора продолжать начатую операцию. Открыв дверь машины и впустив в салон морозный воздух, а также рыхлые снежинки, которые прежде находились между крышей машины и дверью, я обнаружил, что вокруг всё было белым и переливалось в лучах солнца, что заставило меня с непривычки зажмуриться. Тонкий слой снега хрустел под подошвой ботинок, а изо рта при ходьбе шёл пар. В левом кармане куртки я перебирал пальцами метровый кусок лески, а в правом безостановочно раскрывал и закрывал хозяйственно-бытовой складной нож – одолевало лёгкое беспокойство.

Через полчаса я дошёл до дома Петра и устроился на скамье рядом с детской площадкой, находившейся между параллельно стоящими пятиэтажками, поедая купленную по пути шаверму. Кажется, действительно потеплело. Небо бы-

ло ясным, и сквозь серые блочные постройки проглядывали вдалеке Хибины. Изредка мимо проходили люди, но город всё равно казался совершенно пустынным. Ветер слегка раскачивал детские качели, висящие на двух скрипучих цепях, и прямо над головой периодически проносились стаи каркающих ворон. И как здесь люди живут? Я бы с ума сошёл жить в таком медленном и размеренном темпе. Несмотря на то, что я понимал, что скоро увижу Петра, его жену или сына, которых прекрасно знал в лицо, я не ощущал сильного волнения, предвкушая это событие. Казалось, что я просто приехал сюда погулять и посмотреть на красивый вид гор. Может, меня тешила мысль, что я, наконец, накажу виновного в том, что случилось на заводе? Кажется, что в первые в жизни я делал что-то не ради себя, а ради других. Ведь прежде, когда я убивал людей, я как будто был псом, загнанным в угол, и спасал в первую очередь себя. Но сейчас я приехал сюда, вырвавшись из своей наладившейся и абсолютно уютной жизни, в которой мне ничего не угрожало, для того, чтобы избавить человечество от Петра, который мог очередным неудавшимся саботажем навредить десяткам, а может, даже и сотням людей. Да, пожалуй, именно это придавало мне спокойствия и уверенности в том, что я поступаю правильно.

Сердце ёкнуло, и глаза невольно округлились: из-за дальнего угла дома вышел Пётр и направлялся к своему подъезду, недалеко от которого я сидел. Семнадцать тридцать три.

Почему он так рано и где жена с ребёнком? Может, пораньше с работы ушёл? Вот так поворот событий! Да это же идеальный момент! Жена при восьмичасовом рабочем дне должна вернуться лишь через час и наверняка с ребёнком, раз Пётр его не забрал из садика! Но я же сегодня только наблюдаю: может, сидеть спокойно и уже завтра всё провернуть? А вдруг завтра приедет с женой и сыном? Что если сегодня единственный удачный момент для того, чтобы выполнить задуманное? Нет! Вперёд! Надо действовать, ведь даже если что-то не получится, то главное, устранить его, а если меня кто и увидит в этих одежках и с бородой, то вряд ли узнает, когда я переоденусь.

Я встал со скамьи и почувствовал в голове жуткую пульсацию от смены давления. Сердце бешено колотилось в груди и ускорялось по мере приближения к подъезду, к которому мне следовало подойти чуть раньше Петра. Пятый этаж: квартиры тринадцать, четырнадцать, пятнадцать – гласила синяя табличка на входной двери в подъезд. По три квартиры на этаж, всё, как я помню. Всё верно, и значит подъезд будет выглядеть именно так, как я его себе представлял.

– Вам помочь? – от голоса Петра по телу пронеслась холодная дрожь и ноги налились свинцом. Вот он, в полуметре сзади от меня: стоит совершенно ничего не подозревая. Главное, не поворачиваться к нему лицом, иначе может узнать. Накладная борода – это, конечно, хорошо, но глаза и нос могут меня выдать, если я повернусь к нему.

– Да, в четырнадцатую я, но кнопки разглядеть не могу. Откроешь, сыночек? – тихо проскрипел я, всеми силами пытаюсь изобразить голос дряхлого старика. Кажется, получилось отвратительно, и в театральное училище меня бы точно не взяли. Лишь бы он не догадался, что это я.

– Конечно, проходите! – рука Петра выглянула из-за моей спины и, схватившись за входную ручку, открыла дверь, пропуская меня вперёд в сумеречный подъезд, раскрашенный в белый и зелёный цвета. В нос ударил слабый затхлый запах стухшей воды.

– Спасибо! – я проследовал внутрь медленным шагом, позволяя Петру обогнать меня и пытаюсь хотя бы на мгновение унять охватившее меня беспокойство, сковавшее движение моих ног и рук. И вот его спина прямо передо мной. Чёрт, я не учёл то, что на нём будет шарф! Твою ж мать! Ну ладно, если закинуть чуть повыше, то доберусь до шеи: она сверху оголена, так как шарф сполз. Я медленно достал из кармана леску и дёрнулся для того, чтобы закинуть петлю ему на шею, однако уже через мгновение осёкся.

– Здравствуйте, Ольга Николаевна! – бодро произнёс на весь подъезд Пётр в адрес пожилой женщины, которая возникла на лестнице, идя навстречу нам.

– Добрый вечер, Петруша! Сегодня с работы снова пораньше отпустили?

– Да, всё сделал и ушёл. Новый начальник – то, что надо! Давление подскочило так, что я ощущал биение своего

сердца даже в кончиках пальцев. Женщина прошла мимо нас, но рассмотреть её не получилось, так как я уставился в пол, спрятав своё лицо под шарф и шапку. Когда мы поднялись ко второму этажу, то внизу скрипнула дверь подъезда, и женщина вышла на улицу, что было видно из окна лестничной площадки. Надо выждать, пока он поднимется на четвёртый: чем выше, тем меньше вероятность того, что кто-то пройдёт мимо. Второй этаж: сердце сейчас выскочит из груди – мой организм готовился в резкому рывку, когда я достал леску, но явно был не настроен на то, что намеченное действие придётся отсрочить на минуту. Третий: в глазах снова витают чёрные точки и начинает ощущаться пульсация в ушах. Именно так всё начиналось за мгновение до того, как я потерял сознание на поминках Саши. Лишь бы дотянуть, лишь бы дотянуть ещё немного. Четвёртый этаж... Пора!

Сердце замерло, и абсолютная тишина поглотила моё сознание: всё происходящее далее представлялось мне как будто в замедленном темпе, и, как только Пётр остановился у своей двери, вынув ключи из кармана, я закинул петлю из лески поверх его головы: резко затянул, тут же сделал ещё один оборот леской вокруг шеи левой рукой и затем ещё один правой. Почувствовав несколько мощных ударов локтём в живот и то, как Пётр пытается развернуться ко мне лицом, я запрыгнул ему на спину, обхватив ногами за живот, и продолжил руками сдавливать леску на его шее. Ключи звякнули, упав на бетонный пол, а мы повалились назад и ска-

тились вниз по лестнице на площадку между третьим и четвёртым этажом. Пётр вновь поднялся на ноги, держа меня на спине, и изо всех сил брыкался и бил меня спиной об стены, пытаясь руками ослабить леску, но безуспешно. Какой же он сильный! Главное – удержать леску, задушить его во чтобы то ни стало. Плевать на боль, раздающуюся по моей спине и голове всякий раз, когда он бьёт меня об стены, плевать на боль в животе от ударов локтями. Если он сделал вдох перед тем, как я стянул леску, то вырубится минуты через две, а если сделал выдох – то, может, и через минуту.

Десять секунд... двадцать... тридцать. Движения Петра ужесточились, и я уже всерьёз опасался за то, что он скинет меня с себя. Сорок секунд. Где мой нож? В правом кармане куртки или левом? Пётр в любом случае уже труп, но размазывать кровь по лестничной площадке – это самый последний вариант. Пятьдесят секунд: лишь бы он не начал бить по перилам, пытаясь шумом позвать соседей. Шестьдесят. Пётр уже не пытается меня скинуть, а лишь безрезультатно пытается стянуть с шеи леску, бросив на это последние силы. Семьдесят секунд. Его движения ослабевают. Восемьдесят секунд... девяносто. Тело Петра обмякло, но я продолжал стягивать леску всё сильнее и сильнее. Казалось, что, поднажми я ещё чуть-чуть, и срезал бы ему леской голову. Сто секунд... Внизу открылась дверь подъезда, и слышались голоса...

Охватившая меня паника затуманила разум: я не могу от-

пустить сейчас Петра и убежать, потому что он может снова начать дышать, ведь сознание он потерял, но сердце ещё наверняка бьётся. Остаться здесь тоже нельзя, иначе меня обнаружат, а Петра смогут спасти. Спасут, если я не убью тех, кто меня увидит... Что же делать?

– Тебе следует быть менее импульсивным, мой дорогой друг! – я вздрогнул от голоса сверху и не поверил своим глазам: Михаил в своём строгом тёмно-сером костюме стоял на лестнице около пролёта между четвёртым и пятым этажом. – Может, следовало переждать, осмотреться, всё спланировать и расквитаться с ним завтра?

– Мать твою, да как ты это делаешь?! Давно здесь прячешься? Как ты узнал, что я буду здесь? – я говорил тихо, но казалось, что мой шёпот был слышен на весь подъезд. Голоса приближались, и Михаил бесшумно на цыпочках спустился по лестнице, подобрал ключи, упавшие перед дверью, и провернул их в замочной скважине квартиры Петра, жестом руки пригласив следовать за ним. Я резким рывком затащил тело Петра по лестнице в квартиру, дверь в которую придержал Михаил, и тихо опустил Петра на пол, после чего запер дверь изнутри. Единственным звуком в тёмной квартире было моё частое и тяжёлое дыхание, напоминающее то, которое было у меня после спринта на сто метров, который мы регулярно бегали на физкультуре в ВУЗе. Михаил тихо стоял, прижавшись к стене в узком коридоре квартиры, так и не пояснив мне причины его присутствия здесь. Шаги при-

ближались, и в глазок двери, в который я смотрел, надеясь никого не увидеть, я заметил, как жена Петра с его сыном встали перед дверью. Что за чёрт? У них здесь семичасовой рабочий день что ли?

Раздался звонок в дверь, а за спиной я услышал шорох от Петра, который, кажется, приходил в сознание. В дверном проёме послышался звук ключа, который жена Петра вставляла снаружи. В такой жопе я, кажется, ещё никогда не оказывался...

Кинувшись к едва слышно кряхтящему Петру, я нащупал в темноте концы лески и, потянув за них, потащил его в ближайшую от входа комнату. Михаил взял его за ноги и помог мне. После того как Михаил прикрыл за нами коричневую деревянную дверь с матовым жёлтым стеклом посередине, я понял, что мы оказались в спальне, большую часть которой занимала двуспальная кровать. Ключ в замке повернулся, и дверь открылась. Пётр вытянул правую руку в сторону входа в комнату, то ли пытаясь позвать жену на помощь, то ли желая схватить штанину Михаила, но не мог произнести ни слова. В комнате стояла абсолютная тишина, и, затаив дыхание, мы слушали то, что происходило в коридоре. От такого неожиданного поворота событий кружилась голова, и казалось, что ещё немного, и я потеряю сознание. Что же это за жест: я хотел придушить его тихонько в подъезде и незаметно уйти, а теперь нахожусь у него в квартире, в которой, ничего не подозревая, ходят его жена и сын!

– Странно, папа говорил, что пораньше сегодня придёт, а до сих пор нет! – услышал я женский голос. – Ну давай, беги в туалет, а то уже давно хочешь!

– Да, уже бегу, мамочка! – было слышно, как захлопнулась дверь в уборную.

Пальцы рук даже через перчатки затекли от того, что были передавлены леской, которую я продолжал сжимать на шее Петра, тело которого снова обмякло и головой лежало между моих ног, которые я расставил, сидя на полу. Солнце уже зашло за рельеф местности, подходя к горизонту, и в комнате, в которой были зашторены окна, было темно. Как же нам выйти отсюда незамеченными? Может, его жена сейчас пройдёт на кухню, и, пока их сын в туалете, мы с Михаилом быстро прошмыгнём к выходу? По звуку удаляющихся шагов и шелесту пакетов, женщина прошла на кухню, чтобы, судя по всему, положить продукты, с которыми пришла домой. Я посмотрел на Михаила, давая ему понять, что сейчас самое время для того, чтобы скрыться, но вдруг шаги снова стали приближаться к комнате, остановившись у входа в квартиру.

В кармане Петра на всю комнату неожиданно зазвонил телефон, и мой взгляд, полный решимости незаметно сбежать, мгновенно потух. – Петруша, ты что дома? – раздался голос его жены, стремительно приближающийся к двери спальни. Пульсация в висках и затылке резко усилилась, и чёрная пелена заполонила весь мой взор. Последнее, о чём я успел по-

думать, это о том, что очнусь я уже в камере полицейского участка, из которого меня отправят под суд и затем в тюрьму, дав лет пятнадцать за преднамеренное убийство. Если, конечно, жена Петра не прикончит меня, пока я буду без сознания...

Пара шлепков ладонью по щекам заставила меня открыть глаза. В помещении было темно, и единственное, что я видел перед собой, было лицо Михаила.

– Давай вставай! Пора уходить! – тихо прошептал он, помогая мне приподняться за руку.

Встав на ватные ноги, я обнаружил, что у стены при входе в спальню, в которой мы по-прежнему находились, лежала женщина в луже крови. – Что произошло? – еле слышно спросил я. Выйдя из спальни, я увидел в тёмном коридоре распластавшегося без движения маленького мальчика.

– Пора уходить, потом всё обсудим. Быстрее! – Михаил тянул меня за плечо в сторону выхода из квартиры, пока я замороженно смотрел на мёртвое тело ребёнка.

Не могу поверить, что Михаил убил жену Петра и его маленького сына! Они же ни в чём не были виноваты! За что?! Как же всё произошедшее ужасно! Пришлось убить маленького мальчика... Но, может, и хорошо скончаться в таком возрасте: когда ещё веришь в бессмертность души? Умирать с мыслью о том, что через мгновенье будешь парить духом над своим телом, а затем отправишься в рай, где тебя с любо-

вью встретят все твои бабушки и дедушки – это определённо лучше, чем понимать, как медленно из тебя уходит сознание и впереди тебя ждёт вечная тёмная пустота, как это наверняка читалось в глазах его матери перед смертью. И всё-таки это ужасно! Что же Михаил за человек? Как он мог? Да и как вообще оказался здесь?! Неужели он всё-таки психопат, которым показался мне изначально? И можно ли теперь верить его рассказу о том, что он добыл ампулу с морфием, не причинив никому вреда?

По пути из подъезда нам не попался никто, кто мог бы нас заметить. Мы уходили всё дальше от дома Петра, и Михаил продолжал вести меня за плечо.

– Хватит! – я одёрнул его руку. – Какого чёрта?! Как здесь оказался?!

– Тише! Ты можешь привлечь внимание прохожих! – прошептал Михаил.

– Ты, мать твою, больной психопат! Зачем ты убил мать с ребёнком?!

– Ну а что оставалось делать? Иначе бы они нас полиции сдали. Ты без сознания лежал, а убежать, оставив тебя там одного, да и засветив своё лицо, было бы совершенно опрометчиво. Вряд ли бы удалось далеко уйти, если бы они нас увидели. Если бы они остались живы, то сразу позвали бы на помощь и могли нас запомнить. Было бы проблематично выехать отсюда на машине с номерами другого региона, если бы нас повсюду искала полиция. Нас бы точно поймали и

отправили за решётку. Убив их, я выиграл уйму времени: их хватятся только завтра ближе к обеду, когда ни Пётр, ни его жена не появятся на работе, а их ребёнок – в детском саду. Если повезёт, то, может, их даже завтра искать не начнут. В любом случае, мы уже будем в Питере к этому времени, и нас всё произошедшее касаться никак не будет.

– Мы? О чём ты говоришь? Нет никаких мы!

– Но я же помог тебе с убийством Петра и спас тебя, пока ты был без сознания! Ты бы уже сидел в отделении, если бы не было меня и ты остался лежать у них в квартире. Благодаря мне ты на свободе!

– Но какой ценой?! У тебя в Чечне вообще крыша поехала? У нас была возможность уйти, не убив их, и скрыться. Неужели тебе вообще плевать на чужую жизнь?

– А тебе нет? Тебе что, правда жаль мать с ребёнком? Неужели ты до этого не убивал невиновных людей?

Я замолчал, пытаюсь успокоить бешено бьющееся сердце и унять дрожь в руках, после чего ответил: – Я убил пятерых невиновных людей, но всякий раз я полагал, что поступаю правильно! Мой придурочный брат, голову которого я разможил молотком, сбил меня машиной и приставил винтовку к моему лбу, перед тем как я сделал это! После этого прикончил ещё трёх человек на заводе здесь, в Хибинах, полагая, что они хотят убить меня и близких мне людей, одного из которых им всё же удалось прикончить из-за возникшего недоразумения. А на прошлой неделе я убил друга из-за

того, что полагал, что это ты за мной следишь! Если бы не ты, мать твою, больной ублюдок, то я бы не убил его! Всё это не имеет ничего общего с тем, что сделал ты! Ты убил людей, заведомо зная о том, что поступаешь несправедливо! И я не верю, что морфий ты достал благодаря своему другу! Тех троих, о которых было написано в газете, ты действительно искалечил, ведь так?!

– Ой, ну только не говори, что тебе и их тоже жаль! Они ведь живы остались...

– Ты просто больной! Слышишь! Держись от меня подальше! Ещё раз увижу, что следишь за мной – найду и убью! – я развернулся и пошёл быстрым шагом в сторону двора, где стояла машина, оставив Михаила позади себя.

– Это ты ко мне подсел тогда в ресторане, Андрей. Это был твой выбор... – последнее, что я услышал от остановившегося позади Михаила.

Через пару километров, немного придя в себя от произошедшего, я зашёл в закуток одного из попутных дворов, там переоделся в свою повседневную одежду, снял бороду и выкинул всё в мусорный бак, стоявший за углом. После чего максимально спокойным шагом проследовал в сторону своей машины, перебирая в голове образы окровавленного тела женщины и лежащего в коридоре ребёнка. Дойдя до машины и отъехав сто метров, я остановился, так как вспомнил, что забыл вставить номера. Я вышел из машины и после того, как огляделся по сторонам и убедился, что Михаил за мной

не следил, закурил, стоя на обочине.

Не должно было всё получиться так! Не должны были пострадать невинные люди. Думая о том, что я убил всех тех людей, которые не представляли для меня никакой опасности, я с прискорбием понимал, что не могу исправить то, что натворил. Мне действительно было жаль их, и чем больше я об этом думал, тем больше понимал то, насколько зябко понимание истины в моём сознании. Объективная истина, представляющая собой набор фактически произошедших событий, и субъективная истина, связывающая воедино моё понимание произошедшего, преломляющееся сквозь призму моего сознания, оказались совсем не одним и тем же – теперь я ясно это осознавал. Знай я это заранее, не стал бы предпринимать столь отчаянных попыток расквитаться с тем, кого считал виноватым. Каждый раз я думал, что был прав, и каждый раз оказывалось, что нет. Но был ли я прав сейчас? Открылось ли мне истинное положение произошедшего на заводе от той аудиозаписи, которую я услышал в мобильном телефоне Виталика? Что если я снова поторопился, и тому, что я услышал в записи, есть рациональное объяснение, обуславливающее то, что Пётр невиновен? Что если и на этот раз я оказался неправ и убил невинного человека?

Может, и вовсе невозможно понять истинную суть происходящего в мире, и любое действие, основанное на субъективном понимании происходящих событий, не имеет отношения к реально произошедшему? Если истина непости-

жима, то правильно ли вообще предпринимать хоть что-то? Может, лучше просто наблюдать за тем, что происходит вокруг и не вмешиваться? Нет – уж лучше делать и жалеть, чем не делать и жалеть. По крайней мере, я буду жить с осознанием того, что положил все силы на то, чтобы защитить себя и других людей. Сделал всё возможное для того, чтобы наказать виновных и приблизиться к миру, в котором не будет больше насилия, вместо того, чтобы просто отстраниться от произошедшего, оставляя зло безнаказанным. Теперь лишь одно не вызывает у меня ни малейшего сомнения – Михаил безумен, и ему в нашем мире не место.

Установив номера, я сел обратно в машину и поехал в Санкт-Петербург.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

К восьми утра среды, сделав по дороге всего три коротких остановки на заправках, я доехал до Питера и вернулся домой. Нужно было срочно что-то придумать: с учётом того, что Михаил теперь знал, что я могу представлять для него опасность, то устранить его необходимо было быстро. Что же придумать?

– Кто там? – Лера сонным голосом спросила с другой стороны двери, когда я позвонил в дверь.

– Это я, Лерусь!

– Андрей! Ты так быстро! Почему ничего не сообщил? Я же волновалась!

– Прости, там телефон не ловил, а когда поехал обратно, осознал, что зарядку не взял с собой. Телефон сел и не связаться было, – ответил я, когда снял обувь.

– Как же я рада! Думала, что только завтра приедешь. Удалось проблему решить?

– Да, всё сделал максимально быстро и сразу же вернулся. Как и обещал.

– Выглядишь усталым. Во сколько же ты выехал из Пскова? Не спал сегодня?

– Нет, не спал. Ты не против, если я отдохну немного? Жутко вымотался!

– Конечно, дорогой! Сейчас завтрак сделаю, ты пока иди

умойся, а потом ляжешь поспать.

Я прошёл в ванную, включил душ и, встав под льющиеся струи тёплой воды, закрыл глаза. В голове стояло бесконечное несущееся сквозь меня серое полотно асфальта, которое я наблюдал последние четырнадцать часов, а звук непрерывно падающих капель воды на поверхность ванной слился с перманентным шумом шин машины, издающимся при езде. Поверить не могу, что я дома! Что же мне теперь делать, чтобы избавиться от Михаила? Он же ведь так просто не отстанет от меня. Представляет ли он для меня опасность? То, что от такого сумасшедшего человека можно было ждать чего угодно, у меня сомнений не возникало, но вопрос был в том, собирается ли он поквитаться со мной за то, что я сказал, уже сейчас? Сколько у меня было времени? Месяц? Неделя? Пара дней? А может, и пара часов?

Выйдя из душа, я позавтракал и улёгся спать в обнимку с Лерой. Вряд ли она собиралась ложиться, но засыпать с ней было приятно. Встанет, наверное, когда поймёт, что я уснул...

Я открыл глаза от вышедшего из-за туч слепящего солнца, лучи которого пробивались сквозь окно. Телефон показывал двенадцать часов дня, и я был дома один. Ещё раз устремив взгляд к экрану телефона, я проверил дату: среда, седьмое октября – проспал я всего три с лишним часа, а не двадцать семь, чему я бы не удивился после того, как сильно утомился

за последние двое суток. Где же Лера? Знал ли Михаил о ней и о том, где мы живём? От него можно ожидать чего угодно...

– Алло, Лерусь, привет! Ты где? – с некоторым начавшим меня одолевать беспокойством спросил я, набрав её номер.

– Привет! Я сегодня по магазинам решила пройтись, а потом с подругой встречаюсь. Буду вечером, так как думала, что ты проспишь весь день. Если хочешь, то подъезжай к нам. Я вас познакомлю.

– Спасибо за приглашение, но мне сегодня нужно на работу будет заехать. Есть пара дел, с которыми нужно разобраться в связи с возникновением той проблемы, которая была в Пскове. Может, на этих выходных встретимся все вместе и познакомимся?

– Конечно! Давай.

– Ну и отлично! Во сколько тебя ждать?

– Думаю, что к восьми дома буду.

– Супер, тогда тоже примерно к этому времени приеду!

Целую! Пока!

– До встречи, Андюш!

Ладно, у Леры всё в порядке, но ситуация может измениться даже в ближайшее время. Больше не стоит её одну отпускать гулять, пока я не буду уверен в том, что это безопасно. Я встал с кровати, быстро перекусил тем, что нашёл съедобного в холодильнике, оделся, умылся и вышел к машине, которую уже видеть не мог от того, что столько много

времени в ней сидел по пути до Апатитов и обратно. Не быть мне дальнобойщиком!

Доехав до работы к половине второго, я обнаружил, что лаборатории пусты: как я и планировал, все сотрудники были на обеде в столовой, но времени у меня оставалось не более пятнадцати минут – к тринадцати сорока пяти все начнут подтягиваться обратно. После того, как я провёл бейджем по электромагнитному замку химической лаборатории и вошёл внутрь, передо мной открылись полки с реактивами, которые я второпях начал просматривать. Где же он? Я помню, что у нас была эта соль, так как полгода назад Паша согласовывал со мной план синтеза ARX-11, и она была необходима на одной из стадий его получения. Тринадцать тридцать семь – совсем мало времени остаётся. Растворители, органика, боргидрид натрия... Чёрт возьми! Я начал оглядываться по сторонам, чтобы понять, где нужный мне реагент, и взгляд упал на пластиковую тару в углу одной из полок. Вот он: нитрат таллия(I), два килограмма! Я раскрыл пачку сигарет и отсыпал прямо в неё белый порошок. Теперь дело за малым, нужно лишь купить шприц в аптеке в двух домах отсюда. Убрав всё по своим местам, я вышел из склада химической лаборатории.

– Андрей Александрович, добрый день! – поздоровался один из сотрудников, появившийся в лаборатории раньше остальных.

– Добрый день! Я сегодня ненадолго, поэтому если у Вас

есть какие-либо вопросы, то лучше обсудить их сейчас.

– У меня вопросов нет, работаем по плану. А Вы правильность учёта реактивов проверяли?

– Смотрел, соблюдаете ли вы порядок на складе, только и всего. Чтобы проверить правильность учёта, нужно целый день потратить, и этим мы займёмся, как обычно, перед новогодними праздниками. До встречи! – я вышел из лаборатории и пошёл в сторону лифта.

Аптека была в ста метрах от выхода из офиса, и когда я вышел, то пристально осмотрелся по сторонам. Проходя мимо ресторана, который был с противоположной стороны дороги, попытался разглядеть сквозь остекление Михаила, сидящего внутри, но отблески с улицы помешали это сделать. Я ускорил шаг и через минуту уже стоял в очереди за шприцом, отстояв которую, купил, в итоге, два шприца по пять кубиков каждый и бутылку питьевой воды. С некоторым облегчением от того, что уже в ближайшие пару минут я буду вооружён против Михаила, я прошёл к ресторану.

Войдя внутрь, я ко всеобщему удивлению персонала, каждый из которого знал меня в лицо и то, что я обычно заказываю бизнес-ланч, заказал порцию свиного шашлыка с аджикой. Раз уж я потенциально могу быть убит в ближайшие дни, а, может быть, даже и сегодня, то почему бы не поесть вредную, но такую вкусную еду? На улице начинал накрапывать дождь – к вечеру обещали грозу. Михаила внутри не было, но меня не покидало предчувствие того, что он может по-

явиться с минуты на минуту, поэтому я сразу прошёл в уборную, чтобы к его приходу быть во всеоружии. Войдя в туалет, я запер за собой дверь и выложил на раковину пачку сигарет и бутылку воды. Открыв пачку, я постарался прикинуть, сколько соли удалось второпях пересыпать – грамм десять, более чем достаточно. Для взрослого мужика смертельная доза около шестисот миллиграмм таллия. Значит, необходимо около одного грамма нитрата. Я достал смартфон из кармана и посмотрел в интернете объём пластиковой пробки от бутылки: оказалось, что около шести миллилитров. Супер! Я аккуратно перелил воду в пробку и засыпал туда из сигаретной пачки белый порошок. Растворимость у нитрата таллия(I) в воде практически неограниченная, что свидетельствовало о том, что в один шприц должно было поместиться несколько смертельных доз. Набрав таким образом оба шприца, по четыре миллилитра концентрированного раствора в каждый, я закрыл иглы колпачком и убрал в карман пиджака, после чего выкинул в мусорный бак, стоящий рядом с унитазом, бутылку воды, пачку сигарет и бумажные полотенца, которыми протёр раковину. Дело было сделано, и если Михаил появится, то остаётся лишь при возникновении удобного момента вколоть ему содержимое хотя бы одного шприца. Если не получится с первой попытки, то есть запасной, так что всё должно получиться. Пока он будет выяснять, что я ему вколол, чтобы найти противоядие, он уже скончается и не будет представлять для меня опасности.

Я сел за столик в углу и начал ждать. Вокруг сидели ничего не подозревающие люди всех возрастов: студенты, прогуливающие пары, сотрудники нашей компании, пожилая пара, молодая пара, держащаяся за руки, – некоторых я видел впервые, но многих уже видел здесь раньше. Удивительно то, насколько они спокойны, ведь по факту, рядом с ними сидит человек, который может убить их на месте прямо сейчас. Когда я был студентом, то ходил в тренажёрный зал с мыслью о том, что рано или поздно стану мускулистым и смогу за себя постоять в непредвиденных ситуациях. Как же это было наивно... Сашу, здоровенного мужика, убил обычный парень, вогнав ему гвоздь в лоб, а я, совершенно не отличаясь от многих физическими данными, собственноручно убил шестерых человек, последнего из которых, вчера. Люди живут в мире, в котором их могут прикончить в любой момент, но они не беспокоятся об этом, живя иллюзией благоразумия окружающих их людей. Возможно, многие полагают, что их защитит полиция, но как она их защитит, если я прямо сейчас достану шприц и вколю кому-либо его содержимое? Никак не защитит. Благоразумие – основа безопасности и спокойствия, а сумасшествие – источник опасности для любого человека. Именно поэтому я и сижу здесь: Михаил – психопат, и он должен быть устранён до тех пор, пока снова кто-нибудь не пострадал. Убить его будет легко. Так же легко, как и любого другого человека. Задушить, перерезать какую-нибудь артерию, отравить – нет ничего проще. Сложнее будет

остаться после убийства безнаказанным и живым, но какое это имеет отношение ко мне, если моя цель не в том, чтобы остаться живым, а в том, чтобы любой ценой избавить мир от очередного психопата? Если мне удастся убежать от него до того, как он убьёт меня на месте сразу после инъекции, то это будет, скорее, приятным бонусом, нежели целью как таковой. Всё будет просто...

Шашлык принесли через полчаса, и я его с большим удовольствием съел. Просидев ещё полчаса после того, как всё доел, я заказал десерт и двойную порцию эспрессо и вытащил из сумки ноутбук, попытавшись заняться не очень важной рутинной работой, чтобы скоротать время. Михаил так и не появился вплоть до шести часов вечера, поэтому я решил ехать домой, так как сегодня ожидать его уже не имело смысла. Когда я подъехал к дому, дождь уже начинал накрапывать, и я заходил в подъезд с букетом цветов, который по пути купил для Леры. Беспокойство по поводу встречи с Михаилом уступило место радостному воодушевлению о том, что я смогу приготовить что-нибудь вкусное к приходу своей женщины, которая должна была прийти не ранее, чем через полчаса. Однако, подойдя к незапертой входной двери своей квартиры, я обнаружил, что Лера уже дома... Так я тогда предположил.

– Заходите, Андрей Александрович, не стесняйтесь! – раздался мужской голос, от которого по всему телу пробежали мурашки. Михаил сидел на стуле в гостиной напротив

дивана и указал мне жестом руки на то, чтобы я проследовал к нему. Я не верил своим глазам. Что за чёрт?! Как он попал внутрь?! Боже, хорошо, что Леры дома не было!

– Присядьте, пожалуйста, на диван! – продолжил он.

Кожей груди я убедился в том, что оба шприца, наполненные многократной смертельной дозой нитрата таллия(I), лежат во внутреннем кармане пиджака, и медленно прошёл в гостиную, представляя то, как лучше подступиться к Михаилу, чтобы сделать ему инъекцию. Затем положил букет цветов на стол и сел на свой мягкий бежевый диван, как и просил Михаил. В квартире было сумрачно от того, что горела лишь настольная лампа на столе, рядом с которым сидел Михаил, а за окном небо уже совсем почернело – гроза была всё ближе, и уже были слышны отдалённые протяжённые удары грома.

– Что Вы хотите? Зачем Вы здесь? – спросил я.

– Я просто хотел попрощаться. Сегодня вечером я вынужден буду покинуть Вас, – ответил Михаил, и от его слов я почувствовал некоторое облегчение. Даже если он врал, то такие слова от него было слышать приятно. А что если он и вправду сегодня уйдёт, оставив меня в покое? Может, он и не хотел мне зла? Может, он думал, что я такой же психопат, как и он, но, поняв обратное после нашего разговора в Апатитах, решил, что нам не по пути? Ведь он, если подумать, мог убить меня ещё до того, как я сел в машину, но не сделал этого. Если он не хотел меня убивать, то убью ли, в итоге,

его я? Полагаю, что да. Нужно лишь подгадать момент...

– Ладно, но если Вы хотели встретиться, то почему не пришли в ресторан? Я был там сегодня и ждал Вас.

– Потому что у меня к Вам есть откровенный разговор, Андрей Александрович, – Михаил уходил от прямого ответа, – не при свидетелях!

Давящая на уши тишина, повисшая в комнате из-за моего молчания в надежде услышать продолжение речи Михаила, прервалась вспышкой молнии и последующим раскатом грома, от которого задрожало панорамное остекление. Михаил отогнул край пиджака, обнаживший нагрудную кобуру и наручники, висящие на поясе, и достал пистолет, положив его к себе на колено дулом в мою сторону. Удивительно, как в одно мгновение ситуация и вытекающие из неё планы на будущее могут резко измениться. Пожалуй, даже если я решу кинуться к нему со шприцом, то мне не удастся его убить, так как он выстрелит в меня. Хотя, с учётом того, что у него наручники и, кажется, удостоверение сотрудника правоохранительных органов в кармане сорочки, в этом более нет необходимости.

– Как Вы думаете, Андрей Александрович, кто я такой? – спокойно спросил Михаил.

Передо мной предстала картина того, как сейчас Михаил предъявит мне удостоверение служащего ФСБ, и в квартиру ввалится вооружённый отряд ОМОНа. А может, они уже здесь? В ванной? Чёрт побери, да я же сам вчера рассказал

ему о том, что убил пять человек, перед этим убив при нём шестого! И кто меня за язык тянул? Наверняка все мои с ним разговоры записывались, и он лишь ждал момента, когда я подтвержу все его догадки и сознаюсь в убийствах. Твою ж мать, как я мог так облажаться?! Что же теперь будет? Тюрьма? Ну, конечно, тюрьма и пожизненное заключение. Хорошо хоть смертной казни в нашей стране нет, иначе бы казнили. Хотя, может, это было бы не так уж и плохо? Главное, что Лера в безопасности. А меня, если и посадят, то я это заслужил.

– Но Вы же достали мне морфий? – недоумевал я.

– Да, я достал Вам ампулу с морфием. Сила моего положения позволяла это сделать в рамках текущего расследования.

– А заголовок газеты? Вы ещё и редакцию подкупили?

– Вы видели заголовок одного из листов газеты, отпечатанного в единственном экземпляре и с единственной целью – ввести в заблуждение Вас, чтобы втереться к Вам в доверие. Редакция здесь вообще ни при чём.

– Прямо Вам скажу, втереться в доверие у Вас получилось весьма паршиво. А как же Пётр? Разве Вы не должны были оказать ему помощь вместо того, чтобы дать умереть, наблюдая за тем, как я его душу?

– Помешать Вам убить террориста, по вине которого за последние пять лет, вероятно, была нарушена стабильная работа нескольких заводов и погибали люди? Зачем мешать

убийству одержимого экстремиста, которого мы никак не могли посадить из-за недостатка улик? Спасибо, что сделали всю грязную работу. Честно Вам признаюсь, такой человек, как Пётр, заслуживал смерти, а не тюрьмы, и Вы помогли восстановить правосудие.

– Чёрт побери, но Вы же убили его жену и ребёнка?!

– Андрей Александрович, Вы, я думаю, уже убедились в том, что Ваше видение ситуации никак не влияет на реальное положение дел. Вы трогали их пульс? Вы действительно видели своими глазами раны? Нет, не видели, потому что их не было. В мои планы не входило то, что они вернутся настолько рано, и всё, что происходило в квартире, было совершенно не запланировано. Я даже не предполагал, что Вы меня увидите, но, к счастью, я оказался на лестничной площадке на пятом этаже, а не наблюдал из соседнего здания. У меня с собой был вот этот маленький, но очень полезный аппарат. – Михаил достал из кармана небольшую коробочку с кнопкой. – Нажимаете, и мощный ультразвуковой сигнал кратковременно нарушает передачу нервных импульсов в мозг. В результате, все люди, в радиусе семи метров от источника, теряют сознание от двух до пятнадцати минут, в зависимости от расстояния, возраста, физического состояния и многих других факторов. Поняв, что Вы представляете угрозу жене и ребёнку, я вырубил всех в квартире и заставил Вас поверить в то, что они мертвы, не позволив Вам в этом убедиться, сразу поволочив Вас из квартиры.

– Но почему же Вы тогда не потеряли сознание?

– У меня под шапкой были на этот случай экранирующие пластины. Разумеется, я бы не стал нажимать на кнопку, если бы мог сам отключиться и потерять контроль над ситуацией.

– Но я же видел кровь на теле жены?!

– Всё как в старых фильмах ужасов – кетчуп. Это было единственным, что мне удалось найти у них в квартире. В темноте вполне сошло за кровь. Говорю же, пришлось импровизировать. Не беспокойтесь, уверен, что с женой и ребёнком всё в порядке!

Вновь сверкнула молния, и раздался гром. Небо было совсем чёрное, и освещения настольной лампы едва хватало для того, чтобы освещать огромную комнату.

– Но как Вы вышли на меня?!

– Инцидент с заводом – это очень серьёзное происшествие, и, разумеется, мы сразу заподозрили Петра, когда узнали, что он числился в штате. Я сразу стал вести наблюдения за всеми, кто там присутствовал во время аварии: прослушивал телефоны, читал сообщения, смотрел всю информацию с личных страниц социальных сетей. Были основания полагать, что Пётр являлся лишь одним из рядовых членов большой террористической организации, и необходимо было понять, причастен ли кто-либо из тогда присутствующих на заводе к такой организации вместе с ним. Я знал абсолютно всё о Вас из ваших разговоров и переписок по телефону, но только с того момента, как Вы появились в полицейском

участке в Кировске. Я и подумать не мог до нашего разговора по пути из подъезда, что Вы убили своего брата, и то, что это Вы убили Сергея и двух туристов. Благо, стандартный психологический приём сработал и в Вашем случае: в первые полчаса после эмоционального потрясения человек способен многое рассказать. Именно поэтому я пошёл вчера с Вами и выудил у Вас всю необходимую информацию... и даже больше, чем предполагал изначально. Я знал, где Вы живёте из сведений о Вашей прописке, а также то, куда Вы ездите на своей машине, так как сразу после того, как Вы вернулись в Санкт-Петербург после инцидента на заводе, ночью установил маячок над её картером.

– То есть в аэропорту с газетой в ресторане были Вы?

– Разумеется. Уже тогда я следил за Вами и Алексеем Владимировичем.

– Если Вы знали, где мы, и следили за нами, то почему не спасли Лёшу, когда я ошибочно зарезал его в коттедже?

– Ох, безумно жаль, конечно, но я ничего не мог поделать. Я наблюдал за вами с пирса на противоположном берегу озера, сразу после того, как установил у вас к холле прослушивающее устройство. Оно имело форму пластыря и было приклеено на одну из страниц газеты, дубликат которой я сделал после того, как первый экземпляр оставил Вам. Нужно было приклеить куда-нибудь в другое место, но времени было настолько мало, что я просто положил газету на стол посреди комнаты и выбежал из коттеджа в надежде на то, что Вы бы-

ли настолько пьяны, что не заметили бы её. Если бы я знал, чем это обернётся, то ограничился бы лишь наблюдением в бинокль.

– Что? Так Вы всё-таки были там? Это из-за Вас я убил Лёшу! Я знал, что Вы были в коттедже! Я думал, что это Вы крадётесь ко мне в спальню!

– Я же сказал, что мне жаль!

– А когда я был в лесу, Вы тоже за мной наблюдали?

– Нет, я был всё время на противоположном берегу и потерял Вас из виду, когда вы ушли в сторону главных ворот базы. Вновь я Вас заметил лишь тогда, когда Вы подходили к базе со стороны берега.

Услышанное меня поразило. Вспомнив то, как я шёл по лесу, постоянно озираясь по сторонам и чувствуя, что за мной кто-то идёт, в то время как на самом деле я был там один, в голове окончательно оформилась причина моей неудовлетворённости тем, что я ранее убил тех пятерых людей, когда защищал себя. Проблема была не в том, что *они* представляли для меня опасность, а в том, что я видел в них опасность. Источники страха, которые я самым радикальным путём пытался устранить вокруг меня, всё это время находились внутри меня. Неадекватная парадигма приводила к неадекватным действиям. Может, и в комнате с генератором не было угарного газа к тому моменту, как мы пришли? Или противогаз, надетый на меня, защищал от этого яда? Проверить это уже невозможно, но если это было так,

то получается, что я боялся войти в самую обычную комнату и задерживал дыхание там напрасно. Думаю, что факт того, что брат на меня напал, зародил во мне мысль о том, что окружающие меня люди могут представлять для меня реальную опасность, но из частного не вытекает общее. В итоге, думая, что другие люди опасны, я сам стал опасен для окружающих.

– Выходит, что всё, что Вы мне рассказывали, было ложью? Вы в армии-то хоть служили?

– Мне действительно нужно было найти к Вам подход, но это вовсе не значит, что я врал. Лучшая ложь – это правильно сказанная правда, Андрей Александрович. Я действительно служил в армии, и всё, что я Вам рассказывал про свою жизнь – это мой личный опыт.

– И что же теперь будет? – тихо спросил я.

– Я смотрел рабочие записи полицейских, касающиеся инцидента на даче Ваших родителей и того, что произошло на заводе. К счастью для Вас, Вы настолько радикально избавились от всех улик, что доказать Вашу вину будет сложно. Единственное, что у меня есть – это аудиозапись Вашего признания. Но, как Вы знаете, только записи разговора в наше время недостаточно для того, чтобы признать человека виновным. Уверен, что Вы можете себе позволить нанять безупречного адвоката, который докажет Вашу невменяемость во время записи. Тем не менее есть видео- и аудиозаписи произошедшего на базе отдыха, и я был свидетелем

произошедшего в Апатитах. Этого достаточно для...

– Но ведь это из-за Вас я убил Лёшу! А в том, что произошло с Петром, Вы виноваты не меньше меня, так как допустили его убийство своим невмешательством! Более того, Вы даже стали соучастником, открыв дверь в квартиру и оказав помощь в том, чтобы занести тело Петра внутрь!

– Дослушайте меня до конца! Вас не удивляет то, что Вас до сих пор не скрутил отряд ОМОНа? Думаете, что я со всеми так душевно разговариваю, обсуждая содеянное? Если бы ситуация была рядовая, то Вы бы уже ехали в изолятор, но ситуация исключительная, и у меня к Вам есть предложение, от которого Вы не сможете отказаться. Если согласитесь, то Вы меня больше никогда не увидите, а любые свидетельства того, что Вы убили Алексея Владимировича и Петра Николаевича, полученные в результате моей слежки за Вами, будут уничтожены. Вы сможете жить спокойной жизнью, не беспокоясь о том, что произошло за последние три недели.

– Но как же жена Петра и его сын?

– Они нас с Вами не видели, ведь я вырубил их прежде, чем они заметили нас. Всё схвачено, Андрей Александрович, не беспокойтесь: если я сказал, что Вас никогда не смогут обвинить ни в одном из совершённых Вами на данный момент убийств, значит, так оно и будет. Но Вы должны принять моё предложение.

– Почему Вы идёте мне на уступку? Чем я это заслужил? Как Вы можете выдвигать предложение человеку, который

убил шестерых людей?! Разве Вашей задачей не является арест именно таких людей?

– Вы помогли устранить террориста, которого мы не могли арестовать. Этого вполне достаточно, чтобы пойти Вам на уступку. Нужно смотреть на ситуацию шире: всё, что Вы сделали, являлось путём к нахождению и устранению опасного преступника и было вполне оправданным: убив несколько человек, Вы, возможно, спасли десятки и, может, даже сотни жизней, которые мог загубить Пётр Николаевич в будущем.

– То есть, даже если бы для того, чтобы раздобыть морфий ради нахождения улики, действительно пришлось бы покалечить трёх людей, и если бы пришлось устранить жену Петра и его ребёнка во время убийства его самого, то это было бы целесообразно для спасения десятков других жизней?

– Из двух зол выбирают меньшее, Андрей Александрович. При прочих равных условиях, сотни жизней важнее жизни нескольких человек.

– Пожалуй, что так. Но тогда почему Вы сами не устранили Петра, если знали, что он виновен и желали ему смерти?

– Я сотрудник правоохранительных органов и не могу творить беззаконие. Что будет, если ещё и мы начнём нарушать закон? У всех в жизни свои принципы и согласно моим принципам я не имел права убивать Петра даже вопреки своему желанию сделать это. Так Вы готовы выслушать моё предложение?

– Вполне. Хотя я всё же полагаю, что у Вас двойные стан-

дарты.

– Как Вы думаете, зачем Валерия Романовна поехала с Вами в Санкт-Петербург? – Михаил выбил меня из колеи своим вопросом.

– Я сам её пригласил, потому что она сказала, что опасается за то, что её найдут сообщники Сергея. А что?

– Сообщники Сергея? Неужели Вы думаете, что она не знала, кем являлся Пётр, и что это он испортил генератор, если они давно общались и даже жили рядом?

– Но...

– Миссия по саботажу завода провалилась, но он всё равно сгорел после того, как Вы с Александром Сергеевичем остались там. Это выглядело крайне подозрительно, и, судя по всему, Пётр попросил её следить за Вами, чтобы понять Ваши цели и мотивы. Вам не показалось странным, что она постоянно с кем-то встречалась всякий раз, когда Вы были заняты? И почему она каждый раз уточняла у Вас, когда Вы будете дома? – Михаил замолчал, видя замешательство в моих глазах. – Напрямую с Петром она такие вопросы обсуждать не могла, ведь знала, что разговор может быть прослушан, поэтому сливала о Вас всю информацию через посредника, с которым встречалась. Откуда она узнала информацию о том, что двумя убитыми была пара из Мончегорска? Подруга сказала? Это была засекреченная информация. Единственная цель, по которой она приехала сюда, Андрей Александрович, – это слежка за Вами, и ей прекрасно это

удаётся делать.

Я сидел, вытаращив на него глаза, и молчал.

– Слежка – дело благородное, но боюсь, что Вы сами выкопали себе могилу. Помните, она нашла телефон Виталия и просила Вас его ей отдать? Думаете, что она не знала, что это его телефон? Она просила его у Вас для того, чтобы узнать, что на нём хранится, так как боялась, что их с Петром могут вычислить. Вы не отдали ей телефон, на котором могла содержаться – и реально содержалась – информация, компрометирующая её и Петра, и уже через пару дней Пётр стал недоступен. Она звонила Петру, пока Вы были в отключке, Андрей Александрович, я сам держал в руках звонящий телефон, на котором высвечивался входящий вызов от неё. Она знает, что он мёртв, и знает, что Вы убили его, после того как взломали телефон Виталика.

– Так что же Вы предлагаете? – тихо спросил я, находясь в абсолютной прострации.

Михаил замолчал и положил пистолет, всё это время направленный на меня, на стол: – Вы в опасности, Андрей Александрович! Валерия Романовна причастна к террористической деятельности и убьёт Вас, если Вы не сделаете это первым. Всё это время она обманывала Вас, и теперь ей поручено избавиться от Вас ради сохранения конспирации их террористической организации... Она должна быть устранена. Вы должны убить её, и это является моим предложением.

Я сидел и обдумывал всё то, что услышал от Михаила. И

как я мог так ошибаться?! «Любовь ослепляет» – вспыхнула в голове фраза, которую с улыбкой сказала Лера тогда, когда мы шли с ней по горам к лагерю в день встречи. Неужели она действительно всё это время меня обманывала? Какой же я дурак... Неужели кругом ложь? Неужели мне действительно суждено быть одному, и нет человека, который искренне хотел бы быть со мной? Неужели моё видение происходящего настолько отличается от остальных точек зрения, что я представляю собой инородное тело для всего остального общества? Кажется, что только бывшая жена могла меня понять, но и та ушла, осознав, с кем живёт.

За дверью послышался звук открывающихся дверей лифта и стук туфель по лестничной площадке. Это была Лера – её шаги я уже хорошо узнавал. Я повернулся к собеседнику и протянул ему руку: – Я согласен, но Вам пора срочно уходить! Лера зайдёт с секунды на секунду и не должна Вас увидеть.

– На этот счёт не беспокойтесь, Андрей Александрович! – Михаил пожал мне руку и, засунув дуло чёрного пистолета себе в рот, в процессе брякнув им себе по белоснежным зубам, нажал на курок.

Прогремел выстрел, заставивший меня от неожиданности подскочить на месте, и светлые обои комнаты, потолок и окно мгновенно окропились бордовыми каплями крови, осколками черепной коробки и розово-серыми желеобразными кусочками головного мозга, которые медленно начали

сползать вниз, оставляя за собой тоненькие кровавые следы, из-за которых казалось, будто на стене изображены тысячи красных воздушных шариков, перевязанных лентами и поднимающихся высоко в небо, подобные тем, что мы запускали на выпускном в ВУЗе вместе с женой. Через пару секунд практически обезглавленное тело Михаила медленно сползло с кресла и завалилось на пол, расплёскивая на пол струи тёплой бордовой крови.

Я стоял с открытым ртом в поглотившем моё тело и сознание шоке. Ещё недавно, когда я зашёл домой, то думал, что мне придётся убить Михаила ради того, чтобы защитить Леру, а теперь я стоял один в напрочь окровавленной квартире, посреди которой лежал его труп с отстреленной половиной башки, и с секунды на секунду должна была зайти Лера, готовящаяся меня убить... Что за чертовщина?!

Будучи неспособным отвести взгляд от кровавого месива, занимающего половину квартиры, я краем уха услышал, как входная дверь открылась, и вошла Лера, шаги которой, так же как и гром с дождём на улице, звучали как будто через толстый слой воды.

– О господи, Андрей! Что это? – вскрикнула Лера и переступила через труп Михаила, оставляя за собой кровавые следы от того, что прошла босыми ногами по растёкшейся на полу луже крови. Она взяла со стола окровавленный букет и продолжила: – Какие красивые цветы! Спасибо!

Я откупорил колпачок на игле шприца, лежащего у меня

в пиджаке.

ЭПИЛОГ

Я сидел на полу в тёмной комнате, туго сжимая леску на шее Петра, лежащего передо мной. Светлые обои с изображёнными на них узорчатыми цветами прекрасно сочетались с тёмно-красными шторами, сквозь которые едва просвечивал сумеречный вечерний пейзаж. Шаги стремительно приближались к приоткрытой двери, которая отбрасывала в комнату узкую жёлтую полосу света, исходящего от лампы в коридоре.

– Ты здесь? – спросила вошедшая женщина, держа в руке телефон, через мгновение округлив глаза, то ли от того, что увидела лежащего без сознания на полу мужа, то ли от того, что я ринулся навстречу ей.

Закричать она так и не смогла, потому что через долю секунды я уже вонзил ей в горло нож. Прижав её к стене и заткнув рукой рот, я медленно вытянул нож из её трахеи, пока она пыталась понять, кто я, захлёбываясь своей кровью. Затем трижды ударил её лезвием в сердце, и её кровь медленно начала сочиться через оставленные раны. Тело женщины плавно сползло вниз по стене, на которую она облокотилась спиной, после чего она села на пол. Через несколько мгновений взгляд женщины, теперь уже обращённый к телу её мужа, потух, руки, прикрывающие кровоточащую в шее рану, опустились, и она завалилась на пол. Развернувшись на

сто восемьдесят градусов, я с размаху вонзил нож в сердце лежащего на полу Петра, чтобы исключить вероятность того, что он вновь очнётся. Издался приглушённый стук – воткнувшийся в грудь нож проскрёб лезвием по ребру.

– Кстати, мамочка, я вчера перед сном такую интересную историю прочитал в той книжке, что мне папуля подарил! – раздался детский голос из-за двери в туалет. – Про Минотавра! Это монстр с головой быка и телом человека, который жил в лабиринте и убивал любого, кто попадал к нему: мужчин, женщин и детей! Представляешь, как интересно!

Выйдя из спальни, я выключил в коридоре свет и медленно двинулся по узкому проходу к туалету. Чёрная перчатка обхватила золотистую рукоять двери и нажала на неё. – Мамочка? – голубоглазый шестилетний мальчик, сидящий на унитазе со спущенными штанами в красном свитере, округлил глаза, увидев в дверном проёме незнакомого ему мужчину. Через мгновение я схватил ребёнка за горло и поднял, прижав к стене. Его руки и ноги беспорядочно болтались в воздухе, а лицо надулось и покраснело: жирные пульсирующие вены вздулись на щеках, висках и лбу. Он смотрел на меня, не понимая, что происходит, но явно осознавая то, что я представлял для него опасность. Кажется, он думал, что сейчас придёт мама и поможет ему, но она так и не пришла...

Впоследствии, смотря на три мёртвых тела, ещё с утра весело и непринуждённо болтающих на улице по пути в машину, казалось полной ерундой то, как я несколькими ударами

бейсбольной битой расправился с женщиной и двумя врачами посреди парка чуть более недели назад, ради того, чтобы раздобыть необходимую мне ампулу с морфием. Ведь в отличие от того, что произошло сейчас, те трое, возможно, останутся в живых, так как мне помешал их добить вызвавший помощь водитель амбулатории.

Прекрасно помню то, как я, будучи ребёнком, оставаясь один в квартире, везде включал свет, так как боялся, что в темноте могут жить монстры. Мать с отчимом часто ругались на меня за то, что я не экономлю электроэнергию, когда приходили домой и наблюдали в квартире полную иллюминацию. Когда я вырос, то эти страхи исчезли, так как я пришёл к логичной мысли о том, что все эти монстры были плодом моего воображения и существовали лишь у меня в голове. Но теперь, стоя посреди тёмной квартиры, я понимал, что до тех пор, пока монстры живут в голове человека, и даже не важно, осознаёт он это или нет, они более, чем реальны. Мысли предшествуют действию. Чудовищные парадигмы рожают чудовищные поступки. Величие достигается одержимостью идеей, и лишь страх может препятствовать достижению цели. Но разве можно напугать того, кому нечего и некого терять? Может ли остановиться человек, у которого нет ничего и никого, кроме его идеи? Полагаю, что нет. Уж точно не я! И раз так, то та сука, которая живёт у меня уже десять дней, появилась в моей жизни весьма некстати...